

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

9

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume nine

**SPASE FAMILY
STONE**

**ROCKET SHIP
GALILEO**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга девятая

КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТОУН КОРАБЛЬ „ГАЛИЛЕЙ“

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

Space Family Stone

Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein

Rocket Ship Galileo

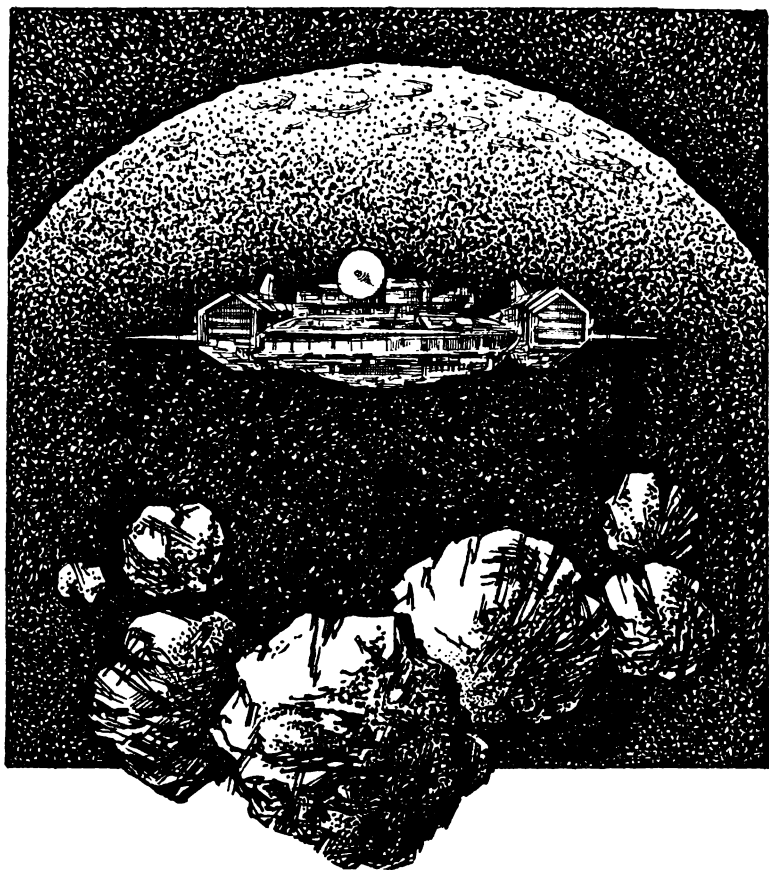
Copyright © 1947 by Robert A. Heinlein

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-058-1

КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТОУН

Глава 1

ЛУННЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Братья смотрели на старый корабль.

— Утиль, — решил Кастор.

— Нет, — возразил Поллукс. — Старье — возможно. Барахло — как ни посмотри. Рухлядь — допустим. Но не утиль.

— Ты оптимист, юнец.

Им обоим было по пятнадцать, но Кастор был на двадцать минут старше брата.

— Я всегда верю в лучшее, дедуля. Неплохо бы тебе последовать моему примеру. Позволь заметить, ни на что лучшее у нас все равно денег не хватит. Слабо на таком взлететь?

Кастор задрал голову.

— Чего слабо-то — он не поднимется даже настолько, чтобы упасть. Мы собрались на астероиды, так? А эта древняя таратайка и до Земли-то не долетит.

— Долетит, если я доведу ее до ума — с твоей косорукой помощью. Давай посмотрим, чего там недостает.

— Поздно уже.

Кастор взглянул на небо. Он смотрел не на Солнце, от которого на лунную равнину падали длинные тени, а

на Землю: время он определял по линии восхода, которая сейчас пересекала Тихий океан.

— Слушай, дедуля, мы корабль покупаем или пытаемся не опоздать к ужину?

— Как хочешь, юнец, — пожал плечами Кастор.

Он опустил свою антенну и начал карабкаться вверх по веревочной лестнице, приспособленной для удобства возможных покупателей. При подъеме он пользовался одними руками и двигался, несмотря на громоздкий скафандр, легко и изящно. Поллукс полез следом.

Добравшись до контрольной рубки, Кастор немного приободрился — она была ободрана не так основательно, как рубки многих кораблей на стоянке. Правда, баллистический компьютер отсутствовал, но все остальные навигационные приборы были на месте, а пульт машинного отделения как будто совсем не пострадал. Потрепанный космосом корабль не был развалиной — он просто устарел. Беглый осмотр машинного отделения подтвердил это.

Через десять минут Кастор, все еще беспокоясь об ужине, погнал брата обратно к лестнице. Спустившись вниз, Поллукс спросил:

— Ну как?

— Говорить буду я.

Контора стоянки помещалась в надувном доме, до которого нужно было идти около мили. Братья двинулись к нему легким, скорым шагом заправских лунных жителей. Над входом в контору висела громадная вывеска:

КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ ДЭНА

Суда всех типов

Металлический лом * Запчасти

Заправка горючим * Обслуживание

Лицензия КАЭ № 739024

Близнецы прошли через входной шлюз и сняли друг с друга шлемы. В приемной за перегородкой сидела девушка, полировала ногти и смотрела новости по телевизору. Не отрываясь от экрана, она сказала:

— Мы ничего не покупаем, мальчики, — и никого не принимаем на работу.

— А корабли вы продаете? — спросил Кастор.

— Случается, но не часто, — взглянула на него девушка.

— Тогда скажите своему боссу, что мы хотим его видеть.

— А в чем дело, мальчики? — Она подняла брови. — Мистер Экизян — человек занятой.

— Пойдем к венгру, Кас, — сказал Поллукс. — Здесь дела не делаются.

— Пожалуй, ты прав.

Девушка посмотрела на них, пожала плечами и щелкнула рычажком на столе.

— Мистер Экизян, тут пришли двое бойскаутов и говорят, что хотят купить корабль. Будете с ними заниматься?

— Почему же нет? — ответил глубокий баритон. — У нас есть что предложить.

Вскоре к ним вышел лысый представительный мужчина с сигарой в зубах и в мятом костюме. Он положил руки на перегородку и пристально посмотрел на братьев. Голос, однако, был приветливый:

— Вы хотели меня видеть?

— Вы хозяин? — спросил Кастор.

— Дэн Экизян собственной персоной. Что вас интересует, мальчики? Время — деньги.

— Ваш секретарь уже сказала вам, — нелюбезно ответил Кастор. — Космические корабли.

Дэн вынул сигару изо рта и стал ее рассматривать.

— В самом деле? А еще что?

Поллукс буркнул что-то. Кастор сказал:

— Вы всегда ведете деловые переговоры здесь? — и посмотрел на девушку.

Экизян перехватил его взгляд.

— Виноват. Пойдемте в кабинет. — Он открыл братьям дверку в перегородке, провел к себе, усадил и предложил сигары. Близнецы вежливо отказались. — Ну, говорите, ребята. Шутки в сторону.

— Космические корабли, — повторил Кастор.

Дэн поджал губы.

— Может быть, межпланетный лайнер? У меня в данный момент его нет, но всегда могу достать.

— Он над нами смеется, Кас. — Поллукс встал. — Пошли к венгру.

— Минутку, Пол. Мистер Экизян, у вас там на южной стороне стоит развалюха класса VII — «детройтер» девяносто третьего года. Почему он у вас на вес и сколько весит?

— Это славное суденышко? — удивился торговец. — Я его на лом не продаю. Да хоть бы и на лом, вам это дорого встанет. Если вам нужен металл, так у меня он есть — скажите только, сколько вам надо и какого сорта.

— Мы говорим о «детройтере».

— Мы с вами как будто раньше не встречались?

— Извините, сэр. Я Кастор Стоун, а это мой брат Поллукс.

— Рад познакомиться, мистер Стоун. Стоун... Стоун? Имеете отношение к... А-а, «лунные близнецы», вот вы кто.

— Здесь полагается улыбнуться, — сказал Поллукс.

— Заткнись, Пол. Да, мы близнецы Стоун.

— Морозоустойчивый дыхательный клапан — ваше изобретение, верно?

— Да.

— На моем скафандре такой стоит. Ничего штучка. Вы, ребята, настоящие механики. — Он еще раз оглядел их. — Вы это серьезно насчет корабля?

— Конечно, серьезно.

— Хм... вам ведь не лом нужен; вам нужно то, на чем можно лететь. Есть у меня для вас ракетоплан, «прыгун» «Дженерал моторс». Его брали двое старателей разведывать торий, потом пришлось забрать его назад. В трюме — никакой радиации.

— Он нас не интересуется.

— Да вы только посмотрите! Автоматическая посадка, три скачка — и вы огибаете экватор. Как раз для таких шустрых, активных ребят, как вы.

— Вернемся к «детройтеру» — почему вы его продаете на вес?

— Он предназначен для полетов в глубоком космосе, — обиделся Экизян, — и вам ни к чему. Да и не

могу я продавать его на вес — он в полном порядке. Это была частная яхта — ни разу не испытывала перегрузок более шести g, ни одной вынужденной посадки. Сотни миллионов миль еще может налетать. Я бы не продал этот корабль на вес, даже если бы вы уплатили заводскую стоимость. Это был бы просто срам. Я люблю корабли. А взять этот «прыгун»...

— «Детройтер» нельзя продавать иначе как на вес, — ответил Кастор. — Насколько я знаю, он торчит здесь не меньше двух лет. Если вы надеетесь продать его как корабль, не надо было снимать компьютер. Корпус выщерблен, трубы не в порядке — ремонт встанет дороже, чем все судно. Так почему он на вес?

Дэн качался на стуле со страдальческим лицом.

— Такой корабль — на лом? Заправить его топливом — и лети куда хочешь, хоть на Венеру, хоть на Марс, хоть на спутники Юпитера.

— Сколько возьмете наличными?

— Наличными?

— Наличными.

Экизян помялся и назвал цену. Кастор встал.

— Ты был прав, Поллукс. Пойдем к венгру.

Торговец опечалился.

— Да захоти я взять его себе, и то не мог бы снизить цену — это было бы нечестно по отношению к компаньонам.

— Пошли, Пол.

— Слушайте, ребята, я не могу отпустить вас к венгру. Он вас надует.

— Может, он хотя бы сделает это вежливо? — свирепо рявкнул Поллукс.

— Да заткнись ты, Пол! Извините, мистер Экизян, у брата, бывает, вырвется такое... Но мы с вами не договоримся.

— Минутку. Вы придумали хороший клапан, сам им пользуюсь и вроде как в долгу у вас. — И Экизян назвал другую цифру, поменьше.

— Очень жаль, но нам это не по карману, — сказал Кастор и последовал за братом к выходу.

— Погодите! — Экизян назвал третью цифру. — Наличными, — добавил он.

— Разумеется. Налог с продажи вы оплатите?

— Ну... при оплате наличными — да.

— Хорошо.

— Садитесь, джентльмены. Сейчас позову мою девочку, и мы оформим бумаги.

— Спешить некуда, — ответил Кастор. — Нам надо еще посмотреть, что есть на складе у венгра и на государственном складе тоже.

— Как так? Эта цена действительно только при условии немедленного заключения сделки. У меня нет времени торговаться дважды.

— У нас тоже нет. Увидимся завтра. Если корабль не будет продан, сможем продолжить с того, на чем остановились.

— Если хотите, чтобы я держал эту цену, вам нужно уплатить мне опционную премию.

— Нет-нет, я совсем не хочу, чтобы вы из-за нас откладывали продажу. Если вам представится возможность продать корабль завтра, мы не будем становиться вам поперек дороги. Пошли, Пол.

Экизян пожал плечами.

— Приятно было познакомиться, ребята.

— Спасибо, сэр.

В шлюзе, дожидаясь выхода, Поллукс сказал:

— Надо было уплатить ему опцион.

— Ты туто соображаешь, юнец.

Выйдя из конторы Дэна, братья направились в космопорт, чтобы оттуда уехать подземным поездом в город — пятьдесят миль к западу от порта. Им оставалось еще полчаса, чтобы поспеть домой к ужину. Само по себе опоздание было не так уж важно, но Кастор не хотел открывать семейную дискуссию оправданиями по поводу этой второстепенной провинности и поэтому все время подгонял Поллукса.

Их путь лежал по территории компании «Дженерал синтетикс». На целые мили кругом тянулись гигантские установки крекинга, гелиозкраны, конденсаторы, фракционные колонны — все, что помогало использовать палящую жару, резкий холод и неисчерпаемый вакуум в промышленных целях. Это были дантовы джунгли ни на что не похожих строений, но братья не обращали внимания на окружающее — они к нему привыкли. Близнецы неслись по заводской дороге летящими прыж-

ками, которые допускает низкое притяжение Луны, делая по двадцать миль в час. На полдороге к порту их нагнал заводской трактор. Поллукс помахал ему.

Увидев его поднятую руку, водитель отозвался из кабины по радио:

— Вам чего?

— Вы не челнок с Земли едете встречать?

— Как ни горька моя судьба — да.

— Это Джефферсон, — сказал Поллукс. — Эй, Джефф — мы Кас и Пол. Подбросьте нас до станции подземки, а?

— Лезьте в кузов. «Осторожно, вулкан — восхождение только проверенной трассой». Вы, рыжие авантюристы, что привело вас на эти задворки цивилизации?

Кастор нерешительно посмотрел на Поллукса. Они уже довольно давно знали Джефферсона Джеймса — играли против него в шары на городском чемпионате. Он был давнишний, но не коренной лунный житель — прилетел на Луну еще до их рождения собирать материал для романа. Роман так и остался недописанным.

Поллукс кивнул, и Кастор сказал:

— Джефф, вы умеете хранить тайну?

— Конечно — но позвольте заметить, что радиосвязь не обеспечивает конфиденциальности. Посоветуйтесь со своим адвокатом, прежде чем сознаться в преступном деянии либо намерении.

Кастор посмотрел вокруг: никого, кроме двух грузовых тракторов вдалеке.

— Мы собираемся заняться бизнесом.

— А когда вы им не занимались?

— Это новое направление — межпланетная торговля. Хотим купить корабль и сами на нем летать.

Водитель присвистнул.

— Напомните, чтобы я продал свои акции «Экспорта Четырех Планет». И когда же состоится ваш блиц?

— Мы пока присматриваем корабль. У вас ничего нет на примете?

— Дам задание своим шпионам. — Джефф замолчал — вблизи космопорта движение стало более оживленным. Потом сказал: — Вам выходить. — Пока мальчики выбирались из кузова, Джефф добавил: —

Если будут нужны люди в экипаж, не забудьте про меня.

— Ладно, Джефф. Спасибо, что подвезли.

Несмотря на попутку, они опоздали. Взвод Космофлота, ехавший в город на дежурство, заполнил первый вагон подземки. Когда подали второй, прибыл корабль с Земли, и его пассажиры прошли вперед. Потом пошла смена с заводов синтеза. Время ужина давно миновало, когда братья добрались до своей квартиры в полумиле от окраины Луна-Сити.

— Ага, звездолетчики явились, — встретил их мистер Стоун. Он сидел с маленьким магнитофоном на коленях, к шее был прикреплен микрофон.

— Па, это было неизбежно, — начал Кастор. — Мы...

— Это всегда неизбежно, — прервал его отец. — Детали значения не имеют. Ваш обед в грелке. Я хотел отослать его обратно, но мама сжалась и не позволила.

Доктор Стоун отозвалась с другого конца гостиной, где работала над прической дочери Мид:

— Вношу поправку. Сжался как раз отец, а я бы заставила вас поголодать. Мид, не верти головой.

— Шах, — объявил четырехлетний брат с пола, где играл с бабушкой в шахматы, и подбежал к близнецам. — Эй, Кас, Пол, вы где были? В порту? Почему меня не взяли? Вы мне что-нибудь принесли?

Кастор схватил его за ноги и перевернул вниз головой.

— Да. Нет. Возможно. С чего бы? Лови, Пол. — Он бросил ребенка Полу, тот поймал его за ноги.

— Это тебе шах, — заявила бабушка, — и мат в три хода. Не позволяй светским удовольствиям отрывать тебя от игры, Лоуэлл.

Вися вверх ногами, юный шахматист взглянул на доску.

— Неверно, Хейзел. Я тебе отдам свою королеву, а потом — бзз!

Бабушка снова посмотрела на доску.

— Да ну? Погоди-ка — а если я не возьму твою королеву? Тогда... ах ты, маленький негодник! Снова он меня поймал.

— Ты бы не давала ему так часто выигрывать, Хейзел, — сказала Мид. — Ему это совсем не на пользу.

— Мид, в десятый раз говорю — не верти головой!

— Прости, мама. Давай передохнем.

— Ты что же думаешь, — фыркнула бабушка, — я ему нарочно поддаюсь? Играй с ним сама, я с этим кончаю раз и навсегда.

— Держи его, — сказал Поллукс, перебрасывая брата Кастору. — Я хочу есть.

Младший завизжал.

— Тихо! — заорал мистер Стоун. — Вот так, — удовлетворенно сказал он, снимая микрофон. — Как можно зарабатывать на жизнь в таком гвалте? Мне надо закончить эту серию и завтра отправить в Нью-Йорк, где ее должны отснять, разложить по коробочкам, разослать и показать по всем каналам к концу недели. Нет никакой возможности...

— Тогда не делай этого, — безмятежно ответила доктор Стоун. — Или работай в своей комнате — она звуконепроницаемая.

— Дорогая, я тысячу раз объяснял, что не могу работать в одиночестве. Мне не хватает раздражителей. Я засыпаю.

— Как там у тебя, папа? — спросил Кастор. — Круто?

— Ну, если тебе интересно, то злодеи взяли верх и я не вижу выхода для наших героев.

— Пока мы с Полом ходили, я кое-что придумал. Тому парнишке, которого ты ввел в фильм, надо пробраться в рубку, пока все спят. Они этого от него не ожидают, правда? Он слишком маленький, поэтому его не заковали. А в рубке он... — Кастор замолчал с обескураженным видом. — Нет, не пойдет: он слишком мал, чтобы управлять кораблем. Не сумеет.

— Ну почему же? — возразил отец. — Нужно только дать ему шанс, чтобы он... — Лицо его приняло отсутствующее выражение. — Нет, — заявил он наконец.

— Не годится?

— А? Банально, конечно, но, по-моему, можно использовать. Стивенсон применил нечто подобное в «Острове сокровищ», а до него, надо полагать, это сделал Гомер. Ну-ка, посмотрим — а если... — и он снова впал в транс.

Поллукс включил подогреватель. Кастор опустил младшего брата на пол, взял пакет с обедом и открыл его.

— Опять мясной пирог, — недовольно протянул он, понюхав содержимое. — Да еще и синтетический.

— Повтори, да погромче, — поддержала его сестра. — Уж сколько времени уговариваю маму перейти на обслуживание в другой ресторан.

— Не разговаривай, Мид, — ответила доктор Стоун. — Я делаю тебе рот.

— Ишь, разбаловалась молодежь, — фыркнула бабушка Хейзел. — Было время на Луне, когда мы по три месяца жили на одних соевых бобах да на молотом кофе.

— Хейзел, — заметила Мид, — когда ты рассказывала об этом в прошлый раз, вы голодали два месяца, а вместо кофе был чай.

— Кто из нас лжет, молодая леди? Я или ты? — Хейзел встала и спросила близнецов: — Что это вы делали на складе Дэна Экизяна?

Братья переглянулись. Кастор осторожно спросил:

— А кто тебе сказал, что мы там были?

— Не пробуйте провести свою бабушку. Если бы вы прожили...

Все семейство подхватило хором:

— ...на Луне столько, сколько я!

— Иногда я не могу понять, зачем я выходила замуж, — заметила Хейзел.

— Не ищи ответа, — сказал ей сын и обратился к близнецам: — Так что же вы там делали?

Кастор вопросительно взглянул на Поллукса и ответил:

— Видишь ли, папа, дело в том....

— Ваши лучшие всплески фантазии всегда так начинались, — кивнул отец. — Слушайте все внимательно.

— Насчет тех денег, которые ты для нас хранишь...

— И что же?

— Три процента — не так уж много.

Мистер Стоун энергично потряс головой.

— Не стану я вкладывать ваши отчисления ни в какое авантюрное предприятие. Может, я и не родился

финансовым гением, но, когда я вручу вам эти деньги, они будут в целости.

— Вот видишь. Тебе от них одно беспокойство. Ты мог бы передать их нам прямо сейчас — и конец всем заботам.

— Нет. Вы еще не доросли.

— Доросли же мы до того, чтобы заработать их.

— Готов, Роджер, — хмыкнула бабушка. — Поди сюда, я попробую остановить кровь.

— Не прерывай Роджера, когда он беседует с близнецами, мама, — миролюбиво сказала доктор Стоун. — Мид, повернись чуть-чуть влево.

— Тут ты попал в точку, Кас, — ответил мистер Стоун. — Но чтобы распоряжаться ими, вы все-таки не доросли. К чему ты, собственно, ведешь?

Кастор подал брату знак глазами, и Поллукс включился в беседу:

— Папа, у нас есть хороший шанс пустить эти деньги в дело. Ни в какое авантюрное предприятие их вкладывать не надо, вообще о капиталовложении речь не идет. Мы все до цента поместим туда, где деньги будут у нас на глазах, и в любое время дня сможем их вернуть. А заработать можно будет гораздо больше.

— Мм... это каким же образом?

— Мы купим корабль и отправим его в рейс.

Отец открыл рот. Кастор быстро вставил:

— Мы можем дешево купить «детройтер-VII» и сами его отремонтируем — на ремонт ни цента не потратим.

— Ты же сам говорил, папа, — снова взял слово Поллукс, — что мы оба — прирожденные механики, что у нас руки правильно вставлены.

— Мы будем с ним нянчиться, как с ребенком, ведь он будет наш собственный, — продолжил Кастор.

Поллукс:

— У нас обоих есть свидетельства на управление кораблем. Экипаж нам не понадобится.

Кастор:

— Никаких накладных расходов, вот в чем вся прелесть.

Поллукс:

— Мы полетим с товаром на астероиды, а вернемся с грузом руды. Прибыль гарантируется.

Кастор:

— Четыреста процентов, а то и пятьсот.

Поллукс:

— Шестьсот, скорее всего.

Кастор:

— А тебе никаких хлопот.

Поллукс:

— И мы перестанем сидеть на твоей шее.

Кастор:

— И опаздывать к обеду.

Поллукс открыл было рот, но отец снова заорал:

— Тихо! Эдит, — обратился он к жене, — тащи бочку. Время пришло.

Мистер Стоун часто рассуждал, что близнецов следует держать в бочке и кормить через дырочку от затычки. Однако такой бочки в природе не существовало.

— Да, дорогой, — сказала доктор Стоун, продолжая заниматься макияжем Мид.

— Не тратьте деньги на «детройтер», — сказала бабушка Стоун. — Они неустойчивы — гиросистема плохая. Я бы его и даром не взяла. Берите лучше «дуглас».

— Хейзел, — повернулся к ней сын, — если ты намерена поощрять выдумки мальчишек...

— Вовсе нет! Вовсе нет! Чисто умозрительная дискуссия. Вот на «дугласе» они могли бы заработать. У «дугласа» очень удобный...

— Хейзел!

Бабушка умолкла, затем задумчиво проговорила:

— Я знаю, на Луне существует свобода слова — сама писала в декларации.

— Знаете, мальчики, — снова обратился Роджер Стоун к сыновьям, — когда торговая палата решила включить в свою молодежную программу курсы пилотов, я это приветствовал. И был за, когда они решили выдавать юношеские права тем, кто закончит курсы с отличием. Когда вы получили ваши корочки, я ужасно гордился. Это игра для молодых — торговым пилотам выдают права в восемнадцать лет...

— А на пенсию их отправляют в тридцать, — добавил Кастор. — У нас времени в обрез. Не успеешь оглянуться, как станешь слишком стар для этой игры.

— Замолчи. Сейчас я говорю. Если вы думаете, что я возьму деньги из банка и позволю двум юным питекантропам болтаться по Системе на развалюхе, которая, того и гляди, взорвется при первой же двукратной перегрузке, вы глубоко ошибаетесь. Кроме того, в будущем сентябре вы отправляетесь учиться на Землю.

— Мы уже были на Земле, — ответил Кастор.

— И нам там не понравилось, — добавил Поллукс.

— Слишком грязно.

— И слишком шумно тоже.

— И крутом одни земноводные, — закончил Кастор.

— Вы там пробыли две недели, — отмахнулся мистер Стоун, — и не успели получить полного впечатления. Вы полюбите Землю, когда привыкнете к ней. Научитесь ездить верхом, играть в бейсбол, увидите океан...

— Много грязной воды, — ответил Кастор.

— Лошадей едят.

— А уж бейсбол этот... — продолжал Кастор. — Бессмысленная игра. Как это можно вычислить траекторию при одном g , чтобы выйти на точку контакта с мячом в свободном полете? Мы не чудотворцы.

— Я же играл в него.

— Но ты вырос при одном g — у тебя искаженное представление о законах физики. И зачем нам, собственно, учиться играть в бейсбол? Мы же не сможем играть в него здесь, когда вернемся. Так и шлем можно разбить.

— Спорт — это не главное, — покачал головой мистер Стоун. — Играть в бейсбол или не играть, это ваше дело. Но вам нужно получить образование.

— А чем плох техникум Луна-Сити? Чего он нам не дал? Ты, папа, все-таки был членом комитета по образованию.

— Нет, я был мэром.

— Это делало тебя членом комитета *ex officio* * — Хейзел нам так сказала.

Мистер Стоун покосился на мать. Та смотрела в пространство.

* По должности (лат.). Здесь и далее примеч. пер.

— Наш техникум хорош в своем роде, но мы не можем дать его ученикам полноценное образование. Все-таки пока еще Луна — окраина цивилизации.

— Но ты же сказал в прощальной речи, — прервал его Поллукс, — что Луна-Сити — это будущие Афины и надежда новой эпохи.

— Поэтическая вольность. Техникум — еще не Гарвард. Разве вы, ребята, не хотите увидеть великие произведения земного искусства? Разве не хотите познакомиться с великой литературой Земли?

— «Айвенго» мы читали, — сказал Кастор.

— А «Мельницу на Флоссе» читать не хотим, — добавил Поллукс.

— Мы предпочитаем твое творчество.

— Мое творчество? Это же не литература. Скорее инсценированная страничка юмора.

— А нам нравится, — твердо сказал Кастор.

Отец перевел дыхание.

— Спасибо. Ты напомнил о том, что мне надо ночью сотворить еще целую серию, а посему я прекращаю дискуссию. Во-первых, вы не сможете взять деньги без отпечатка моего большого пальца, а я с этого дня буду носить перчатки. Во-вторых, вы еще слишком малы, чтобы получить постоянные права.

— Ты можешь устроить нам временные права, действующие в Системе, а к тому времени, когда вернемся, может, дорастем и до постоянных.

— Вы еще малы!

— Слушай, папа, — заметил Кастор, — только полчаса назад ты одобрил мою идею, что одиннадцатилетний малец может управлять кораблем.

— Я прибавлю ему лет!

— Это испортит всю идею.

— Да провались она! Это всего лишь литература, к тому же низкопробная. Просто трюк, продажа номера. — Стоун подозрительно посмотрел на сына. — Кастор, ты нарочно подсунул мне эту мысль. Чтобы было на что опереться при защите своей безумной затеи, так?

— Отец, как ты мог подумать такое? — вознегодовал Кастор.

— Я тебе дам «отец». Я пока еще могу отличить кукушку от ястреба.

— Кто ж не может? — вставила бабушка Хейзел. — Класс «ястреб» — чисто торговый тип, а «кукушка» даже лучше «дугласа». Мне нравится ее раздельное управление.

— Хейзел! — рывкнул Роджер. — Перестань подыгрывать им. И хватит хвастаться — ты не единственный инженер в семье.

— Единственный хороший, — надменно ответила Хейзел.

— Да ну? На мою работу тоже никто не жаловался.

— Что ж ты тогда ее бросил?

— Сама знаешь. Месяцами возишься с головоломными цифрами, а что в итоге? Ремонтный док или дробилка для лома.

— Значит, ты не инженер, а просто человек, который разбирается в технике.

— А сама? Ты тоже не работала по специальности.

— Да, — созналась Хейзел, — но это другое дело. Я видела, как трое здоровенных волосатых мужиков получили повышение в обход меня, но ни один из них не умел интегрировать по частям без помощи карандаша. Тут я и поняла, что в Комитете атомной энергии существует предубеждение против женщин, что бы там ни говорилось в гражданском кодексе. И занялась пиратской торговлей. В Луна-Сити тогда особенно не из чего было выбирать, да и ты был у меня на руках.

Спор как будто угасал, и Кастор решил, что самое время его оживить.

— Хейзел, ты правда думаешь, что нам лучше взять «кукушку»? Я не уверен, хватит ли у нас денег.

— Теперь вам нужен третий в экипаж...

— Ты хочешь ее купить?

— Хейзел, — вмешался мистер Стоун, — я не намерен больше терпеть твоего потворства. Я решительно против...

— Хватит меня воспитывать, Роджер. В девяносто пять мои наклонности уже определились.

— Как же, в девяносто пять! На прошлой неделе тебе было восемьдесят пять.

— Неделя выдалась тяжелая. Вернемся к нашим баранам. Почему бы тебе не отправиться с ними? Ты бы присмотрел за ними, берег их...

— Кто? Я? — Мистер Стоун перевел дух. — А: даже десантник Космофлота не смог бы уберечь этих недозрелых наполеонов. Я знаю, я пробовал. Б: мне не нравится «кукушка», она жрет слишком много топлива. В: мне каждую неделю нужно делать по три серии «Бичей космоса», включая и ту, которую я должен записать ночью, если эта семейка когда-нибудь уймется!

— Роджер, — ответила ему мать, — треволнения для этой семьи все равно что вода для рыбы. И никто не просит тебя покупать «кукушку». Что касается «В», то дай мне чистую катушку и я надиктую тебе твои три серии, пока буду причесываться на ночь. — Волосы у Хейзел были еще густые и совершенно рыжие. И пока еще никто не поймал ее на том, что она их красит. — Все равно тебе пора разорвать этот контракт. Ты выиграл пари.

Роджер поморщился. Два года назад он позволил втянуть себя в пари, что сможет писать продукцию лучшего качества, чем та, что продается с Земли, — и с тех пор увяз в трясине щедрых гонораров и премий.

— Я не могу себе этого позволить, — слабо сказал он.

— Что проку в деньгах, если тебе некогда их тратить? Давай пленку и вертушку.

— Ты не сумеешь.

— Хочешь пари?

Роджер отступил — никто никогда еще не выигрывал пари у Хейзел.

— Это не меняет дела. Я человек семейный — мне надо еще подумать об Эдит, Мид и Вундере.

Мид повернула к нему голову.

— Если речь обо мне, папа, то мне хотелось бы полететь. Я же нигде никогда не была — только один раз на Венере и два раза в Нью-Йорке.

— Сиди тихо, Мид, — спокойно сказала доктор Стоун. — Знаешь, Роджер, я как раз думала, какая тесная у нас квартира. И мы нигде не были, как сказала Мид, с тех пор как вернулись с Венеры.

— И ты тоже? — уставился на нее мистер Стоун. — Эдит, эта квартира все же просторнее, чем любой корабельный отсек, сама знаешь.

— Да, но корабль кажется больше. А при невесомости места гораздо больше, чем в нашей квартире.

— Дорогая, если я правильно понял, ты поддерживаешь проект этого пикника?

— Совсем нет! Я говорю в общем и целом. Но ты на корабле спишь лучше. Ты никогда не храпишь в невесомости.

— Я вообще не храплю!

Доктор Стоун не ответила. Хейзел хмыкнула. Поллукс перехватил взгляд Кастора, тот кивнул, и близнецы тихо удалились в свою комнату. Им стоило немало труда втянуть мать в семейные дебаты, но они потрудились не зря: без нее ни одно важное решение не могло быть принято.

Вскоре к братьям постучалась Мид; Кастор впустил ее. Она была одета точь-в-точь по моде американского Старого Запада.

— Опять на танцы, что ли?

— Сегодня нет. Слушай, Кас, даже если папа согласится расстаться с деньгами, вам ведь не дадут бессрочные права, верно?

— Мы рассчитываем на разовые.

Они обсуждали также возможность полета без всяких прав, но пока об этом было рано рассказывать.

— Их вам тоже могут не дать. Но не забудьте — мне на будущей неделе восемнадцать. Пока!

— Спокойной ночи.

Когда она ушла, Поллукс сказал:

— Глупости. У нее ведь даже временных прав нет.

— Ну и что же? Она проходила астрогацию в школе, и мы можем ее натаскать.

— Кас, ты с ума сошел. Мы не можем возить ее по всей Системе. Девчонки — такая обуза.

— Вот тут ты ошибаешься, юнец. Сестры — да, а девчонки как раз ничего.

— Ты прав, пожалуй, — рассудил Поллукс.

— Я всегда прав.

— Да ну? А как ты хотел сделать из жидкого воздуха...

— Не будем мелочиться.

Следующей к ним заглянула бабушка Хейзел.

— Краткое донесение с фронта, мальчики. Отец колеблется, но держится стойко.

— Он даст нам деньги?

— Пока не собирается. Скажите, а сколько Экизян запросил с вас за «детройтер»?

Кастор назвал сумму, и Хейзел присвистнула.

— Вот мерзавец, — ласково сказала она. — Вот земноводное бессовестное. Да я у него лицензию отберу!

— Да мы и не собираемся столько платить.

— Никаких сделок с ним без меня не заключайте. Я-то знаю, где собака зарыта.

— Ладно. Хейзел, ты правда считаешь, что «детройтер-VII» ненадежен?

Она наморщила лоб.

— Гиросtabilизаторы слишком легкие для его момента инерции. Не выношу, когда корабль рыскает. Вот если бы купить у военных по дешевке двойную или тройную гиросистему, тогда другое дело. Я поспрашиваю.

Много позднее зашел мистер Стоун.

— Не спите еще?

— Нет, входи, пожалуйста.

— По поводу того, что мы обсуждали вечером...

— Ты дашь нам денег? — спросил Поллукс.

Кастор толкнул его локтем под ребро, но было поздно. Отец сказал:

— Я уже говорил — это исключено. Я вот что хотел узнать: когда вы смотрели корабли, вы случайно не спрашивали... э-э... сколько стоит модель побольше?

— Нет, сэр, — опешил Кастор, — на большой корабль у нас не хватит — да, Пол?

— Где там! А почему ты спрашиваешь, папа?

— Да просто так, просто так! Спокойной ночи.

И он ушел. Близнецы торжественно обменялись рукопожатием.

Глава 2

ДРАМАТИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА

На следующее утро за завтраком — утро, конечно, по Гринвичу, ибо по местному солнечному времени стояла вторая половина дня, которая будет продолжаться еще двое суток — семья Стоун разыграла очередную серию приключенческого сериала, которую Хейзел надиктовала ночью. Бабушка заложила пленку в автоматическую пишущую машинку, и каждый получил свой экземпляр. Даже Вундеру досталась маленькая роль, а Хейзел играла несколько ролей, прыгая по комнате и меняя голос от хриплого баса до сопрано.

Участвовали все, кроме мистера Стоуна — тот сидел с суровым лицом, на котором было написано: «Попробуйте насмешите».

Хейзел подчеркнула драматический — на самом интересном месте — финал, опрокинув свой кофе. Она поймала чашку в воздухе и подставила салфетку под коричневую струйку, не дав ей достичь пола. Слабое притяжение Луны допускало и такое.

— Ну? — спросила она сына, еще не отдышавшись от отчаянных попыток Властелина Галактики избежать справедливого возмездия. — Как? Конфетка, а? Напускаем мы их до смерти или нет?

Роджер Стоун хранил гордое молчание. Хейзел изумилась.

— Как, тебе не нравится? Роджер, я начинаю думать, что ты попросту завидуешь. Неужто возвращенный мною сын столь низок, что завидует собственной матери?

— А мне понравилось, — заявил Вундер. — Давайте еще поиграем, как я стреляю в космического пирата. — Он выставил палец. — Бжж! Вся переборка в крови!

— Вот тебе и ответ, Роджер. Это твоя публика. Раз Вундеру нравится — значит, все.

— По-моему, очень захватывает, — вставила Мид. — А что там не так, папа?

— Да! — воинственно сказала Хейзел. — Мы тебя слушаем.

— Хорошо. Во-первых, космический корабль не разворачивается на сто восемьдесят градусов.

— А этот разворачивается!

— Во-вторых, что это еще за Властелин Галактики? Он-то откуда взялся?

— А-а... Сынок, твое шоу умирало на корню, и я влила в него свежую кровь.

— Ну уж эти Властелины Галактики, скажу я тебе. Мало того, что это нелепость, но ведь это уже было и было.

— Ну и что такого? На следующей неделе я приделаю к «Гамлету» атомный двигатель и запущу его заодно с «Комедией ошибок». Как Шекспир, подойдет?

— Подойдет, если убрать длинноты, — пожал плечами Роджер. — Ладно, отошло. Другую писать некогда, а в контракте не указано, что сценарий должен быть хорошим — там просто сказано, что я должен его представить. Все равно на месте перепишут.

— Быюсь об заклад — твоя зрительская почта после этой серии увеличится на двадцать пять процентов.

— Нет, спасибо. Я не могу допустить, чтобы ты в твоём возрасте изнуряла себя, сочиняя письма от зрителей.

— А чем тебе не нравится мой возраст? Раньше я задавала тебе трепку два раза в неделю — и сейчас могу. А ну, иди сюда!

— Не сразу же после завтрака.

— Слабак! Как предпочитаешь умереть — как маркиз Куинсберри, на больничной койке, или быстро?

— Пришли своих секундантов — надо все делать по правилам. А пока, — обратился Роджер к сыновьям, — какие у вас планы на сегодня?

Кастор взглянул на брата и осторожно сказал:

— Да мы собирались опять смотреть корабли.

— Я иду с вами.

— Ты дашь нам деньги? — восторженно воскликнул Поллукс. Брат сверкнул на него глазами.

— Нет, — ответил отец, — ваши деньги останутся в банке, где им и место.

— Тогда зачем смотреть? — Тут Поллукс получил тычок под ребро.

— Хочу ознакомиться с положением дел на рынке, — ответил мистер Стоун. — Ты идешь, Эдит?

— Нет, дорогой, я полагаюсь на тебя.

Хейзел торопливо допила кофе и вскочила.

— Я пойду.

— И я! — соскочил со стула Вундер.

— Нет, милый, — остановила его доктор Стоун. — Доешь свою овсянку.

— Нет, я пойду! Можно, бабушка Хейзел?

Хейзел замаялась. Присмотр за ребенком вне города с искусственной атмосферой требовал предельного внимания — Вундер был еще слишком мал, чтобы самостоятельно справляться со скафандром. Хейзел же нужна была свобода.

— Боюсь, что нет, Лоуэлл. Но знаешь что, золотко? Мы можем сыграть с тобой в шахматы по радио.

Вундер надулся.

— Какая мне радость играть по радио? Я так не буду знать, о чем ты думаешь.

— Ах, вот оно что! Я так и подозревала. Может, мне и удастся разок выиграть. Нет, только без нытья — или я отберу у тебя логарифмическую линейку на целую неделю.

Ребенок подумал, пожал плечами и мигом успокоился.

— Как ты думаешь, — спросила Хейзел сына, — он в самом деле умеет читать мысли?

Отец посмотрел на своего младшего.

— Боюсь об этом и думать. — Он вздохнул. — И почему я не родился в нормальной, хорошей, тупой семье? Это ты виновата, Хейзел.

— Ничего, Роджер. — Мать потрепала сына по руке. — С тобой мы как раз выходим на средние показатели.

— Ухх! Дай-ка мне пленку. Лучше отправлю ее сейчас, а то потом духу не хватит.

Хейзел принесла катушку, и мистер Стоун набрал по телефону код Нью-Йорка и комбинацию скоростной передачи. Вставляя катушку в гнездо, он сказал:

— Зря я это делаю. Мало тебе было Властелина Галактики, Хейзел, так ты еще нарушила весь сюжет — поубивала четырех центральных персонажей.

Хейзел следила за катушкой, которая начала разматываться.

— Ты не волнуйся, у меня все продумано. Вот увидишь.

— То есть как? Ты что, собираешься сочинять и другие серии? Очень хочется поймать тебя на слове и заставить расхлебывать свою же кашу — я ею сыт по горло, а тебе так и надо. Властелин Галактики, надо же!

Хейзел продолжала следить за пленкой. В режиме скоростной передачи тридцатиминутная катушка перемоталась за тридцать секунд и со щелчком выскочила из гнезда. Хейзел вздохнула с облегчением. Теперь серия или в Нью-Йорке, или ждет на автоматической телефонной станции Луна-Сити, когда освободится линия Луна — Земля. В любом случае ее уже не вернешь, как сказанное слово.

— Само собой, я напишу еще несколько серий, — сказала она сыну. — А точнее семь.

— Почему семь?

— А ты не догадался, зачем я их убиваю? Семь серий до конца квартала и новый срок для представления сценария. Только на этот раз они твой сценарий не возьмут, поскольку никого из героев не останется в живых и вся история на этом кончится. Я снимаю тебя с крючка, сынок.

— Что? Хейзел, ты не сделаешь этого. Приключенческие сериалы никогда не кончаются.

— В твоем контракте это указано?

— Нет, но...

— Ты все время ноешь, что жаждешь зарезать эту курицу, несущую золотые яйца. У тебя самого никогда не хватило бы мужества это сделать, и твоя любящая мать пришла тебе на помощь. Ты снова свободен, Роджер.

— Но... — Лицо Роджера прояснилось. — Наверно, ты права. Хотя я предпочел бы совершить самоубийство, даже литературное, по-своему и в нужное мне время. Мм... слушай, Хейзел, а когда ты планируешь убить Джона Стерлинга?

— Его-то? О, наш герой, естественно, продержится до последней серии. Он и Властелин Галактики прикончат друг друга в самом конце. Медленная музыка.

— Да. Да, конечно. Так и надо. Но не делай этого.

— Почему?

— Потому что я сам желаю написать эту сцену. Я возненавидел этого сладкоречивого Галахада с тех самых пор, как придумал его. Я никому не уступлю удовольствия убить его — он мой!

— Извольте, сэр, — поклонилась Хейзел.

Мистер Стоун просиял и перебросил сумку через плечо.

— А теперь пошли смотреть корабли!

— Джеронимо!

Все четверо вышли из дому и ступили на бегущую дорожку, ведущую к лифту-шлюзу для подъема на поверхность. Поллукс спросил:

— Хейзел, что значит «джеронимо»?

— На языке древних друидов это значит «пора выметаться, да поживее». Вот и шевелись.

Глава 3

РЫНОК ПОДЕРЖАННЫХ КОРАБЛЕЙ

В гардеробной у Восточного шлюза все надели скафандры. Хейзел, как обычно, сняла с пояса пистолет и повесила на пояс скафандра. Больше ни у кого оружия не было — теперь в Луна-Сити никто не носил оружия, кроме гражданской гвардии, военной полиции да нескольких старожилов вроде Хейзел. Кастор сказал:

— Хейзел, ну зачем он тебе?

— Защищать свои права. А глядишь, и гремучая змея попадется.

— Гремучая змея? На Луне? Ну, Хейзел!

— Вот тебе и «Хейзел». Змеи, бывает, ходят на задних лапах, а не только пресмыкаются во прахе. Помнишь, как Белый Рыцарь объяснял Алисе, зачем он держит на коне мышеловку?

— Неточно.

— Перечитай, когда вернемся, темнота. Помоги-ка мне со шлемом.

Разговор прервался, поскольку на связь вышел Вундер и настоятельно предложил начать игру. Кастор видел, как Хейзел шевелит губами за стеклом, а надев свой шлем, услышал по радио, как они спорят, кто в последний раз играл белыми. Хейзел пришлось сосре-

доточиться — Вундер, сидя у доски, торопил ее с ходами, а ей нужно было все время представлять себе доску.

У шлюза им пришлось пропустить группу туристов, только что прибывших с Земли утренняя челноком. Одна женщина уставилась на них и сказала своей спутнице:

— Тельма, смотри — у того маленького пистолет.

— Тише, — одернула ее другая, — это невежливо. Интересно, где здесь сувениры? Надо купить черепашку, я обещала Герберту.

Хейзел устремила на них свирепый взгляд, но мистер Стоун взял ее за руку и втянул в опустевший шлюз. Хейзел продолжала кипеть.

— «Земноводные»! Сувениры им! Черепашку!

— Хейзел, у тебя давление повысится, — заметил сын.

— У тебя бы не повысилось. — Она внезапно усмехнулась. — Надо было ее попутать, вот так. — Хейзел молниеносным движением выхватила пистолет, открыла его магазин, вынула оттуда конфетку от кашля и сунула в клапан своего шлема. Посасывая ее, Хейзел продолжала: — Так или иначе, сынок, а это решает дело. Ты, может, еще не определился, а я — да. Луна скоро станет такой же, как все прочие муравейники. Я хочу найти себе жизненное пространство где-нибудь за четверть биллиона миль отсюда.

— А как же твоя пенсия?

— Да провались она. Я и без нее неплохо жила. — Хейзел, как и все оставшиеся в живых отцы (и матери) лунной колонии, получала пожизненную пенсию от благодарного города. Она могла получать ее еще долгие годы, несмотря на возраст — средняя продолжительность жизни на Луне, в биологически благоприятных условиях низкого тяготения, еще не была установлена. Гериатрическая клиника Луна-Сити регулярно повышала ее предел.

— Ну, а ты? — продолжала Хейзел. — Хочешь остаться тут, как сардина в банке? Не упusti свой шанс, сынок, пока опять не загнали в контору. Ферзь е-пять, Лоуэлл.

— Посмотрим. Давление понижается, надо выходить.

Кастор и Поллукс мудро воздержались от участия в дискуссии — обстановка понемногу прояснялась.

Государственный склад и склад венгра-банкрота, как и заведение Дэна, находились, естественно, вблизи космопорта. У стоянки венгра висела старая выцветшая вывеска: «Покупайте! Покупайте!! Покупайте!!! Предприятие ликвидируется!». Но покупать там было нечего — мистер Стоун понял это через десять минут, а Хейзел через пять. На государственном складе стояли в основном роботизированные грузовые суда без жилых помещений — одноразовые корабли, нечто вроде межпланетной тары. Было там еще устаревшее военное снаряжение для разных специфических целей. В конце концов Стоуны вновь пришли к Экизяну.

Поллукс сразу направился к тому кораблю, который они с братом присмотрели. Отец позвал его:

— Пол, ты куда?

— А разве ты не хочешь посмотреть наш корабль?

— Ваш корабль? Ты все еще носишься с мыслью, что я вам, кандидаты в исправительную колонию, позволю купить этот «детройтер-VII»?

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Смотреть корабли. Но «детройтер-VII» меня не интересует.

— Послушай, папа, — сказал Поллукс, — нам ведь не нужен ракетоплан. Нам нужен... — Тут Кастор выключил микрофон на скафандре у Поллукса и продолжал сам:

— А что тебя интересует, папа? Мы с Полом тут почти всю рухлядь пересмотрели.

— Ничего особенного. Солидное семейное судно. Пошли посмотрим вон ту «кукушку».

— Ты, кажется, говорил, что «кукушки» жрут много топлива, Роджер? — спросила Хейзел.

— Верно, зато они комфортабельнее. Нельзя же получить сразу все.

— Почему же?

Поллукс снова включил свое радио:

— Папа, нам не нужен спортивный корабль. Там нет грузового отсека.

Кастор снова нажал выключатель у брата на поясе, и тот умолк.

— О грузе забудь, — ответил мистер Стоун. — С вас бы сняли последнюю рубашку, если бы вы вздумали тягаться с зубастыми торговцами, что орудуют в Системе. Я ищу корабль, на котором можно путешествовать всей семьей, а не грузовое судно.

Поллукс замолчал, и все направились к «кукушке». Мистер Стоун махнул всем рукой и полез вверх по лестнице. Хейзел при подъеме помогала себе и руками, и ногами и ненамного отстала от своих потомков. На корабле она сразу прошла в люк машинного отделения, остальные отправились осматривать рубку и жилое помещение, объединенные в одном отсеке. В верхнем, носовом, конце находился пульт управления с лежаками для пилота и второго пилота. В нижнем, кормовом, стояли два противоперегрузочных лежака для пассажиров. Положение лежаков можно было менять — корабль в полете мог переворачиваться и вращаться, создавая искусственную тяжесть по принципу центрифуги. В этом случае передняя часть, которая при полете на двигателе была «верхом», становилась «низом».

Поллукс смотрел на все это устройство неодобрительно: корабль, оборудованный для того, чтобы ублажать деликатные желудки «земноводных», вызывал у него отвращение. Неудивительно, что «кукушки» жрут столько горячего!

Но его отец был другого мнения. Он блаженно раскинулся в пилотском кресле, положив руки на пульт.

— Эта крошка нам бы подошла, — сказал он, — лишь бы цена была сходная.

— Я думал, ты для всей семьи подбираешь корабль, папа, — сказал Кастор.

— Ну да.

— Тесновато здесь будет, если поставить еще лежаки. Эдит не понравится.

— Позволь уж мне самому позаботиться о маме. А лежаков здесь достаточно.

— Как, их же только четыре? А нас сколько?

— Мы с мамой, бабушка и Вундер. Если Мид захочет лететь, для нее что-нибудь приспособим. Из чего вы можете заключить, что вас, малолетние правонарушите-

ли, я серьезно намерен отправить учиться. Ну, не кипятесь — вы сможете тоже летать на этом корыте, но после окончания школы. Или на каникулах, когда получите постоянные права. Это ведь справедливо?

Близнецы ответили ему тем, на что труднее всего возразить, то есть молчанием. Выражение их лиц было достаточно красноречиво. Отец продолжал:

— Видите ли, я стараюсь быть честным и великодушным. Много вы знаете мальчишек вашего возраста, у которых был бы собственный корабль? Хотя бы слышали о чем-нибудь подобном? Нет таких, верно? Усвойте, наконец, что вы не супермены.

— Откуда ты знаешь, что мы не супермены? — откликнулся Кастор.

— Заключение основано на догадке, — поддержал Поллукс.

Не успел мистер Стоун придумать достойный ответ, как из люка показалась голова его матери. Гримаса на ее лице заставляла предположить, что ей пришлось понюхать нечто очень скверное.

— В чем там дело, Хейзел? — спросил мистер Стоун. — Двигатель неисправен?

— Неисправен? Мягко говоря. Я эту рухлядь и при двукратном ускорении не рискнула бы поднять.

— Что с ним?

— Никогда не видела более отвратительного... нет, уж лучше сам посмотри. Ты не доверяешь моим инженерным познаниям.

— Что ты, Хейзел, я никогда не говорил, что не доверяю тебе.

— Но это так. Ты мне зубы не заговаривай — я знаю. Иди проверь сам. Сделаем вид, что я там не была.

Мистер Стоун встал и направился к выходу, раздраженно бормоча:

— Никогда я не говорил, что ты не разбираешься в двигателях. Если ты про тот проект эстакады, так это было десять лет назад. Пора уж простить меня за то, что я тогда оказался прав.

К удивлению близнецов, Хейзел не стала продолжать спор, а спокойно последовала за сыном в выходной отсек. Мистер Стоун стал спускаться по веревочной лестнице. Кастор отвел бабушку в сторону, выключил

ее и свое радио и приблизил свой шлем к ее шлему, чтобы поговорить по секрету.

— Хейзел, что там с двигателем? Мы с Полом смотрели этот корабль на той неделе, и ничего особенно скверного я не заметил.

Хейзел посмотрела на внука с глубокой жалостью.

— Ты что, совсем того? Там же только четыре места.

— А-а. — Кастор включил радио и молча последовал вниз за отцом и братом.

На корме следующего корабля, к которому они подошли, значилось: «Херувим. Рим-III». Он принадлежал к серии «ангел» «Карлотти моторс», хотя мало походил на могучего архангела. Корабль оказался небольшим — всего сто пятьдесят футов высотой, — но ладным, ему было лет двадцать. Мистер Стоун сначала не хотел его осматривать.

— Слишком велик для нас, — заметил он. — Мне торговый корабль не нужен.

— Велик? — переспросила Хейзел. — Это как посмотреть. Разве что в финансовом отношении, но не по размеру. Подумай, что это будет за прелесть при пустом трюме. Я люблю, когда корабль скачет, если я кручу ему хвост — да и ты тоже любишь.

— Мм, да, — сознался мистер Стоун. — Ну, за погляд денег не берут.

— Ты с каждым днем рассуждаешь все более здраво, сынок. — И Хейзел полезла вверх по лестнице.

Корабль был заслуженный, он покрыл миллионы миль космоса, но в безвоздушном пространстве Луны сохранился хорошо и совсем не постарел со времени последнего запуска двигателя. Он просто дремал, ожидая срока, когда кто-нибудь придет и разбудит его, как спящую красавицу. Из него выкачали воздух, и в отсеках не было пыли. Почти все вспомогательное оборудование давно сняли и распродали, но сам корабль был чистенький и блестящий — хоть сейчас в космос.

Хейзел подметила в глазах сына пламя любви с первого взгляда. Обернувшись назад, она дала близнецам знак молчать. Из открытого входного отсека они прошли в жилое помещение: там были камбуз-столовая, две каютки и кубрик. Рубка помещалась отдельно, над

ними, там же был и радиоузел. Роджер сразу же полез туда.

Под жилым отсеком был трюм, а еще ниже — машинное отделение. Корабль был грузовым судном, приспособленным для перевозки пассажиров. Можно также было назвать его пассажирским кораблем с грузовым трюмом. Из-за своей двойственной природы он и очутился, как горькая сирота, на стоянке подержанных кораблей Дэна. С грузом он двигался слишком медленно, чтобы выдержать состязание с быстроходными лайнерами, и слишком мало мог принять пассажиров, чтобы можно было заработать на их перевозке без груза. Несмотря на добротность постройки, корабль не выдержал бешеной гонки делового мира.

Близнецы решили обследовать машинное отделение. Хейзел обошла жилой отсек, одобрительно покивала головой в камбузе и наконец поднялась в рубку. Там, в пилотском кресле, она увидела сына, руки его лежали на пульте. Хейзел опустилась на голый каркас соседнего кресла (пневматические подушки отсутствовали) и, повернув голову к Роджеру, крикнула:

— Готовность на всех постах, капитан!

Роджер посмотрел на нее и усмехнулся.

— Приготовиться к старту!

— Зеленый свет! — ответила она. — Вышка дала добро. Готовы к отсчету.

— Минус тридцать! Двадцать девять... двадцать восемь... А здорово все-таки, — усмехнулся Роджер.

— Чертовски здорово. Надо нам урвать свою долю, пока еще не совсем состарились. От этой городской жизни мы уже мохом поросли.

Роджер Стоун спустил длинные ноги с кресла.

— Да, надо бы. Точно надо.

Хейзел ударила подошвами своих ботинок в подошвы Роджера.

— Узнаю своего мальчика! Я еще сделаю из тебя мужчину. Пошли посмотрим, что поделывают близнецы.

Близнецы еще не вышли из машинного отделения. Роджер спустился туда первым и спросил Кастора:

— Ну, как оно, сын? Поднимется настолько, чтобы упасть?

Кастор наморщил лоб.

— Никаких неисправностей мы не нашли, но все стартовое оборудование отсутствует. Реактор стоит пустой.

— А ты как думал? — спросила Хейзел. — Не могли же они оставить горючее вещество на списанном корабле. Вся корма уже пропиталась бы радиацией, даже если бы топливо не украло.

— Хватит важничать, Хейзел, — сказал ей сын. — Кастор это знает. Проверим дату в бортжурнале и проведем металлургический анализ попозже — если столкнемся.

— Конь б-четыре, — ответила Хейзел. — Что, Роджер? Поджилки затряслись?

— Нет, мне нравится этот корабль... но не знаю, в состоянии ли я заплатить за него. Даже если б его отдали даром, все равно ремонт и подготовка к старту будут стоить уйму денег.

— Тьфу! Я сама займусь ремонтом, а Кас и Пол будут у меня на черных работах. Ты заплатишь только за док. А что насчет цены, будем решать проблемы по мере их поступления.

— Я сам прослежу за ремонтом.

— Значит, будем драться? Пошли узнаем, какую цену заломит Дэн Экизян на этот раз. И помни — говорить буду я.

— Минутку — я еще не сказал, что покупаю это корыто.

— Кто ж говорит, что покупаешь? Но прицениться не помешает. Я смогу уломать Дэна.

Дэн Экизян обрадовался им — вдвойне, когда узнал, что они интересуются не «детройтером-VII», а кораблем побольше и подороже. По настоянию Хейзел она прошла с Экизяном в его кабинет, чтобы поговорить о цене. Мистер Стоун отпустил ее, зная, как беспощадно торгуется его мать, а сам с близнецами стал ждать в приемной. Спустя некоторое время мистер Экизян вызвал секретаршу.

Через несколько минут она вышла, а вскоре за ней — Экизян с Хейзел.

— Дело сделано, — важно заявила она.

Агент сердито ухмыльнулся, не выпуская изо рта сигары.

— Ваша мать — умнейшая женщина, господин мэр.

— Полегче! — сказал Роджер. — Вы оба что-то путаете. Я уже, слава богу, не мэр — и никакого дела еще не сделано. Ваши условия?

Экизян взглянул на Хейзел. Та поджала губы.

— Значит, так, сынок, — медленно сказала она. — Я слишком стара, чтобы ходить вокруг да около. Я могу умереть в своей постели, не дождавшись, пока ты рассмотришь вопрос со всех сторон. Поэтому я купила корабль.

— Ты?!

— Практически. У нас синдикат. Дэн дает корабль, я добываю груз — и мы с мальчиками летим на астероиды извлекать прибыль. Я всегда хотела побыть шкипером.

Кастор и Поллукс держались позади, слушая и наблюдая. После слов Хейзел Поллукс хотел было заговорить, но Кастор, перехватив его взгляд, покачал головой. Мистер Стоун взорвался:

— Это просто нелепо! Я тебе не разрешаю.

— Я совершеннолетняя, сынок.

— Мистер Экизян, вы, должно быть, с ума сошли.

Агент вынул изо рта сигару и посмотрел на ее кончик.

— Бизнес есть бизнес.

— Но уж моих сыновей вы не получите. Исключено!

— Мм... — сказала Хейзел. — Может, так, а может, нет. Давай спросим у них.

— Они, между прочим, несовершеннолетние.

— Да. Но вдруг они обратятся в суд и попросят назначить меня их опекуной?

Мистер Стоун спокойно выслушал это и обратился к сыновьям:

— Кас, Пол, вы сговорились с бабушкой?

— Нет, сэр, — ответил Поллукс.

— А вы могли бы сделать то, о чем она говорит?

— Ты знаешь, папа, — ответил Кастор, — нам бы очень не хотелось этого делать.

— Но вы могли бы?

— Я этого не сказал, сэр.

— Так... Это откровенный шантаж, и я этого не потерплю. Мистер Экизян, вы знали, что я пришел сюда

справиться о цене корабля. Вы знали, что моя мать должна вести переговоры как мой агент. Вы оба это знали — и заключили сделку за моей спиной. Или вы отмените эту так называемую сделку и мы начнем все сызнова, или я подам на вас жалобу в бюро деловых конфликтов.

Лицо Хейзел оставалось бесстрастным. Мистер Экизян изучал свои кольца.

— Вы рассуждаете резонно, мистер Стоун. Может быть, пройдем ко мне и поговорим?

— Очень вам советую.

Хейзел последовала за ними и дернула сына за рукав.

— Роджер, ты действительно хочешь купить этот корабль?

— Да, хочу.

— Тогда подпиши вот здесь и поставь отпечаток большого пальца. — И она указала на бумаги, лежавшие на столе у Экизяна.

Мистер Стоун стал читать. Там не упоминалось о сделке, о которой говорила Хейзел, — все бумаги были оформлены на него, как на покупателя корабля, который он только что осматривал, а проставленная цена была гораздо ниже той, что он собирался уплатить. Он быстро прикинул в уме и заключил, что Хейзел не только купила корабль по цене металлолома, но еще и так нажала на Экизяна, что тот вычел из общей суммы предполагаемую стоимость порезки корабля на куски.

В мертвой тишине Роджер взял авторучку мистера Экизяна и поставил свою подпись, а затем аккуратно приложил большой палец. И посмотрел в глаза матери.

— Хейзел, ты бесчестный человек, и ты плохо кончишь.

— Я же говорил, мистер Стоун, ваша мать — умнейшая женщина, — вздохнул мистер Экизян. — Я предложил ей партнерство.

— Значит, вы все-таки заключили сделку?

— Нет-нет — я предложил ей стать моим компаньоном по продаже.

— Но я не согласилась, — сказала Хейзел. — Мне нужно жизненное пространство.

Роджер усмехнулся и встал, пожав плечами.

— Ну, так кто у нас шкипер?

— Вы, капитан.

Когда они вышли, близнецы спросили:

— Папа, ты купил его?

— Не называйте его папой, — ответила Хейзел, — ему больше нравится «капитан».

— О-о!

— Скажу и я «о-о», — откликнулся Поллукс.

Доктор Стоун сказала только:

— Да, дорогой, я уже предупредила, что мы освобождаем квартиру.

Мид была на грани помешательства, Лоуэлл совсем спятил. После обеда Хейзел с близнецами повели Мид и младшего смотреть корабль. Доктор Стоун, которую в свое время не смог взволновать даже Великий метеорный дождь, осталась дома с мужем. Мистер Стоун принялся составлять списки того, что следовало сделать в городе и на корабле. Под конец он составил следующий перечень:

Я — шкипер

Кастор — ст. помощник и пилот

Мид — второй помощник и подручный кока

Хейзел — гл. инженер

Поллукс — инженер и сменный пилот

Эдит — корабельный врач и кок

Вундер — суперкарго

Мистер Стоун перечитал список и пробурчал под нос:

— Чувствую я — ничего из этого не выйдет.

Глава 4

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

Мистер Стоун никому не показывал список экипажа. Он знал, что близнецы полетят вместе со всеми, но воздерживался от того, чтобы объявить это публично. Тема оставалась закрытой, пока корабль ремонтировали и готовили к путешествию.

Почти всю работу делали близнецы под надзором Хейзел, а отец время от времени вмешивался и оспаривал ее решения. В таких случаях близнецы обычно молча делали то, что сами считали нужным. Они не очень-то полагались на опыт и знания взрослых. Огромный природный талант к механике и общая одаренность породили в них заносчивость и петушиное самомнение — им казалось, что они знают гораздо больше, чем знали на самом деле.

Анархия и самоуправство проявились во всей красе, когда дело дошло до ремонта регулятора расхода топлива. Мистер Стоун постановил — и Хейзел с ним согласилась, — что все устройство следует разобрать, осмотреть внутренние поверхности, проверить все допуски, а прокладки заменить. Регулятор работал при сравнительно низком давлении, и прокладки были не металлические, а силиконовые.

В Луна-Сити таких прокладок не было, пришлось их заказывать на Земле, что и сделал мистер Стоун. Однако старые прокладки тоже как будто были в превосходном состоянии, и Поллукс сразу обратил на это внимание, когда разобрал регулятор.

— Хейзел, почему бы не оставить эти? Смотри, они как новенькие.

Бабушка взяла прокладку, осмотрела ее, согнула и вернула внуку.

— Да, они еще вполне годные — оставьте про запас.

— Пол не о том говорит, — сказал Кастор. — Новые прокладки нужно отправлять из Рима на Пайкс Пик, а потом сюда. Три дня пройдет, а то и неделя. А мы ничем другим не можем заняться, пока не разгребем эту грязь.

— Можно пока работать в рубке. Ваш отец хочет заменить все детали, которые подвержены износу.

— Вот тягомотина! Папа слишком часто смотрит в книгу, ты сама так говоришь.

Хейзел смерила взглядом неуклюжего в скафандре внука.

— Слушай, недомерок, твой отец — инженер первой категории. У меня есть право критиковать его, а у тебя нет.

— Хейзел, давай не будем переходить на личности, — торопливо вмешался Поллукс. — Скажи нам свое беспристрастное мнение как профессионал: можно оставить эти прокладки или нет?

— Ну... по-моему, они годятся. Можете передать отцу, что я так сказала. Он должен заглянуть сюда с минуты на минуту — думаю, он согласится. — Она выпрямилась. — А мне надо идти.

Но мистер Стоун так и не появился. Близнецы долго ждали, занимаясь тем временем подготовительными работами на подогревателе. Наконец Поллукс спросил:

— Который час?

— Пятый.

— Папа сегодня уже не придет. Слушай, ведь прокладки в полном порядке, и два против пяти, что он и не заметит разницы.

— Он бы разрешил, если бы видел их.

— Дай-ка мне ключ.

Вместо отца опять пришла Хейзел, но к тому времени близнецы уже собрали регулятор и разобрали подогреватель. Хейзел ничего не спросила про регулятор, а поползла на животе с фонариком и зеркальцем осматривать подогреватель изнутри. Хрупкая Хейзел, хоть и оставалась проворной, как белка, в легком поле притяжения Луны, не могла выполнять тяжелую работу и орудовать гаечным ключом, зато глаз у нее был острее, чем у близнецов, и гораздо более наметанный. Вскоре она вылезла обратно.

— Выглядит хорошо, — объявила она. — Завтра можно собирать. Пошли поглядим, что там кок наготовил.

Хейзел помогла близнецам отсоединить кислородные шланги от корабельного резервуара и снова прикрепить их к ранцам скафандров. Все трое спустились вниз и вернулись в Луна-Сити.

Обед прошел в горячих спорах по поводу следующей серии «Бичей космоса». Хейзел продолжала сочинять сценарий, но все семейство, за исключением доктора Стоун, настаивало на собственных вариантах насилия и членовредительства, которые должны претерпеть герои. Только закулив первую послеобеденную трубку, мистер Стоун осведомился о результатах рабочего дня.

Кастор сказал, что они завтра соберут подогреватель. Мистер Стоун кивнул.

— Хороший темп взяли, молодцы! Погодите-ка — вам ведь все равно придется его снимать, чтобы поставить... или прокладки уже прислали? А я думал, их еще нет.

— Какие прокладки? — невинно спросил Поллукс. Хейзел быстро взглянула на него, но промолчала.

— Прокладки регулятора расхода, само собой.

— Ах эти! — пожал плечами Поллукс. — Они были в порядке до девяти десятичных знаков, и мы их поставили обратно.

— Ах вот как? Интересно. Завтра можете их вынуть снова — и я буду стоять рядом, когда будете ставить новые.

— Но, папа, Хейзел сказала, что они годятся! — взвился Кастор.

— Это так, Хейзел? — посмотрел на мать мистер Стоун.

Хейзел замялась, сознавая, что недостаточно твердо внушила близнецам мысль о том, что распоряжения отца должны исполняться буквально. А с другой стороны, она ведь велела им посоветоваться с отцом. Велела, кажется?

— Прокладки были в норме, Роджер. Ничего страшного.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Значит, сочла нужным изменить мои указания? Хейзел, ты спрашиваешься на то, чтобы тебя оставили?

Хейзел подметила в его голосе зловещую мягкость и, прикусив язык, ответила просто:

— Нет.

— Что «нет»?

— Нет, капитан.

— Может, еще и не капитан, но такова установка. Ну, а вы, питекантропы, — обратился он к близнецам, — правильно понимаете эту ситуацию?

Кастор закусил губу. Поллукс перевел взгляд с брата на отца.

— Это ты, папа, неправильно понимаешь ситуацию. Ты поднимаешь шум по пустякам. Если тебе это доставит удовольствие, мы снова разберем регулятор — и ты сам убедишься, что мы были правы. Если б ты видел эти прокладки, ты бы разрешил.

— Возможно. Почти наверняка. Но указания шкипера относительно подготовки его корабля для полета в космос — это не предмет для обсуждения механиков ремонтного дока, кем вы в данный момент и являетесь. Это понятно?

— Ладно, мы просто тебя не дождались. Завтра мы разберем регулятор, ты увидишь, что мы были правы, и мы его снова соберем.

— Ошибаешься. Завтра вы пойдете, разберете регулятор и принесете мне сюда старые прокладки. А потом будете сидеть дома, пока не пришлют новые. Можете провести это время в размышлениях о том, что приказы надо выполнять.

— Подожди, папа! — сказал Кастор. — Ты нас так удержишь на несколько дней.

— Не говоря уж о том, что мы и сейчас теряем с тобой рабочее время, — добавил Поллукс.

Кастор:

— Нельзя же ожидать, что корабль будет готов, если все время толкать нас под руку!

Поллукс:

— И не забывай, что мы экономим твои деньги.

Кастор:

— Верно! Ремонт тебе ни гроша не стоит!

Поллукс:

— А ты еще играешь в корабельную дисциплину.

Кастор:

— Просто руки опускаются, и все!

— Заткнитесь!

Отец встал и схватил обоих сыновей за шиворот. Лунное притяжение, одна шестая земного, позволило ему оторвать их от пола и держать так на вытянутых руках подальше друг от друга. Близнецы беспомощно дергались, но не могли ни за что ухватиться.

— А ну, слушайте меня, — приказал отец. — До этого момента я все не мог решить окончательно — брать вас, дикарей, с собой или нет. А вот теперь решил.

Близнецы помолчали, и Поллукс скорбно спросил:

— Значит, мы не полетим?

— Нет, вы полетите. Вы гораздо больше нуждаетесь в корабельной дисциплине, чем в обучении наукам. Современные школы недостаточно суровы для таких, как вы. У меня на корабле должен быть порядок — повиноваться быстро, весело, одна нога здесь, другая там! В противном случае последует строгое взыскание. Поняли? Кастор?

— Да, сэр.

— Поллукс?

— Так точно, сэр.

— Вот и запомните. Если вы в космосе начнете твякать на меня так, как сейчас, я запихну вас друг другу в глотку. — Отец ловко стукнул близнецов головами и отпустил.

На другой день, возвращаясь домой со старыми прокладками, близнецы зашли в городскую библиотеку. Четыре дня простоя они провели, штудирюя космическое право. Это оказалось весьма отвлекающим чтени-

ем, особенно закон о правах командира корабля в космосе. Закон гласил, что командир — лицо независимое и может и должен отстаивать свою власть, если кто-либо вознамерится узурпировать или оспаривать ее. Некоторые примеры вселяли в них трепет. Так, они прочли о капитане торгового судна, который в качестве верховного судьи вынес приговор — выбросить мятежника из выходного отсека, и у того лопнули легкие в вакууме, и он захлебнулся собственной кровью.

Поллукс скорчил гримасу.

— Дедуля, — спросил он, — как бы тебе понравилось, если б тебя выкинули в космос?

— За этим нет будущего. Вакуум — малопитательная штука. Низкое содержание витаминов.

— Надо бы нам остерегаться и не раздражать отца. Ему капитанство в голову ударило.

— Ударило или нет, а после старта капитанство станет таким же законным, как церковь в воскресенье. Но отец ведь не выбросит нас в космос, что бы мы ни сделали.

— Ты на это не рассчитывай. Папаша становится очень крутым мужиком, когда забывает, что он — любящий отец.

— Что-то ты очень разволновался, юнец.

— Да? Когда почувствуешь, как падает давление, вспомни мои слова.

Еще раньше было решено, что корабль не останется «Херувимом». Однако в отношении нового названия такого единодушия не наблюдалось. После нескольких шумных споров доктор Стоун, у которой собственных идей не было, предложила поставить на обеденном столе коробку и опускать в нее свои предложения без лишних прений. Бумажки копились неделю, потом коробку открыли.

Доктор Стоун выписала все варианты:

Неустрашимый

Икар

Курятник

Сьюзен Б. Энтони

Корабль его величества «Передник» *

* Известный английский мюзикл.

Железный герцог
Ветошь
Утренняя звезда
Звездный фургон
Странник
Ко всем чертям
Шалтай-Болтай
Вперед
Викинг

— Можно было надеяться, — проворчал Роджер, — что поскольку вокруг этого стола собралось столько хваленых умников, то хоть один проявит что-то похожее на оригинальность. Почти все названия из этого списка можно найти в Большом регистре, причем половина кораблей еще на ходу. Предлагаю выкинуть все избитые, затертые, бывшие в употреблении имена и рассматривать только оригинальные.

Хейзел подозрительно посмотрела на него.

— Что же тогда останется?

— Ну...

— Ты и раньше подглядывал, правда? По-моему, я видела, как ты читал бумажки еще до завтрака.

— Мать, твое обвинение лишено почвы, неуместно и недостойно тебя.

— Зато справедливо. Ладно, давайте голосовать. Или кто-нибудь хочет произнести предвыборную речь?

Доктор Стоун постучала по столу наперстком.

— Будем голосовать. У меня еще сегодня собрание медицинской ассоциации.

В качестве председателя она постановила, что название, получившее в первом туре менее двух голосов, исключается. Голосование было тайным. Когда Мид подвела итоги, оказалось, что семь названий получили по одному голосу, а два голоса не получило ни одно.

Роджер Стоун встал и отодвинул стул.

— Вряд ли следовало ожидать согласия в этой семье. Я иду спать. А утром регистрирую корабль под названием «Тупик».

— Ну что ты, папа! — ужаснулась Мид.

— Вот увидишь. А еще лучше «Власьяница». Или «Сумасшедший дом».

— Неплохо, — согласилась Хейзел. — Похоже на нас. С нами не соскучишься.

— Ну, что касается меня, — возразил Роджер, — я был бы не против некоторой доли пристойного однообразия.

— Чепуха! Наша стихия — перемены. Для таких переكاتи-поле, как мы...

— Что такое переكاتи-поле, бабушка Хейзел? — спросил Лоуэлл.

— Это... ну, такое растение.

Роджер щелкнул пальцами.

— Хейзел, ты только что дала имя кораблю.

— То есть как?

— «Переكاتи-поле». Нет, «Переكاتи-Стоун».

— Мне нравится, Роджер, — сказала доктор Стоун.

— Мид?

— Хорошо звучит, папа.

— Хейзел?

— Это один из твоих светлых дней, сынок.

— Если убрать завуалированное оскорбление, то это, полагаю, означает «да».

— А мне не нравится, — заметил Поллукс. — «Переكاتи-поле», «голь перекатная». Мы-то с Касом собрались разбогатеть.

— Четверо против троих, даже если вы переманите Вундера на свою сторону. Большинство. «Переكاتи-Стоун».

Несмотря на большие размеры и огромную мощность, космические корабли устроены, в сущности, очень просто. Любая техника проходит три стадии развития. Первая — это простой, грубый и неэффективный механизм. Вторая — невероятно усложненный механизм, способный возместить недостатки первого и достигающий определенной производительности путем чрезвычайно сложных компромиссов. Третья, заключительная — это изящная простота и высокая производительность, основанная на правильном понимании законов природы и, соответственно, на правильном конструировании.

В области транспорта первую стадию представляет повозка, запряженная волами, и весельная лодка.

Вторую стадию с успехом может представлять автомобиль середины двадцатого века до начала межпланетных полетов. Эти ошеломляющие музейные экспонаты были для своего времени быстрыми, красивыми и мощными машинами, но внутри у них находилась целая коллекция механических нелепостей. Первичный двигатель сей колесницы человек мог бы свободно держать у себя на коленях. В остальном этот безумный механизм состоял из скопища задних мыслей, призванных исправить неисправимое, то есть фундаментальную ошибку конструирования: автомобилям и даже первым самолетам источником энергии (если его можно так назвать) служил поршневой двигатель.

В поршневом двигателе было несколько миниатюрных тепловых двигателей, использующих — в изначально непроизводительном цикле — небольшой процент тепла экзотермической химической реакции, которая прерывалась и вновь возобновлялась каждую долю секунды. Большая часть этого тепла преднамеренно сбрасывалась в «водяную рубашку», или «систему охлаждения», а потом через теплообменное устройство уходила в атмосферу.

Под действием того немногого, что оставалось, металлические болванки сновали взад-вперед как ненормальные (отсюда и название «поршневой») и через передаточный механизм заставляли вращаться вал и маховик. Маховик не обладал стабилизирующими свойствами (хотите верьте, хотите нет). Его задачей было копить кинетическую энергию в тщетной попытке покрыть грехи поршневого механизма. Вал наконец-то заставлял вращаться колеса, и таким образом эта куча железа ехала по дороге.

Первичный двигатель использовался только для ускорения и преодоления «трения» — это понятие тогда широко применялось в технике. При торможении, остановке и повороте герой-водитель использовал силу собственных мускулов, с грехом пополам увеличенную путем системы рычагов.

Несмотря на название «автомобиль», в этих машинах не было автоматического управления. Управление, как

умел, осуществлял человек, долгими часами тараща глаза за грязное органическое стекло. Он без всякой помощи и порой с катастрофическими последствиями оценивал собственное движение и движение других машин. В большинстве случаев водитель понятия не имел о количестве кинетической энергии, накопившейся в машине, и не смог бы составить простейшего уравнения. Ньютоновы законы движения были для него столь же глубокой тайной, что и сущность Вселенной.

Тем не менее на Земле кишели миллионы этих механических недоразумений, чудом не сталкиваясь — или сталкиваясь — друг с другом. Ни один автомобиль не работал как полагается. Они по природе своей не могли работать как полагается. И постоянно выходили из строя. Их водители были чрезвычайно довольны, если они работали вообще. А когда они переставали работать, что случалось через каждые несколько сотен миль (сотен, а не сотен тысяч), тогда нанимался человек из касты посвященных, который проделывал недолговечный и всегда дорогостоящий ремонт.

Несмотря на безумное несовершенство, автомобили служили мерилom достатка хозяев и были самой большой ценностью своего времени. Целых три поколения людей были их рабами.

«Перекасти-Стоун» представлял третью стадию развития техники. КПД его двигателя равнялся почти ста процентам, и на корабле почти не было движущихся частей, кроме гироскопов, а в двигателе их не было вовсе. Ракетный двигатель — самый простой из всех тепловых двигателей. Может, Кастора с Поллуксом и поставил бы в тупик легендарный автомобиль «форд-Т», но «Перекасти-Стоун» был далеко не таким сложным — он просто был гораздо больше. Многие детали, с которыми близнецам приходилось иметь дело, были очень тяжелыми, но одна шестая земного притяжения очень облегчала дело, и братья только изредка прибегали к подъемным механизмам.

Скафандры были помехой во время ремонта, но близнецы этого не замечали. Они надевали скафандры, выходя из искусственной атмосферы подземного города, с тех пор как себя помнили. Они носили скафандры и работали в них, не думая об этом так же, как их дед

в комбинезоне. Воздух на корабле во время ремонта нагнетать не стали — неохота было то и дело пользоваться шлюзом, одеваться и раздеваться при каждом выходе.

Городской представитель компании ИБМ поставил им новый баллистический компьютер и включил его, но после ухода техника близнецы разобрали компьютер и тщательно проверили его сами, питая глубокое недоверие к проверке, производимой поставщиком. Баллистический компьютер корабля должен быть верен — иначе корабль превращается в обезумевшего робота, который непременно разобьется и погубит своих пассажиров. Новый компьютер принадлежал к виду «третий раз повторяю». Это был тройной мозг, каждая треть которого могла самостоятельно решить определенную задачу. Если одна треть давала сбой, две другие, объединившись, отсекали ее, обеспечивая этим хотя бы одну точную посадку и возможность исправить ошибку.

Близнецы лично убедились, что все три доли электронного мозга находятся в здравом уме, но отец и бабушка, к их неудовольствию, проверили все еще раз после них.

Просветили рентгеном последнюю отливку, получили последний металлургический анализ из лаборатории космопорта, последний отрезок трубопровода поставили на место и проверили герметичность. Настала пора перевозить «Перекасти-Стоун» со стоянки Дэна Экизяна в порт, где представитель Комитета атомной энергии — засаленная обезьянка с докторской степенью по физике — вложит в «котел» корабля радиоактивные кирпичики и опечатает его. Там же корабль возьмет запасы и топливо — стабилизированный моноатомный водород. «Перекасти-Стоун» мог при необходимости работать на чем угодно, но лучше всего он работал на моно-аш.

Накануне перевозки корабля в порт близнецы подступили к отцу с разговором на дорожную их сердцу тему — о деньгах. Кастор начал издали:

- Папа, мы хотим серьезно поговорить с тобой.
- Да? Погодите, я позвоню адвокату.

— Ну, папа! Мы просто хотели узнать — ты уже решил, куда мы отправимся?

— А вам-то что за дело? Я же вам обещал, что это будет новое для вас место. Ни на Землю, ни на Венеру мы на этот раз не полетим.

— Да, но куда?

— А вот закрою глаза да ткну пальцем в компьютер. Если он покажет какой-нибудь камушек побольше «Стоуна», туда мы и двинем. Только так и получаешь удовольствие от путешествия.

— Но, папа, — сказал Поллукс, — как же грузить корабль, если не знаешь, куда направляешься?

Кастор сверкнул на него глазами, а отец пристально посмотрел.

— Ага, начинаю понимать. Но вы не беспокойтесь — я, как шкипер, отвечаю за то, чтобы у нас на борту перед стартом было все необходимое.

— Не дразни их, Роджер, — спокойно сказала доктор Стоун.

— А я не дразню.

— Нет, дразнишь — и меня тоже, — неожиданно отозвалась Мид. — Давайте решим этот вопрос. Я — за Марс.

— Ясное дело, за что ж еще, — сказала Хейзел.

— Умолкни, мать. Было время, когда все делали то, что скажет старший мужчина в семье...

— Роджер, если ты думаешь, что я сейчас лягу и притворюсь мертвой...

— Я сказал, умолкни. А в этой семейке все только и думают, как бы обойти папашу. Мид подлизывается. Близнецы наседают на меня. Вундер вопит, пока не получит то, чего хочет. Хейзел задирает меня и претендует на старшинство. И ты тоже, Эдит. Сначала поддаешься, а потом делаешь все по-своему.

— Да, дорогой.

— Поняли, к чему я веду? Вы все думаете, что папа — лопух, но это не так. Пусть у меня слабая голова, податливый характер и, возможно, самый низкий коэффициент умственного развития в семье, но эта наша рыбалка пойдет так, как захочу я.

— Что такое рыбалка? — заинтересовался Лоуэлл.

— Эдит, уйми ребенка.

— Да, дорогой.

— Я собрался на пикник, на Wanderjahr. Кто хочет со мной — милости прошу. Но я ни на миллион миль не отклонюсь от орбиты, которая меня устроит. Я купил этот корабль на деньги, заработанные вопреки противодействию всей семьи. Не тронул ни цента из денег наших юных карточных баронов и не намерен позволять им командовать здесь.

— Они просто спросили, куда мы летим, — мирно сказала доктор Стоун. — Мне бы тоже хотелось это знать.

— Да, спросили. Но зачем? Кастор, ты хочешь это знать, чтобы придумать, какой брать груз, так или нет?

— Ну да. А что тут такого? Если мы не будем знать, на какой рынок направляемся, то куда же вкладывать капитал?

— Это верно. Но я не припомню, чтобы давал разрешение на подобные коммерческие авантюры. «Перекасти-Стоун» — семейная яхта.

— Бога ради, папа! — вмешался Поллукс. — Ведь все грузовое помещение будет пустовать.

— Пустой трюм увеличивает возможность маневра.

— Но ведь...

— Спокойно. Тема временно закрывается. А вот как вы двое предполагаете продолжать свое образование?

— Я думал, это решено, — сказал Кастор. — Ты сказал, что мы летим.

— Частично решено. Но мы ведь вернемся через пару лет. Намерены вы тогда отправиться на Землю и получить там диплом?

Близнецы молча переглянулись. Вмешалась Хейзел:

— Ну зачем быть таким ортодоксом, Роджер? Я возьму на себя заботу об их образовании. Дам им все, что нужно. Меня школьная наука чуть не загубила вконец, пока я не поумнела и не взялась сама себя обучать.

Роджер уныло посмотрел на мать.

— Значит, ты берешься их обучать. Нет, спасибо. Предпочитаю более нормальный подход.

— Нормальный! Роджер, это слово ничего не значит.

— Может, здесь и не значит. Но я хочу, чтобы близнецы выросли настолько нормальными, насколько это возможно.

— Роджер, а ты встречал когда-нибудь нормальных людей? Я — никогда. Так называемый нормальный человек — это воображаемый образ. Любой представитель рода человеческого, начиная с пещерного человека Йо-Йо и кончая высшим продуктом цивилизации, то есть мной, так же эксцентричен, как ручной енот — стоит только застать его без маски.

— Что касается тебя — тут спору нет.

— Это всех касается. Ты пытаешься сделать близнецов «нормальными», а сам только задерживаешь их рост.

— Ну довольно! — Роджер Стоун встал. — Кастор, Поллукс — пойдете со мной. Просим нас извинить.

— Да, дорогой.

— Слабак, — сказала Хейзел. — Я только начала разогреваться для обличительной речи.

Отец увел близнецов к себе в кабинет и закрыл дверь.

— Садитесь. — Близнецы сели. — Теперь можно поговорить спокойно. Ребята, я серьезно беспокоюсь о вашем образовании. Можете жить, как хотите, — стать пиратами или добиться избрания в Большой Совет, но вырасти неучами я вам не дам.

— Конечно, папа, — ответил Кастор, — но мы же учимся. Мы все время учимся. Ты сам говорил, что из нас инженеры получше, чем из половины тех сопляков, что присылают с Земли.

— Допустим. Но этого недостаточно. Нет, я не спору — большинство предметов вы можете изучить самостоятельно, но я хочу заложить в вас правильную, систематическую, незыблемую основу математических знаний.

— Да мы на дифференциальных уравнениях собаку съели!

— Мы учебник Хадсона наизусть знаем, — добавил Поллукс. — Мы делаем в уме тройное интегрирование быстрее, чем Хейзел. Если уж мы и знаем что-нибудь, так это математику.

Роджер Стоун грустно покачал головой.

— Вы можете считать на пальцах, но рассуждать не умеете. Вы, наверно, думаете, что интервал между нулем и единицей равен интервалу между девяносто девятью и ста?

— А разве нет?

— А разве да? Если так — можете вы это доказать? — Роджер снял с полки кассету с пленкой и вставил ее в свой учебный проектор. Перемотав пленку, он спроецировал нужную страницу на стенной экран. Это была таблица разделов математики, которые успел к тому времени изобрести человеческий разум. — Посмотрим, как-то вы разбираетесь в этой таблице.

Близнецы заморгали. В левом верхнем углу были названия дисциплин, которые они изучили, — дальше простиралась неизвестная территория. Даже большинство названий было им незнакомо. Близнецы действительно разбирались в различных технических вычислениях — тут они не хвастали. Они достаточно освоили векторный анализ, чтобы самостоятельно разбираться в электротехнике и электронике; достаточно хорошо знали классическую геометрию и тригонометрию, чтобы владеть астрогацией, и были достаточно подкованы в неевклидовой геометрии, тензорном исчислении, статистической механике и квантовой теории, чтобы управлять ядерной установкой.

Но им никогда не приходило в голову, что они еще и не вступали толком в огромную и полную чудес страну математики.

— Папа, — тихонько спросил Поллукс, — что такое «гипертеория»?

— Самое время, чтобы ты это узнал.

Кастор подозрительно посмотрел на отца.

— А ты сам-то учил все это, папа?

— Не все. Не совсем все. Но мои сыновья должны знать больше, чем я.

Порешили на том, что во время полета близнецы будут усиленно заниматься математикой, и не только под поверхностным руководством отца и бабушки — занятия будут вестись систематически, по заданиям заочных курсов, получаемых с Земли. Они возьмут с собой столько пленок, чтобы хватило на год, а выпол-

ненные задания будут отсылать из каждого порта, куда будут заходить. Мистер Стоун удовлетворился этим — в глубине души он считал, что человек, овладевший математическим инструментарием, может одолеть любую науку — с наставником или без него.

— Теперь, ребята, насчет вашего груза. — Близнецы навестили уши. — Так и быть, я его возьму.

— Ух как здорово, па!

— Но с условием. Вы представите мне расчеты, и я их проверю. Не пытайтесь надуть меня, не то наложу штраф. Хотите стать бизнесменами, так не путайте свою профессию с надувательством.

— Есть, сэр. Только... мы не можем определиться, пока не узнаем, куда летим.

— Это верно. Ну что ж — подойдет вам Марс в качестве первой станции?

— Марс? — Близнецы устремили взор в пространство и беззвучно зашевелили губами.

— Ну, хватит подсчитывать прибыль — вы пока не на Марсе.

— Марс? Это просто отлично!

— Очень хорошо. Еще одно: отстанете в занятиях — и я вам медного свистка не дам продать.

— Мы будем заниматься, папа!

И близнецы поскорей удалились. Роджер Стоун посмотрел на закрытую дверь с нежной улыбкой, которую редко позволял видеть близнецам. Хорошие парни! Какое счастье, что небо не наградило его парочкой послушных, воспитанных пай-мальчиков!

Добравшись до своей комнаты, Кастор схватился за сводный каталог компании «Экспорт Четырех Планет».

— Кас... — начал Поллукс.

— Не приставай.

— Ты заметил, что отец как будто всем уступает, а на деле всегда добивается своего?

— Конечно. Подай-ка мне логарифмическую линейку.

Глава 5

СТАРТ

«Перекасти-Стоуна» перевозила в космопорт бригада портовых рабочих, несмотря на протесты близнецов, которые хотели взять напрокат трактор и платформу и проделать это самостоятельно. Они хотели выполнить эту работу за половинную стоимость, а оставшуюся половину вложить в свой фрахт.

— Застрахуете? — поинтересовался отец.

— Да нет, — ответил Поллукс.

— Мы берем риск на себя, — добавил Кастор. — У нас ведь есть актив, чтобы его покрыть.

Но Роджер Стоун не дал себя уговорить — он предпочел, и не без основания, чтобы эту тонкую работу проделали настоящие профессионалы. Космический корабль на планете почти так же беспомощен и неуклюж, как выброшенный на берег кит. Пока корабль стоит на хвосте носом в небо, с остановленными гироскопами, его кое-как поддерживают в равновесии три боковые опоры. Чтобы перевезти корабль на новое место, нужно оторвать эти опоры от грунта — и тогда он может перевернуться от малейшего сотрясения. «Перекасти-Стоун» надо было перевезти через горное ущелье в порт, который находился в десяти милях от стоянки.

Сначала корабль подняли домкратом так, чтобы хвост оказался в двух футах над грунтом, потом подвели под него широкую платформу и закрепили корабль на ней. Один рабочий управлял трактором, другой сидел в рубке. Не сводя глаз с пузырька в нивелире, связанный телефоном со своим напарником, он держался за рукоятку, управляющую равновесием корабля. Под каждым хвостовым стабилизатором находился гидравлический ртутный цилиндр, и рабочий с помощью рукоятки мог подать давление в любой из трех цилиндров, чтобы выровнять возможное отклонение в пути.

Близнецы сопровождали его наверх.

— Да это легко, — заметил Поллукс, когда рабочий проверил ручку при опущенных опорах.

— Легко, — согласился рабочий, — если сможешь угадать, что хочет выкинуть этот старый хрыч, и сделаешь как раз наоборот — причем раньше его. А теперь катитесь — сейчас отправляемся.

— Послушайте, мистер, — сказал Кастор, — мы тоже хотим поучиться. Мы будем тихо сидеть.

— Даже с пристегнутыми ремнями вы мне ни к чему — дернете бровью и сбросите мне полградуса.

— Да какого черта! — возмутился Поллукс. — Чей это корабль, по-вашему?

— Пока мой, — беззаботно ответил рабочий. — Сами слезете или скинуть вас с лестницы?

Близнецы слезли сами — неохотно, но быстро. «Перекасти-Стоун», который мог двигаться в космосе со скоростью метеора, отправился в космопорт со скоростью от силы две мили в час. На перевозку ушел почти весь гринвичский день. Был один критический момент в ущелье, когда корабль закачался от легкого подлунного толчка, но верхний рабочий опустил опоры, насколько позволяла почва. Корабль подскочил на второй опоре, рабочий выровнял его, и «Перекасти-Стоун» продолжил свое величественное шествие.

Глядя на это, Поллукс сказал Кастору — хорошо, что их не взяли на эту работу. Он начинал понимать, что это — особое искусство, вроде выдувания стекла или вытесывания кремневых наконечников для стрел. Вспоминались рассказы о Большом толчке тридцать первого года, когда перевернулось девять кораблей.

Больше сотрясений не наблюдалось, кроме едва ощутимой постоянной дрожи Луны под влиянием мощных приливов и отливов на Земле, которая была в восемь раз тяжелее. Наконец «Перекасти-Стоун» добрался до стартовой площадки на восточной стороне Лейпорта и уперся двигателем в отражательный щит. Ядерное топливо, вода, продовольствие — и он будет готов отправиться куда угодно.

Мифический средний человек нуждается ежедневно в трех с половиной фунтах продовольствия, четырех фунтах воды (для питья, а не для умывания) и в тридцати четырех фунтах воздуха. Перелет на Марс от системы Земля—Луна по наиболее экономичной орбите занимает тридцать семь недель. Получается, что на семерых перекасти-Стоунов в один рейс требуется взять семьдесят пять тысяч фунтов продовольствия, воды и воздуха — около тонны на неделю.

К счастью, истина не столь мрачна, не то им никогда не удалось бы взлететь. Воздух и воду на космическом корабле можно использовать вновь и вновь после соответствующей регенерации — так же, как это происходит на планете. Неисчислимые триллионы живых существ миллионы лет дышали воздухом Земли и пили из ее источников, однако воздух на Земле по-прежнему свеж, а реки полны воды. Солнце высасывает из вод океана облака, из которых проливается богатный дождь; растения, которыми изобилуют прохладные зеленые взгорья и пышные долины Земли, усваивают из воздуха углекислый газ, выдыхаемый животными, и превращают его в гидроокись углерода, заменяя чистым кислородом.

Оснащенный надлежащим образом космический корабль может существовать точно так же.

Вода дистиллируется. При бесконечном вакууме вокруг корабля, низкой температуре и низком давлении дистилляция становится дешевым и легким делом. Вода на корабле — не проблема, или, скорее, нет проблемы с недостатком воды. Вопрос в том, куда девать ее избыток — ведь в процессе обмена веществ человеческий организм тоже выделяет воду, сжигая водород, получаемый с питанием. Углекислый газ можно заменять кислородом с помощью «земледелия без земли» —

гидропоники. Корабли, совершающие короткие рейсы, например челноки Земля—Луна, всем этим не оборудованы, как велосипед не оборудован каютами или камбузом, но «Перекасти-Стоун», предназначенный для глубокого космоса, был оснащен соответственно.

Вместо сорока одного с половиной фунта довольствия на человека в день «Стоун» мог обойтись двумя. Ради пущей безопасности и полного благополучия в расчет было взято три фунта, или всего восемь тонн, включая личный багаж. Свои овощи они вырастят в пути, а большинство продуктов поступало на борт в сушеном виде. Мид хотела взять свежие яйца, но законы физики и мать ей не позволили — яичный порошок намного легче.

Багаж включал в себя не только популярные видеофильмы, но и целую грудку книг. Вся семья, за исключением близнецов, питала старомодное пристрастие к книгам — они любили настоящие книги в обложках, тома, которые можно держать на коленях. Фильмы — это все-таки не совсем то.

Роджер Стоун потребовал, чтобы сыновья представили ему список грузов, которые они хотели взять на Марс. Получив упомянутый список, он созвал близнецов на совещание.

— Кастор, ты не можешь разъяснить мне эту вашу декларацию?

— А что тут разъяснять-то? Пол все переписал, по-моему, вполне разборчиво.

— Боюсь, что слишком разборчиво. Зачем столько медных труб?

— Мы их покупаем на вес. Медь на Марсе всегда пользуется спросом.

— Ты хочешь сказать, что вы их уже купили?

— Да нет. Только дали небольшой задаток, чтобы их придержали для нас.

— То же, полагаю, относится и к арматуре?

— Да, сэр.

— Хорошо. Переходим к другим видам груза — тростниковый сахар, зерно, сушеный картофель, шлифованный рис. Это что такое?

— Кас предложил взять металл, а я — продукты, — ответил Поллукс, — и мы пошли на компромисс.

— А почему именно эти продукты?

— Это все выращивается в городском гидропонном питомнике, поэтому стоит дешево. Ты же видишь — ничего, что импортируется с Земли, тут нет.

— Вижу.

— Но почти во всем, что тут выращивается, слишком высокий процент воды. Ты же не собираешься везти на Марс огурцы, правда?

— Я вообще ничего не собираюсь везти на Марс — я просто путешествую. — Мистер Стоун отложил перечень грузов и взял другой листок. — Взгляните-ка сюда.

Поллукс с опаской взял листок.

— А что это?

— Я в свое время тоже был неплохим механиком. Меня заинтересовало — что же можно сделать из того «металла», который вы желаете погрузить. И у меня получился перегонный аппарат приличного размера. А из ваших «продуктов» на нем можно гнать что угодно — от водки до винного спирта. Но вы ведь в невинности своей, конечно, и понятия об этом не имеете.

— Правда? — спросил Кастор.

— Вы мне вот что скажите: вы намеревались сдать все это в государственное агентство по импорту или выбросить на рынок?

— Ну ты же знаешь, папа, что настоящую прибыль можно получить только на свободном рынке.

— Я так и думал. Вы полагали, что я не пойму, для чего нужен ваш товар, и полагали, что таможенники на Марсе этого тоже не поймут. Мальчики, я намерен беречь вас от тюрьмы, пока вы не достигнете совершеннолетия. А потом постараюсь навещать вас в каждый дозволенный день. — Роджер сунул им список обратно. — Угадывайте снова. И зарубите на носу, что мы стартуем в четверг — и мне все равно, возьмем мы груз или нет.

— Ох, папа, Бога ради! — сказал Поллукс. — Авраам Линкольн продавал виски. Мы это проходили по истории. А Уинстон Черчилль его пил.

— А Джордж Вашингтон держал рабов, — добавил отец. — Ни то, ни другое, ни третье к вам отношения не имеет. Поэтому проваливайте.

Близнецы вышли из кабинета в гостиную, где сидела Хейзел. Она подмигнула им.

— Ну что, не прошел номер?

— Нет.

Хейзел протянула руку ладонью вверх.

— Платите. И в следующий раз не спорьте, что можете облапошить отца. Он все-таки мой сын.

После этого Кас и Пол основной статьей своего экспорта выбрали велосипеды. И на Марсе, и на Луне производить горные изыскания на велосипеде гораздо проще, чем пешком. На Луне старомодный старатель, который обследует район, где посадил свой ракетоплан, только на лыжах да на своих двоих, почти ушел в прошлое — велосипед старателю стал так же необходим, как веревка для лазания по скалам и запас кислорода. На Луне, где все в шесть раз легче, чем на Земле, велосипед можно было запросто нести на спине, если на пути встретятся препятствия.

Притяжение Марса — вдвое больше лунного, но все-таки составляет только треть земного, к тому же Марс — планета плоских равнин и пологих склонов. Велосипедист там может развить скорость от пятнадцати до двадцати миль в час. Старатель-одиночка, лишившись своего традиционного ослика, обнаружил, что велосипед не менее доступен и не менее надежен — ну разве что не так близок по духу. Старательский велосипед на улицах Стокгольма выглядел бы странно. Слишком большие колеса, толстые, как пончики, песчаные шины, прицеп сзади, устройство для непрерывного заряда батарей, рация, седельные сумки, счетчик Гейгера — все это делало машину малоприспособленной для прогулки по парку, но для Марса и Луны такой велосипед годился, как годится каноэ для быстрой канадской реки.

Обе планеты ввозили велосипеды с Земли — до недавнего времени. Потом компания «Лунар стил продактс» начала изготавливать стальные трубы, проволоку и штампованные детали из местной руды, а «Сиэрс и Монтгомери» построили на Луне завод по сборке старательских велосипедов под названием «Лунопед». «Лунатики», в которых было не более двадцати процентов

привозных деталей, обесценили импортные велосипеды больше чем наполовину.

Кастор и Поллукс решили купить подержанные велосипеды, которые постепенно заполняли рынок, и доставить их на Марс. В межпланетной торговле значение имеет вес товара, а не расстояние, на которое приходится его везти. Земля — чудесная планета, но вся ее продукция лежит на дне слишком глубокого «колодца гравитации» — глубже, чем на Венере, и неизмеримо глубже, чем на Луне. Хотя и Луна, и Земля находятся примерно на одинаковом расстоянии от Марса в милях, Луна ближе к Марсу на пять миль в секунду, если считать топливо и стоимость перевозки.

Роджер Стоун выделил денег ровно столько, чтобы оплатить покупку. Близнецы грузили подержанные велосипеды до самого вечера среды. Кастор их взвешивал, Мид вела запись, а Пол грузил. Все остальное уже подняли на борт. Контрольное взвешивание с экипажем на борту произведет дежурный по порту, когда груз будет в трюме. Роджер Стоун наблюдал за погрузкой — он нес личную ответственность за баланс корабля во время старта.

Он и Кастор помогли Поллуксу разгрузить последний поддон.

— Некоторые и везти-то не стоит, — заметил отец.

— По-моему, это просто утиль, — добавила Мид.

— Тебя никто не спрашивает, — отрезал Пол.

— Повежливей, — ласково ответила Мид, — или поищи себе другого секретаря.

— Давай грузи, юнец, — распорядился Кастор. — Не забывай, что она работает бесплатно. Папа, я согласен, что тут особенно не на что смотреть, но ты подожди. В космосе мы с Полом починим их и покрасим. Времени у нас полно — как новенькие будут.

— Смотрите только не пытайтесь выдать их за новые. Но, по-моему, вы перестарались. Когда мы все это разместим и закрепим, в трюме кошку негде будет повесить, не говоря уж о ремонтных работах. Если рассчитываете захватить жилое помещение, то это решительно запрещается.

— А зачем вешать кошку? — спросила Мид. — Ей бы это не понравилось. Кстати, почему бы нам не взять кошку?

— Никаких кошек, — отрезал отец. — Я раз путешествовал с кошкой и персонально отвечал за ее ящик с песком. Никаких кошек.

— Пожалуйста, капитан папочка! Я вчера видела у Хейли такого чудного котеночка...

— Никаких кошек. И не называй меня «капитан папочка». Или одно, или другое, но вместе это глупо.

— Да, капитан папочка.

— Мы и не собираемся работать в жилом помещении, — сказал Кастор. — Как только выйдем на орбиту, вывесим их наружу, а в трюме устроим мастерскую. Там полно места.

Немалая часть населения Луна-Сити пришла проводить Стоунов. Теперешний мэр, почтенный Томас Бизли, пришел попрощаться с Роджером Стоуном. Многие оставшиеся в живых отцы-основатели явились выразить почтение Хейзел. Делегация Молодежной лиги и добрая половина мальчиков из старшего класса техникума оплакивала отлет Мид. Мид рыдала и обнимала всех, но никого не целовала: поцелуй в скафандре — дело зряшное.

Близнецов провожал только торговый агент, который требовал платы — прямо здесь, сейчас и в полном объеме.

Над ними висела половинка Земли, и длинные тени гор Обелиска тянулись почти через все поле. «Перека-ти-Стоун» был освещен прожектором, его стройный силуэт возвышался над кругом света. Вверху все еще отражали свет заходящего Солнца вершины хребта Роджера Янга, обозначающие конец взлетного поля. Рядом с Землей блистал великолепный Орион. К северо-востоку от него знакомый ковш Большой Медведицы касался рукояткой горизонта. Под сводом глубоких небес, на фоне могучих природных монументов Луны человеческие фигурки в шлемах у подножия корабля казались совсем крохотными.

Прожектор с далекой контрольной вышки нашел их и три раза мигнул красным. Хейзел обернулась к сыну.

— Тридцать минут, капитан.

— Знаю. — Роджер свистнул в микрофон. — Прошу тишины! Просьба всем соблюдать тишину, пока не

спуститесь под землю. Спасибо всем, что пришли. До свидания!

«Пока, Роджер!» — «Счастливого пути!» — «Ало-ха!» — «Возвращайтесь поскорей!»

Провожающие начали понемногу спускаться в подземный туннель. Мистер Стоун сказал своим:

— Тридцать минут. Все на корабль!

— Есть, сэр.

Хейзел стала подниматься по лестнице, за ней двинулся Поллукс. Вдруг она остановилась, подалась назад и наступила внуку на пальцы.

— С дороги, юнец! — Хейзел спрыгнула с лестницы и побежала за группой провожающих. — Эй, Том! Бизли! Погоди! Минутку...

Мэр остановился и оглянулся. Хейзел сунула ему в руку пакет.

— Отправишь на Землю?

— Конечно, Хейзел.

— Вот и молодец. Пока!

Хейзел вернулась, и сын спросил ее:

— Что это тебе приспичило, мать?

— Шесть серий. Всю ночь над ними работала — и совсем забыла, что они все еще у меня. Только когда стала подниматься, спохватилась, что держусь только одной рукой.

— А голову не забыла, нет?

— Не хами, мальчик.

— Все на борт.

— Есть, сэр.

Когда все поднялись, портовой весовщик снял окончательные показания со шкал под каждым из стабилизаторов и подвел итог.

— На 2,7 фунта ниже нормы, капитан. Точно уложились. — И он прикрепил к лестнице бирку с указанием веса. — Забирайте.

— Спасибо, сэр.

Роджер втянул лестницу, забрал бирку и закрыл дверь входного отсека. Прошел на корабль, закрыл и запер за собой внутреннюю дверь, заглянул в рубку. Кастор уже лежал в кресле второго пилота.

— Время?

— Семнадцать минут до старта, капитан.

— Курс прокладывается? — Роджер протянул руку и прикрепил бирку к стойке в центре отсека.

— Прокладывается.

Главную задачу решили еще три недели назад, определив время отправления с точностью до секунды. Только в течение короткого периода каждые двадцать шесть месяцев корабль может стартовать от системы Луна—Земля на Марс по наиболее экономичной орбите. После пробного взвешивания накануне старта капитан решил вторую задачу: какая сила тяги и в течение какого времени потребуется, чтобы вывести данный корабль на данную орбиту? Ответ, который у него получился, Кастор сейчас и закладывал в автопилот.

Первый отрезок траектории был направлен не к Марсу, а к Земле. Когда они обогнут Землю, наступит второй критический момент, не менее ответственный, чем старт. При этой мысли капитан Стоун нахмурился, потом пожал плечами: об этом он будет беспокоиться после.

— Продолжай, я спущусь вниз.

Он направился в машинное отделение, поглядывая по сторонам. Даже бывалый торговый шкипер волнуется в последние минуты перед стартом. Старт корабля — все равно что прыжок с парашютом: если прыгнул, то ошибки уже поздно исправлять. Космических шкиперов мучают кошмары: им кажется, что они неверно рассчитали десятки и сотые.

Хейзел и Поллукс заняли лежаки главного инженера и ассистента. Роджер сунул голову в люк, не спускаясь к ним.

— Машинное?

— Все в порядке. Прогреваю потихоньку.

Доктор Стоун, Мид и Вундер приготовились стартовать в кубрике за компанию. Капитан заглянул к ним:

— У вас все в порядке?

— Конечно, дорогой, — ответила со своего кресла жена. — Я сделала Лоуэллу укол.

Вундер лежал на спине, пристегнутый ремнями, и спал. Он один пока не испытал, что такое перегрузка и невесомость. Мать решила ввести ему снотворное, чтобы он не испугался.

— Завидую ему, — сказал Роджер, глядя на младшего сына.

— Голова болит, папа? — приподнявшись, спросила Мид.

— Переживу. На этих прощальных вечеринках всегда получается перебор, особенно у того, с кем прощаются.

Из репродуктора послышался голос Кастора:

— А хочешь, я подниму корабль, папа? Я себя прекрасно чувствую.

— Занимайтесь своим делом, второй пилот. Прокладка курса продолжается?

— Да, сэр. Одиннадцать минут.

— «За грех расплата — смерть», — отозвалась Хейзел.

— Кто бы говорил. Прекратить посторонние разговоры по внутренней связи! Это приказ.

— Есть, капитан.

Роджер хотел уйти, но жена остановила его.

— Прими-ка это, дорогой. — И протянула ему таблетку.

— Не надо.

— Прими.

— Ладно, милый доктор. — Он проглотил таблетку, сморщился и пошел в рубку. Улегшись в свое кресло, он сказал: — Запроси вышку.

— Есть, сэр. «Перекасти-Стоун», порт Луна-Сити, вызывает вышку — запрашиваем разрешение на старт по согласованному плану.

— Говорит вышка. «Перекасти-Стоун», старт разрешаем.

— Вас понял, вышка.

Капитан посмотрел на пульт. Все индикаторы светились зеленым, кроме одного огонька — машинного отделения. Он сменился зеленым, только когда капитан распорядился снять печать с кадмиевой заслонки. Роджер поправил микроверньер индикатора курса — автопилот работал верно, как уже доложил Кастор.

— Всем постам докладывать поочередно. Машинное отделение!

— Шипит, Роджер! — ответила Хейзел.

— Пассажиры!

— Мы готовы, Роджер.

— Второй пилот!

— Добро на старт, зеленый свет, сэр! Проверка закончена. Пять минут до старта.

— Пристегнуть ремни и доложить!

— Машинное пристегнулось.
— Мы пристегнулись, дорогой.
— Все посты пристегнулись, сэр.
— Машинное отделение — вскрыть реактор для старта!

Последний красный огонек на пульте сменился зеленым, и Хейзел доложила:

— Машинный пульт вскрыт, шкипер. К запуску готовы. В репродукторе слышался другой голос:
— А я ложусь спать...
— Тихо, Мид! — рявкнул Роджер. — Второй пилот, начинайте отсчет!

Кастор начал нараспев:

— Две минуты десять... Две минуты... Минута пятьдесят... Минута сорок...

У Роджера давило в висках, и он от души жалел, что вчера не сообразил вернуться домой пораньше, хоть бы и с вечера в свою честь.

— Минута! Пятьдесят пять... Пятьдесят...

Роджер положил палец на ручной пусковой ключ — на случай, если автопилот подведет, но быстро убрал руку. Это не военный корабль — если автоматический пуск не сработает, нужно отменить старт, а не рисковать женой и детьми. В конце концов, у него только любительские права.

— Тридцать пять... Тридцать!

Голова разболелась еще пуще. Зачем было оставлять уютную квартиру? Чтобы болтаться в этой жестянке?

— Двадцать восемь, двадцать семь, двадцать шесть...

Ну, если что случится, по крайней мере сирот не останется. Все семейство Стоун тут, ствол и ветви. Перекати-Стоуны...

— Девятнадцать... Восемнадцать... Семнадцать...

Но нельзя же вернуться и сказать всем людям, которые их только что проводили: «Знаете, мы что-то передумали...»

— Двенадцать! Одиннадцать! Десять! Девять!

Роджер снова положил палец на ручной пуск.

— Пять! Четыре! Три! Два! — Голос Кастора заглушил «белый шум» двигателя, и «Перекати-Стоун» стартовал в космос.

Глава 6

ВУНДЕР И БАЛЛИСТИКА

Стартовать с Луны не так трудно и страшно, как с Земли. У Луны такое слабое поле и такая низкая гравитация, что достаточно ускорения в одно g , то есть нормального земного веса.

Капитан Стоун решил стартовать при двукратной перегрузке, чтобы сэкономить время и горючее, побыстрей оторвавшись от Луны, — побыстрей, потому что на преодоление кораблем притяжения планеты расходуется добавочное количество топлива сверх того, что нужно для вывода корабля на орбиту. «Перекасти-Стоун» мог работать на малой тяге, только сжигая дополнительное топливо, то есть не позволяя ядерному реактору достаточно разогреть жидкий водород, чтобы развить настоящую скорость. Поэтому «Стоун» около двух минут должен был работать при двукратной перегрузке. Ну что такое двукратная перегрузка? Ее испытывает борец, прижатый к мату противником. Ее испытывает ребенок на школьных качелях и почти каждый человек, когда резко поднимается с места.

Но Стоуны долго жили на Луне, а все дети там родились, и двукратная перегрузка в двенадцать раз превышала вес, к которому они привыкли.

Головная боль Роджера, утихшая было от обезболивающего, которое дала ему жена, вернулась с новой силой. Грудная клетка вдавливалась внутрь, он задыхался, но все время проверял показания акселерометра, чтобы убедиться, послушен ли ему корабль.

Удостоверившись по приборам, что все идет как надо, несмотря на отвратительное самочувствие, Роджер с трудом повернул голову к сыну.

— Кас, ты как?

— Отлично, шкипер, — просипел Кастор, — следуем согласно плану полета, сэр.

— Очень хорошо, сэр, — и Роджер сказал в микрофон: — Эдит...

Ответа не было.

— Эдит!!

— Да, дорогой, — с трудом ответила она.

— Как вы там?!

— Хорошо, дорогой. Мы с Мид — хорошо. Малышу плохо.

Роджер собрался вызвать машинное отделение, но Кастор напомнил ему о времени:

— Двадцать секунд! Девятнадцать! Восемнадцать!

Капитан перевел глаза на секундомер и положил руку на рычаг, чтобы нажать, если автопилот не работает. Кастор, держа руку на своем рычаге, страховал отца, а внизу в машинном отделении Хейзел тоже тянулась дрожащей рукой к рычагу.

Секундомер отсчитал последние полсекунды, Кастор крикнул: «Отсечка!» — и три руки нажали на три рычага, но автопилот опередил их. Двигатель захлебнулся, лишившись топлива, заслонка заперла нейтроны в ядерном реакторе, и «Стоун» перешел на баллистическую траекторию к Земле. Сразу же настала глухая тишина, прерываемая только шорохом кондиционера.

Роджер проглотил свой желудок.

— Машинное, доложите! — прохрипел он.

Хейзел тяжело перевела дух.

— Порядок, сын, — слабо ответила она, — но не забудь про последний этап — в нем весь фокус.

— Кас, запроси доплеровские координаты из порта.

— Есть, сэр. — Кастор вызвал радарную и доплеровскую станцию Лейпорта. Хотя на «Стоуне» были

радар и все необходимые приборы, корабль не смог бы поднять оборудование таких размеров и такой точности, которое установлено во всех портах и на всех спутниках. — «Перекати-Стоун» вызывает Луну-Штурманскую — как слышите?

И он включил корабельный радар и доплеровский локатор, приготовившись проверить их показания по тем, что поступят с Луны. Кастор делал это, не дожидаясь указаний, — это входило в обязанности второго пилота.

— Луна-Штурманская. Слышу вас, «Перекати-Стоун».

— «Перекати-Стоун» запрашивает удаленность, пеленг и отрыв, а также отклонения от плана полета. Рейс номер четырнадцать по расписанию поля, без изменений.

— Вас понял. Приготовьтесь к записи.

— Готов, — ответил Кастор, включая магнитофон.

Они были еще настолько близко к Луне, что запаздывание передачи, идущей со скоростью света, не замечалось.

Скучающий голос назвал время справки с точностью до половины секунды и прочел координаты их пеленга в единицах Системы с поправкой на положение Луны в момент старта. Затем назвал их скорость и относительное удаление от Луны, также с поправкой на положение планеты. Поправка была сравнительно небольшой, так как Луна вращается со скоростью менее двух третей мили в секунду, но тем не менее была необходима. Пилот, пренебрегший такой поправкой, мог оказаться за тысячи и даже миллионы миль от своей цели.

— Отклонения от плана полета незначительны, — добавил оператор. — Очень удачный старт, «Перекати-Стоун».

Кастор поблагодарил и отключился.

— В русле, папа.

— Хорошо. С наших приборов снял показания?

— Да, сэр. На семь секунд позже Луны.

— Ладно. Наведи их опять на линию полета и введи вектор — надо проверить. — Он внимательно посмотрел на сына — Кастор слегка посинел. — Ты что, не принимал таблетки?

— Принимал, сэр. На меня всегда поначалу так действует. Скоро пройдет.

— Выглядишь, как труп недельной давности.

— Да и ты не свежее, папа.

— Это точно, не свежее — но строго между нами. Можешь последить за экранами или хочешь соснуть?

— Конечно, могу!

— Ну ладно... внимательней с десятичными знаками.

— Есть, капитан.

— Я пошел на корму. — И Роджер стал отстегивать ремни, говоря в микрофон: — Всем постам отстегнуться. Машинное отделение, блокировать реактор и опечатать пульт.

— Я слышала сводку, капитан, — ответила Хейзел. — Машинное отделение закрыто.

— Не забегай вперед, Хейзел, если не хочешь отправиться назад.

— Я не так выразилась, капитан. Я хотела сказать — мы как раз блокируем машинное отделение по вашему приказу, сэр. Теперь — готово. Машинное отделение закрыто!

— Очень хорошо, главный.

Он мрачно усмехнулся: его пульт показывал, что первый рапорт был правильным — Хейзел закрыла реактор, как только узнала, что они идут верным курсом. Этого он и боялся: изображать шкипера в экипаже, состоящем из заядлых индивидуалистов, — удовольствие среднее. Роджер ухватился за центральную стойку, повернулся лицом к корме и поплыл через люк в жилой отсек.

Оказавшись в кубрике, он повис, держась за поручень. Там все уже отстегнулись. Доктор Стоун хлопотала над ребенком. Роджер не видел, что именно она делает, но было ясно, что Лоуэлла сильно стошнило — Мид, сама с остекленевшими глазами, держась одной рукой, пыталась другой убрать следы рвоты. Мальчик еще не приходил в сознание. При виде этого Роджеру тоже стало нехорошо.

— Ничего себе!

Жена оглянулась на него через плечо.

— Дай мне коробочку для инъекций, — велела она. — В шкафчике позади тебя. Хочу его разбудить. Он все время пытается проглотить свой язык.

— Да, дорогая, — промямлил Роджер. — Что будешь колоть?

— Неокофеин, один кубик. Поживей!

Он нашел коробку, наполнил шприц и подал доктору Стоун. Она сделала укол мальчику в бок.

— Что мне еще делать? — спросил он.

— Ничего.

— Опасности нет?

— Нет, пока он у меня перед глазами. Иди-ка попроси Хейзел прийти сюда.

— Да, дорогая. Иду. — Он поплыл на корму, где его мать парила в воздухе с довольным видом. Поллукс еще не вылезал из кресла. — Как вы тут, ничего?

— Конечно. Почему бы нет? Вот только мой помощник, по-моему, хочет выйти на следующей остановке.

— У меня все нормально, — пробурчал Поллукс. — Хватит цепляться.

— Надо бы помочь Эдит, мать, — сказал Роджер. — Вундер испачкал весь кубрик.

— Вот чертенок! Он же ничего сегодня не ел, я с него глаз не спускала.

— Видно, ты потеряла бдительность на пару минут — улики налицо. Иди-ка помоги Эдит.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин.

Она оттолкнулась ногой от перегородки и юркнула в люк. Роджер спросил у сына:

— Ну как?

— Через пару часов буду в норме. Тут уж ничего не поделаешь, придется потерпеть. Все равно что зубы чистить.

— Это факт. Я не прочь взять напрокат небольшую планетку. Сделал запись в инженерный журнал?

— Нет еще.

— Так сделай. Отвлечешься от мыслей о своем нутре.

Роджер снова направился в кубрик. Лоуэлл уже проснулся и плакал. Эдит уложила его на койку и прибинтовала к ней простыней, чтобы создать видимость устойчивости.

— Мама! — хныкал ребенок. — Сделай, чтобы все стояло на месте!

— Тихо, милый. Все хорошо. Мама с тобой.

— Я хочу домой!

Мать, не отвечая, гладила его по голове. Роджер поскорее удалился в носовой отсек.

К ужину весь экипаж, кроме Лоуэлла, уже приспособился к невесомости, преодолев ощущение, словно ступаешь в темную шахту лифта. Однако особенного аппетита ни у кого не было. Доктор Стоун ограничила меню бульоном с крекерами и компотом из сушеных абрикосов. Было и мороженое, но охотников на него не нашлось.

Никто и не ожидал, что недомогание, вызванное переходом от притяжения планеты к невесомости космоса, будет слишком сильным или долго продлится. Их желудки и барабанные перепонки уже проходили через такое испытание раньше. Стоуны облетались, просолились.

Но Лоуэлл был новичком, и весь его организм восставал против непривычных условий, а он был недостаточно большой, чтобы встретить это спокойно и без страха. Он плакал, давился, икал, и ему становилось еще хуже. Хейзел и Мид по очереди старались успокоить его. Мид, покончив с легким ужином, сменила бабушку. Когда та пришла в рубку, где они ели, Роджер спросил:

— Как он там?

Хейзел пожала плечами.

— Уговаривала его сыграть со мной в шахматы, а он в меня плюнул.

— Похоже, ему лучше.

— Незаметно что-то.

— Мам, — сказал Кастор, — а ты не можешь накачать его лекарствами, пока он не очухается?

— Нет, — ответила доктор Стоун, — я уже и так дала ему самую большую дозу, какую допускает его вес.

— Сколько, по-твоему, ему понадобится времени, чтобы оправиться? — спросил ее муж.

— Не могу сказать заранее. Обычно дети привыкают быстрее взрослых, ты сам знаешь, дорогой, — но известно также, что некоторые люди вообще не могут приспособиться. Они просто физически неспособны летать в космос.

У Поллукса отвисла челюсть.

— Ты что же, хочешь сказать, что Вундер — прирожденный «земноводный»?

Он произнес это так, будто речь шла об уродстве или о чем-то позорном.

— А ну заткнись, — резко сказал отец.

— Ничего такого я сказать не хотела, — решительно ответила мать. — Лоуэлу сейчас плохо, но он очень скоро может оправиться.

Настало угрюмое молчание. Поллукс снова наполнил свой пакет бульоном, взял горсть крекеров и устроился на своем насесте, зацепившись ногой за стойку. Он поймал взгляд Кастора, и близнецы стали беседовать с помощью гримас и пожиманий плечами. Отец отвел глаза — близнецы частенько разговаривали между собой таким образом, и этот код — если это был код — посторонним был непонятен.

— Эдит, — спросил он жену, — ты правда думаешь, что Лоуэлл может не приспособиться?

— Такая возможность, безусловно, есть.

Она не стала развивать свою мысль — в этом не было нужды. Космическая болезнь, как и морская, сама по себе не убивает, зато это делают голодание и истощение организма.

— Ничего себе, вовремя спохватились, — присвистнул Кастор. — Мы уже вышли на марсианскую орбиту.

— Ты знаешь, что это не так, Кастор, — резко сказала Хейзел.

— Чего?

— Ничего, тупица, — вмешался брат. — Придется поворачивать оглобли.

— А-а, — Кастор нахмурился. — Я и забыл, что наша траектория состоит из двух отрезков. — Он вздохнул. — Ну что ж. Обратно так обратно.

Существовала только одна точка, из которой они могли повернуть обратно на Луну. Сейчас они летели к Земле по обычной S-траектории, то есть почти по прямой. Они пройдут очень близко к Земле по гиперболической орбите со скоростью пять миль в секунду. Чтобы продолжить полет на Марс, Стоуны планировали увеличить скорость, запустив двигатель в точке наибольшего приближения — так они вышли бы на эллип-

тическую орбиту относительно Солнца, обеспечивающую сближение с Марсом.

А можно было проделать обратный маневр — остановить полет, отработав двигателем против движения корабля, и таким образом вывести «Стоун» на эллиптическую орбиту относительно Земли. Эта траектория, если рассчитать ее правильно, приведет их обратно на Луну, домой, прежде чем их малыш умрет от голода или обессилеет от рвоты.

— Да, ничего не поделаешь, — согласился Поллукс и вдруг ухмыльнулся. — Никто не хочет купить партию велосипедов? Дешево?

— Не спеши ликвидировать фонды, — сказал отец. — Но мы ценим твое отношение. Что скажешь, Эдит?

— По-моему, тут нельзя рисковать, — заявила Хейзел. — Малышу худо.

Доктор Стоун колебалась.

— Роджер, сколько еще до перигея?

Тот посмотрел на пульт управления.

— Около тридцати пяти часов.

— Может, стоит подготовить оба маневра? Тогда мы сможем принять решение, когда придет время разворачивать корабль.

— Это имеет смысл. Хейзел, вы с Кастором разработайте программу возвращения, а мы с Поллуксом займемся отработкой направления на Марс. Пока приблизительно — когда подойдем поближе, успеем поправиться. Все работают независимо, потом меняемся и проверяем. Помните о десятичных знаках!

— Сам помни, — ответила Хейзел.

— Себе взял что полегче, а, пап? — с хитрой улыбкой спросил Кастор.

— Что, не справишься? — спросил в свою очередь отец. — Хочешь поменяться?

— Нет, сэр! Справлюсь.

— Вот и давай — и не забудь, что ты член экипажа в полете.

— Есть, сэр.

Роджер и в самом деле «взял что полегче» — основную траекторию полета на Марс мимо Земли вычислили на больших компьютерах Лунной штурманской станции еще до старта. Правда, работу штурманской станции

надо было перепроверить с учетом неизбежных ошибок или отклонений от плана полета, которые выяснятся, когда «Стоун» достигнет перигея. Вдруг они летят слишком высоко, слишком низко, слишком быстро, слишком медленно или вообще уклонились от теоретически вычисленной для них траектории. Они вполне могли ошибиться во всем сразу — самая ничтожная ошибка на старте за четверть миллиона миль могла возрасти во много раз.

Приступить к исправлению ошибок можно будет только через пятнадцать-двадцать часов — надо позволить отклонениям накопиться, чтобы их можно было измерить.

Выход же на обратную эллиптическую орбиту к Луне был совсем новой, непродуманной задачей. Капитан Стоун не взялся за нее не потому, что ленился — он все равно собирался решать обе задачи, но ничего никому не сказал. Сейчас его беспокоило другое: за ним шло несколько других кораблей, и все на Марс. В следующие несколько дней старты на Марс будут частыми — все воспользуются благоприятным периодом, который бывает раз в двадцать шесть месяцев и во время которого перелет на Марс стоит относительно «дешево» — эллипсоид с минимальным расходом горючего, идущий по касательной к орбитам обеих планет, действительно выводит на сближение с Марсом, а не на какой-нибудь глухой отрезок марсианской орбиты. Все корабли, за исключением военных судов и безумно дорогих пассажирских лайнеров, стараются стартовать на Марс именно в это время.

Идеальное время для старта — всего четыре дня, когда корабли, поднимающиеся из Лейпорта, платят за эту привилегию приличную надбавку сверх обычной платы за обслуживание. Только большой корабль может себе позволить столько выложить — стоимость сэкономленного жидкого водорода все равно перекрывает сумму, уплаченную за старт. «Перекасти-Стоун» стартовал как раз перед началом этого периода, а значит, за ним тянется, как бусы на ниточке, добрая дюжина кораблей, и все они следуют к Земле, а от нее — на Марс.

Если «Перекасти-Стоун» повернет обратно и отправится вместо Марса на Луну, могут возникнуть транспортные пробки.

Столкновения космических кораблей — дело почти неслыханное. Космос очень велик, а корабли очень маленькие. Но все возможно, особенно когда много кораблей идут одним курсом в одно время в одном секторе пространства. Космонавты никогда не забудут случая с «Восходящей звездой» и патрульным кораблем — тогда погибло сто семь человек и никто не остался в живых.

Корабли будут стартовать на Марс и в следующие три дня, и потом. «Перекасти-Стоун», сделав оборот вокруг Земли и повернув к Луне (в то место, где в это время будет Луна), пойдет по диагонали через их трассы. Мало того — вокруг Земли вращаются три радиотрансляционных спутника и космическая станция. План полета каждого корабля, утвержденный штурманской станцией Луны, принимал в расчет эти четыре орбиты, но возможный аварийный маневр «Перекасти-Стоуна» будет лишен такой страховки. Роджер Стоун мысленно грыз себе ногти, понимая, что служба движения может и не разрешить ему сменить утвержденный план полета, — а так она и поступит при малейшей вероятности столкновения, болен у Стоунов ребенок или не болен.

А он, капитан Стоун, нарушит запрет, рискнет пойти на столкновение и доставит сына на Луну — где наверняка лишится пилотских прав и где, возможно, Адмиралтейский суд вынесет ему суровый приговор.

Кроме космической станции и радиоспутников вокруг Земли от полюса до полюса циркулировали еще и автоматические атомные ракеты Патруля, но было маловероятно, что траектория «Перекасти-Стоуна» пересечется с орбитой одной из них — ракеты летали сразу за пределами атмосферы, а космическим кораблям разрешается опускаться так низко только при посадке. Зато при повороте домой «Перекасти-Стоун» непременно войдет на орбиты спутников и космической станции... Минутку! Роджер Стоун обдумал свою внезапную идею. Возможно ли выйти на стыковку со станцией вместо возвращения на Луну?

Если возможно, он смог бы вернуть Лоуэлла к нормальному весу на пару дней раньше — на станции есть помещения с искусственной тяжестью!

Баллистический компьютер был свободен — Кастор и Хейзел все еще занимались нудной процедурой постановки задачи. Капитан Стоун сел у компьютера и стал составлять приблизительный запрос — сейчас он не обращал внимания на тонкости баллистики, а просто спрашивал машину: можно это сделать или нет?

Полчаса спустя он сдался, плечи у него опустились. Да, он мог выйти на орбиту станции — но почти в сотне градусов от нее. Самый щедрый расход топлива не поможет ему добраться до станции.

Роджер со злостью выключил компьютер. Хейзел оглянулась:

— Что с тобой, сын?

— Думал, мы сможем причалить к станции. Оказывается, нет.

— Я могла это тебе сразу сказать.

Роджер, не ответив, пошел на корму. Лоуэllu, как выяснилось, лучше не стало.

Иллюминаторы правого борта заполнила Земля — круглая, зеленая и красивая. «Стоун» быстро приближался к ней, и оставалось меньше десяти часов до критического момента, когда придется выбрать тот или иной маневр. Аварийный план полета, составленный Хейзел, проверенный-перепроверенный капитаном, передали по радио в службу движения. Все были настроены на возвращение, но все-таки Поллукс с помощью штурманской станции в Кито, что в Эквадоре, вычислял отклонения от основного плана полета и разрабатывал вариант для поворота на Марс.

Доктор Стоун заглянула в люк рубки, встретила глазами с мужем и сделала ему знак выйти к ней. Он поплыл за ней в каюту.

— Что? — спросил он. — Лоуэllu хуже?

— Нет, лучше.

— Да ну?

— Дорогой, по-моему, у него и не было никакой космической болезни.

— Что ты говоришь?

— Ну разве что самую малость. Но, по-моему, все симптомы указывают на аллергию — у него повышена чувствительность к седативным средствам.

— В первый раз слышу о такой форме аллергии.

— Я тоже, но ведь всякое бывает. Я перестала давать ему лекарство несколько часов назад, видя, что оно не помогает. Ему сразу стало легче, и пульс улучшился.

— Значит, все в порядке? И он может лететь на Марс?

— Слишком рано об этом говорить. Мне бы понаблюдать за ним еще пару дней.

— Эдит, ты же знаешь, что это невозможно. Мне надо производить маневр.

Роджер уже дошел до точки нервного напряжения и недосыпания — в последний раз он спал за сутки до старта.

— Знаю. Предупреди меня за тридцать минут до этого момента, и я отвечу тебе окончательно.

— Ладно. Ты извини, что я так рычу.

— Дорогой мой Роджер!

Не успели они завернуть «за угол» Земли, мальчику стало намного лучше. Мать несколько часов продержала его под легким снотворным. Проснувшись, он потребовал есть. Эдит попробовала дать ему несколько ложек заварного крема. Первой ложкой он подавился, но только потому, что не привык глотать в невесомости. Вторую ложку он проглотил и удержал съеденное.

Лоуэлл уверял, что еще голоден, но мать больше есть не позволила. Тогда он потребовал, чтобы его отвязали от койки. Эдит согласилась, но велела Мид сидеть с ним и не выпускать его из кубрика. Сама же отправилась поговорить с мужем. Хейзел и Кастор сидели у компьютера — Кастор диктовал программу, а Хейзел нажимала клавиши. Поллукс принимал с Земли доплеровские данные. Эдит отвела мужа в сторону и шепнула:

— Дорогой, кажется, можно вздохнуть спокойно. Он поел, и его не стошнило.

— Ты уверена? Я не хочу рисковать даже в малейшей степени.

— Как я могу быть уверена? — пожала плечами Эдит. — Я врач, а не гадалка.

— Что ты решила?

— Пожалуй, полетим на Марс, — нахмурилась Эдит.

— А куда деваться, — вздохнул Роджер. — Служба движения отклонила мое изменение плана полета. Я как раз собирался тебе сказать.

— Значит, у нас и выбора нет.

— Ты знаешь, что это не так. Уж лучше давать показания в суде, чем читать похоронную службу. Но у меня есть еще одна карта в рукаве. «Бог войны» меньше чем в десяти тысячах миль за нами. Если понадобится, то я на резервном топливе подойду к нему за неполную неделю, и ты с ребенком сможешь перебраться туда. Его недавно переделали в «вертушку», и можно пользоваться любым весом — от лунного до земного.

— Мне это не приходило в голову. Что ж — не думаю, что это понадобится, но все-таки спокойнее, когда знаешь, что помощь близко. — Эдит снова нахмурилась. — Не хотелось бы бросать вас одних, да и резервный запас опасно расходовать: он может понадобиться, когда подойдем к Марсу.

— Нет, если правильно управлять кораблем. Ты не беспокойся — мы с Хейзел приведем его куда надо, даже если придется вылезать и толкать его сзади.

Поллукс прервал свое занятие и наострил уши, пытаясь услышать, о чем речь. У его родителей была слишком большая практика в том, как вести разговор, чтобы дети не слышали, но Поллукс, видя их взволнованные лица и хмурый вид, подал знак брату.

— Постой-ка, Хейзел, — сказал Кастор. — Почесаться надо. Чего там, Пол?

— Дети, в школу собирайтесь — петушок пропел давно. — Пол кивнул в сторону родителей.

— Ага. Говорить буду я.

Оба устремились на корму. Роджер Стоун нахмурился.

— В чем дело, ребята? Мы заняты.

— Да, сэр. Но нам кажется, сейчас самое время сделать заявление.

— Да?

— Мы с Полом за то, чтобы вернуться домой.

— Вот как?

— Мы понимаем, что Вундером нельзя рисковать — даже на один процент.

— Он, конечно, выродок, — добавил Пол, — но вы уж больно много в него вложили.

— Если он умрет из-за нас, — продолжал Кастор, — это испортит все удовольствие.

— А хоть и не умрет, кому охота убирать за ним без конца?

— Да уж, — поддержал Пол. — Кому охота служить стюардом при больном «земноводном»?

— А если все-таки умрет, вы этого нам по гроб жизни не простите.

— И даже после будете попрекать, — добавил Пол.

— Ты не беспокойся из-за того, что служба не дает «добро». Мы с Хейзел разрабатываем дорогу наискосок — должны разойтись с «Королевой Марией» на несколько минут, ну пусть секунд. Они, конечно, малость напугаются, но ничего.

— Тихо! — сказал мистер Стоун. — По одному. Кастор, давай разберемся: если я правильно понял, вы с Полом так озабочены состоянием младшего брата, что в любом случае хотите вернуться на Луну?

— Да, сэр.

— Даже если мама сочтет, что он может продолжать полет?

— Да, сэр. Мы это обсуждали. Даже если ему сейчас вроде получше, все равно — раз его так травило, он может не дотянуть до Марса. Перелет-то долгий. Мы не хотим рисковать.

Хейзел, которая присоединилась к ним в этом вопросе, сказала:

— Благородство тебе не к лицу, Кас. Ты убедительнее выглядишь в другом качестве.

— Мать, не встревай. Пол?

— Кас уже все сказал. Что мы, в другой раз не сможем полететь?

— Должен сказать, — медленно начал Роджер Стоун, глядя на сыновей, — что я приятно удивлен, наблюдая такую семейную солидарность в этом скопище индивидуалистов. Мы с мамой будем вспоминать об этом с гордостью. Но рад сообщить вам, что ваша жертва не понадобится. Мы летим на Марс.

— Роджер, — напустилась на него Хейзел, — ты что, при старте головой ударился? У нас нет времени —

поворачиваем с ребенком на Луну. Я говорила с ребятами — они решили твердо. Я тоже.

— Папа, если ты опасаясь идти наискосок, — сказал Кастор, — давай я поведу. Я знаю...

— Тихо! — И Роджер продолжал, как бы говоря сам с собой: — Вот тут в книге сказано, что я должен приказывать, а не давать объяснения и никому не позволять оспаривать свои приказы. И да поможет мне небо — я намерен поддерживать на корабле порядок, даже если придется заковать родную мать в кандалы. — Он повысил голос: — По местам для маневра стоять! Старт на Марс, операция «Колодец гравитации».

— Мальчик хорошо себя чувствует, мама, — мягко сказала Эдит. — Я за него отвечаю. Кастор, Поллукс — подите сюда, милые.

— Но папа сказал...

— Я знаю. На минуточку. — И она поцеловала близнецов. — А теперь — по местам.

Из люка появилась Мид, таща за собой Лоуэлла, как воздушный шарик. У него был веселый вид, а мордочка вымазана шоколадом.

— Что тут за шум? — спросила она. — Вы, наверно, разбудили не только нас, но и весь народ на трех ближайших кораблях.

Глава 7

В КОЛОДЦЕ ГРАВИТАЦИИ

Маневр в колодце гравитации на первый взгляд противоречит закону сохранения энергии. Корабль, отправляющийся с Луны или космической станции на отдаленную планету, доберется туда быстрее и затратит меньше топлива, если сначала устремится к Земле, а потом разовьет ускорение, находясь как можно ближе к ней. Разумеется, корабль, двигаясь к Земле, приобретает кинетическую энергию, но, казалось бы, должен затратить точно такое же количество энергии на отрыв от Земли.

Весь фокус тут в том, что реактивная масса, или топливо, — это действительно *масса* и в качестве таковой обладает потенциальной энергией положения, когда корабль стартует с Луны. Реактивная масса, используемая для ускорения вблизи Земли, то есть на дне колодца гравитации, уже потеряла энергию положения, пока падала в этот колодец. Эта энергия должна куда-то деться, вот она и переходит в кинетическую энергию корабля. И в итоге корабль летит быстрее при той же силе и продолжительности тяги, чем летел бы, отправившись прямо с Луны или космической станции. Это рассуждение способно поставить в тупик, но оно верно.

На время маневра капитан Стоун отправил близнецов в машинное отделение, а Хейзел взял вторым пилотом. Кастор, оскорбленный в лучших чувствах, не стал спорить — последнее внушение относительно корабельной дисциплины еще звучало в ушах. Во время маневра у пилотов полно работы — второй в это время должен следить за автопилотом, быть наготове перейти на ручное управление, если понадобится, и следить за отсечкой. Первый же держит равновесие корабля с помощью гироскопов и маховика, не отводя при этом глаз от измерительного телескопа — целостата. Он должен быть уверен до последнего предела точности своих приборов в том, что корабль движется точно в направлении, обратном струе двигателя.

При перелете от Земли к Марсу ошибка в одну минуту дуги, или в одну шестидесятую градуса, приводит в конечном счете к ошибке в пятнадцать тысяч миль. Подобные ошибки или оплачиваются горючим, расходуемым для исправления маршрута, или — если она слишком велика — следует трагическая, необратимая расплата жизнями капитана и экипажа, когда корабль устремляется в пустые глубины космоса.

Хоть Роджер Стоун был высокого мнения о способностях своих близнецов, в этот щекотливый момент он предпочел, чтобы рядом был второй пилот, умудренный возрастом и опытом. Пока в соседнем кресле сидела Хейзел, он мог спокойно посвятить все внимание собственной сложной задаче.

Участок пространства, куда следовало направлять корабль, ограничивали три звезды: Спика, Денеб и Фомальгаут, сведенные в телескоп при помощи призм. Марс пока скрывала из виду мощная грудь Земли, да и бесполезно было бы наводить корабль на Марс — путь к нему проходит по длинной кривой линии, а не по прямой. Изображение одной из звезд начало потихоньку отходить от других. Вспотевший Роджер включил гироскопы и поправил корабль маховиком. Блуждающая звезда поползла на место.

— Доплер? — спросил он у Хейзел.

— В русле.

— Время?

— Около минуты. Сынок, ты знай стреляй своих уток и не дергайся.

Роджер молча вытер руки о рубашку. Через несколько секунд Хейзел спокойно сказала:

— На экране радара неопознанный объект, сэр. Управляется роботом, дальше цепочка цифр.

— Насколько это нас касается?

— Приближается с севера по правому борту. Возможно столкновение.

Роджер с трудом удержался, чтобы не взглянуть на свой экран — он не сказал бы ему ничего сверх того, что сообщила Хейзел, — и продолжал смотреть в окуляр целостата.

— Указано, как можно этого избежать?

— Сынок, мы либо врежемся в него, либо нет. Маневрировать слишком поздно.

Роджер заставил себя сосредоточиться на звездах. Хейзел права, управлять космическим кораблем — не баранку крутить. При высоких скоростях и тугих витках на дне колодца гравитации непросчитанный маневр мог привести к столкновению. Или забросить их на неизвестную орбиту, по которой они никогда не доберутся до Марса.

Но что это за объект? Не космический корабль — он управляется не человеком, а роботом. Не метеор — на нем есть радар. Не боевая ракета — слишком высоко для нее. Роджер убедился, что изображения звезд на месте, и взглянул сначала на экран радара, который ничего ему не сказал, а потом в иллюминатор правого борта.

Праведное небо! Он *увидел* его!

В черноте космоса пылала большая яркая звезда... и она росла... росла!

— В телескоп смотри, сын, — сказала Хейзел. — Девятнадцать секунд.

Роджер вернулся к телескопу — изображения были все там же.

— Кажется, пройдет мимо, — сказала Хейзел.

Роджер не мог посмотреть. В этот самый миг что-то промелькнуло мимо иллюминатора и тут же показалось в другом — видимое, но быстро удаляющееся. Стоуну показалось, что объект был крылатый, вроде торпеды.

— Фухх! — выдохнула Хейзел. — Едва разминутись, зараза! — И сказала в микрофон: — Всем приготовиться к ускорению — готовность пять секунд!

Роджер не сводил глаз со своих звезд, которые твердо держались в кадре. Потом выброс двигателя вдавил его в кресло. Перегрузка была четырехкратной, много больше, чем при старте с Луны, но и продолжалась чуть больше минуты. Капитан Стоун продолжал наблюдать за звездами, готовый поправить курс, но тщательность, с которой он разместил груз перед отправлением, была вознаграждена — корабль держался на курсе.

— Отсечка! — крикнула Хейзел.

Шум и давление сразу исчезли. Капитан перевел дух и сказал в микрофон:

— У вас все нормально, Эдит?

— Да, дорогой, — слабо ответила она. — Все хорошо.

— Машинное отделение?

— О'кей! — ответил Поллукс.

— Блокировать и закрыть.

Машинное отделение теперь долго не понадобится — все поправки по курсу и скорости на этом отрезке будут производиться спустя дни и недели, после тщательных вычислений.

— Есть, сэр. Па, а что там было на радаре?

— Заткнитесь, — перебила Хейзел, — нас вызывают по радио. «Перекасти-Стоун», Луна — слышу вас, служба движения.

Послышались шум, щелчок, и женский голос прочел:

— Служба движения вызывает «Перекасти-Стоун», Луна — предупреждение: согласно вашему плану полета вы приблизитесь на допустимую дистанцию к экспериментальному ракетному спутнику Гарвардской радиационной лаборатории. Придерживайтесь плана полета — вы избегнете контакта в пределах безопасности. Конец сообщения. Повторяю... — Сообщение прозвучало еще раз, и связь прекратилась.

— Нечего сказать, вовремя сообщили! — взорвалась Хейзел. — Ух вы, просиживатели стульев! Бюрократы! Держу пари — это сообщение задержали на контуре добрый час, пока какой-нибудь идиот рутался

с прачечной о пропавшем белье. «На допустимую дистанцию»! — не унималась она. — «В пределах безопасности»! Да эта хреновина мне брови опалила!

— Разошлись, как в море корабли — на добрую милю.

— Мили недостаточно, и ты хорошо это знаешь. У меня это отняло десять лет жизни, а я в своем возрасте не могу себе такого позволить.

Роджер пожал плечами. После всех волнений и передраг он чувствовал упадок духа и ужасную слабость — с самого старта он жил на стимуляторах и совсем не спал.

— Пойду-ка я заваюсь часиков на двенадцать. Сделай предварительную проверку нашего вектора — если ничего серьезного не обнаружится, ты меня не буди. Посмотрю, когда встану.

— Есть, капитан Блай.

Первая проверка не выявила никаких неточностей орбиты, и Хейзел тоже отправилась в постель — в переносном смысле. В невесомости она никогда не пристегивалась к койке, предпочитая плыть туда, куда несет ее поток воздуха. Она делила каюту с Мид, а всех мальчишек поселили в кубрике. Близнецы попытались уснуть, но Лоуэлл спать не хотел. Он чувствовал себя прекрасно и открывал все новые чудеса невесомости. Он хотел играть в пятнашки. Близнецы не хотели играть в пятнашки, но Лоуэлл все равно играл.

Поллукс ухватил его за щиколотку.

— Слушай, ты! Тебя мало тошнило?

— Меня не тошнило!

— Да? А за кем нам пришлось убирать, за Санта Клаусом?

— Нету никакого Санта Клауса. И меня не тошнило. Врешь, врешь, врешь!

— Ты с ним не спорь, — посоветовал Кастор. — Просто придуши да и выкинь наружу. Изменение фактора массы сможем объяснить и исправить завтра.

— Не тошнило меня!

— Мид все время дрыхла на прошлом отрезке, — сказал Поллукс. — Может, уговоришь ее заняться им?

— Попробую.

Мид не спала и отнеслась к предложению с интересом.

— Сколько?

— Ну брось, сестренка!

— Скажем, вы моете посуду три дня?

— Вымогательница! По рукам. Иди прими объект.

Мид пришлось занять кубрик под детскую. Близнецы пошли спать в рубку, где пристегнулись к пилотским креслам, не затягивая ремней, — этого требовали корабельные правила, иначе можно повредить приборы во время сна.

Глава 8

БОЛЬШОЙ ПЕРЕПОЛОХ

Капитан Стоун бросил весь экипаж, за исключением доктора Стоун и Лоуэлла, на вычисление их новой орбиты. Все работали на основе одинаковых исходных данных, полученных с Земли и проверенных по собственным приборам. Капитан подождал, пока все закончат, и только тогда сравнил результаты.

— Что у тебя, Хейзел?

— У меня получилось, капитан, что ты разминешься с Марсом не больше чем на миллиончик миль.

— А у меня получилось, что я выйду прямо на него.

— Ладно, так и быть, у меня тоже.

— Кас? Пол? Мид?

Результаты близнецов сошлись до шести десятичных знаков, до пяти — с цифрами отца и бабушки, но ответ, который получился у Мид, был не похож ни на один из прочих. Отец с любопытством просмотрел ее расчеты.

— Девочка моя, я никак не могу понять, как ты сумела получить такое из компьютера. Насколько я понимаю, ты послала нас на Проксиму Центавра.

— Правда? — заинтересовалась Мид. — Знаешь что, давай попробуем мою орбиту и посмотрим, что получится. Будет интересно.

— Но непрактично. Ты заставила нас лететь со скоростью света.

— То-то я смотрю — очень большие цифры получаются.

Хейзел ткнула костлявым пальцем в расчет.

— Вот тут должен быть минус, солнышко.

— Это еще не все, — заметил Поллукс. — Поглядите-ка, — он взял листок Мид.

— Хватит, Пол, — прервал его отец. — Ты тут не для того, чтобы критиковать Мид.

— Но...

— Оставь при себе.

— Пусть его, папа, — сказала Мид. — Я же знаю, что все сделала неправильно. — Она пожала плечами. — В первый раз это делаю, если не считать школу. Почему-то все по-другому, когда по-настоящему.

— Верно, все астрогаторы это знают. Ну ничего. У Хейзел средние цифры, ее результат мы и запишем в журнал.

Хейзел подняла руки над головой и потрясла ими.

— Победитель, чемпион!

— Это все, папа? — спросил Кастор. — Больше не будет маневров, пока не начнешь рассчитывать подход к Марсу?

— Конечно, нет. Никаких перемен по крайней мере шесть месяцев. А что?

— Тогда мы с Полом почтительно спрашиваем разрешения капитана разгерметизировать трюм и выйти наружу. Хотим поработать с велосипедами.

— Военную фразеологию можете опустить. У меня тут для вас есть новости. — Роджер достал из поясной сумки листок бумаги. — Минутку, внесу кое-какие изменения.

Он что-то написал на нем и прикрепил листок к доске объявлений.

РАСПОРЯДОК ДНЯ

7.00. Подъем (послабление Эдит, Хейзел и Вундеру).

7.45. Завтрак (Мид готовит, близнецы моют посуду).

9.00. Учебные занятия: Кастор и Поллукс — математика; Мид — астрогация под руководством Хейзел;

Лоуэлл — трескотня, ужимки и прыжки, на усмотрение мамы.

12.00. Конец утренних занятий.

12.15. Ленч.

13.00. Кастор и Поллукс — математика; Мид — работы по гидропонике.

16.00. Конец дневных занятий.

18.00. Обед. Работы по уходу за кораблем согласно служебным обязанностям.

Суббота. После завтрака — уборка корабля, ответственная Хейзел. Капитанская проверка в 11.00. Стирка личных вещей после ленча.

Воскресенье. Медитация, занятия, развлечения. Рукоделие после ленча.

Хейзел ознакомилась с написанным.

— Куда мы, собственно, направляемся, Роджер? В Ботани-Бей? Ты забыл указать время порки крестьян.

— Это хорошая мысль.

— Возможно. Шесть против десяти, что твой расписание и недели не продержится.

— Принимается. Покажите ваши деньги.

Близнецы тоже отнеслись к расписанию неодобрительно.

— Но ведь, папа, — выпалил Поллукс, — ты совсем не оставил нам время на ремонт велосипедов — ты хочешь, чтобы мы потеряли наш вклад?

— Я отвел тридцать часов в неделю для занятий. Вам остается сто тридцать восемь часов. Как вы их используете — ваше дело, если, как договорились, не будете отставать в учебе.

— А если мы начнем заниматься в восемь тридцать, — спросил Кастор, — и потом сразу после ленча? Можно нам будет пораньше закончить уроки?

— Не вижу препятствий.

— А если мы иногда будем заниматься по вечерам? Можно будет поработать?

— Тридцать часов в неделю, — пожал плечами отец, — и любые разумные поправки к расписанию допускаются, только записывайте в журнал точное время занятий.

— Теперь, когда вы утрясли этот вопрос, — сказала Хейзел, — должна с сожалением сообщить вам, капитан, что другой пункт сей прокрустовой программы невыполним — по крайней мере в ближайшее время. Я бы рада посвятить наш цветочек в тайны астрогации, но сейчас мне некогда. Учи ее сам.

— Почему?

— Почему? Он еще спрашивает! Кому и знать, как не тебе? «Бичи космоса», вот почему. Мне придется пахать носом недели три-четыре — надо наработать серии на несколько месяцев, пока мы не вышли из зоны связи.

Роджер с грустью посмотрел на мать.

— Я знал, что это случится, Хейзел, но не думал, что так рано. Умственная деятельность замирает, разум меркнет...

— Чей разум меркнет? Ты, молодой...

— Спокойно. Если оглянешься через левое плечо, посмотришь в иллюминатор правого борта и приглядишься как следует, то можешь вообразить, будто видишь «Бога войны». Он от нас не дальше десяти тысяч миль.

— А мне-то что? — подозрительно спросила Хейзел.

— Бедная Хейзел! Мы будем заботиться о тебе. Мать, по нашей орбите идут несколько больших торговых кораблей, и у каждого достаточно мощный передатчик, чтобы пробиться к Земле. Мы никогда не выйдем из зоны связи.

Хейзел устала в иллюминатор, будто там и вправду можно было увидеть «Бога войны».

— А чтоб я пропала, — выдохнула она. — Роджер, отведи меня в мою комнату — вот, молодец. Совершенно верно, это маразм. Бери-ка обратно свой сериал — сомневаюсь, что смогу сочинять дальше.

— Ага! Ты снова взялась за него, так что придется сочинять. А насчет этих самых «бичей» я все хотел задать тебе пару вопросов, и вот сейчас у нас впервые выдалась свободная минута. Во-первых, почему ты опять позволила втянуть нас в это дело?

— Потому что они потрясли у меня перед носом слишком большой пачкой денег — перед этим ароматом никто из Стоунов сроду не мог устоять.

— Я просто хотел, чтобы ты сама в этом созналась. Ты хотела снять меня с крючка, помнишь? А теперь сама его проглотила.

— Наживка пожирнее.

— Это факт. А теперь вот что: не знаю, как ты осмелилась взяться за продолжение, сколько бы тебе там ни предложили. В последней серии, что ты мне показывала, ты не только прикончила Властелина Галактики, но еще и оставила нашего героя в безвыходном положении. Насколько я помню, он сидит в радиоактивной батисфере на дне юпитерианского аммиачного океана. Океан кишит чудовищами, которые дышат метаном и все до одного по гипнотическому наущению Властелина Галактики так и рвутся съесть Джона Стерлинга, — а у него только перочинный ножик. Как ты его оттуда вытащила?

— Мы придумали, — сказал Пол. — Если допустить...

— Тише, дитя. Ничего сложного, Роджер. Сверхчеловеческим усилием наш герой вырвался из роковой ловушки и...

— Это не ответ.

— Ты ничего не понимаешь. Следующая серия на Ганимеде. Джон Стерлинг рассказывает секретному агенту Долорес О'Шенахан о своих приключениях. Рассказывает, понятно? Благородство не позволяет ему хвастаться перед девушкой. Пока он с юмором излагает историю своего героического освобождения, действие начнет развиваться дальше, да так быстро и так кроваво, что наша невидимая публика не опомнится до самой рекламной паузы, — а там уж им найдется, о чем еще подумать.

— Это литературное мошенничество, — покачал головой Роджер.

— А кто сказал, что это литература? Это просто способ помочь корпорациям снизить налоги. У меня три новых спонсора.

— Хейзел, а где сейчас наши? — спросил Пол-лукс. — Что там с ними?

Хейзел посмотрела на хронометр.

— Роджер, твое расписание уже вступило в силу? Или можно начать завтра утречком?

— Давайте завтра, — слабо улыбнулся Роджер.

— Раз уж мы открыли литературную конференцию, позову-ка я Лоуэлла. От него я получаю лучшие идеи: его уровень развития как раз соответствует среднему уровню нашей публики.

— На месте Вундера я бы обиделся.

— Тихо! — Хейзел взмыла к люку и позвала: — Эдит! Можно у тебя дикого зверя позаимствовать?

— Он у меня, бабушка, — ответила Мид. — Подождите, я тоже иду. — И тут же явилась вместе с Лоуэллом. Лоуэлл спросил:

— Что, бабушка Хейзел? Будем играть в пятнашки?

— Нет, сынок, — кровь проливать. Реки крови. Надо убить парочку злодеев.

— Здорово!

— Насколько я помню — я ведь с ними так быстро расстаюсь, — я их оставила в Черной туманности. Продовольствие кончилось, квантовое топливо тоже. Они заключили временное перемирие со своими пленниками-арктурианами и освободили их, потому что те — кремниевые существа и людей не едят. Но самим героям как раз пришло время этим заняться, вот только вопрос — кого зажарить на вертеле? А помощь арктуриан им нужна потому, что Космический Зверь, которого они захватили в прошлой серии и посадили в пустой бак от горючего, уже проел все, кроме последней перегородки, и у него-то нет никаких дурацких предрассудков по поводу биохимии. Углерод там или кремний — ему все едино.

— Это как-то нелогично, — заметил Роджер. — Если его организм основан...

— К порядку, — сказала Хейзел. — Прошу вносить только полезные предложения. Пол, у тебя, кажется, что-то блеснуло во взгляде?

— А этот Зверь радарное излучение выдержит?

— Это уже кое-что. Но надо немножко усложнить. Мид?

Близнецы начали выгружать велосипеды наружу на следующий день. На них были такие же скафандры,

которые они носили на Луне, добавились только магнитные ботинки и маленькие ракетные двигатели. Последние пристегивались за спиной, а сопла торчали на поясе. На спине висел еще и запасной баллон высокого давления для подпитки двигателя, но в невесомости лишняя масса не была помехой.

— И помните, — предупредил их отец, — что ракеты включаются только в самом крайнем случае. Пользуйтесь тросами. И не полагайтесь на ботинки, когда травите трос — держитесь за второй, пока отпускаете первый.

— Да знаем мы все это, папа.

— Разумеется. Только предупреждаю, я могу неожиданно прийти с проверкой. И при малейшем нарушении техники безопасности — дыба и тиски для пальцев плюс пятьдесят палок.

— А кипящее масло?

— Не по средствам. Думаете, я шутки шучу? Если кто-нибудь из вас сорвется и его отнесет от корабля, не ждите, что я буду его разыскивать. Один все равно лишний.

— А кто? — спросил Поллукс. — Может, Кас?

— Иногда мне кажется, что один, а иногда — что другой. При строгом соблюдении корабельных правил я временно воздержусь от решения.

В трюме не было шлюзового отсека — близнецы разгерметизировали его полностью и открыли дверь, едва не забыв пристегнуть тросы. Выглянув за дверь, они заколебались. Хотя они всю свою жизнь носили скафандры — в открытый космос на орбите они выходили впервые.

Из люка на них смотрела бесконечная космическая ночь — тьма казалась еще более густой и холодной от немигающих бриллиантов звезд на много световых лет от них. Одно дело — смотреть на них с безопасной поверхности Луны или через толстое кварцевое стекло иллюминатора, и совсем другое — когда нет никакой преграды между твоим хрупким телом и головокружительной холодной ночной глубиной.

— Кас, — сказал Поллукс, — мне это не нравится.

— Да тут нечего бояться.

— Чего ж у меня тогда зубы стучат?

— Выходи, я подержу твой трос.

— Ты слишком добр ко мне, дорогой брат, — просто черт знает как добр! Выходи ты, а я подержу твой трос.

— Не дури, выходи давай.

— После тебя, дедуля.

— Ну ладно!

Кастор схватился за края люка и вылез наружу. Он попытался прижать подошвы ботинок к корпусу корабля, но у него никак не получалось — мешал скафандр и не было силы тяжести, чтобы помочь ему. В результате он только перекувырнулся и сила инерции оторвала его пальцы от гладких краев люка. Кастор отлетел от корпуса и оказался в пустоте. Продолжая барахтаться, он повис на тросе в трех-четырех футах от корабля.

— Тащи меня обратно!

— Да опусти ноги, балда!

— Тащи меня обратно, идиот несчастный!

— Не называй меня так. — Поллукс отпустил трос еще на пару футов.

— Пол, брось дуришь. Мне это не нравится.

— Я думал, ты у нас храбрец, дедуля!

Кастор ответил неразборчиво. Поллукс решил, что с него довольно, подтянул брата к борту и, крепко держась за задрайку люка, схватил Кастора за башмак и прижал его подошву к корпусу. Башмак со щелчком прилип к стали.

— Пристегивай второй трос, — распорядился Поллукс.

Кастор, все еще тяжело дыша, нашел глазами ближайшую скобу на корпусе и пошел к ней, поднимая ноги так, будто шел по липкой грязи. Он зацепил за скобу второй трос и выпрямился.

— Лови, — крикнул Поллукс и бросил ему свой трос.

Кастор поймал его и закрепил рядом со своим.

— Готово? — спросил Поллукс. — Тогда я здесь отстегиваю.

— Держат. — Кастор подошел ближе к люку.

— Я пошел.

— Давай. — И Кастор потянул за трос Поллукса.

Тот выплыл из люка, и брат не позволил ему встать, а стал потихоньку травить трос, пропуская его между пальцами, чтобы погасить инерцию. Вскоре Поллукс оказался на конце пятидесятифутового троса, где и продолжал болтаться.

При этом он активно барахтался, но без толку — загребать вакуум бесполезно. Увидев, что трос кончился, Поллукс прекратил извиваться.

— Подтяни меня!

— Скажи «пожалуйста».

Поллукс сказал кое-какие другие слова, почерпнутые в лунных доках, и украсил их цветистыми выражениями, позаимствованными у бабушки.

— Лучше катись с корабля, — заключил он, — а то я сейчас спущусь и отвинчу с тебя шлем. — Он попытался ухватить одной рукой трос, но Кастор отдернул его.

— Тогда скажи «эники-беники».

Поллукс сообразил, что легче захватить трос на поясе, где он был пристегнут, чем ловить его в пустоте, и усмехнулся.

— Ладно, эники-беники.

— То-то. Держись, ташу. — Кастор потихоньку подтянул брата, схватил его за ноги и поставил на корпус. — Ох и дурацкий вид у тебя был, — заметил он.

— Эники-беники! — повторил Поллукс их магическое слово.

— Прошу извинения, юнец. За работу.

Скобы были расположены по всему корпусу на расстоянии двадцати футов друг от друга. За них закрепляли снасти во время ремонта, они же облегчали наружный осмотр корпуса в доке. Теперь близнецы использовали их для размещения велосипедов. Они извлекали велосипеды из трюма по полудюжине зараз, нанизывая их в петлю троса наподобие выловленной рыбы. Каждую такую связку прицепляли к одной скобе. Машины плавали за бортом, как шляпки возле океанского корабля.

Привязывая велосипеды, близнецы вскоре оказались за «горизонтом» на светлой стороне корабля. Поллукс шел впереди, неся в левой руке шесть велосипедов, и вдруг остановился.

— Эй, дедуля, вид-то какой!

— Не смотри на Солнце, — резко сказал Кастор.

— Не будь дураком. Насладись.

Перед ними висели два тонких полумесяца — Земля и Луна. «Стоун» медленно удалялся от Земли по ее орбите и еще медленнее — от Солнца. Еще много недель они будут видеть Землю как шар, как диск, прежде чем расстояние превратит ее в яркую звезду. Сейчас она казалась почти такой же большой, как с Луны, только теперь Луна сопровождала ее. Светлая сторона Земли была зеленовато-бурой, густо покрытой ватой облаков. Темная сторона светилась бриллиантами городов.

Но братья не обращали внимания на Землю — они смотрели на Луну. Поллукс вздохнул.

— Красивая, правда?

— Что, юнец? Тоскуем по родине?

— Нет. Но она все равно красивая. Слушай, Кас, давай — сколько бы кораблей у нас ни было, всегда будем регистрировать их в Луна-Сити. Это будет наш порт.

— Годится. А городишко наш видишь?

— Кажется, да.

— Может, у тебя просто пятнышко на шлеме. Я не вижу. Давай работать.

Они увешали велосипедами все ближние к люку скобы и двинулись на корму, но Поллукс сказал:

— Эй, стой-ка! Отец не велел заходить за шестьдесят пятый шпангоут.

— Чего там, за девяностым и то чисто. Двигатель у нас работал меньше пяти минут.

— Зря ты так уверен. Нейтроны — шустрые ребята. И ты же знаешь, какой отец педант.

— Это точно, — сказал вдруг третий голос.

Близнецы не выпрыгнули из своих башмаков только потому, что те были плотно застегнуты. Они обернулись и увидели отца, который стоял, подбоченившись, возле пассажирского шлюза.

— Привет, папа, — поперхнувшись, сказал Поллукс.

— Ну и напугал ты нас, — пробормотал Кастор.

— Прошу прощения. Да вы не отвлекайтесь — я просто вышел полюбоваться видом. — Он посмотрел на их работу. — Превратили мой корабль в свалку металлолома.

— Надо же нам где-то работать. Да и кто нас видит?
— Здесь вам в затылок смотрит Всевышний. Но не думаю, что он против.

— Слушай, папа, ты вроде говорил, что не разрешаешь нам заниматься сваркой в трюме?

— Да, я это вроде говорил — не разрешаю. Вспомните, что случилось на «Конунге Кристиане».

— Тогда мы соорудим стенд и будем варить здесь. О'кей?

— О'кей. Но день слишком хорош, чтобы говорить о делах. — Роджер протянул руки к звездам и посмотрел вокруг. — Славное местечко. Полно жизненного пространства. Хорошая декорация.

— Это точно, но, если хочешь на что-нибудь посмотреть, перейди на солнечную сторону.

— И правда. Помогите мне с тросами. — Все трое обогнули корпус и вышли на солнечный свет. Капитан Стоун, уроженец Земли, посмотрел сначала на родную планету. — Похоже, большой шторм на Филиппинах.

Близнецы не ответили. Погода была для них явлением таинственным, и они относились к ней неодобрительно. Отец повернулся к ним и тихо сказал:

— Я рад, что мы отправились путешествовать, ребята. А вы?

— Еще бы! А как же!

Они уже позабыли, какой холодной и неприветливой казалась им еще недавно окружавшая их черная бездна. Теперь это был громадный дом, великолепно обставленный, ну разве что не совсем обжитой. Их дом, в котором можно жить и делать все, что хочешь.

Они долго еще стояли и наслаждались. Наконец капитан Стоун сказал:

— Ну, я уже достаточно нагрелся. Пошли в тень. — Он потряс головой, чтобы стряхнуть каплю пота с кончика носа.

— Нам все равно надо работать.

— Я вам помогу — так дело пойдет быстрее.

«Перекасти-Стоун» двигался к Марсу, а его экипаж вошел в ежедневный ритм. Доктор Стоун ловко управ-

лялась с готовкой в невесомости — она здорово поднаторела в этом за год интернатуры в невесомой клинике околоземной космической станции. Мид было до нее далеко, но надо уж очень постараться, чтобы испортить завтрак. Отец наблюдал за ее гидропонными работами, помогая углубить знания, которые она получила в лунной школе. Доктор Стоун делила с бабушкой заботу о младшеньком, а на досуге потихоньку разбирала свои многолетние записи к труду «О кумулятивных эффектах многоканальной гипоксии».

Близнецы обнаружили, что математика может быть еще интереснее, чем они думали, и гораздо труднее — она требовала смекалки даже больше, чем, по мнению близнецов, у них было, а это немало значило. Так что приходилось работать головой. Отец взялся за старые номера «Реактивного мира» и штудировал справочник по управлению кораблем, но всегда находил время, чтобы учить и высмеивать близнецов. Оказалось, что Поллукс не способен представить себе график функции, читая уравнение.

— Не понимаю, — сказал отец. — У тебя же были хорошие отметки по аналитической геометрии.

Поллукс покраснел.

— В чем дело? — спросил отец.

— Дело, папа, в том...

— Ну-ну.

— Ну, у меня были не совсем хорошие отметки.

— То есть как? У вас обоих был высший балл — я прекрасно помню.

— Ну, видишь ли... Мы в том семестре были очень заняты, и нам показалось, что будет логично...

— Давай-давай выкладывай!

— Кастор сдавал за двоих геометрию, — сознался Поллукс, — а я сдавал за двоих историю. Но учебник я прочел.

— Надо же! — вздохнул Роджер Стоун. — Ну, сейчас срок давности, пожалуй, уже прошел. Теперь ты на себе ощущаешь, что подобные преступления несут наказание в самих себе. Вот понадобилось, а ты ни бум-бум.

— Да, сэр.

— Придется накинуть тебе еще час в день — пока не сможешь четко представить по уравнению четырех-

мерную гиперповерхность в неевклидовом континууме, даже стоя на голове под холодным душем.

— Да, сэр.

— Кастор, а ты какой предмет замотал? Тоже учебник прочел?

— Да, сэр. Историю средневековой Европы, сэр.

— Хмм... Виноваты вы оба одинаково, но меня не слишком волнует предмет, который не требует логарифмической линейки и таблиц. Будешь помогать брату.

— Есть, сэр.

— Если время будет поджимать, я помогу вам с вашими поломанными велосипедами, хотя и не следовало бы.

Близнецы рьяно взялись за дело. К концу второй недели отец объявил, что доволен познаниями Поллукса в аналитической геометрии. Братья стали подниматься все выше и выше, на вершины с разреженным воздухом: комплексная логика матричной алгебры, блистающая ледяным одеянием... тензорное исчисление, отпирающее врата атому... дикие и чудесные уравнения поля, сделавшие человека царем Вселенной... сокрушительная, уму непостижимая интуиция решения Форсайта, которое открыло двадцать первый век и позволило человечеству сделать еще один великий шаг к звездам. К тому времени когда Марс стал светиться в небе ярче, чем Земля, они ушли гораздо выше тех областей, где отец мог следовать за ними, и продолжали познавать неизвестное.

Обычно они учились по одной книге, плавающая голова к голове по кубику, и одна пара ног указывала на небесный север, другая — на юг. Близнецы рано приобрели привычку читать одну книгу одновременно, и в результате оба читали текст вверх ногами так же легко, как и в нормальном положении. Однажды читавший именно так Поллукс сказал брату:

— Знаешь, дедуля, вот я читаю и начинаю думать — не пойти ли нам в науку вместо бизнеса. В конце концов, деньги — это еще не все.

— Да, — согласился Кастор, — есть еще акции, бонусы, патентные права, не говоря уж о движимом и недвижимом имуществе.

— Я серьезно.

— Мы будем заниматься и тем и другим. Я дочитал страницу — щелкни выключателем, когда и ты дочитаешь.

«Бог войны», орбита которого немного отличалась от стоуновской, постепенно нагонял их и уже был виден невооруженным глазом, как звезда — переменчивая звезда. Она мигала и каждые шестнадцать секунд вспыхивала ярким светом. В целостат «Стоуна» было отчетливо видно, почему это происходит: «Бог войны» все время кувыркался, производя полный оборот за тридцать две секунды. Так он создавал, по принципу центрифуги, искусственную тяжесть, оберегая нежные желудки своих земных пассажиров. Через каждые пол-оборота солнечные лучи отражались от его блестящего корпуса как раз под таким углом, чтобы послать ослепительную вспышку в сторону «Стоуна». При взгляде в телескоп блеск просто резал глаза.

Наблюдение, как выяснилось, было обоюдным. Стоуны получили радиограмму. Хейзел отпечатала ее и с непроницаемым лицом вручила сыну.

«"Бог войны" — "Перекасти-Стоуну", лично. Родж, старина, гляжу на тебя в телескоп. Что это на тебе такое? Грибок? Или водоросли? Ты похож на рождественскую елку. *П. Вангенберг, капитан*».

Капитан Стоун сверкнул глазами.

— Ах ты, толстый голландец! Я тебе покажу «грибок». Ну-ка, мать, передай: «Капитан капитану — личная радиограмма. Как это ты ухитряешься утлеть что-либо в телескоп на своей пьяной карусели? И как тебе нравится быть нянькой при куче «земноводных»? Вдовушки, конечно, дерутся за право сидеть за капитанским столом. Весело, держу пари. *Роджер Стоун, капитан*».

Вскоре пришел ответ: «Роджер-поджер, я допускаю за свой стол пассажиров исключительно до двадцати лет, чтобы присматривать за ними. Предпочтение отдается блондинкам массой пятьдесят кило. Приходи к обеду. Ван».

Поллукс посмотрел в иллюминатор, где как раз сверкнул «Бог войны».

— А почему бы и нет, папа? Спорим, я могу туда долететь на своем двигателе с одним запасным кислородным баллоном.

— Не дури. У нас не хватит троса даже при самом тесном сближении. Хейзел, передай: «Миллион благодарностей, но мне готовит лучшая девочка во всей Системе».

— Это я, папа? — спросила Мид. — А я думала, тебе не нравится, как я готовлю.

— Можешь не задирать нос, кнопка. Я говорю о твоей маме, разумеется.

— Но я ведь похожа на нее, да?

— Немножко. Передавай, Хейзел.

«Ты прав. Мое почтение Эдит. Серьезно, что это такое? Прислать тебе пестициды или клопомор? Или это просто можно сбить палкой?»

— Почему ты ему не скажешь, папа? — спросил Кастор.

— Ладно, скажу. Передавай: «Велосипеды. Не требуются?»

К общему удивлению, капитан Ванденберг ответил:

«Может, и требуются. Есть у вас "Сэндмен Рейли"?»

— Скажи, есть! — ответил Поллукс. — В отличном состоянии и с новенькими шинами. Прелесть машина.

— Полегче, — перебил отец. — Я ваш груз видел. Если там и есть велосипед в отличном состоянии, «Рейли» или какой другой, вы хорошо его спрятали.

— Ко времени доставки будет в лучшем виде, папа.

— Как ты думаешь, зачем ему велосипед, дорогой? — спросила доктор Стоун. — Не руду же разведывать?

— Может, просто путешествовать. Ладно, Хейзел, можешь передать — но я, ребята, сам посмотрю этот велосипед. Ван на меня полагается.

Хейзел встала.

— Пусть мальчишки сами передают свое вранье. Надоела мне эта болтовня.

Кастор сел за ключ и начал торговаться. Оказалось, что шкипер лайнера действительно хочет купить велосипед. После долгих переговоров сошлись на цене гораздо ниже той, которую сначала запросил Кастор, и ниже средних марсианских цен, но значительно выше

той, что близнецы заплатили на Луне. Покупку требовалось доставить франко-борт на Фобос, орбита Марса.

Роджер продолжал время от времени обмениваться со своим приятелем дружескими ругательствами и сплетнями. На следующей неделе «Бог войны» вошел в зону телефонной связи, но разговоры стали реже и потом совсем прекратились — истощились темы. «Бог войны» подошел на самое близкое расстояние и начал снова удаляться. Стоуны не слышали его больше трех недель.

Потом Мид приняла вызов и поспешила на корму, где отец помогал близнецам наносить эмаль на отремонтированные велосипеды.

— Папа, тебя просят к телефону. Вызывает капитан «Бога войны», по служебному делу.

— Иду. — Роджер поспешил к рации. — «Перекасти-Стоун», говорит капитан Стоун.

— Говорит командир «Бога войны». Капитан, не могли бы вы...

— Минутку. Это ведь не капитан Ванденберг?

— Нет, это Роули, второй помощник.

— Я понял, что меня официально вызывает капитан вашего корабля. Разрешите мне поговорить с ним.

— Я пытаюсь объяснить, капитан. — Голос офицера звучал нервно и раздраженно. — Кораблем командую я. Капитан Ванденберг и мистер О'Флинн находятся в лазарете.

— Вот как? Извините. Надеюсь, ничего серьезного?

— Боюсь, что нет, сэр. У нас тридцать семь больных на сегодняшнее утро и четыре смертельных случая.

— Боже праведный! Что с вами такое?

— Не знаю, сэр.

— Но что говорит ваш врач?

— В том-то и дело, сэр. Врач умер во время дневной вахты. Капитан, вы не смогли бы подойти к нам? У вас есть резерв для маневра?

— Это еще зачем?

— У вас на борту врач, не так ли?

— Но это моя жена!

— Она врач, не так ли?

Роджер помолчал и ответил:

— Я перезвоню вам, сэр.

Состоялось совещание на высшем уровне с участием капитана, доктора Стоун и Хейзел. Сначала доктор Стоун настояла на том, чтобы вызвали «Бога войны», и выслушала полный отчет о симптомах и распространении болезни.

— Ну что, Эдит? — спросил ее муж, когда сеанс связи кончился.

— Не знаю. Надо посмотреть.

— Послушай, я не позволю тебе рисковать.

— Я врач, Роджер.

— Ты сейчас не практикуешь. К тому же ты мать семейства. Это совершенно исключает...

— Я врач, Роджер.

— Да, дорогая, — тяжело вздохнул муж.

— Весь вопрос в том, сможешь ли ты сойтись с «Богом войны» или нет. Вы с Хейзел уже выяснили?

— Сейчас начнем вычислять.

— Пойду проверю свои запасы, — нахмурилась Эдит. — Я не предполагала, что придется бороться с эпидемией.

Когда она ушла, терзаемый сомнениями Роджер спросил Хейзел:

— Что скажешь, мать?

— Сынок, твое дело пропащее. Она принимает свою клятву всерьез, ты давно это знаешь.

— Но я-то не давал клятву Гиппократу! Если я не приведу корабль куда надо, что она сможет сделать?

— Ты не доктор, это верно. Но ты капитан космического рейса. Похоже, тут действует правило «помощь и спасение».

— К черту правила! Речь идет об *Эдит*.

— Лично мне, — медленно сказала Хейзел, — семья Стоун дороже благополучия всего человечества вместе взятого. Но решать за тебя я не могу.

— Я ее не пущу! Не во мне дело. С нами Вундер — он совсем еще маленький. Ему нужна мать.

— Нужна.

— Это решает вопрос. Пойду поговорю с ней.

— Минутку! Если ты так решил, капитан, то позволь сказать — ты не так берешься за дело.

— Почему?

— Единственный способ удержать твою жену — это получить на компьютере нужный тебе ответ: что сблизиться с «Богом войны», а потом попасть на Марс физически невозможно.

— Да. Ты права. Поможешь мне смошенничать?

— Куда ж я денусь?

— Тогда за дело.

— Как скажете, сэр. А знаешь, Роджер, — если «Бог войны» прибудет на Марс в разгаре неопознанной эпидемии на борту, ему ни за что не дадут сесть. Его отведут на парковочную орбиту, снова заправят горячим и отошлют обратно в следующий благоприятный срок.

— Ну и что? Мне-то какая забота, что богатенькие туристы и куча эмигрантов будут разочарованы?

— Пусть так. Но это еще не все. Ван и первый помощник больны, а если свалится еще и второй, то «Бог войны» может не добраться и до парковочной орбиты.

Роджеру не нужно было долго объяснять — при подходе к планете без управления умелого пилота корабль ждет одно из двух: или он разобьется, или уйдет в пустое пространство и будет блуждать там, подобно комете, которая никогда не достигнет пристанища. Роджер закрыл лицо руками:

— Что делать, мать?

— Капитан ты, сынок.

— Я ведь это знал с самого начала, — вздохнул Роджер.

— Да, но ты должен был побороть сомнения. — Хейзел поцеловала его. — Какие будут указания, сын?

— Давай вычислять. Хорошо, что мы не тронули резерв при старте.

— Вот-вот.

Когда Хейзел поделилась новостью с другими, Кас-тор спросил:

— Папа велел нам тоже рассчитать траекторию?

— Нет.

— Хорошо, а то нам надо побыстрее загрузить обратно велосипеды. Пошли, Пол. Мид, может, ты наденешь скафандр и поможешь нам? Если ты не нужна маме?

— Нужна, — ответила Хейзел, — чтобы присматривать за Лоуэллом и не давать ему путаться у всех под ногами. А велосипеды обратно грузить ни к чему.

— Что? Как же можно уравновесить корабль для маневра, пока они там? И потом, при запуске двигателя тросы могут оборваться, и изменится наш фактор массы.

— Кастор, где у тебя голова? Ты что, не понимаешь ситуации? Мы избавляемся от балласта.

— Как? Выбросить наши велики? Когда мы их дотащили почти до самого Марса?

— И велики, и все наши книги, и все прочее, без чего можно обойтись. После грубой прикидки на компьютере это стало ясно, как кварц: только так мы можем проделать маневр и притом сохранить нужный запас топлива для посадки. Отец сейчас составляет формулу веса.

— Но как же... — Кастор замолчал, согнав с лица всякое выражение. — Так точно, мэм.

Близнецы уже надевали скафандры, но еще не вышли наружу, и тут Пола осенило.

— Кас, вот мы отвяжем велики, а что дальше?

— Спишем в убыток и попытаемся получить возмещение в «Экспорте Четырех Планет». И они нам, ясное дело, не заплатят.

— Шевели мозгами. Где окажутся велики в конечном счете?

— Где? Да на Марсе же!

— Точно. Или поблизости. Следуя по нашей теперешней орбите, они подойдут к нему очень близко, а потом опять направятся к Солнцу. А может, мы подождем их там да и подцепим?

— Не выйдет. Нам понадобится столько же времени, чтобы добраться до Марса, да еще по другой орбите — орбите «Бога войны».

— Да, но предположим. Вот был бы у нас запасной радарный маяк, я бы на них навесил. Тогда, если бы мы их догнали, то знали бы, где они.

— Но у нас его нет. Слушай! А куда ты дел отражательную фольгу?

— Чего? А-а. Дедуля, иногда твой маразм отступает.

Когда «Стоун» стартовал, он был покрыт со стороны жилого отсека алюминиевой фольгой, блестящей, как

зеркало. По мере того как они удалялись от Солнца, необходимость в отражении тепла исчезла — наоборот, стало желательно поглощение. Чтобы понизить нагрузку на охлаждающе-отопительную систему корабля, фольгу сняли и убрали на склад.

— Давай спросим у отца.

Хейзел задержала их у люка в рубку.

— Он у компьютера. В чем проблема?

— Хейзел, а фольга, которую мы сняли, тоже в списке балласта?

— Конечно. Возьмем другую на Марсе, когда соберемся назад. А зачем она вам?

— Для радарного отражателя, вот зачем. — И близнецы поделились своими планами.

— Вероятность мала, но смысл есть, — кивнула Хейзел. — Давайте-ка привяжите весь балласт к велосипедам. Может, еще и получим все обратно.

— Само собой!

И близнецы взялись за дело. Пока Поллукс собирал связки велосипедов, почти все отремонтированные и сверкающие свежей краской, Кастор сконструировал любопытную геометрическую игрушку с помощью проволоки восьмого калибра, алюминиевой фольги и липкой ленты. Гигантский квадрат фольги он натянул на проволочный каркас. В середине квадрата и под прямым углом к нему Кастор прикрепил второй. Эти два квадрата Кастор рассек пополам третьим квадратом под прямым углом. Получилось восемь сверкающих прямоугольных граней во всех возможных направлениях — радарный отражатель. Каждая грань будет отсылать радарные волны обратно к источнику — так резиновый мячик отскакивает от стенки комнаты или коробки. В результате эффективность радара возрастает во много раз, по крайней мере теоретически — закон обратной четвертой степени сменяется законом обратных квадратов. На практике эффект не столь велик, но радарная отдача объекта значительно повышается. Объект с такой этикеткой будет светиться на экране радара, как свеча в пещере.

Свой гигантский, но хрупкий змей Кастор привязал к куче велосипедов и прочего балласта простой бечев-

кой. Привязывать крепче не было нужды — залетный ветерок не сдует его, и никто не перережет бечевку.

— Пол, — сказал Кастор, — иди постучи в окошко и скажи — мы готовы.

Пол послушался и забарабанил в иллюминатор, чтобы привлечь внимание бабушки, а потом простучал свое сообщение. Тем временем Кастор прикрепил к грузу такое объявление:

НЕПРИКОСНОВЕННО!

Этот груз намеренно переведен на свободное перемещение. Нижеподписавшийся владелец намерен вернуть его и предупреждает всех заинтересованных лиц о недопустимости присвоения данного груза в качестве бесхозного. Согл. Постан. № 193401.

Роджер Стоун, капитан «Перекасти-Стоуна», Луна.

— Хейзел дает добро, но говорит, чтобы осторожно, — сказал Поллукс, вернувшись.

— Само собой.

Кастор развязал единственный трос, крепивший громоздкую конструкцию к кораблю, отошел и стал наблюдать. Груз не двигался с места. Тогда Кастор чуть-чуть подтолкнул его одним пальцем, и груз медленно-медленно начал отделяться от корабля. Кастор не хотел нарушать орбиту балласта, чтобы потом его легче было найти. Маленькая скорость, которую он придал ему — дюйм в минуту на глаз, — будет держаться до самого Марса. Кастор хотел, чтобы векторная сумма осталась малой.

Поллукс оглянулся на сверкнувшего «Бога войны».

— А когда мы запустим двигатель, груз не попадет под струю?

— Будь спокоен. Я это уже вычислил.

Маневр, который им предстояло выполнить, был очень прост — сближение в космосе, в зоне, считающейся свободной от гравитации. Оба корабля находились практически на одном расстоянии от Солнца, а Марс был еще слишком далеко, чтобы брать его в расчет. Маневр состоял из четырех простых стадий:

устранение небольшой векторной разницы между кораблями (или относительной скорости, с которой двигался «Бог войны»); ускорение в направлении «Бога войны»; пересечение пространства между кораблями; торможение с целью совмещения орбит и дрейф в пространстве относительно друг друга.

Первая и вторая стадии требуют увеличения скорости, на третьей надо просто выжидать. Вся операция требовала двух маневров, двух запусков двигателя.

Но в третьей стадии время, чтобы догнать «Бога войны», можно было значительно сократить, щедро расходуя топливо. Если бы им не было так дорого время, можно было бы спокойно ждать, «бросая камушки с кормы», как сказала Хейзел. Здесь существовало бесчисленное число вариантов с разным расходом топлива. В одном из вариантов можно было сохранить велосипеды и личные вещи, зато время перехода растянулось бы на две недели.

Доктор требовался срочно, и Роджер Стоун решил сбросить балласт.

Но близнецам он этого не сказал и не приказал им вычислять траекторию. Он не желал, чтобы они знали о существовании выбора: сохранить их капитал либо оказать незнакомым людям медицинскую помощь. Отец считал, что близнецы еще слишком молоды.

Через одиннадцать часов после запуска двигателя «Стоун» повис в пространстве недалеко от «Бога войны». Корабли продолжали путь к Марсу, делая приблизительно шестнадцать миль в секунду. Относительно друг друга они были неподвижны, только лайнер продолжал плавное вращение. Навьюченная доктор Стоун — на ней был не только скафандр, баллоны, рация, ракетный двигатель и тросы, но еще и санта-клаусовский мешок с медицинским оборудованием — стояла рядом с мужем на борту «Стоуна», обращенном к лайнеру. Не зная точно, что ей может понадобиться, она забрала все, без чего могла обойтись ее семья, — наркотики, антибиотики, инструменты, перевязочный материал.

С остальными Эдит расцеловалась на корабле и велела им там и оставаться. Лоуэлл плакал и не пускал

мать в шлюз. Ему не сказали, в чем дело, но настроение всех остальных действовало заразительно.

— Значит, так, — озабоченно говорил Роджер, — в ту же минуту, как поймешь, в чем там дело, и назначишь лечение, сразу домой, слышишь?

— Увидимся на Марсе, дорогой мой, — покачала головой Эдит.

— Ну уж нет! Ты...

— Да, Роджер. Я могу послужить переносчиком инфекции. Нельзя рисковать.

— Ты и на Марсе можешь быть переносчиком. Что ж ты, вообще не собираешься возвращаться?

Риторический вопрос Эдит оставила без внимания.

— На Марсе есть больницы. А семейную эпидемию в космосе я допустить не могу.

— Эдит! Я серьезно подумываю отказаться...

— Меня уже ждут, дорогой. Видишь?

У них над головой, на расстоянии двадцати ярдов, открылся пассажирский люк на оси вращения огромного корабля. Оттуда вышли две фигурки, осторожно прижали ботинки к борту и встали на корпусе, головами «вниз» к Стоунам. Роджер сказал в микрофон:

— Эй, на «Боге войны»!

— Есть на «Боге войны».

— Готовы?

— Ждем вас.

— Приготовиться к переходу.

Исполняющий обязанности капитана корабля Роули предложил прислать человека, чтобы перенести доктора Стоун через проем, но она отказалась, не желая, чтобы человек с зараженного корабля контактировал с «Перекасти-Стоуном».

— Тросы свободны, Роджер?

— Да, милая. — Роджер связал вместе несколько тросов, прикрепив один конец к ее поясу, другой — к скобе.

— Поможешь мне с ботинками, дорогой?

Роджер опустился на колени и молча растянул «молнии» на ее магнитных ботинках — у него пропал голос. Потом он выпрямился, и Эдит обхватила его руками. Они неуклюже обнялись — им мешали скафандры и ее заплечный мешок.

— Адью, милый, — нежно сказала она. — Береги детей.

— Эдит! Это ты береги себя!

— Да, дорогой. Подержи меня.

Роджер приподнял ее, она вынула ноги из ботинок — теперь ее удерживали только его руки.

— Готовься! Раз! Два! — Оба согнулись пополам. — Три! — Эдит отскочила от корабля, волоча за собой трос.

Долгие-долгие секунды уплывала она вверх, через пропасть между «Стоуном» и лайнером. Потом стало ясно, что прыжок получился не совсем прямой, и Роджер приготовился тянуть жену обратно.

Но комитет по встрече приготовился к неожиданностям. Один из двоих стал раскручивать над головой тросик с грузом, описывая все более широкие круги. Когда Эдит стало проносить мимо борта «Бога войны», он метнул свое лассо и зацепил грузилом за страховочный трос Эдит. На «Перекасти-Стоуне» Роджер застопорил канат и остановил ее, а человек на лайнере осторожно подтянул к себе.

Второй перехватил Эдит и пристегнул крюк ей к поясу, потом отвязал длинный трос «Стоуна». Прежде чем войти внутрь, Эдит помахала рукой, и люк закрылся.

Роджер какой-то миг смотрел на закрытую дверь, потом втянул трос. Его взгляд упал на пару маленьких ботинок рядом. Он оторвал их от обшивки, прижал к себе и побрел к своему люку.

Глава 9

ВОЗВРАТ ИМУЩЕСТВА

В последующие дни близнецы старались не попадаться отцу на глаза. Он обращался со всеми непривычно мягко и нежно, но никогда не улыбался и мог совершенно неожиданно сорваться и впасть в гнев. Братья сидели в кубрике и делали вид, что занимаются, и вправду занимались какую-то часть времени. Мид и Хейзел делили заботу о Лоуэлле. Ощущение безопасности у малыша с уходом матери пропало. Он выражал это бурными капризами и требовал к себе внимания.

Хейзел взялась готовить ленч и обед. У нее это получалось не лучше, чем у Мид. Дважды в день всем было слышно, как она то и дело обжигается, сыплет проклятиями и жалуется, что она не домохозяйка и никогда не стремилась ею стать. Никогда!

Доктор Стоун звонила ежедневно и, быстро переговорив с мужем, умоляла больше никого не звать — она слишком занята. Роджер взрывался обычно как раз после таких разговоров.

Только у Хейзел хватало отваги приставать к нему. На шестой день за ленчем она спросила:

— Ну что, Роджер? Какие новости? Поделись с нами.

— Ничего особенного. Хейзел, эти отбивные — просто гадость.

— А должны быть хороши — я их приправила собственной кровью. — Она показала перевязанный палец. — Попробовал бы сам стряпать. Но ты мне не ответил — не увиливай, парень.

— Она, кажется, что-то обнаружила. Насколько видно по их записям, пока не заболел ни один человек, переболевший раньше корью.

— Корью? — удивилась Мид. — Но ведь от нее не умирают.

— В общем, нет, — согласилась бабушка. — Хотя для взрослых она может быть опасна.

— Я не говорил, что это корь, — раздраженно ответил Роджер, — и мама тоже не говорила. По ее мнению, болезнь родственна кори, может быть, мутация, более сильный вирус.

— Назовем ее «неокорь», — предложила Хейзел. — Хорошее название — сразу возникает масса вопросов и звучит по-научному. Были еще смертельные случаи, Роджер?

— Да, были.

— Сколько?

— Она не говорит. Хотя Ван еще жив, и Эдит сказала, что он поправляется. Она сказала, — добавил он, будто стараясь убедить самого себя, — что, кажется, поняла, как это лечить.

— Корь, — задумчиво сказала Хейзел. — Ты не болел ею, Роджер.

— Нет.

— И дети тоже.

— Еще чего, — сказал Поллукс.

Луна-Сити, несомненно, был самым здоровым местом в известной человеку Вселенной. Детским болезням, обычным на Земле, не дали там прижиться.

— Какой у нее голос, сын?

— Смертельно усталый, — хмуро сказал Роджер. — Даже накричала на меня.

— Только не мама!

— Тише, Мид. У меня была корь лет семьдесят-восемьдесят назад, — вспомнила Хейзел. — Роджер, я пойду помогу ей.

— Она это предвидела, — невесело улыбнулся Роджер. — И просила передать тебе спасибо, но неквалифицированной помощи у нее более чем достаточно.

— Неквалифицированной! Мне это нравится! Да во время эпидемии девяносто третьего года я была единственной женщиной в колонии, способной перестелить постель. Уф!

На следующий день Хейзел заняла пост у рации, чтобы самой перемолвиться словом с невесткой. Звонки раздались в обычное время, и Роджер принял его. Но это была не Эдит.

— Капитан Стоун? Тернер, сэр, — Чарли Тернер. Я третий инженер. Ваша жена просила позвонить вам.

— В чем дело? Она занята?

— Очень занята.

— Попросите ее позвонить мне, как только освободится. Я буду ждать у аппарата.

— Боюсь, это бесполезно, сэр. Она определенно сказала, что не будет звонить вам сегодня. У нее нет времени.

— Чепуха! Это всего тридцать секунд. На таком большом корабле она может связаться со мной из любого места.

— Извините, сэр, — растерялся его собеседник. — Доктор Стоун строго наказала не беспокоить ее.

— Да пропади все пропадом, я...

— Прошу извинить меня, сэр. До свидания. — И Тернер оставил Роджера ругаться в пустоту.

Стоун помолчал и сказал матери с отчаянием:

— Она подцепила эту хворь.

— Не спеши с выводами, сынок, — спокойно ответила Хейзел.

Но в глубине души и она пришла к такому же выводу. Эдит Стоун заразилась болезнью, которую отправилась лечить.

Той же нехитрой байкой угостили Роджера и на другой день, но на третий перестали обманывать. Доктор Стоун больна, но ее мужу не следует волноваться. Перед тем как заболеть, она успела разработать метод лечения, и все вновь заболевшие, включая ее, поправляются. Так ему сказали.

Нет, она не станет разговаривать с ним с больничной койки. Нет, с капитаном Ванденбергом поговорить нельзя — он еще слишком болен.

— Я иду к вам! — крикнул Роджер.

— Это ваше дело, капитан, — замылся Тернер. — Но если вы так поступите, нам придется задержать вас тут на карантине. Письменный приказ доктора Стоун.

Роджер прервал связь. Он знал, что это решает дело — во всем, что касается медицины, Эдит была верховным судьей, а он не мог покинуть свой корабль и свою семью, предоставив им самим добираться до Марса. Хрупкая престарелая женщина и двое самоуверенных пилотов-недоучек — нет, он должен сам привести корабль к месту назначения.

Семья переживала трудное время. Стряпня становилась все хуже, если вообще кому-нибудь приходила охота стряпать. Прошло семь бесконечных земных дней, и наконец на ежедневный звонок ответили:

— Роджер — здравствуй, дорогой!

— Эдит! Как ты, ничего?

— Поправляюсь.

— Какая у тебя температура?

— Не собираешься ли ты лечить меня, дорогой? Температура удовлетворительная, как и общее самочувствие. Немного похудела, но мне это не повредит, тебе не кажется?

— Нет, не кажется. Слушай — иди домой! Слышишь?

— Роджер, милый! Не могу, это дело решенное. Весь корабль на карантине. Как там мое остальное семейство?

— Да хорошо, хорошо, что им сделается! Мы все благоденствуем.

— Так и продолжайте. Позвоню завтра. Пока, дорогой.

Обед в тот день был праздничный. Хейзел опять порезала палец, но не обратила на это никакого внимания. Ежедневные звонки уже не заставляли тревожно вздрагивать, а радовали. Через неделю доктор Стоун сказала:

— Оставайся на связи, Роджер. С тобой хочет поговорить один друг.

— Хорошо, дорогая. Целую тебя, до свидания.

— Роджер-поджер! — сказал знакомый бас.

— Ван! Ах ты, голландец пузатый! Я так и знал, что избыток подлости не даст тебе помереть.

— Жив-здоров благодаря твоей замечательной жене. Только больше не пузатый — не успел еще отрастить.

— Ничего, отрастишь.

— Не сомневаюсь. Вот что: я спрашивал нашего доктора кое о чем, но она не совсем в курсе — это по твоей части. Роджер, сколько моно-аш у тебя осталось после этого пробега? Добавить тебе горючего?

— А у тебя есть лишнее, капитан?

— Есть немного. Для моего вагона немного, а для твоей тарелки как раз хватит.

— Нам пришлось сбросить балласт, знаешь?

— Знаю и прошу прощения. Я прослежу, чтобы ваше заявление попало куда надо. Я бы и сам возместил, капитан, да после уплаты алиментов на трех планетах у меня ничего не останется.

— Возможно, это не понадобится. — И Роджер рассказал о радарном отражателе. — Если бы мы вернулись в старое русло, то как раз встретились бы со своими пожитками.

— Хотел бы я снова повидать твоих парней, — усмехнулся Ванденберг. — Похоже, они подросли за эти семь лет.

— Не советую. Они утащат протез у тебя изо рта. Так как насчет моно-аш — сколько ты можешь выделить?

— Тебе хватит, я уверен. Хочется проделать этот трюк даже из спортивного интереса. Уверен, этого никто раньше не делал. Никто.

Два корабля шли вровень на глаз и почти вровень по приборам, но их отнесло на пару миль друг от друга, пока на лайнере боролись с эпидемией. Неуловимое взаимное притяжение делало обоюдную скорость освобождения намного ниже, чем их крохотная остаточная относительная скорость. В этом направлении ничего не предпринималось, пока корабли оставались в пределах телефонной связи. Но теперь возникла необходимость перекачать топливо с одного корабля на другой.

Роджер привязал груз к концу легкого троса и метнул его как можно дальше и как можно прямее. Когда движение груза замедлилось благодаря натяжению троса, с «Бога войны» вышел человек в скафандре и поймал его. К легкому тросу привязали трос покрепче, который был прикреплен к «Перекасти-Стоуну». Этот трос вытягивали вручную. Хотя масса «Стоуна» была громадной по сравнению с физической силой человека, вектор был слишком мал для запуска двигателя, а трение равно нулю. Не зря же на космических кораблях нет тормозов — хотя, казалось бы, многочисленные вмятины на кораблях и станциях свидетельствуют об обратном.

В результате такого постепенного подтягивания через два с половиной дня корабли подошли друг к другу достаточно близко, чтобы между ними можно было протянуть шланг для горючего. Роджер и Хейзел, хоть и были в скафандрах, работая со шлангом, пользовались гаечным ключом, чтобы не нарушать карантина. Даже доктор Стоун не могла бы придаться. Через двадцать минут и эта связь оборвалась — запас горючего на «Стоуне» был восполнен.

И вовремя. Марс в виде красной, почти полной луны рос в небе. Пора было готовиться к маневру.

— Вот они! — Поллукс нес вахту у экрана радара; на его крик приплыла бабушка.

— А может, это стадо гусей, — заметила она. — Где?

— Да вот. Ты что, не видишь?

Хейзел ворчливо согласилась, что метка, пожалуй, действительно есть. В следующие несколько часов замерили расстояние, пеленг и относительную скорость по радару и доплеру и вычислили, как экономнее подойти и забрать груз. Роджер постарался сманеврировать как можно мягче, подгоняемый приближением Марса. Наконец они зависли в пространстве почти неподвижно рядом с кучей своего добра. Через несколько часов, как подсчитал Роджер, они приблизятся к ней на триста ярдов.

Тем временем стали вычислять маневр сближения с Марсом. «Перекасти-Стоун» должен был сесть, конечно, не на самом Марсе, а в порту Фобос. Сначала им нужно выйти на почти круговую орбиту вокруг Марса, соответствующую орбите Фобоса, и в итоге сесть на крохотном

спутнике. Сложность была только в одном: период обращения Фобоса — всего около десяти часов. «Стону» нужно было выйти не только в нужное место, с нужной скоростью и в нужном направлении, но и в нужное время. Приняв на борт велосипеды и прочий груз, кораблю придется идти за Фобосом, не приближаясь к нему, чтобы точно выйти на randevу.

Расчетами занимались все, кроме Вундера. Мид работала под руководством Хейзел. Поллукс продолжал следить по радару за приближением груза. Роджер выбросил два черновых варианта решения и взялся за третий, который вроде бы имел какой-то смысл. Тут Поллукс объявил, что, согласно последним показаниям радара, они подошли к грузу на самое близкое расстояние.

Отец отстегнулся и подплыл к иллюминатору.

— Где? Боже праведный, да мы прямо сидим на них. Пошли, ребята.

— Я тоже пойду, — заявила Хейзел.

— И я! — откликнулся Лоуэлл.

— Это тебе так кажется, — Мид подхватила его на руки. — Мы с тобой пойдем играть в замечательную игру «Что у нас на обед?». Желаю приятно провести время. — И она полетела на корму, таща за собой упиравшегося брата.

Снаружи всем показалось, что велосипеды очень далеко от них.

— Может, мне слетать туда? — предложил Кастор. — Сбережем время.

— Сомневаюсь. Бросай груз, Пол.

Поллукс закрепил легкий трос за скобу. На другом конце вместе с грузом было приделано с полдюжины крючков из проволоки шестого калибра. Первый бросок был как будто достаточно сильным, но не попал в цель.

— Дай-ка мне, Пол, — велел Кастор.

— Пусть он сам, — возразил отец. — Бог свидетель, последний раз выхожу в космос без гарпунного ружья. Запиши это, Кас. Занеси в список покупок, когда вернемся на корабль.

— Есть, сэр.

Со второго раза Поллукс попал, но трос соскользнул, когда Пол потянул его, — крючки не зацепились. Он попробовал еще раз, и на этот раз трос натянулся.

— Теперь тихонько! — предостерег отец. — А то вся эта куча свалится нам на ноги. Кончай тянуть, уже пошло.

Кастор в нетерпении предложил потянуть за трос еще. Отец покачал головой. Хейзел добавила:

— Я видела, как новичок на космической станции вот так же хотел побыстрее подтянуть груз. Это была стальная плита.

— Ну и что?

— Сначала он дернул как следует и думал, что потом сможет ее отпихнуть. Ему пришлось ампутировать обе ноги — жизнь, правда, спасли.

Кастор успокоился.

Через несколько минут бесформенная масса причалила к кораблю. При этом у одного велосипеда погнулся руль, но других повреждений не оказалось. Близнецы с Хейзел стали разбирать груды, работая с тросами и в магнитных ботинках. Они только передавали велосипеды в трюм, где Роджер раскладывал их согласно точной схеме распределения массы.

Поллуксу попалось на глаза объявление Кастора о неприкосновенности груза.

— Эй, Кас! Вот твоё объявление.

— Оно больше не нужно.

Кастор взглянул на бумажку, и глаза у него полезли на лоб.

Внизу было приписано:

«А ещё чего скажешь? *Властелин Галактики*».

Капитан Стоун вышел посмотреть, отчего заминка, и тоже прочел.

— Хейзел!

— Я? Да я все время у вас на глазах. Как я могла это сделать?

Роджер смял бумажку.

— Я не верю в привидения, по правде сказать, и во Властелина Галактики тоже.

Если Хейзел и сделала это, то никто не видел, а она так и не созналась. Она настаивала на своей версии — значит, Властелин Галактики все-таки не умер. И в доказательство она оживила его в следующей серии.

Глава 10

ПОРТ ФОБОС

У Марса есть две готовые космические станции — крохотные, находящиеся близко к нему луны — Фобос и Деймос, псы бога войны — Страх и Ужас. Деймос — это выщербленная, изрытая скала, шкиперу трудно было бы посадить на нем корабль, а Фобос имеет почти правильную сферическую форму и был уже довольно ровным, когда его открыли. С помощью атомного маникюра у экватора создали большое взлетно-посадочное поле. Может, с этим и не стоило торопиться — по одной весьма правдоподобной теории древние марсиане тоже использовали Фобос как космическую станцию. Доказательство тому (если оно существует) погребено теперь под шлаком фобосского космодрома.

«Перекасти-Стоун» вошел в орбиту Деймоса, включил двигатель на подходе к орбите Фобоса и пристроился к нему, кружа по почти идентичной орбите вокруг Марса всего в пяти милях от его луны. Теперь корабль был привязан к Марсу, но падал на Фобос, не стараясь пока замедлить этот процесс. Падение нельзя было назвать стремительным: на расстоянии, равном радиусу Фобоса, спутник притягивал крохотную массу корабля с силой

менее трех десятитысячных земного притяжения. У капитана Стоуна было достаточно времени, чтобы вычислить вектор посадки планеты — пройдет добрый час, прежде чем «Стоун» упадет на поверхность планеты.

Капитан пошел по легкому пути и запросил помощи. Двигатель «Стоуна», способный развить ускорение до шести g, был слишком мощным для слабенького притяжения десятимильной скалы — все равно что прихлопнуть муху механическим копром. Когда двигатель остановили, к ним вскоре подошел маленький скутер с Фобоса и пришвартовался к шлюзовому отсеку.

На корабль вплыла фигура в скафандре. Пришелец снял шлем и сказал:

— Разрешите подняться на борт, сэр? Джейсон Томас, лоцман — вы ведь запрашивали лоцмана, сэр?

— Да, капитан Томас.

— Зовите меня просто Джей. Схема распределения массы готова?

Роджер подал ему схему, и лоцман стал ее изучать, а Стоуны тем временем разглядывали его. Мид решила про себя, что он больше похож на бухгалтера, чем на лихого космонавта, — ничего общего с героями сериала Хейзел. Лоуэлл воззрился на него и серьезно спросил:

— Вы марсианин, мистер?

— Вроде того, сынок, — не менее серьезно ответил лоцман.

— А тогда где у вас еще одна нога?

Томас опешил, но быстро нашелся.

— Ну, наверно, я неполноценный марсианин.

Лоуэлл задумался, но вопросов задавать больше не стал. Лоцман вернул Роджеру схему.

— О'кей, капитан. Где у вас наружные гнезда подключения?

— К носу от люка. А внутренние здесь, на пульте.

— Я на пару минут.

Лоцман снова вышел наружу, двигаясь очень быстро, и вернулся минут через десять.

— Это вы так быстро подключили вспомогательные ракеты? — недоверчиво спросил Стоун.

— Я уж много раз это делал. Привычка. И потом, со мной толковые ребята работают. — Он подключил к

гнездам на пульте маленькую панель управления и проверил ее. — Все в порядке. — Он посмотрел на экран радара. — Теперь можно немного побездельничать. Вы эмигранты?

— Да нет, просто путешествуем.

— Это здорово! Только не знаю, хоть убей, что интересного вы надеетесь найти на Марсе.

Он посмотрел в иллюминатор, где на черном фоне рисовался красный полукруг Марса.

— Посмотрим достопримечательности.

— В штате Вермонт больше можно увидеть, чем на всей этой планете. Я точно знаю. Это вся ваша семья?

— Все, кроме жены, — и Роджер объяснил ситуацию.

— А, да! Я читал об этом в «Военном кличе». Только там неправильно указали название вашего корабля.

— Газеты! — презрительно фыркнула Хейзел.

— Да, мэм. «Бога войны» я посадил четыре часа назад. Стоянка 32 — 33. Только он на карантине. — Лоцман вытащил трубку. — У вас тут есть электростатическое осаждение?

— Есть, — сказала Хейзел. — Курите, курите, молодой человек.

— Спасибо.

Чтобы разжечь трубку, потребовалась уйма времени. Поллукс начал волноваться — когда же капитан думает вычислять траекторию.

Но Джейсон Томас не удосужился даже посмотреть на экран радара. Вместо этого он начал рассказывать длинную и запутанную историю про своего зятя, который живет на Земле. Этот его родственник пытался выучить попугая работать как будильник.

Близнецы ничего не знали о попугаях, да и знать не хотели. Кастор забеспокоился. Уж не хочет ли этот дурак разбить «Стоун»? Кас начал сомневаться, лоцман ли Томас вообще. История все продолжалась. Внезапно Томас прервал рассказ и сказал:

— Ухватитесь все за что-нибудь. И подержите кто-нибудь малыша.

— Я не малыш, — возразил Лоуэлл.

— А вот я хотел бы стать маленьким, знаешь? — Лоцман протянул руку к своей панели, а Хейзел взяла Лоуэлла. — Но вся суть в том... — Корабль потряс

оглушающий грохот — громче, чем шум стоуновского двигателя. И сразу стало тихо. — Вся суть в том, — торжествующе закончил Томас, — что птичка так и не научилась говорить время. Спасибо, ребята. Счет получите в конторе. — Он встал на ноги и гибким кошачьим движением скользнул к выходу, не отрывая ног от пола. — Рад был познакомиться. До свидания.

Они сели на Фобосе.

Поллукс оторвался от мягкой обшивки, к которой прислонился при посадке, и ударился головой о потолок. Потом попробовал пройтись, как Джейсон Томас. У него снова был вес, настоящий вес — впервые после Луны. Правда, в нем было всего две унции вместе с одеждой.

— Интересно, на какую высоту тут можно прыгнуть? — спросил он.

— Лучше не пробуй, — ответила Хейзел. — Помни, что скорость освобождения на этом шарике — всего шестьдесят шесть футов в секунду.

— Но человек ведь не может так быстро двигаться...

— Был такой Оле Гундерсон. Он обогнул Фобос по свободной орбите длиной тридцать пять миль. Это заняло у него восемьдесят пять минут. Он бы и доселе там летал, если бы его не перехватили на втором витке.

— Да, но он ведь был олимпийским чемпионом по прыжкам. И у него, наверно, был специальный трамплин, от которого он отталкивался.

— Прыгать не обязательно, — сказал Кастор. — Шестьдесят шесть футов в секунду — это сорок пять миль в час, значит, круговая скорость где-то миль тридцать в час. У нас дома человек может свободно пробежать двадцать в час, а здесь запросто развить сорок пять.

— Но трения-то нет, — не соглашался Поллукс.

— Специальные шиповки и, может быть, пусковой пандус на последней сотне ярдов и, — фьюю! — полетел.

— Вот и попробуй, дедуля. Я тебе помашу на прощанье.

— Прошу тишины! — Роджер громко свистнул. — Если наши доморощенные атлеты закончили, то у меня есть сообщение.

— Спустимся на поверхность, папа?

— Нет, если будешь меня перебивать. Я пойду на «Бога войны». Кто хочет погулять — пожалуйста, только договоритесь, кто приглядит за Вундером. Надевайте ботинки — кажется, тут есть стальные дорожки для удобства путешественников.

Поллукс первым надел скафандр и вышел в шлюз, где с удивлением обнаружил, что веревочная лестница так и не опущена. «Как же спустился Джейсон Томас? — подумал Пол. — Спрыгнул, наверное?» Прыжок вниз с высоты ста с лишним футов здесь не причинит вреда ногам. Но, открыв наружную дверь, Пол выяснил, что можно просто идти по корпусу, как муха по стене. Он слышал об этом и раньше, но не очень-то верил — разве такое возможно на планете, пусть даже на спутнике?

Другие последовали за ним. Хейзел несла Лоуэлла. Внизу Роджер остановился и посмотрел вокруг.

— Могу поклясться, — недоуменно сказал он, — что перед посадкой видел «Бога войны» чуть восточнее от нас.

— Вон там что-то торчит, — сказал Кастор, указывая на север.

Там над необычайно близким горизонтом высился какой-то крутой купол — горизонт был всего в двухстах ярдах с высоты зрения Кастора. Купол казался огромным, но по мере их приближения он быстро уменьшался, и вскоре они дошли до него. Резкое искривление маленького шарика шутило с ними шутки. Планета была так мала, что было видно, как она закругляется, но сказывалась привычка считать, будто то, что на горизонте — это далеко.

По дороге к куполу Стоуны встретили на одной из стальных дорожек, пересекавших им путь, человека. Он был в скафандре, как и они, и с легкостью нес бухту стального троса, ручную лебедку и сухопутный якорь с большими лапами. Роджер остановил его.

— Извините, приятель, — не скажете ли, как найти «Бога войны»? По-моему, стоянка 32—33.

— Вон там, к востоку. Идите по этой дорожке миль пять и увидите. Вы не с «Перекасти-Стоуна»?

— Да. Я владеец, тоже Стоун.

— Очень приятно, капитан. Я как раз собираюсь перевезти ваш корабль на другое место. Найдете его на стоянке номер тринадцать, к западу отсюда.

Близнецы с любопытством осматривали его снаряжение.

— Вам этого хватит? — спросил Кастор, вспомнив сложную процедуру перевозки «Стоуна» на Луне.

— А вы гироскопы оставили вертеться? — спросил докер.

— Да, — ответил капитан Стоун.

— Тогда никаких сложностей не будет. До скорого.

И он пошел к кораблю, а Стоуны — по дорожке на восток. Благодаря трению магнитных ботинок о сталь идти было легче. Хейзел отпустила Лоуэлла побегать.

Они шли прямо к Марсу, огромный полукруг которого заполнял большую часть восточного горизонта. По мере их приближения планета будто поднималась над горизонтом. Марс на Фобосе, подобно Земле на лунном небе, никогда не восходит и не заходит — «восходить» его заставляло быстрое продвижение Стоунов по маленькому Фобосу. Пройдя около мили, Мид заметила на красно-оранжевом фоне Марса силуэт «Бога войны». Стоуны прибавили шагу, но корабль предстал перед ними целиком, от носа до кормы, только через три мили.

Наконец они дошли и увидели вокруг корабля временное ограждение из троса, натянутого между стойками, а на нем — большую табличку:

**ОСТОРОЖНО — КАРАНТИН
ВХОД ВОСПРЕЩЕН
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АДМИНИСТРАЦИИ
ПОРТА ФОБОС**

— А я читать не умею, — сказала Хейзел.

— Вы оставайтесь здесь или идите гулять — как хотите, — рассудил Роджер. — А я пойду туда. Смотрите держитесь подальше от поля.

— Да ладно, — сказала Хейзел, — тут вполне можно успеть заметить, как садится корабль, и убежать. Все местные так и делают. А ты не хочешь, чтобы я пошла с тобой, сын?

— Нет, пусть уж я буду в ответе.

Роджер оставил их у загородки и пошел к лайнеру. Пока они ждали, Хейзел достала из пистолета драже, сунула себе в ротовой клапан и угостила Лоуэлла. Потом они увидели, что Роджер идет по корпусу корабля к иллюминатору. Он постоял там какое-то время и снова спустился вниз.

Вернулся он к ним мрачнее тучи.

— Не прошел номер, а? — спросила Хейзел.

— Нет. Видел Вана, он мне простучал разные не относящиеся к делу слова. Правда, дал повидаться с Эдит — через иллюминатор.

— Ну, как она выглядит?

— Прекрасно, просто прекрасно! Может, немножко похудела, но не сильно. Она вас всех целует. — Роджер хмуро замолчал. — Но я не могу к ней войти, а она не может ко мне выйти.

— Вана нельзя винить, — заметила Хейзел. — Ему это стоило бы капитанских прав.

— Никого я не виню! Просто я с ума схожу, вот и все.

— И что же дальше?

Роджер подумал.

— Ближайший час можете делать что хотите. Я пойду в управление порта вон в тот купол. Встречаемся на корабле — тринадцатая стоянка.

Близнецы решили прогуляться дальше на восток, а Мид с Хейзел сразу повернули на корабль — Вундер начал капризничать. Братья хотели как следует посмотреть на Марс. Конечно, они видели его и на подходе, в иллюминаторы «Стоуна», но это было не совсем то — здесь он был как-то реальнее, не ограниченный рамкой, как телекадр. Еще три мили — и Марс предстал перед ними полностью, точнее, предстала освещенная его часть, потому что сейчас, когда Солнце стояло почти над головой, планета была в половинной фазе.

Близнецы смотрели на оранжево-красные пустыни, на оливково-зеленые плодородные зоны, на каналы, пересекавшие плоский ландшафт ровно, как стрелы. К ним была обращена южная полярная шапка, которая почти совсем растаяла, а прямо напротив торчал, как наконецник копья, Большой Сирт.

Братья согласились, что Марс очень красив — почти так же, как Луна, и, пожалуй, красивее Земли, даже

несмотря на вечное разнообразие и прелесть земных облаков. Но вскоре им надоело смотреть, и они вернулись на корабль.

Стоянку № 13 они нашли без труда и поднялись на борт. У Мид был готов обед, Хейзел играла с Вундером. Отец пришел, когда они как раз собирались сесть за стол.

— У тебя такой вид, будто ты подкупил чиновника, — заметила Хейзел.

— Не совсем. — Он помолчал и сказал: — Я иду к Эдит в карантин. Выйдем вместе.

— Но, папа!.. — запротестовала Мид.

— Я не договорил. Пока меня нет, командовать будет Хейзел. Она же глава семейства.

— Я всегда была ею, — надменно сказала Хейзел.

— Прошу тебя, мать. Мальчики, если она сочтет необходимым переломать вам руки и ноги, имейте в виду — это одобряется заранее. Поняли?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Ладно. Сейчас соберу вещи и пойду.

— Но, папа! — чуть ли не со слезами воскликнула Мид. — Неужели ты даже не пообедаешь с нами?

Роджер остановился и улыбнулся.

— Пообедаю, лапочка. А из тебя получится хорошая повариха, знаешь?

Кастор, переглянувшись с Поллуксом, сказал:

— Папа, давай выясним одну вещь. Мы должны ждать тут на корабле — на этом шарике размером с пилюлю, — пока вы с мамой не выйдете из заключения?

— Мм... да нет, не обязательно. Я просто об этом не подумал. Если Хейзел не против, можете закрыть корабль и лететь на Марс. Скажете по телефону свой адрес, и мы вас найдем. Да, так, пожалуй, будет лучше.

Близнецы с облегчением вздохнули.

Глава 11

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС!»

Роджер мигом подхватил инфекцию, его пришлось лечить, карантин из-за этого затянулся. Так что у близнецов оказалось достаточно времени, чтобы проявить свой талант попадать в неприятности. Временно осиротевшее семейство отправилось с Фобоса в Марспорт челноком. Он был не похож на те, что ходят между Пайкс Пик и земной орбитальной станцией, — это был маленький ракетоплан чуть мощнее древних немецких боевых ракет. Ведь круговая орбитальная скорость Марса чуть больше двух миль в секунду.

Однако билеты стоили дорого, а перевозка груза еще дороже. Близнецы выгрузили свой товар, доставили его на товарный двор между таможенной и зданием управления и договорились о его отправке, прежде чем сесть в челнок. Они пришли в ужас, когда им вручили счет, который следовало оплатить предварительно. Получилось больше, чем они заплатили отцу за доставку велосипедов с Луны на Марс.

Кастор все продолжал подсчитывать расходы и возможную прибыль, а пятеро Стоунов пристегивали ремни перед взлетом.

— Пол, — обеспокоенно сказал он, — надо назначить хорошую цену за велосипеды.

— Назначим, дедуля, назначим. Велики хорошие.

Челнок приводнился на Большом канале, его подтянули на буксире к причалу, при этом он слегка покачивался. Близнецы были рады выбраться наружу — они еще не имели дела с гидропланами, и машина показалась им ненадежной, если не сказать — опасной. Дверь с мягким шипением открылась, и они вдохнули воздух Марса. Он был разреженный, но давление не очень отличалось от того, что они поддерживали на «Стоуне». Поколение, осуществившее атмосферный проект, сделало ненужными скафандры и респираторы. Холода не ощущалось — Солнце стояло как раз в зените.

Спускаясь на причал, Мид потянула носом.

— Чем это пахнет, Хейзел?

— Свежим воздухом. Странно, да? Пошли, Лоуэлл. — Они прошли в зал приема пассажиров — больше нигде хода с причала не было. Хейзел посмотрела по сторонам и направилась к стойке с надписью «Визы». — Пошли, детки. Держитесь все вместе.

Клерк, оторвавшись от своих бумаг, посмотрел на них так, точно ничего подобного раньше не видел и видеть не желает.

— Вы прошли медосмотр в порту Фобос? — недоверчиво спросил он.

— Вот, смотрите — все оформлено.

— Но вы не заполнили декларацию об имуществе для эмигрантов.

— Мы не эмигранты, мы путешественники.

— Что же вы сразу не сказали? Вам надо уплатить пошлину — все граждане Земли платят пошлину.

Поллукс, переглянувшись с Кастором, мотнул головой. Хейзел сосчитала в уме до десяти и ответила:

— Мы не граждане Земли, мы граждане вольного штата Луна, и на нас распространяется закон о взаимном обмене по договору седьмого года. Можете справиться.

— Вот как, — опешил клерк. Он подписал им бумаги, поставил печати, сунул документы в статистический компьютер и отдал обратно. — С вас пять фунтов.

— Пять фунтов?

— Марсианских, разумеется. Если будете оформлять гражданство, вам их вернут.

Хейзел достала деньги. Поллукс перевел сумму в кредитки Системы и выругался про себя: он начинал думать, что на Марсе придется платить за каждый вздох. Клерк пересчитал и протянул каждому по буклету из стопки рядом с собой.

— Добро пожаловать на Марс, — сказал он с дежурной улыбкой. — Я знаю, вам здесь понравится.

— Начинаю сомневаться, — ответила Хейзел, беря проспект.

— Простите?

— Ничего. Спасибо.

Стоуны пошли дальше. Кастор глянул на свой проспект. Он был озаглавлен:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС!
Вас приветствует Марспортский клуб
торговой палаты и рекламы.

Кастор пробежал глазами оглавление: «Что посмотреть... Где поесть... И поспать... «В чужом монастыре»... Старинные времена... Сувениры? Конечно... Деловые возможности... Факты и цифры Марспорта, самого быстрорастущего города в Системе».

Внутри оказалось больше рекламы, чем текста. Картинки были не стереоскопические. Ладно, зато бесплатно. Кастор засунул проспект в сумку на поясе.

Не прошли они и десяти шагов, как клерк окликнул:

— Эй, мадам! Пойдите — вернитесь, пожалуйста!

Хейзел пошла назад, стиснув зубы.

— Что еще, дружок?

Клерк показал на ее кобуру.

— Пистолет в пределах города носить нельзя.

— Нельзя, значит? — Хейзел достала оружие, открыла магазин и с ухмылкой предложила клерку. — Хочешь конфетку от кашля?

Очень симпатичная леди за стойкой бюро путешествий, убедившись в том, что Стоуны решительно отказы-

ваются снять древнюю марсианскую башню возрастом в миллион лет, но герметизированную и с кондиционером, дала им список частных квартир. Хейзел заявила, что в туристический отель они не пойдут даже на одну ночь, после того как обзвонила три из них и справилась о ценах. В поисках жилья Стоуны исходили половину города. Общественного транспорта не было — некоторые жители пользовались моторизованными роликами, а большинство ходило пешком. План города представлял собой продолговатую шахматную доску, где главные улицы шли параллельно каналу. За исключением нескольких герметизированных зданий в старом городе, все дома были сборными одноэтажными коробками без карнизов и без окон, удручающими своим однообразием.

Первая квартира оказалась двумя клетушками на задах частного дома, удобства общие с хозяевами. Вторая была достаточно большой, но находилась в зоне выбросов большого завода пластмасс. Попахивало, похоже, бутилмеркаптаном, хотя Хейзел сказала, что ей это больше напоминает запах дохлого козла. Третья тоже не отвечала тем требованиям комфорта, которыми Стоуны пользовались на Луне и даже на «Перекасти-Стоуне».

Хейзел вышла из последнего осмотренного помещения, отскочила, чтобы не попасть под тележку, которую толкал мальчик-рассыльный, перевела дух и сказала:

— Ну что, дети? Палатку разобьем или вернемся на «Стоун»?

— Как же так? — запротестовал Поллукс. — Нам ведь надо продать велосипеды!

— Заткнись, юнец, — сказал ему брат. — Хейзел, был вроде еще один адрес? «Каса» какая-то?

— «Каса Маньяна», на юг вдоль канала — только это, наверное, не лучше других. Ладно, пехота, вперед!

Дома поределели, и они увидели гелиотропическую растительность Марса, жадно тянущуюся к солнцу. Лоуэлл захныкал:

— Хочу на ручки, бабушка Хейзел!

— Не выйдет, золотко, — решительно сказала бабушка, — у тебя ноги помоложе моих.

— У меня тоже ноги болят, — остановилась Мид.

— Чепуха! Тут чуть больше одной трети земного притяжения.

— Может, и так, но это вдвое больше, чем дома, к тому же мы больше полугода находились в невесомости. Далеко еще?

— Слабаки!

Близнецы тоже притомились, но не желали в этом признаться. Они договорились нести Вундера на закорках по очереди. «Каса Маньяна» оказалась совсем новенькой, и Стоуны, чьи запросы внезапно снизились, сочли ее подходящей. Стены были из прессованного песка, двойные — для защиты от ночного холода, крыша — из стальных панелей — «сэндвичей» с изоляцией из стекловаты внутри. Здание было длинное, низкое и напоминало Хейзел курятник, но она оставила это сравнение при себе. Окон не было, но были в достаточном количестве лампы дневного света и нормальная вентиляция.

Квартира, которую показал им хозяин (он же управляющий), состояла из двух клетушек-спаленок, освежителя и общей комнаты.

Хейзел все осмотрела.

— Мсье д'Аврил, а побольше у вас ничего нет?

— Есть, мадам, есть — но я очень не люблю сдавать большие квартиры такой маленькой семье, когда туристский сезон только начинается. Я принесу вам кроватку для малыша.

Хейзел объяснила, что они ожидают еще двоих взрослых. Хозяин подумал и спросил:

— Не знаете, сколько продлится карантин на «Боге войны»?

— Не имею представления.

— Тогда, может быть, решим этот вопрос, когда дойдет до дела? Я как-нибудь вас устрою, обещаю.

Хейзел решила покончить с этим делом — у нее подкашивались ноги.

— Сколько?

— Четыреста пятьдесят в месяц — четыреста двадцать пять, если возьмете на весь сезон.

Сначала Хейзел слишком удивилась, чтобы протестовать. Цену других квартир она не спрашивала, потому что не собиралась снимать их.

— В кредитках или фунтах? — еле слышно спросила она.

— В фунтах, разумеется.

— Вы понимаете, я не собираюсь покупать этот кур... эту квартиру. Я просто хочу ее снять.

Мсье д'Авриль обиделся.

— Можете не делать ни того ни другого, мадам. Корабли прибывают каждый день, и у меня скоро все будет занято. Мои цены считаются очень умеренными. Ассоциация домовладельцев пыталась заставить меня повысить их, и это факт.

Хейзел припомнила, как надо сравнивать плату за гостиницу с квартирной платой: к цене за сутки следует прибавить ноль. Что ж, может, он и правду говорит — если равняться на гостиничные цены... Она покачала головой.

— Мы люди деревенские, мсье д'Авриль. Во сколько вам обошлось строительство?

Хозяин опять обиделся.

— Вы неправильно смотрите на вещи, мадам. На нас периодически сваливается толпа туристов. Они поживут, потом разлетятся, и мы не получаем вообще никакой платы. И вы не представляете, как изнашивается дом от здешних холодных ночей. Мы не умеем строить, как марсиане.

Хейзел сдалась.

— Скидка, о которой вы упоминали, действует до отлета на Венеру?

— Извините, мадам, — только на весь сезон.

Следующий благоприятный период для отлета на Венеру должен был наступить через девяносто шесть земных дней, или девяносто четыре марсианских, тогда как «весь сезон» продолжался пятнадцать месяцев, больше половины марсианского года. Только тогда Земля и Марс примут положение, при котором возможна орбита с минимальным расходом топлива.

— Мы берем квартиру на месяц. Можно попросить вашу авторучку? У меня нет при себе столько наличными.

После обеда Хейзел почувствовала себя лучше. Солнце садилось — скоро ночь станет слишком холодной для человека без обогревательного скафандра, а в «Каса Маньяна» было уютно, хоть и тесно. Мсье д'Авриль

за добавочную, умеренно грабительскую плату включил им телевизор, и Хейзел в первый раз за много месяцев насладились своим сериалом. Она отметила, что в Нью-Йорке сценарий, как всегда, переделали — и как всегда, не к лучшему. Но некоторые диалоги и основная фабула были узнаваемы.

Этот Властелин Галактики — парень что надо. Может, опять его убить? Завтра можно будет поискать что-нибудь подешевле. Правда, пока сериал держит свою аудиторию, семья голодать не будет, но Хейзел не хотелось представлять себе лицо Роджера, когда он узнает, сколько пришлось заплатить за квартиру. Марс! Посетить его можно, но жить здесь — нет уж. Она нахмурилась.

Близнецы в своей спальне шептались о каких-то финансовых делах. Мид спокойно вязала, поглядывая на экран. Увидев лицо Хейзел, она спросила:

— О чем ты думаешь, бабушка?

— А я знаю о чем! — объявил Лоуэлл.

— Если знаешь, то держи при себе. Да так, Мид, — все вспоминаю этого несчастного клерка. Надо же, нахал какой — сказать, что я не умею заряжать пистолет!

Глава 12

СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

На следующее утро после завтрака близнецы отправились штурмовать твердыни рынка. Хейзел предупредила:

— Не опаздывайте к обеду. И постарайтесь не совершать тяжких преступлений.

— Это каких же?

— Сейчас. Оставление без приюта... Загрязнение водных источников... нарушение договора с туземцами... вот как будто и все.

— А убийство?

— Убийство тут в основном рассматривается как гражданское дело — преступника просто обязывают выплачивать заработок жертвы в течение предполагаемого времени жизни последнего. Это дорого. Очень дорого, если судить по здешним ценам. Можно на всю жизнь в кабалу попасть.

— Хмм... ладно, будем осторожны. Смотри, Пол, не убивай никого.

— Сам смотри, это у тебя дурной характер.

— Чтобы в шесть были тут, ребята. Часы переставили?

— Пол переставил, а я оставил гринвичское время.

— Разумно.

— Пол! — вмешался Лоуэлл. — Кас! Возьмите меня с собой.

— Нельзя, чадо. Бизнес.

— Возьмите! Я хочу увидеть марсианина. Бабушка Хейзел, когда же я увижу марсианина?

Хейзел не знала, что и сказать. Со времени печального, но поучительного инцидента, произошедшего сорок лет назад, основной задачей властей планеты стало удерживать людей, особенно туристов, как можно дальше от коренных марсиан. У Лоуэлла было меньше шансов увидеть марсианина, чем у маленького европейца, посетившего Манхэттен, повстречать американского индейца.

— Видишь ли, Лоуэлл...

Близнецы поскорее ушли, не желая быть втянутыми в намечающийся бесплодный спор.

Вскоре они нашли улицу, где размещались магазины для старателей, и выбрали небольшую лавку под вывеской «Анджело и сыновья, Лтд. Универсальные поставщики». Вывеска обещала: «Спальные мешки, счетчики Гейгера, велосипеды для пустыни, аналитическое оборудование, шахтерские лампы, огнестрельное оружие, металлоизделия — спрашивайте! У нас это есть или будет».

Внутри они застали одинокого продавца, который, облокотившись на прилавок, ковырял в зубах и играл с чем-то, что бегало по прилавку. Поллукс с любопытством посмотрел на животное: он ничего не мог о нем сказать, кроме того, что оно покрыто мехом и почти круглое. Наверно, что-то вроде марсианского динго. Это можно и потом выяснить — сначала бизнес.

Продавец выпрямился и сказал с профессиональной приветливостью:

— Доброе утро, джентльмены. Добро пожаловать на Марс.

— Откуда вы знаете? — спросил Кастор.

— Что знаю?

— Что мы недавно на Марсе.

— Да трудно сказать. У вас в походе еще сохранилась привычка к невесомости, а вообще — не знаю. Мелочи разные, откладываются автоматически — дело привычки.

Поллукс предостерегающе посмотрел на Кастора, тот кивнул. Предки этого человека, почувствовал он подсознательно, бороздили воды Средиземного моря, оценивая покупателей на глаз, покупая дешево и продавая дорого.

— Вы мистер Анджело?

— Я Тони Анджело. А вам который нужен?

— Да нет, нам все равно, мистер Анджело. Мы хотели просто посмотреть.

— Милости прошу. Ищете сувениры?

— Все может быть.

— Как вам это? — Мистер Анджело достал из коробки у себя за спиной выщербленную защитную маску. — Эта маска пережила песчаную бурю, ее линзы изъедены марсианскими песками. Можете повесить ее в гостиной и рассказывать жуткие истории о том, как это случилось и как вы чудом остались живы. На вес дозволенного багажа почти не влияет, а я вам дешево уступаю — чтобы продать подороже, мне придется менять линзы.

Поллукс расхаживал по магазину, подбираясь к велосипедам. Кастор решил занять мистера Анджело разговором, пока брат собирал фактический материал.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Мне бы не хотелось врать.

— Это не вранье, а устное творчество. Такое вполне могло случиться — случилось же с тем парнем, который ее носил. Я его знаю. Ну как хотите. — Анджело спрятал маску обратно. — У меня есть самые что ни на есть настоящие марсианские драгоценности, один К'Рат знает, какие они старые, — но они очень дорогие. А есть и другие, которые от настоящих можно отличить разве что в лаборатории под сильным светом. Эти родом из Нью-Джерси и стоят совсем недорого. Какие предпочитаете?

— Прямо не знаю, — продолжал мяться Кастор. — Скажите, мистер Анджело, а что это такое? Сначала я подумал, что это меховая шапка, а теперь смотрю — живое. — Кастор показал на кусочек меха, который медленно скользил по краю прилавка. Анджело подхватил его и вернул на середину.

— Это? Плоский кот.

— Плоский кот?

— У него есть и латинское название, только я никогда не старался его запомнить. — Анджело пощекотал животное пальцем, и оно замурлыкало, как зуммер высокого тона. Отличительных черт у него не было — этаким пирожок из гладкого рыжего меха, чуть темнее волос Кастора. — Это привязчивые зверюшки, их многие «песчаные крысы» держат дома — старателю ведь надо с кем-нибудь поговорить, а плоский кот лучше жены, потому что ответить не может. Просто мурлычет да жметя к тебе. Вот возьмите его.

Кастор взял, стараясь не показать, что делает это с опаской. Плоский кот тут же распластался у Кастора на рубашке, устроившись в изгибе его руки, и перешел на низкие тона, которые отдавались у Кастора в груди. Три глаза-бусинки доверчиво посмотрели на Кастора, потом закрылись и совсем пропали. Зверек вздохнул и прижался покрепче.

— А правда похож на кота, — усмехнулся Кастор.

— Только что не царапается. Хотите купить?

Кастор заколебался. Он вспомнил, что Лоуэлл рвется увидеть «настоящего марсианина». Это ведь тоже марсианин. Он живет на Марсе.

— Я не умею с ним обращаться.

— Ничего сложного. Во-первых, они большие чистюли — с этой стороны никаких хлопот. Едят все, что угодно, а отбросы прямо обожают. Кормите его раз в неделю и давайте воды, сколько влезет, раз в месяц или в шесть недель — а если не дадите вовремя, тоже ничего. Когда его не кормят и не поят, у него просто замедляются жизненные процессы до следующей кормежки. Вреда ему от этого никакого. В тепле его держать тоже не обязательно. Дайте я вам покажу. — Анджело взял у Кастора кота и подбросил его на ладони. Тот мигом свернулся в шар. — Видите? Как и все живое на Марсе, при плохой погоде он сворачивается. Выживает в любых условиях. Анджело хотел было рассказать еще об одной особенности рассчитанного на выживание зверька, но решил, что момент неподходящий. — Ну как? Берите, уступлю недорого.

Кастор решил, что Лоуэллу плоский кот понравится, — и потом, этот расход вполне оправдан в целях завоевания расположения партнера.

— Сколько?

Анджело помедлил, прикидывая, как бы не прогадать — плоский кот на Марсе стоил примерно столько же, сколько обычный котенок на миссурийской ферме. С другой стороны, мальчишки, должно быть, богатые — иначе бы тут не оказались. Видно, деньги им жгут карман. А дела с некоторых пор идут скверно.

— Полтора фунта, — твердо сказал он.

Кастор был удивлен такой низкой ценой.

— Многовато что-то, — автоматически сказал он.

— Он вас полюбил, — пожал плечами Анджело. — Ну, скажем, фунт?

Кастор снова удивился скорости и размеру скидки.

— Не знаю, право, — промямлил он.

— Ну — минус десять процентов при расчете наличными.

Краем глаза Кастор видел, что Поллукс закончил осмотр загородки с велосипедами и идет обратно, поэтому решил расчистить территорию и завоевать это самое расположение, прежде чем Поллукс перейдет к делу.

— По рукам. — Он выудил фунтовую бумажку, получил сдачу и взял плоского кота на руки. — Иди к папе, Мохнатые Штаны.

Мохнатые Штаны прижался к «папе» и замурлыкал.

— Это еще что? — уставился на марсианского зверя Поллукс.

— Знакомься с новым членом семьи. Мы только что купили плоского кота.

— Мы? — Поллукс хотел было заявить, что он к этой глупости отношения не имеет, но вовремя перехватил взгляд Кастора. — Что-то у вас цены не обозначены, мистер Анджело?

— Верно, — кивнул продавец, — «песчаные крысы» любят поторговаться, и мы идем им навстречу. В итоге мы все равно приходим к той цене, которая стоит в накладной. Они это знают, и мы это знаем, но торг — часть светской жизни старателя, а у него ее и так немного.

— Вон тот, «Рейли», спецмодель, сколько стоит?

Поллукс выбрал «Рейли», потому что почти такой же велосипед отец забрал для капитана Ванденберга, уходя на карантин.

— Хотите купить?

Кастор качнул головой на одну шестнадцатую дюйма. Поллукс ответил:

— Да нет, просто прицениваюсь. Мне он ни к чему, мы скоро улетаем в сторону Солнца.

— Ну, поскольку постоянных покупателей не видно, я вам скажу. Он стоит триста семьдесят пять фунтов — и это твердая цена!

— Ого! Дороговато.

— Дешевле не найдете. Смотрите, какой красавец. Попробуйте поищите в других магазинах.

— Мистер Анджело, — осторожно сказал Кастор, — а если я вам предложу такой же, подержанный, но отремонтированный и с виду как новый, за половину этой цены?

— Я скажу, что вы не в своем уме.

— Я серьезно. Мне надо продать велосипед. Вам или кому-то еще — мне все равно. Стоять с ним на улице я не хочу, на то есть магазины.

— Мм... значит; вы не за сувенирами пришли?

— Нет, сэр.

— Если б вы пришли ко мне с этим месяца четыре назад и дело бы оказалось стоящим, я бы за него ухватился. А теперь — нет.

— Почему? Я вам хороший велик предлагаю. И дешево.

— Обсуждать не будем. — Анджело погладил плоского кота на руках у Кастора. — А впрочем, черт — почему бы и не сказать. Пошли.

Он повел близнецов через дверь за прилавком, мимо полок, забитых товарами, на задний двор. И махнул рукой в сторону стеллажей с товаром, знакомым братьям до боли.

— Видали? Подержанные велосипеды. Этот склад, что позади, ими битком набит, поэтому эти приходится держать во дворе.

Кастор постарался скрыть удивление и разочарование.

— Ваши велосипеды, — сказал он, — все изношены и исцарапаны. А у меня они как новые и работать будут как новые, и я могу их продать дешевле вашего, намного дешевле. Может, хоть посмотрите?

— Признаться, братец, я не распознал в тебе оптовика. Однако у меня для вас плохие новости. Вы не продадите велосипеды мне, не продадите моим конкурентам, никому не продадите.

— Почему?

— Потому, что покупателей на них нет.

— Как?

— Вы не слыхали об Аллилуйском узле? Не видите разве, что в магазине нет покупателей? Три четверти марсианских «песчаных крыс» заявили в город, но не за покупками — о велосипедах и говорить нечего. Все повалили на астероиды — нанимают корабли и летят. Вот откуда у меня подержанные велики — пришлось взять их в заклад, и вот почему вам не удастся продать свои. Очень жаль — я бы с вами с удовольствием сговорился.

Близнецы слышали об астероидах — новость об открытии на узле Аллилуйя одновременно урана и графита они узнали еще в космосе. Но это вызвало у них только отвлеченный интерес — ведь астероиды больше не входили в их планы.

— Двое моих братьев уже отправились туда, — продолжал Анджело, — я бы и сам не прочь, да вот магазин на мне. Мне бы закрыться и переделать его в лавку для туристов, да надо избавиться от нынешнего товара. Вот такие дела.

Близнецы удалились из магазина, как только позволило приличие.

— Велосипед не хочешь купить, лопух? — спросил Поллукс.

— Спасибо, у меня уже есть. Плоского кота не хочешь купить?

— Не очень. Слушай, пошли в порт. Если будет туристский рейс — может, удастся всучить его другому лопуху. Может, сможем даже заработать на плоских котах.

— Нет. Мохнатые Штаны для Вундера, это решено. Но все равно пошли: может, наши велики уже прибыли.

— Кому они нужны-то?

— Мне. Даже если их нельзя продать, можно хоть взять пару и ездить на них. Ноги болят.

Их багаж еще не прибыл с Фобоса, но ожидался примерно через час. Близнецы зашли в «Обеды старого Юга. Содовый родник» напротив зала приема пассажиров. Они попивали содовую, гладили Мохнатые Штаны и размышляли над своей неудачей.

— Меня не столько деньги волнуют... — начал Кастор.

— А меня как раз они.

— Ну, меня тоже, но главное — как посмеется отец, когда узнает. И что он скажет.

— Не говоря уж о Хейзел.

— Да, Хейзел. Юнец, нам обязательно надо на чем-нибудь заработать до того, как мы им скажем.

— На чем? Капитала-то нет. И отец не дал бы нам больше ни гроша из наших денег, будь он даже тут — но его нет.

— Значит, надо заработать без капитала.

— Так больших денег не наживешь.

— Вон как Хейзел загребает кредитки — без всякого капитала.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы мы писали сценарий телесериала? — ужаснулся Поллукс.

— Нет, конечно. У нас его никто и не возьмет. Но способ должен быть. Думай.

После мрачной паузы Поллукс сказал:

— Дедуля, ты не обратил внимания — в приемном зале висело объявление: в следующем месяце будет чемпионат Марса по шахматам.

— Нет. А что?

— Тут на шахматистов делают ставки — все равно что на Земле на лошадей.

— Не люблю ставить. Проиграть можно.

— А если мы заявим Вундера?

— С ума сошел? Вундер — против лучших мастеров Марса?

— А что? Хейзел была чемпионкой Луны, а Вундер все время ее обыгрывает.

— Ты же знаешь почему. Он читает ее мысли.

— О чем я и говорю.

— Это нечестно, юнец, — покачал головой Кастор.
— С каких это пор принят закон против телепатии?
— Все равно — мы не знаем точно, читает он ее мысли или нет. И сможет ли читать мысли посторонних людей. А на хорошую ставку у нас нет денег. Да еще и проиграем. Нет.

— Ладно, это была просто версия. Послушаем твою.

— Ничего не лезет в голову. Пойдем посмотрим, может наши велики пришли. Тогда устроим себе отдых и поедем смотреть город. За те деньги, что мы в них вложили, можем и покататься. — Кастор встал.

Поллукс остался сидеть, уставившись в свой стакан.

— Пошли, — поторопил его Кастор.

— Сядь, дедуля. У меня, кажется, идея.

— Не спутни.

— Тихо. Вот мы с тобой, дедуля, только что прибыли сюда, собрались на экскурсию — и сразу вспомнили про велосипеды. А почему бы не предложить их туристам — не бесплатно, конечно?

— Да? — Кастор обдумал идею. — Тут, наверно, есть какая-то загвоздка, не то этим кто-нибудь занялся бы задолго до нас.

— Не обязательно. Туристскую визу на Марс стало возможно получить всего несколько лет назад. Или становись колонистом, или не лезь на Марс. По-моему, никому еще не приходило в голову ввозить велосипеды для туристов. Велосипеды стоят дорого, и их поставляли только для старателей — для дела, потому что «песчаная крыса» на велосипеде может покрыть в четыре-пять раз больше, чем пешком. Спорю, никто еще не додумался поставлять сюда велосипеды для отдыха.

— Ну и как ты это себе представляешь? Нарисуем вывеску, станем под ней и будем кричать: «Велосипеды! Возьмите велосипед! Туристу на Марсе без велосипеда не обойтись!»?

— В крайнем случае. — Поллукс подумал. — Но можно и по-другому. Можно попробовать продать их еще кому-нибудь, кто способен организовать это дело. Мы ведь даже место для своей базы проката снять не сможем.

— Во всей теории есть одно слабое место. Мы обращаемся к такому человеку, а он? Он у нас не

покупает, а идет к Тони Анджело и закупает его велосипеды по более низкой цене.

— Ты думай головой, дедуля. Анджело и другие торговцы не станут сдавать свои велосипеды напрокат — они им слишком дорого стоили. А туристы не станут брать тот хлам, что лежит у Анджело на складе. У них отпускное настроение — им хочется чего-нибудь новенького, веселенького и блестящего. Имей в виду — для проката наши велики не просто «как новые», а по-настоящему новые. Всякий, кто берет вещь напрокат, знает, что ею уже пользовались, и доволен, если она выглядит новой.

— Ладно, убедил. — Кастор снова встал. — Теперь посмотрим, удастся ли уговорить кого-нибудь. Выбирай жертву.

— Садись, куда спешить? Может, наш благодетель здесь, под одной с нами крышей.

— Чего?

— Что первым делом видит турист, выходя из здания порта? «Обеды старого Юга». А пункт проката надо устроить как раз перед рестораном.

— Давай поищем хозяина.

...Джо Паппалопулис был на кухне и вышел к ним, вытирая руки о передник.

— В чем дело, ребята? «Сода» не понравилась?

— Нет, «сода» отличная! Послушайте, мистер Паппалопулис, вы не можете уделить нам несколько минут?

— Зовите меня Поппа, не то надорветесь. Конечно, могу.

— Спасибо. Я Кас Стоун, а это мой брат Пол. Мы живем на Луне, а сюда прибыли с грузом, который может представлять для вас интерес.

— Импортные продукты? Я ими мало пользуюсь — только кофе да специями.

— Нет-нет, не продукты. Не хотели бы вы добавить к своему ресторанному бизнесу еще одно направление? Доход увеличится вдвое, а потратиться придется только раз.

Хозяин взял нож и стал чистить ногти.

— Говори, я слушаю.

Разговор продолжил Поллукс, изложив детали своего плана с заразительным энтузиазмом. Паппалопулис

время от времени поднимал на него глаза, но ничего не отвечал. Когда Поллукс начал выдыхаться, подхватил Кастор:

— И не только сдавать машины на час, на день или на неделю — вы будете устраивать экскурсионные туры и брать за них дополнительную плату.

— Гидам вы жалование платить не будете — это они будут вам платить за концессию, а вы им — процент от сбора за экскурсию.

— И они тоже будут брать у вас велосипеды напрокат.

— Никаких накладных расходов — у вас и так лучшее место во всем городе. Просто будете выходить каждый раз, когда приходит челнок, или платить кому-нибудь из гидов комиссионные, чтобы он последил за стоянкой в перерывах.

— А лучше всего — долгосрочный контракт. Турист хочет взять велосипед на день, а вы ему объясняете, насколько дешевле будет взять его на весь срок пребывания — и велосипед у вас окупится за один сезон. Своих денег вы больше не будете тратить.

Ресторанщик отложил нож и сказал:

— Тони Анджело — хороший бизнесмен. Почему бы мне не купить подержанные велосипеды у него, да подешевле?

Кастор принял вызов.

— А вы посмотрите на его велосипеды. Они же все побитые, шины изношены. И мы готовы отпустить свой товар дешевле, чем он, — при том, что велосипеды у нас лучше.

— Какую цену он бы ни назвал?

— Реальную цену, не взятую с потолка. Если цена будет действительно низкой, мы сами купим его велосипеды. — Поллукс предостерегающе посмотрел на брата, но тот гнул свое: — Мы назначаем цену ниже любой разумной цены, которую назначит он, — при лучшем качестве товара. Пойдемте посмотрим его велосипеды.

— Велосипеды, которые приходят из пустыни, я видел. — Паппалопулис встал. — Пойдемте ваши посмотрим.

— Может, они еще не пришли...

Но они пришли. Джо Поппа осмотрел велосипеды с непроницаемым лицом, но близнецы в душе порадовались, что не пожалели на них времени — такие они были красивые, свежеевыкрашенные, в нарядных полосках, сверкающие полировкой и переводными картинками.

Кастор выбрал три машины, которые, как он знал, были в отменном состоянии.

— Может, покатаемся? Мне тоже хочется совершить экскурсию — бесплатно.

— А что? — в первый раз улыбнулся Паппалопулис.

Они проехали вдоль канала на север до самой атомной станции, потом обогнули город и вернулись по бульвару Кларка к зданию порта и ресторану. Когда они остановились и вернули велосипеды в общую груду, Кастор подал Поллуксу знак, и настало выжидательное молчание.

Помолчав, хозяин ресторана сказал:

— Хорошо прокатились, ребята. Спасибо.

— Пожалуйста, не стоит.

Поппа посмотрел на велосипеды.

— Сколько за них?

Кастор назвал цену. Паппалопулис печально покачал головой.

— Это большие деньги.

Не успел Поллукс сбавить цену, Кастор сказал:

— Смотрите, как вам лучше. Мы могли бы тоже войти в дело, но подумали, что вы предпочитаете, чтобы велосипеды были ваши. Давайте станем компаньонами: вы организуете дело, а мы предоставляем велосипеды. Поделим поровну валовую прибыль, а накладные расходы — ваши. Это будет честно?

Паппалопулис погладил плоского кота.

— С компаньонами одни недоразумения, — сказал он задумчиво.

— Смотрите, как вам удобнее. Скидка пять процентов при расчете наличными.

Паппалопулис извлек пачку денег, которой могла бы подавиться венерианская песчаная свинья среднего размера.

— Я беру их.

Вторую половину дня близнецы гуляли по городу пешком и присматривали подарки для прочих Стоунов. Возвращаясь домой, они снова прошли мимо порта и ресторана Поппы. На вывеске теперь значилось:

ОБЕДЫ СТАРОГО ЮГА
и
ТУРИСТИЧЕСКОЕ БЮРО
Содовая * Сувениры * Сладости
Экскурсионные туры
ПРОКАТ ВЕЛОСИПЕДОВ
К вашим услугам гиды
Посетите древние руины Марса!

— Быстро действует мужик, — заметил Поллукс. —
Может, тебе все же стоило настоять на партнерстве.

— Не жадничай. Прибыль мы получили, так или нет?

— А что я говорил? Ну, пошли отнесем Мохнатые
Штаны Вундеру.

Глава 13

CAVEAT VENDOR *

Мохнатые Штаны не имел у Лоуэлла легкого успеха.

— Где у него ноги? — сумрачно спросил ребенок. — Если он марсианин, у него должно быть три ноги.

— Есть такие марсиане, у которых вообще нет ног, — сказал Кастор.

— Докажи!

— У него же нет ног — вот тебе и доказательство.

Мид взяла Мохнатые Штаны на руки — он тут же завел свой мотор, и Лоуэлл потребовал его себе. Мид отдала и сказала:

— Не могу понять, почему у такого беззащитного существа такая яркая окраска.

— А ты подумай, кисонька, — ответила Хейзел. — Положи его на песок в пустыне, отойди на десять ярдов, и ты его не найдешь. Неплохая мысль, кстати.

— Нет! — сказал Лоуэлл.

— Что «нет», милый?

— Нельзя, чтобы Мохнатые Штаны потерялся. Он мой.

* Берегись, торговец (лат.). Перефразированное обращение римского сената «Будьте бдительны, консулы».

Мальчик прижал плоского кота к себе и ушел, напевая ему колыбельную. Может, у Мохнатых Штанов и не было ног, зато он умел приобретать друзей: тот, кто брал его на руки, ни за что не хотел отпускать. Уж очень приятно было гладить его по шерстке. Хейзел попыталась проанализировать это явление, но не смогла.

Никто не знал, когда отменят карантин на «Бог войны». Поэтому Мид очень удивилась, вернувшись как-то утром в «Каса Маньяна» и застав в большой комнате отца.

— Папа! — завопила она, бросаясь к нему. — Ты когда прилетел?

— Только что.

— И мама с тобой?

— Да. Она в освежалке.

Лоуэлл стоял на пороге, бесстрастно наблюдая за ними. Роджер высвободился из объятий дочери и сказал:

— Доброе утро, Вундер.

— Доброе утро, папа. Это Мохнатые Штаны. Он марсианин. А еще он плоский кот.

— Очень приятно, Мохнатые Штаны. Плоский кот, говоришь?

— Да.

— Прекрасно, только он больше смахивает на парик.

Вышла доктор Стоун и подверглась столь же бурному приему со стороны Мид. Лоуэлл позволил ей себя поцеловать и сказал:

— Мама, это Мохнатые Штаны. Поздоровайся с ним.

— Здравствуй, Мохнатые Штаны. Мид, а где братья? И бабушка?

— Я того и боялась, что вы попадете прямо в самую заваруху, — огорчилась Мид. — Близнецы опять в тюрьме.

— О нет, только не это! — простонал Роджер Стоун. — Эдит, надо было нам остаться на Фобосе.

— Да, дорогой.

— Что ж, будем мужественны. В чем их обвиняют на этот раз, Мид?

— Мошенничество и намеренное нарушение таможенных правил.

— Это уже лучше. В предпоследний раз, если помнишь, их обвиняли в экспериментах с ядерной энер-

гией в пределах города и без дозволения властей. Но почему они не вышли под залог? Или есть еще что-то похуже, просто ты не говоришь?

— Нет, просто суд арестовал их банковский счет, а Хейзел не захотела за них платить. Говорит, они будут там целее.

— Молодец Хейзел!

— Папа, если мы поторопимся, то успеем попасть на заседание суда. Я вам все расскажу по дороге.

Обвинение в мошенничестве исходило от мистера Паппалопулиса, а вторая часть обвинения — непосредственно от правительства планеты. Марс, будучи развивающимся государством, которое только переходило на самообеспечение и лишь недавно провозгласило свой суверенитет, придерживался строгой политики протекционизма. Большинство товаров Марс вынужден был ввозить и мало что мог предложить на экспорт, что не было бы дешевле на Земле. Поэтому все его экономические законы и правила были направлены на погашение своего хронического дефицита. Изделия, не производимые на Марсе, но необходимые для его экономики, налогом не облагались; предметы роскоши облагались очень высокой пошлиной; изделия, производимые на Марсе, защищались эмбарго от инопланетной конкуренции.

Велосипеды Комиссия по импорту классифицировала как изделия, свободные от налога, поскольку они были необходимы для изыскательских работ, — но велосипеды, используемые для туризма, попадали под категорию «предметы роскоши». Таможенные власти проследили за судьбой груза «Перекати-Стоуна».

— Их, конечно, кто-то навел, — продолжала Мид, — но мистер Анджело клянется, что не он, и я ему верю. Он славный.

— С этим все ясно. А как насчет мошенничества?

— А, это! Велосипеды сразу же конфисковали в счет неуплаты налогов и штрафа, после чего их новый владелец дал показания, обвинив близнецов в мошенничестве. Еще он предъявил им иск, но, кажется, Хейзел это уладила. Мистер Поппа говорит, что хочет только вернуть велосипеды — он теряет деньги, а против ребят он ничего не имеет.

— Я бы на его месте имел, — мрачно ответил Роджер. — Я с этих мальчишек шкуру сдеру тупым ножом. А почему Хейзел думает, что сможет уладить дело с мистером Поппа — или как его там? Вот что я хотел бы знать.

— Она добилась, что суд постановил вернуть мистери Поппа велосипеда на время слушания дела, а она обязалась внести залог. Поэтому мистер Поппа снял обвинение в мошенничестве, но не отказывается от иска о возмещении ущерба.

— Хмм... мой банковский счет чувствует себя уже лучше. Что ж, дорогая, придется пойти и заняться этим делом. Кажется, тут нет ничего такого, что не помогла бы уладить толстая чековая книжка.

— Да, дорогой.

— Напомни, чтобы я купил тут орегонские сапоги, когда соберемся домой. Мид, каков размер налога?

— Сорок процентов.

— Это еще ничего. Может, их прибыль его покроет.

— Но это еще не все, папа. Сорок процентов, да сорок процентов штрафа, да конфискация велосипеда...

— Да еще две недели у позорного столба, надеюсь?

— Папа, не делай ничего сгоряча. Их защиту ведет Хейзел.

— С каких это пор ей разрешено выступать в суде?

— Не знаю, но с этим, кажется, все в порядке. Она, например, добилась того постановления.

— Дорогой, — сказала доктор Стоун, — может быть, взять мальчикам настоящего адвоката? Твоя мать — замечательный человек, но она иногда бывает чуточку запальчивой.

— Если ты хочешь сказать, что она ненормальная, как скошенная орбита, то я с тобой согласен. И тем не менее я ставлю на Хейзел. Пусть она ведет дело. Авось сбережет мой карман.

— Как скажешь, дорогой.

...Они пробрались на задние места в зале суда, который раньше, кажется, был церковью. Хейзел вела разговор с судьей. Она видела, как вошли все трое, но сделала вид, что не узнает их. Близнецы, очень удручен-

ные, сидели рядом с судьей. Они узнали родителей, но по примеру Хейзел не подали виду.

— С позволения суда, — говорила Хейзел, — я здесь иностранка. Я не искушена в ваших законах и не посвящена в ваши обычаи. Если я ошибусь, заранее прошу суд извинить меня и вернуть на правильный путь.

— Мы ведь уже обсуждали это утром, — откинувшись на спинку кресла, сказал судья.

— Разумеется, судья, но это хорошо звучит в записи.

— Хотите, чтобы я вернулся к этому?

— О нет! Мы решим дело прямо сейчас — так я чувствую.

— Я бы не стал полагаться на чувства. Я говорил вам утром, что проконсультирую вас относительно законов, если возникнет необходимость. Что касается судебных формальностей, то у нас здесь молодая страна. Я еще помню времена, когда, если кто-нибудь совершал проступок, вызвавший общее неодобрение, просто созывали городское собрание и подсчитывали поднятые руки — и уверен, правосудие срабатывало не хуже, чем при любом другом порядке. Времена переменялись, но не думаю, чтобы наш суд слишком стеснял себя этикетом. Продолжайте.

— Благодарю вас, судья. Этот молодой человек, — она ткнула большим пальцем в сторону обвинителя, — хотел заставить суд поверить в то, что мои мальчики состряпали злодейский план с целью лишения граждан этой страны их законного дохода. Я это отрицаю. Затем он уверяет, что мальчики, составив этот макиавеллиев заговор, привели его в исполнение и безнаказанно скрылись, однако их настигла неспешная, но неотвратимая рука правосудия. Это тоже сплошной вздор.

— Минутку. Кажется, утром вы признавали факты обвинения?

— Я признала, что мои мальчики не уплатили налог за велосипеды. А не уплатили они потому, что никто с них его не требовал.

— Я понял вашу позицию. Вам придется обосновать ее и подтвердить позднее свидетельскими показаниями. Как видно, наше дело затянется.

— Не обязательно, если мы все скажем правду и посраим дьявола. — Хейзел помолчала. — Уорбер-

тон... Уорбертон... ваша фамилия Уорбертон, судья? Родственников на Луне нет?

Судья расправил плечи.

— Я потомственный гражданин вольного штата, — гордо сказал он. — Оскар Уорбертон был моим дедом.

— Точно! — сказала Хейзел. — Меня это мучило все утро, но колесики никак не зацеплялись, пока я только что не увидела вас в профиль. Я хорошо знала вашего дедушку, я ведь тоже «отец-основатель».

— Как так? В списке не было никаких Стоунов.

— Хейзел Мид Стоун.

— Вы Хейзел Мид? Да не может быть — вы же умерли!

— Посмотрите хорошенько, судья. Я Хейзел Мид.

— К'Раат милосердный! Извините, мэм. Нам нужно будет поговорить, когда все это кончится. — Судья выпрямился. — Я надеюсь, вы понимаете, что это никоим образом не влияет на ход судебного процесса?

— Естественно! Но признаюсь, мне все-таки стало легче, когда я узнала, кто ведет дело. Ваш дедушка был справедливый человек.

— Спасибо. Итак, мы продолжаем?

Молодой обвинитель встал.

— С позволения суда!..

— Чего «с позволения суда»?

— Мы считаем это совершенно недопустимым. Мы считаем, что в данном случае единственный выход для суда — заявить о своем отводе. Мы считаем...

— Брось ты это «мы», Герберт. Ты не издатель и не августейшая особа. Возражение отклоняется. Ты не хуже меня знаешь, что судья Бонелли заболел. Я не собираюсь нарушать порядок сессии из-за какой-то ложной теории, по которой я не могу сосчитать, сколько будет дважды два. — Он посмотрел на часы. — Собственно говоря, если никто из вас не в состоянии представить новые факты — факты, а не теории, — я могу констатировать, что вы оба ссылаетесь на те же самые факты. Есть возражения?

— У меня нет, судья.

— Нет возражений, — устало сказал обвинитель.

— Можете продолжать, мэм. Думаю, мы сможем закруглиться минут через десять, если вы оба будете придерживаться сути дела. Послушаем вашу версию.

— Да, ваша честь. Сначала я попрошу вас взглянуть на этих двух невинных юношей, и вы поймете, что они не могли совершить ничего преступного.

Кастор и Поллукс сделали героическое усилие, чтобы соответствовать характеристике, но это им не очень-то удалось.

Судья Уорбертон посмотрел на них и поскреб подбородок.

— Это только утверждение, мэ. Не вижу здесь перспективы.

— Тогда забудьте о нем. Это пара сорванцов, и для меня они — чистое наказание. Но на этот раз они не сделали ничего плохого и заслуживают благодарности от вашей торговой палаты и от граждан Марсианской республики.

— Первая часть похожа на правду. Вторая лежит за пределами юрисдикции этого суда.

— А вот увидим. Надо выяснить, является ли велосипед орудием труда или предметом роскоши. Верно?

— Верно. Все дело в том, как был использован импортированный товар. Наша тарифная таблица в этом отношении проявляет гибкость. Желаете, чтобы я сослался на сходные случаи?

— О, не трудитесь!

Роджер посмотрел на мать.

— Хейзел, похоже, что товар был использован для туризма, что подзащитные знали об этом, что они даже сами предложили использовать товар таким образом и построили на этом свои торговые переговоры, не удосужившись уведомить покупателя о таможенном статусе упомянутого товара. Правильно?

— Верно до девяти десятичных знаков, судья.

— Я что-то не улавливаю суть вашей версии. Вы, конечно, не согласны с тем, что туризм — это роскошь?

— Роскошь и есть!

— Мадам, по-моему, вы действуете не на пользу своим внукам. Если вы возьмете назад свое заявление, суд удалится на совещание.

— А вы спросите у них, судья.

— Я так и намеревался поступить. — Он вопрошающе посмотрел на близнецов. — Вы довольны вашей защитой?

Кастор, переглянувшись с Поллуксом, быстро ответил:

— Мы так же недоумеваем, как и вы, сэр, но мы полагаемся на бабушку.

— Что ж, отдаю должное вашему мужеству. Продолжайте, мэ.

— Мы сошлись на том, что туризм — это роскошь. Но роскошь — понятие относительное. Роскошь для кого? Жареный молочный поросенок — это роскошь для нас с вами...

— Уж конечно. Ни разу не пробовал его на этой планете.

— ...но безвременная смерть для поросенка. Могли я дать юридическую оценку отрасли, называемой «невидимым экспортом Марса»?

— Индустрии туризма? Разумеется, если это необходимо для вашей версии.

— Протестую!

— Погоди протестовать, Герберт: посмотрим, какая тут связь. Продолжайте.

— Выясним, кто же кушает этого поросенка. Ваши тарифные правила, как уже объяснялось, направлены на то, чтобы граждане республики не тратили ценную иностранную валюту на ненужные прихоти. У вас существует дефицит бюджета...

— К сожалению, это так. И мы не намерены его увеличивать.

— Вот к этому я и веду. Кто платит по счету? Вы занимаетесь туризмом? Или он? — она указала на обвинителя. — Черта с два! Вы и так уже все видели. А я вот — турист. С неделю назад я взяла напрокат велосипед и тем помогла уменьшить ваш дефицит. Ваша честь, мы утверждаем, что прокат велосипедов туристам, хотя он и является для последних роскошью, есть производственная статья экспорта к несомненному благу всех граждан республики. Следовательно, велосипеды являются орудиями производства в полном соответствии с вашими тарифами!

— У вас все? — Она кивнула. — Герберт?

— Ваша честь, это просто смешно! Обвинение четко сформулировало свою позицию, а защита даже не пыталась ее оспорить. Никогда не слышал более нелепой

защитительной речи. Какое искажение фактов! Но я уверен, что суду факты ясны. Конечная цель использования — туризм, который даже защита признала роскошью. А роскошь есть роскошь...

— Не для поросенка, сынок.

— Для поросенка? Какого поросенка? Никаких поросят в этом деле нет. На Марсе вообще нет поросят. Если...

— Герберт! Ты можешь что-нибудь добавить?

— Извини, папа, я увлекся, — смешался молодой человек. — Обвинение высказалось.

— Хороший парень, — сказал судья Хейзел, — только горячий, вроде ваших. Я еще сделаю из него юриста. — Он выпрямился. — Суд объявляет перерыв на десять минут, чтобы выкурить трубочку. Не расходитесь. — И судья вынырнул из зала.

Близнецы заерзали и зашептались. Хейзел, встретившись глазами с сыном и невесткой, важно подмигнула им. Судья Уорбертон вернулся меньше чем через десять минут, и пристав призвал к порядку. Судья устремил взгляд на подсудимых и торжественно сказал:

— Суд постановляет считать фигурирующие в деле велосипеды орудиями производства согласно тарифному своду. Подсудимые оправданы и освобождаются из-под стражи. Клерк вернет вам залог.

Раздались жидкие аплодисменты, зачинщицей которых была Хейзел.

— Прошу без демонстраций! — резко сказал судья. — Вам очень повезло — понимаете вы это или нет? — обратился он к близнецам.

— Да, сэр!

— Тогда долой с глаз моих и больше не попадайтесь!

Семейный обед был праздничным, хотя над близнецами еще осталось висеть небольшое облачко. Обед был еще и вкусным, поскольку доктор Стоун взяла бразды правления в свои руки. К обеду пришел капитан Ванденберг, прибывший на одном челноке со Стоунами.

Телевизор переставили на кровать Мид и открыли дверь в спальню близнецов, чтобы вдвинуть туда стул капитана, таким образом все как раз уместились за столом. Мохнатые Штаны сидел у Лоуэлла на коленях — до сих пор у плоского кота был свой стул.

Роджер попытался отодвинуться, чтобы освободить колени, и уперся в стену.

— Эдит, надо бы нам поискать помещение побольше.

— Да, дорогой. Мы с Хейзел уже говорили с хозяином.

— И что же он?

— Я этого поганца зарежу, — вмешалась Хейзел. — Я напомнила ему, что он обещал устроить нас, когда приедут еще двое. А он смотрит невинными глазами и говорит — я же дал вам еще две кровати. Лоуэлл, прекрати кормить эту швабру со своей ложки!

— Хорошо, бабушка Хейзел. Можно взять твою?

— Нет. Но все-таки он согласился отдать нам квартиру Буркхардтов, когда начнется отлет на Венеру. Там на одну спальню больше.

— Это лучше, — согласился Роджер, — но тоже не дворец, а отлет на Венеру начнется только через три недели. Эдит, надо было нам сохранить за собой свою каютку на «Боге войны». Как, Ван? Гостей принимаешь? До старта на Венеру?

— Конечно.

— Папа! Неужели вы уйдете опять?

— Я шучу, кнопка.

— А я нет, — сказал капитан лайнера. — Хоть до старта на Венеру, хоть до Венеры и обратно на Луну — как хотите. Сегодня я получил официальное подтверждение, что мое предложение принято. Вы оба можете бесплатно летать на «Боге войны», пока смерть или акт о списании не разлучит нас. Ну как? Летим со мной на Венеру?

— Мы уже были на Венере, — заявила Мид. — Унылое место.

— Полетите вы или нет, — заметила Хейзел, — не часто удастся добиться такого от «Четырех Планет». Как правило, у этих бандитов и ведра вакуума не выпросишь.

— Они побоялись, что Адмиралтейский суд все равно присудит им это, — сухо сказал Ванденберг. — Кстати, о суде — я слышал, Хейзел, вы сегодня блестяще провели защиту. Так вы еще и юрист вдобавок ко всем прочим вашим талантам?

— Нет, — ответил за нее сын, — у нее просто язык хорошо подвешен.

— Так я, по-твоему, не юрист?

— Нет.

— Ошибаешься.

— Когда это ты успела? Уточни.

— Давным-давно, в Айдахо — тебя еще и на свете не было. Просто никогда не случилось об этом упоминать.

— Хейзел, мне кажется, что архивы Айдахо как раз достаточно далеко.

— Не хами, мальчик. Впрочем, суд там все равно сгорел.

— Я так и думал.

— Во всяком случае, — примирительно сказал Ванденберг, — Хейзел вытащила мальчишек. Когда я об этом услышал, то подумал, что их хотя бы заставят уплатить пошлину. Вы, должно быть, очень неплохо заработали, ребята.

— Да, ничего, — признался Кастор.

— Ничего особенного, — поправил брата Поллукс.

— А вы посчитайте, — весело сказала Хейзел, — потому что я потребую с вас гонорар размером ровно в две трети вашей чистой прибыли — за то, что спасла ваши шеи от петли.

— Хейзел, ты серьезно? — растерялся Кастор.

— Еще бы!

— Не дразни их, мама, — вступилась доктор Стоун.

— Я не дразню, а хочу дать им урок. Мальчики, тот, кто садится играть, не зная местных правил, — лопух, и пора вам это усвоить.

— Это не так уж важно теперь, когда правительство... — тактично начал Ванденберг и вдруг остановился. — Что это за...

— Что случилось, Ван? — спросил Роджер.

Лицо капитана прояснилось, и он усмехнулся.

— Да ничего. Это ваш плоский кот залез мне на ногу. А я было решил, что попал в твой телефильм.

— Не мой, а Хейзел. У нее это был бы не плоский кот, а человеческая кровь.

Капитан взял Мохнатые Штаны, погладил и вернул Лоуэллу.

— Он марсианин, — объявил Лоуэлл.

— Да ну?

— В этой ситуации есть нюансы, — быстро заговорила Хейзел, — которые трудно уловить непосвященному индивидууму. Данная незрелая зигота перманентно стремится ознакомиться с доминирующим типом аборигена, а именно с триангулярным его подвидом. Но без некоторой доли благодетельной лжи экземпляра «А» выступает как суррогат — по духу, если не по букве. Дошло, сынок?

— Вроде бы, — моргнул Ванденберг. — Это как раз неплохая замена. Они и правда симпатичные звёздушки, только на свой корабль я бы такого не взял. Они...

— Она хотела сказать, — объяснил Лоуэлл, — что я хочу посмотреть марсианина с ногами. Я правда хочу. Вы знаете такого?

— Я старалась, котик, — сказала Хейзел, — но они для меня слишком большие.

— Он это серьезно, а? — Капитан внимательно посмотрел на Лоуэлла.

— Боюсь, что да.

— Мэм, — обратился капитан к доктору Стоун, — у меня тут есть кое-какие связи, и дело можно уладить, несмотря на договор. Есть, конечно, некоторый риск — небольшой, на мой взгляд.

— Капитан, — ответила доктор Стоун, — я никогда не считала риск отрицательным фактором.

— Это так, мэм. Попробовать?

— Если вам не трудно.

— Это в счет моего долга. Я вам сообщу. — И капитан сменил тему, обратившись к близнецам: — Какой вам насчитали налог с прибыли?

— Налог с прибыли?

— Что, еще не подсчитывали?

— Мы и не знали, что существует такой.

— Вижу, вы еще не освоились с экспортом-импортом — во всяком случае, на Марсе. Для граждан республики налог, разумеется, включается в подоходный, но граждане других планет платят разовый налог с каждой сделки. Поищите-ка себе консультанта — формула довольно сложная.

— Не будем мы его платить! — сказал Поллукс.

— Вы мало насиделись в тюрьме? — вкрадчиво спросил отец.

Поллукс умолк, и близнецы стали шептаться, обмениваясь выразительными взглядами и пожимая плечами. Потом Кастор встал.

— Папа, мама, можно нам выйти из-за стола?

— Конечно, если сможете вылезти.

— А десерт, мальчики?

— Спасибо, нам не хочется.

Близнецы отправились в город и вернулись через час — правда, без консультанта, но со справочником по налогам, который нашли в торговой палате. Взрослые еще сидели в большой комнате за разговором, стол сложили и подняли к потолку. Близнецы протиснулись мимо их колен к себе в комнату и там шептались некоторое время.

Вскоре они вышли.

— Просим прощения, Хейзел!

— Что, Кас?

— Ты сказала, что твой гонорар равен двум третям нашей прибыли.

— А ты что, улизнуть собрался? Не выйдет.

— Да нет, мы заплатим. — И он отсчитал в руку Хейзел с полдюжины мелких монет. — Вот, получи.

— Это что, и есть две трети вашей выручки?

— Все-таки убыток не совсем чистый, — сказал Поллукс. — Мы ведь пользовались велосипедами целых двести миллионов миль.

Глава 14

КОТОФЕРМА

Ванденберг сдержал слово. Они с Лоуэллом слетали на стратосферной ракете в открытый город Ричардсон и пробыли там три дня. Лоуэлл повидал марсианина и поговорил с ним. Но его предупредили, чтобы он об этом никому не рассказывал, и родные никак не могли добиться от него толку.

Но простой вопрос с жильем оказалось уладить куда труднее, чем, казалось бы, неразрешимую задачу встречи с марсианином. Роджер так и не смог найти квартиру побольше и поудобнее даже за фантастическую плату. Город кишел туристами, и так будет до отлета на Венеру, когда большинство из них, совершающее тройной рейс, разлетится. А пока они толпились в ресторанах, фотографировали все, включая друг друга, и наезжали велосипедами на ноги прохожим. Кроме того, в город, и так переполненный, хлынули «песчаные крысы» из пустыни, стараясь правдами и неправдами попасть на узел Аллилуйя в астероидном поясе.

Однажды за обедом доктор Стоун сказала:

— Роджер, завтра день платы за квартиру. Мне платить за полный месяц? Мсье д'Авриль упоминал, что Буркхардты поговаривают о том, чтобы остаться.

— Заплати только за шесть дней, — посоветовала Хейзел. — После отлета на Венеру станет лучше — надеюсь.

— Слушайте, а может, вообще не платить? — нахмурился Роджер.

— Что ты говоришь, дорогой?

— Эдит, я все время об этом думаю. Прилетев сюда, мы планировали прожить здесь одну очередь. — Он говорил о пятнадцати месяцах до следующего благоприятного периода отлета на Землю, когда можно будет вычислить экономичную орбиту. — А потом собирались выйти на орбиту к дому. Все бы хорошо, будь в этой туристской соковыжималке приличное жилье. Но я не могу начать свою книгу. Если мне на колени не лезет Вундер, так его животное гуляет у меня по затылку.

— Что же ты предлагаешь, дорогой?

— Летим сегодня на Фобос, готовим старый «Стоун» к старту и двигаем на Венеру вместе со всеми остальными.

— Ура! Летим! — поддержала Мид.

— Тебе ведь, кажется, не понравилась Венера, Мид? — спросила Эдит.

— Нет. Но мне и здесь не нравится, и я все время устаю. Хочу обратно в невесомость.

— Ты не должна уставать. Надо бы мне тебя посмотреть.

— Ну, мама, я в полном порядке! Не хочу, чтобы меня выстукивали.

— А я знаю, почему она хочет на Венеру, — ухмыльнулся Лоуэлл. — Из-за мистера Мейджилла.

— Не ябедничай, ябеда! Если кому-то интересно, — со спокойным достоинством продолжала Мид, — второй помощник Мейджилл меня не волнует, к тому же я ведь полечу не на «Караване». И потом я узнала, что у него уже есть жена в Колорадо.

— Ничего, — сказала Хейзел. — За пределами Земли он считается вполне законным женихом.

— Может, и так, но мне это не нравится.

— Мне тоже, — вставил Роджер. — Мид, ты ведь не слишком увлеклась этим волком в овечьей шкуре?

— Конечно, нет, папа! Но я, наверное, на днях все-таки выйду замуж.

— Вот горе с девчонками, — заметил Кастор. — Растишь их, даешь образование, а они — бац, и замуж. Все насмарку.

— Ах, так? — свирепо глянула на него Хейзел. — Где бы ты был, если б я не вышла замуж?

— Но ты вышла, — сказал Роджер, — так что не будем обсуждать другие вероятности. Может, их и вовсе не было, если вдуматься.

— Предопределение, — сказал Кастор.

— Весьма шаткая теория, — сказал Поллукс.

— Я не детерминист, — усмехнулся Роджер, — и вам не удастся меня подловить. Я верю в свободную волю.

— Еще одна шаткая теория, — сказал Поллукс.

— Вы уж определитесь, — сказал отец. — Или одно, или другое.

— Почему? — возразила Хейзел. — Свободная воля — это золотая нить, бегущая сквозь застывшую матрицу предопределенных событий.

— Это не математически, — заметил Поллукс.

— Просто поэзия, — кивнул Кастор.

— И притом не лучшего сорта.

— Цыц! — прикрикнул отец. — Вы что-то упорно не желаете сменить тему. Почему?

Близнецы переглянулись, и слово взял Кастор.

— Знаешь, папа, нам кажется, что вариант с Венерой не совсем продуман.

— Продолжай. Я полагаю, у вас есть встречное предложение, а?

— В общем, есть. Но мы хотели выступить с ним после периода отлета на Венеру.

— Начинаю прозревать. Значит, вы хотели выждать, чтобы стало поздно для прокладки орбиты на Венеру.

— Ну зачем же создавать дополнительные сложности, допуская запасной вариант?

— Какие еще сложности? Давай говори.

— Слушай, папа, у нас все продумано, — взволнованно продолжал Кастор. — Можем пойти на компромисс. Вот смотри: вы с мамой, Вундер и Мид летите на

Венеру на «Бог войны». Капитан Ванденберг с радостью вас примет, ты сам знаешь.

— Стоп. А что будете делать вы? И Хейзел? Мать, ты в заговоре?

— Насколько я знаю, нет. Но уже интересно.

— Так что вы задумали, Кастор?

— Я скажу, если вы мне дадите сказать, сэр. Вы все можете с комфортом вернуться домой на роскошном лайнере. А мы с Полом и Хейзел — ну, ты ведь знаешь, что Марс выйдет на благоприятную позицию относительно узла Аллилуйя недель через шесть?

— Если проложить кометную орбиту, — добавил Поллукс.

— Значит, снова астероиды, — медленно сказал отец. — Мы ведь решили этот вопрос еще год назад.

— Но мы стали на год старше.

— И опытнее.

— И все же до постоянных прав не доросли. Вот для чего вам понадобилась Хейзел, я полагаю.

— Ну нет! Хейзел — наш резерв.

— Спасибо, мальчики.

— Хейзел, ты действительно не знала об этом новом безумном плане?

— Нет. Но не такой уж он и безумный. Я получила кое-что за свои серии — и мне надоело здесь. Я видела марсианские руины — они нуждаются в капитальном ремонте. Видела канал — в нем течет вода. Надо полагать, что вся остальная планета точно такая же, вплоть до восьмьдесят восьмой главы. Венеру я тоже видела. А вот на астероидах никогда не бывала.

— Точно! — согласился Кастор. — Марс нам не нравится. Какой-то капкан.

— Больно они тут шустрые, — добавил Поллукс.

— Пошустрей вас, ты хочешь сказать, — заметила Хейзел.

— Погоди, мать. Ребята, это исключено. Я привел свой корабль с Луны и намерен привести его обратно. — Он встал. — Можешь предупредить мсье д'Авриля, что мы съезжаем, дорогая.

— Папа!

— Что, Кастор?

— Это было компромиссное предложение. На что мы действительно надеемся — и чего действительно бы хотели — это чтобы мы все отправились на Аллилуйю.

— Что? Да ну, глупости. Я не космический старатель.

— Ты мог бы научиться. А можно просто попутешествовать. И еще заработать на этом.

— Это как же?

Кастор облизнул губы.

— «Песчаные крысы» предлагают баснословные деньги за перевозку в анабиозе. Мы можем взять самое малое человек двадцать. И высадим их на Церере, чтобы они могли приобрести снаряжение.

— Кас! Ты же знаешь, что только семь из десяти летящих в анабиозе добираются живыми до конца длинной орбиты?

— Ну и что, они это сами знают. И сами идут на риск. Роджер покачал головой.

— Мы туда все равно не летим, так что мне не придется проверить, такой ли ты твердокаменный, как говоришь. Ты видел когда-нибудь похороны в космосе?

— Нет, сэр.

— А я — да. И не будем больше говорить о пассажирах в анабиозе.

Кастор подал знак Поллуксу, и тот сказал:

— Папа, если ты не хочешь, чтобы летели мы все, ты не будешь возражать, если полетим мы с Касом?

— Каким это образом?

— Как все старатели. Мы не боимся анабиоза. Если у нас не будет корабля, только так мы и сможем полететь.

— Bravo! — сказала Хейзел. — Я с вами, мальчики.

— Прошу тебя, мать! Эдит, я иногда сомневаюсь — тех ли близнецов мы забрали из родильного дома.

— Может, они и не ваши, — сказала Хейзел, — но что они мои внуки, это точно. Лечу на Аллилуйю! Кто со мной?

— Знаешь, дорогой, — спокойно сказала доктор Стоун, — мне тоже не очень-то хочется на Венеру. И у тебя будет наконец время, чтобы заняться книгой.

«Перекасти-Стоун» отправился с Фобоса на астероиды шесть недель спустя. Старт был не таким легким, как с Луны на Марс. Выбирая короткую, или кометную, орбиту к астероидам, Стоуны должны были при старте разогнаться до двенадцати с половиной миль в секунду. Короткая орбита отличается от экономичной тем, что к стартовой орбите проходит под углом, а не по касательной и очень дорого обходится в пересчете на горючее. В дальнем конце кометная орбита «Стоуна» шла уже по касательной к орбите Аллилуйи, и совмещение двух орбит не представляло трудности. Главное было правильно стартовать с Фобоса.

В выборе короткой орбиты не было легкомыслия. Во-первых, пришлось бы ждать целый земной год, пока Марс не выйдет на позицию для экономичной орбиты, во-вторых, время путешествия в таком случае растягивалось вдвое — пятьсот восемьдесят дней по экономичной орбите вместо двухсот шестидесяти одного дня по короткой, всего на три дня дольше, чем от Луны до Марса.

Вокруг всего корпуса «Стоуна» наварили добавочные резервуары для жидкого водорода, отчего «Стоун» стал выглядеть толстым и неприбранным, зато отношение масс значительно более стало соответствовать предстоящему испытанию. Работами руководил лощман Джейсон Томас, а близнецы помогали. Кастор набрался смелости и спросил Томаса, как тот ухитрился посадить «Стоун» на Фобосе.

— Вы рассчитали траекторию до того, как подняться на борт, сэр?

Томас опустил сварочную горелку.

— Траекторию? Да нет, сынок, просто я так долго этим занимаюсь, что знаю весь космос вокруг как облупленный.

Больше Кастор ничего от него не добился. Близнецы обсудили это и решили, что искусство пилота заключается не только в знании математики.

Чтобы взять побольше топлива, были сделаны изменения и внутри корабля. Погода за орбитой Марса всегда «ясная, но холодная». Стоунам больше не понадобится фольга, отражающая солнечные лучи. Наобо-

рот, один бок корабля выкрасили черной краской и добавили два витка к отопительной системе.

В рубке поставили стереорадар со сменной базисной линией и задержкой времени — на нем Стоуны увидят истинную форму Аллилуйи, когда долетят до нее.

Все это требовало больших расходов, и Властелину Галактики приходилось работать сверхурочно, чтобы их покрыть. Хейзел не участвовала в переоснастке, а сидела у себя и рождала, с помощью Лоуэлла как критика, очередные серии кровавой, но благородной истории капитана Джона Стерлинга. Свою деятельность она перемежала сочинением оскорбительных посланий постановщикам в Нью-Йорк, шантажируя их тем, что объявит забастовку, и требуя, чтобы ей выдали несоразмерно большой аванс — и прямо сейчас. Аванс она получила, выслав достаточное количество серий, чтобы покрыть его. Сценарий все равно приходилось готовить впрок: на этот раз «Перекасти-Стоун» будет один, никаких лайнеров поблизости. Выйдя из радиозоны Марса, он сможет связаться с Землей лишь тогда, когда его средней мощности рация выйдет на диапазон Цереры. На Цереру они не зайдут, но будут недалеко от нее: Аллилуйя находилась почти на одной орбите с этой крошечной планеткой.

Выбор кометной орбиты очень ограничивал допустимое количество груза, но близнецы все-таки хотели его взять — категорический отказ отца от пассажиров в анабиозе подорвал их планы. Следующей их идеей стало взять полный набор космического старателя — ракетный скутер, особые скафандры, аварийную палатку, радиоактивные рейки для ограждения участка, центрифугу для определения удельного веса, переносной цифровой спектроскоп и все прочее, без чего тихопомешанному рудоискателю никак не обойтись.

— За ваш счет? — только и спросил отец.

— Конечно. И за перевозку тоже заплатим.

— Давайте. Валяйте. Не стану отговаривать. Чем больше я вас буду убеждать, тем сильнее вы будете упираться.

Кастор даже растерялся, получив такое легкое согласие.

— Почему отговаривать, папа? Потому что это опасно?

— Опасно? Боже сохрани! Это ваше право — погибнуть так, как вам нравится. И, думаю, этого с вами не случится. Вы ребята молодые, смекалистые, хотя это не всегда заметно, в превосходной физической форме — я уверен, вы освоите свою технику.

— Тогда в чем же дело?

— Ни в чем. Лично я давно и твердо убедился в том, что человек работает продуктивнее и делает больше денег, сидя на стуле, а не занимаясь физическим трудом, если такова его цель. Вы, часом, не знаете, сколько в среднем зарабатывает в год космический старатель?

— Нет, но...

— Меньше шести сотен.

— Но ведь некоторые становятся богачами!

— Разумеется. А некоторые зарабатывают много меньше шестисот — цифра-то средняя, в нее входят и те, кто напал на жилу. Просто из любопытства, учитывая то, что большинство старателей — люди опытные и способные, я хотел бы узнать, что вы двое можете сделать такого, чтобы выйти на среднюю цифру? Говорите, не стесняйтесь.

— А ты-то сам какой груз взял бы?

— Я? Ничего. У меня нет коммерческой жилки. Я просто путешествую, чтобы взглянуть на кости Люцифера. Меня стала интересовать планетология. Можно написать об этом книгу.

— А как же та, другая, книга?

— Надеюсь, что это не сарказм, Кастор. Я надеюсь закончить ее до нашего прибытия на астероиды. — И Роджер ушел, прервав тем самым дискуссию.

Близнецы повернулись и увидели ухмыляющуюся Хейзел.

— Над чем смеешься, Хейзел? — буркнул Кастор.

— Над вами.

— А что, нам нельзя стать старателями?

— Почему же нельзя? Валяйте — вы можете себе это позволить. Но вот что: хотите знать, какой груз надо взять, чтобы в самом деле заработать деньги?

— Конечно.

— Что я буду с этого иметь?

— Процент? Или сразу гонорар? Только мы не будем платить, если не воспользуемся советом.

— Эх вы, крысы! Бесплатно скажу. Если вы получите совет даром, вы его, конечно, не послушаетесь и я смогу потом сказать: «Я же вам говорила!»

— Непременно скажешь.

— А как же. Нет большего удовольствия, чем сказать сопливному задаваке: «Говорила я тебе, а ты не слушал». Ну ладно: я задам вам вопрос, прямо как оракул, это и будет совет: кто разбогател во время всех старательских лихорадок, известных истории?

— Ну, те, кто напал на богатую жилу, наверно.

— Смешно. Старателей, которые сумели удержать то, что нашли, и умерли богачами, так мало, что они сияют подобно суперновым. Возьмем знаменитую калифорнийскую золотую лихорадку 1861 года — нет, в 1861-м было что-то другое, забыла что. Калифорния была в 1849-м — сорокадевятники. Проходили по истории?

— Кое-что.

— Был такой Саттер, на его земле нашли золото. Ну и что же, разбогател он? Да он разорился. А кто разбогател?

— Не томи, Хейзел. Не надо драматизировать.

— Почему? Это можно даже в сценарий вставить — стерег предварительно серийные номера. Ладно, скажу: богатели те, у кого был товар, который покупали старатели. Бакалейщики в основном. Вот уж кто наживался! Торговцы металлом. Владельцы дробилок. Все, кроме бедного старателя. Даже прачечные в Гонолулу.

— Гонолулу? Но это же где-то в Тихом океане, около Китая.

— До сих пор было на Гавайях. Но грязное белье из Калифорнии отправляли стирать в Гонолулу — и туда, и обратно на паруснике. Все равно если бы вы послали свои грязные рубашки из Марспорта на Луну. Ребята, если хотите заработать, организуйте на Аллилуйе прачечную. Не обязательно прачечную — все равно что, лишь бы было нужно старателю. Если бы ваш отец не был в душе пуританином, я бы открыла честный и благородный игровой зал. Это все равно что иметь богатого дядюшку.

Близнецы учили бабушкин совет и занялись бакалейным делом с некоторыми побочными линиями. Брать

решили только деликатесы — то, что вряд ли есть у старателей и дороже стоит за фунт. Закупили также антибиотики, наркотические вещества и витамины, взяли легкие проекторы для художественных лент и запас кассет к ним. Поллукс отыскал где-то календари с красивыми девушками, напечатанные в Японии на тонкой бумаге, и решил взять их тоже — они немного весят. Он заметил Кастору, что совсем уж в убытке они не останутся, потому что сами будут на них смотреть.

Доктор Стоун увидела календари, просмотрела их и приказала некоторые отослать обратно. Остальные цензуру прошли.

Последнюю серию сценария передали на Землю, проверили последний сварной шов, загрузили все необходимое для рейса. «Стоун» легко взмыл с Фобоса и нырнул к Марсу. Совершив маневр в колоде гравитации при наивысшей температуре сгорания и убийственной пятикратной перегрузке, корабль вырвался в пустые глубины космоса, где блуждают только обломки Разрушенной Планеты.

Все с радостью вернулись к привычному режиму невесомости. Близнецы еще на Марсе получили курс математики повышенного типа. Их не надо было принуждать учиться, самим было интересно, и велосипеды их теперь не отвлекали. Мохнатые Штаны относился к невесомости так, будто родился в космосе. Если его никто не держал на руках и не гладил, что было его нормальным состоянием, он ползал по стенам и переборкам или парил по отсеку, переливаясь блаженной рябью.

Кастор утверждал, что он умеет летать, а Поллукс спорил с ним, доказывая, что зверек просто движется вместе с потоком воздуха. Близнецы затратили много времени и усилий на эксперименты, но так ничего и не выяснили.

Плоского кота такие вопросы не волновали — ему было тепло, его хорошо кормили, у него было много друзей, всегда готовых удовлетворить его неисчерпаемую потребность в ласке. Лишь один инцидент омрачил его счастье.

Роджер Стоун сидел, пристегнувшись к пилотскому креслу, и обдумывал, как он сказал, главу своей книги. Если так, то храп, вероятно, помогал ему в этом. Мохнатые Штаны плыл куда-то по своим делам, открыв все три веселых глаза. Он увидел друга, ловко использовал ленивую воздушную струю и совершил точную посадку — прямо на нос капитану.

Роджер с воплем взвился из кресла, схватившись за лицо. Повис на ремне, сообразил, что к чему, и оторвал от себя плоского кота. Мохнатые Штаны, обиженный, но повреждений не получивший, распластался в воздухе, нашел другой поток и приземлился на дальней стене.

Роджер произнес кое-какие слова и крикнул:

— Кто кинул на меня этот живой шиньон?

Но в отсеке больше никого не было. В люке появилась доктор Стоун.

— Что случилось, дорогой?

— Так, ничего особенного. Дорогая, не могла бы ты вернуть это хвостатое отродье вымирающей планеты Вундеру? Я пытаюсь сосредоточиться.

— Конечно, дорогой.

Эдит забрала кота и отдала Лоуэллу, который тут же забыл о нем, обдумывая сложный гамбит против Хейзел. Плоский кот не был злопамятен и не мог долго держать камень за пазухой, которой у него не было. Единственным чувством, которому он отдавался без остатка, была любовь. И он вернулся к Роджеру — тот как раз уснул снова.

И снова улегся ему на лицо, счастливо мурлыча.

Капитан Стоун показал себя зрелым мужчиной. Зная на этот раз, с чем имеет дело, он бережно снял кота и сам вернул его Лоуэллу.

— Держи его при себе, — сказал он, — и не отпускай. — И тщательно закрыл за собой дверь.

Не менее тщательно Роджер закрыл на ночь дверь их супружеской каюты. На «Перекасти-Стоуне» вентиляционные отверстия не были снабжены заслонками — на таком маленьком корабле они, конечно, все время стояли открытыми. Перед плоским котом открылся широкий путь. Роджер задыхался в кошмарном сне, пока жена не разбудила его и не сняла с его носа Мохнатые Штаны. Роджер снова произнес кое-какие слова.

— Все хорошо, дорогой, — успокаивала его Эдит. — Спи. — Мохнатые Штаны она взяла к себе, и кот утихомирился.

Назавтра корабельный распорядок был нарушен авралом — всех, способных держать в руках гаечный ключ или аппарат для точечной сварки, бросили на установку вентиляционных заслонок.

Через тридцать семь дней у Мохнатых Штанов появилось восемь золотистых котят — в точности таких же, как он, но площадью всего пару дюймов. Когда они сворачивались, то были величиной с мраморный шарик. Все, включая капитана Стоуна, сочли, что они — прелесть, и без конца гладили их одним пальцем, слушая, как они тоненько мурлычут — почти за пределами человеческого слуха. Все их кормили, а котят никогда не отказывались от еды.

Через шестьдесят четыре дня у котят появились котята, по восемь штук у каждого. Шестьдесят четыре дня спустя, на сто сорок шестой день отлета с Фобоса, у котят котят появились котята; теперь их стало пятьсот тринадцать.

— Надо это как-то прекратить, — сказал капитан Стоун.

— Да, дорогой.

— Я серьезно. При таких темпах мы останемся без еды, не дотянув до цели, даже если залезем в товары близнецов. А кроме того, мы просто задохнемся под сплошным меховым мурлычущим матрасом. Сколько будет пятьсот тринадцать на восемь? А если *это* еще умножить на восемь, сколько будет?

— Чересчур много, на мой взгляд.

— Дорогая, это самое мастерское преуменьшение со дня смерти Меркуцио*. Да правильно ли я еще вычислил: это экспонентная, а не геометрическая прогрессия. Впрочем, до результата мы не доживем — помрем с голоду.

— Роджер!

— По-моему, надо... да, что?

* Очевидно, имеются в виду слова Меркуцио, что его смертельная рана — всего лишь царапина (Шекспир, «Ромео и Джульетта»).

— Кажется, есть простой выход. Все марсианские существа на холоде засыпают.

— Да?

— Поместим их в трюм — там, к счастью, есть место.

— Согласен со всем, кроме слов «к счастью».

— И будем держать их там на холоде.

— Не хотелось бы убивать малюток. Просто не могу их возненавидеть — до того хорошенькие, провалились они совсем.

— Мы их будем держать при минус ста, как в обычную марсианскую зимнюю ночь. А может быть, и потеплей сойдет.

— Так и сделаем. Подайте мне лопату. Подайте невод. Подайте бочонок.

Роджер начал вылавливать из воздуха плавающих плоских котов.

— А Мохнатые Штаны я вам не дам заморозить! — На пороге каюты возник Лоуэлл, прижимавший к груди взрослого кота. Может, это был Мохнатые Штаны, а может, и нет. Взрослых зверьков различить никто не мог, а затею с именами бросили после первого помета. Но Лоуэлл был абсолютно уверен в своей правоте, и его не заботило мнение окружающих. Близнецы сговаривались подсунуть ему другого, когда он уснет, но их услышали и запретили диверсию. Лоуэлл был доволен, и мать не желала, чтобы он поколебался в своей вере.

— Дорогой, мы ничего не сделаем твоему котик.

— Попробуйте только — я вас выброшу в космос!

— Ох, дорогой, это он помогал Хейзел работать над сценарием! — Доктор Стоун подплыла поближе к сыну. — Лоуэлл, мама ведь никогда тебя не обманывала, правда?

— Вроде бы нет.

— Мы ничего не сделаем Мохматым Штанам. И плоским котяткам тоже ничего не сделаем. Просто у нас для них не хватает места. Ты можешь оставить Мохнатые Штаны, но все остальные котята пойдут спать. С ними ничего не случится.

— Клянисься Законом Галактики?

— Клянусь Законом Галактики.

Лоуэлл ушел, продолжая прижимать кота к груди.

— Эдит, — сказал Роджер, — надо положить конец их сотрудничеству.

— Не волнуйся, дорогой, ничего плохого с ним не случится. Но боюсь, придется разочаровать его в другом, — нахмурилась она.

— В чем это?

— Роджер, у меня не было времени изучить марсианскую фауну, и плоскими котами я тоже, конечно, не занималась — только убедилась в том, что они безобидны.

— Безобидны! — Роджер отмахнулся от пары левтевших котят. — Женщина, я тону!

— Но марсианская фауна вся рассчитана на выживание, и у нее есть свои особенности. За исключением водоисколок, которые, возможно, не марсианского происхождения, животные ведут пассивный и возобновляющийся образ жизни. Возьми плоского кота...

— Сама возьми, — сказал Роджер, снимая очередного с груди.

— Это беззащитное существо даже не может как следует добывать себе еду. Думаю, в естественных условиях это безобидный паразит, который цепляется за более подвижное животное.

— Лишь бы за меня не цеплялись! А ты выглядишь так, словно в шубе. Давай загрузим их в морозильник!

— Терпение, дорогой. Возможно, носителю это так же приятно, как и нам, поэтому он терпит плоского кота и позволяет ему подбирать свои крохи. Но плоский кот разделяет общее свойство всего живого на Марсе. Он способен долгое время пребывать в спячке, а если в этом нет нужды, просто снижает свою жизненную активность — например при недостатке пищи. Но когда еды становится больше — выключатель тут же щелкает, и зверек размножается, насколько это позволяют запасы пищи.

— Уж это точно!

— Ограничить его снова в еде — и он спокойно будет ждать лучших времен. Это, конечно, чистая теория — я ведь рассуждаю по аналогии с другими формами жизни на Марсе, — но этим-то я и собираюсь огорчить Лоуэлла. Мохнатым Штанам придется перейти на очень скудный паек.

— Это будет непросто, — нахмурился Роджер, — Вундер его все время кормит. Придется за ним следить, не то не миновать нам новых ангелочков. Солнышко, давай-ка займемся ими прямо сейчас.

— Да, дорогой. Я просто хотела поделиться своими мыслями.

Всех кликнули наверх, и началась операция по отлову. Котов загоняли на корму и в трюм. Они разбегались, мурлыкали и искали общества. Поллукс сидел в трюме и пытался удержать их там, пока другие сгоняли их со всего корабля. Отец просунул голову в дверь, стараясь разглядеть сына в облаке плоских котов.

— Сколько их тут у тебя?

— Не могу сосчитать — они все время движутся. Закрой дверь!

— Как я могу загонять их сюда, если дверь закрыта?

— А как я могу их здесь удержать, если дверь открыта?

Наконец все надели скафандры (Лоуэлл взял к себе в скафандр Мохнатые Штаны, не очень, видимо, полагаясь даже на Закон Галактики), и капитан довел температуру на корабле до ощутимых минус двадцати. Плоские коты, столкнувшись с неудобными скафандрами и будучи предоставлены сами себе, сдались и начали сворачиваться в шарики вроде меховых грейпфрутов. Теперь их можно было легко собрать, сосчитать и поместить в трюм.

Однако Стоуны еще несколько дней продолжали ловить и сажать в заключение тех, кто ускользнул.

Глава 15

«МЕЖДУ ЮПИТЕРОМ И МАРСОМ Я ПОМЕЩАЮ ПЛАНЕТУ»

Так писал великий астроном Кеплер: «*Inter Jovem et Martem planetam interposui*». Его последователи вывели правило о расстояниях между планетами, известное как правило Бодде. Согласно ему точно в 2,8 расстояния от Солнца до Земли — в 2,8 астрономической единицы — полагалось быть планете.

В первую ночь нового XIX века монах Джузеппе Пьяцци открыл новое небесное тело. Это был астероид Церера — как раз в том месте, где полагалось быть планете. Для астероида он был велик — и действительно, он больше всех астероидов — 485 миль в диаметре. В последующие два века были открыты сотни и тысячи астероидов — до самых маленьких камушков. Название «астероиды» оказалось неудачным: это не звездочки и даже не планетоиды. С самого начала предполагалось, что это осколки крупной планеты, а к середине двадцатого века гипотезу как будто подтвердило математическое исследование их орбит.

Но лишь когда первые исследователи на заре космических полетов проникли в пустынную область между орбитами Марса и Юпитера и посмотрели на нее свои-

ми глазами, мы удостоверились, что астероиды — в самом деле осколки большой планеты — разрушенного Люцифера, давно погибшего брата Земли.

Поднимаясь все выше и выше над Солнцем, «Перекасти-Стоун» замедлял ход, описывал кривую и приближался к точке, откуда начнет снова падать к Солнцу. Сейчас он был в орбите Цереры и, добравшись до этой «дамы», прошел уже пятьдесят миллионов миль по астероидному поясу — руины Люцифера широко разбросаны в космосе. Узел Аллилуйя помещался ближе к центру пояса.

Неплотная группа камней, песка, хаотических молекул и планетоидов, известная как узел Аллилуйя, вращается вокруг Солнца со скоростью 11 миль в секунду. Вектор «Стоуна» составил 8 миль в секунду и шел в том же направлении. Капитан Стоун, включая двигатель последние два дня, увеличил скорость своего корабля, с помощью радарного маяка проник в гущу летучих облаков и вошел в их среду с низкой относительной скоростью. Последний маневр, утвердивший «Стоуна» на месте, был всего лишь любовным шлепком: «Стоун» откашлялся и стал продолжать свой путь вместе с другими бродячими странниками космоса.

Капитан в последний раз посмотрел в окуляры стереорадара, пробежал лучом полный круг от носа до кормы. Громады Аллилуйи, неразличимые невооруженным глазом на фоне звезд, висели в увеличенной перспективе ложного «космоса» стереоприбора, где настоящих звезд вовсе не было видно. Ползучего следа, признака относительного движения, на экране не было.

На одном из летучих камней недалеко от корабля и на пару градусов вне орбиты светилась точка ярче других. Это был радарный маяк, на который и вышел капитан Стоун. Маяк тоже был неподвижен на стереоэкране, и капитан сказал Кастору:

— Запроси доплер из мэрии.

— Уже, капитан, — сказал Кастор и вскоре добавил: — Относительная около десяти миль в час — девять и семь и еще малость. Милых в семистах от нас.

— Вектор?

— Выходим почти на них. Пройдем в десяти-пятнадцати милях к югу, внутри орбиты.

Роджер Стоун расслабился и усмехнулся.

— Ну, как наводка? Твой старик еще не научился считать, а?

— Нормально, папа, — если учесть...

— Что учесть?

— Что ты использовал вычисления Пола.

— Когда я решу, кого из нас двоих ты оскорбил, я тебе отвечу. — Он сказал в микрофон: — Все посты свободны от маневра. Машинное, доложите по закрытии. Эдит, скоро будет обед?

— Заперто, сынок, — доложила Хейзел.

— Через полчаса, дорогой, — ответила жена.

— Ничего себе! Человек потеет над горячим пультом, и ему еще надо полчаса ждать обеда. Что у вас за отель?

— Да, дорогой. Кстати, я опять сокращаю тебе калории.

— Бунт! Что бы сделал Джон Стерлинг на моем месте?

— А папа толстеет! А папа толстеет! — пропел Лоуэлл.

— И придуши своего ребенка. Кто хочет выйти со мной поставить добавочные двигатели?

— Я хочу, папа!

— Мид, ты просто пытаешься смыться, чтобы не помогать на кухне.

— Я могу ее отпустить, дорогой.

— Пожалеешь ребенка — испортишь харчи. Бери сухим пайком, детка.

— Не очень смешно, папа.

— А мне денег не платят, чтобы было смешно.

Капитан Стоун, насвистывая, отправился на корму. Близнецы и Мид вышли с ним. Они быстро поставили стартовые ракеты — молодежь закрепляла, а капитан лично проверял проводку. Ракеты разместили вокруг корпуса в центре корабля и по паре на носу и на корме. Подключенные к пилотскому радару и настроенные на минимальный диапазон, они быстро помогут кораблю свернуть в сторону, если нежелательный объект будет идти на столкновение с ним при достаточно опасной относительной скорости.

Во время прохода в глубь астероидного пояса Стоуны шли просто на авось. Хотя принято считать, что пояс забит небесным мусором, статистика показывает, что там гораздо больше пустоты, чем камня, и опасность столкновения очень незначительна. Внутри узла ситуация была несколько иной — там концентрация массы в несколько раз больше, чем в других районах пояса. Но большинство старателей даже и здесь не принимало мер предосторожности — проще было ставить на то, что они всегда будут выигрывать в эту русскую рулетку, чем тратить деньги и усилия на противоударную защиту. Некоторые заплатились за это, но немногие — аварии в узле Аллилуйя происходили не чаще, чем в Мехико.

Когда все вернулись на корабль, обед был готов.

— Тебе звонили, капитан, — сообщила Хейзел.

— Уже?

— Из мэрии. Я сказала, что ты вышел, но перезвонишь им. Девять и шесть десятых сантиметра.

— Дорогой, обед остывает.

— Идите за стол, я быстро.

Он действительно вернулся быстро. Доктор Стоун вопросительно посмотрела на него.

— Мэр, — объяснил Роджер. — Добро пожаловать в Рок-Сити и все такое. Сообщил мне, что городской комитет ограничил скорость космических кораблей до ста миль в час, а скутеров — до пятисот в пределах тысячи миль от мэрии.

— Надеюсь, ты сказал им, куда им надо пойти со своими ограничениями? — ошетинулась Хейзел.

— Нет, не сказал. Я вежливо извинился за то, что по незнанию нарушил правила, и обещал зайти засвидетельствовать свое почтение завтра или послезавтра.

— Я думала найти жизненное пространство на Марсе, — пробурчала Хейзел. — Оказалось, там одни грабители, бюрократы и сборщики налогов. И вот мы выходим на широкие просторы космоса и что же находим там? Дорожную полицию. А мой единственный сын не может им даже ответить как следует. Придется мне отправиться на Сатурн.

— Я слышал, на базе Титан здорово холодно, — примирительно ответил Роджер. — Почему бы не на Юпитер? Пол, подай мне соль, пожалуйста.

— Юпитер? Позиция неблагоприятная. И потом, я слышала, что на Ганимеде больше правил, чем в школе для девочек.

— Мать, ты единственный известный мне трудный подросток, который по возрасту подходит для гериатрической клиники. Ты прекрасно знаешь, что человеческая колония в космосе не может жить без правил.

— Оправдание для Наполеонов местного масштаба! Вся Система залезла в корсет.

— Что такое корсет? — осведомился Лоуэлл.

— Предшественник скафандра, можно сказать.

Видя, что Лоуэлл неудовлетворен, Эдит сказала:

— Вот вернемся, милый, и мама покажет его тебе, в музее.

Капитан предложил всем прилечь после обеда — они все не выпались, совершая маневр.

— У меня до сих пор в глазах рябит, — сказал он, потирая глаза, — так я таращился в стереорадар. Со-сну часок-другой.

Хейзел хотела что-то сказать, но тут раздался сигнал тревоги, и Роджер мигом встрепнулся.

— Объект курсом на столкновение! Держитесь все за что-нибудь. — И сам уцепился за стойку, схватив другой рукой Лоуэлла.

Но аварийные стартовые двигатели не включились.

— Зеленый, — спокойно объявила Хейзел. — Что бы это ни было, оно идет недостаточно быстро, чтобы причинить нам вред. И, похоже, пройдет рядом.

Капитан перевел дыхание.

— Надеюсь, что ты права, но я слишком часто бывал в таких переделках, чтобы полагаться на статистику. С тех пор как мы вошли в пояс, все время нервничаю.

Мид понесла на корму грязную посуду и тут же вернулась с круглыми глазами.

— Папа, у двери кто-то есть.

— Что-о? Мид, тебе померещилось.

— Да нет же, я слышала. Послушай сам.

— Ну-ка тихо все.

В тишине все услышали мерное шипение нагнетателя воздуха — работал корабельный шлюз. Роджер метнулся к нему, но мать остановила его:

— Погоди-ка, сын.

— В чем дело?
— Отойди от двери. — И Хейзел достала пистолет.
— Да убери ты его: все равно не заряжен.
— Он-то об этом не знает, тот, кто в шлюзе.
— Мама Хейзел, что ты так нервничаешь? — спокойно спросила Эдит.

— А ты не понимаешь? У нас на корабле еда. И кислород. И кое-какой запас моно-аш. Тут не Луна-Сити: кто-нибудь может и позариться.

Доктор Стоун посмотрела на мужа, и он, поколебавшись, сказал отрывисто:

— Иди на нос, дорогая. Возьми Лоуэлла. Мид, закрой за собой люк и сиди у рации. Если услышишь что-нибудь подозрительное, радируй в мэрию и скажи, что нас грабят. Давай! — Роджер нырнул в свою каюту и вернулся с собственным пистолетом.

Когда люк за Мид закрылся, шлюз как раз перестал работать. Четверо оставшихся ждали, окружив входную дверь.

— Нам прыгнуть на него, папа? — шепотом спросил Кастор.

— Нет, главное под выстрел не лезьте.

Дверь медленно отворилась. На пороге возникла фигура в скафандре, лицо под шлемом трудно было различить. Увидев направленные на него пистолеты, пришелец поднял руки.

— Вы чего? — глухо и обиженно спросил он. — Я ничего не сделал.

Капитан Стоун, видя, что у человека не только в руках, но и за поясом нет пистолета, опустил свой.

— Извините. Давайте помогу вам снять шлем.

Под шлемом обнаружился светловолосый человек средних лет с добрыми глазами.

— А в чем дело-то? — повторил он.

— Да так, ничего. Не знали, кто к нам пожаловал, и немного заволновались. Меня, к слову, зовут Стоун. Командую кораблем.

— Очень приятно, капитан Стоун. Я Шорти Девайн.

— Очень приятно, мистер Девайн. Добро пожаловать на борт.

— Просто Шорти. — Он посмотрел вокруг. — Вы извините, что я так вломился и напугал вас, но я слышал,

что у вас на борту доктор. То есть настоящий доктор, а не из этих, с ученой степенью.

— Есть доктор.

— Ух, ну и здорово! В городе нет настоящего доктора с тех пор, как старый док Шульц умер. А мне позарез нужен врач.

— Минутку. Пол, сходи за мамой.

— Я слышу, дорогой, — сказала Эдит из репродуктора. — Иду. — Люк открылся, и вошла доктор Стоун. — Я доктор, мистер Девайн. Дорогой, я, пожалуй, воспользуюсь этой комнатой. Может быть, вы все выйдете?

— Да не надо, — торопливо сказал гость.

— Я предпочитаю осматривать пациента без свидетелей, — решительно сказала она.

— Я не успел объяснить, мэм доктор. Не я болен, а мой компаньон.

— Вот как?

— Он сломал ногу. Зазевался и защемил ее между двумя глыбами графита, она и сломалась. Я, наверное, не больно хорошо оказал ему помощь, потому что он очень плох. Вы не могли бы отправиться к нему прямо сейчас, доктор?

— Разумеется.

— Эдит!

— Кастор, принеси мой хирургический чемоданчик — черный. Ты поможешь мне надеть скафандр, дорогой?

— Но Эдит, ты...

— Ничего, капитан, — у меня тут снаружи скутер. Мы живем милях в восьмидесяти пяти-девяноста отсюда — долго не задержимся.

— Я с вами, — вздохнул капитан Стоун. — Ваш скутер подымет троих?

— Конечно-конечно! У меня сиденья по Рейнолдсу: можно распределять баланс как угодно.

— Хейзел, ты принимаешь командование.

— Есть, сэр!

Вопреки обещанию Девайна их не было всю ночь по корабельному времени. Хейзел сидела у пульта, следя за ними по радару, и осталась дежурить до тех пор, пока опять не засекала их на экране и не проследила их

обратный путь. Девайн, рассыпаясь в благодарностях, остался с ними завтракать. Не успел он доест, как в столовой появился Лоуэлл с Мохнатыми Штанами на руках. Девайн застыл, не донеся кусок до рта.

— Плоский кот! Или мне чудится?

— Конечно, это он. Его зовут Мохнатые Штаны. Он марсианин.

— Само собой! Слушай, а можно его погладить?

Лоуэлл, подозрительно посмотрев на него, разрешил. Старатель взял кота — видно было, что он привык с ним обращаться — и стал гладить его, что-то бормоча при этом.

— Какая прелесть! Прямо жалеешь, что расстался с Марсом, хотя тут и лучше. — Он неохотно расстался со зверьком, еще раз всех поблагодарил и вышел.

Доктор Стоун размяла пальцы.

— В первый раз со старых клинических времен оперировала в невесомости. Надо освежить технику.

— Дорогая, ты была великолепна. А Джоку Донахью здорово повезло, что ты оказалась рядом.

— Ему было очень плохо, мама? — спросила Мид.

— Еще как, — ответил отец. — Подробностей не ждите, но мама знала, что надо делать, и сделала это. А из меня получилась неплохая санитарка, если это не будет нескромно с моей стороны.

— Будет, будет, — отозвалась Хейзел.

— Роджер, — спросила доктор Стоун, — штука, в которой они живут, — это что, корабль?

— Сомневаюсь — только не в том виде, в каком он у них сейчас. Я бы сказал, не корабль, а плот.

— А если они захотят улететь отсюда?

— Может, они не хотят улетать. Может, они умрут на расстоянии голоса от Рок-Сити, как чуть не случилось с Джоком. Руду они, наверно, возят скутером продавать на Цереру, то есть на ее орбиту. А может, и здесь продают.

— Но ведь город-то кочевой. Им приходится двигаться с места на место.

— Ну, пожалуй, это корыто можно сдвинуть с помощью пары стартовых ракет, если действовать осторожно и не торопиться. Но я бы разгерметизировал его, раньше чем пробовать.

Глава 16

РОК-СИТИ

Пояс астероидов формой напоминает сплющенное кольцо, которое в архитектуре называется «торус», а в обыденной жизни «пончик». Это кольцо охватывает 13 тысяч 500 тысяч миллионов триллионов кубических миль. Это по скромному подсчету, исключая заблудших овец, которые уходят к самому Марсу и еще дальше — до самого Солнца. Не входят в расчет и те, что забрели слишком далеко и попали в рабство к могучему Юпитеру, например Троянцы, в почетном карауле следующие по орбите планеты, в шестидесяти градусах впереди и позади. Исключаются даже те, что слишком отклонились к северу или югу. Принятый предел отклонения от эклиптики равен шести градусам.

13 500 000 000 000 000 000 000 000 кубических миль пространства.

А все человечество можно запихнуть в уголок одной кубической мили: средний объем человеческого тела равен двум кубическим футам.

Даже бесстрашному герою Хейзел, капитану Джону Стерлингу, тяжело было пришлось бы патрулировать такой участок. У него ведь не было брата-близнеца.

Запишем эту цифру как $1,35 \cdot 10^{25}$ кубических миль. Глазом, если не разумом, охватить ее станет легче. В то время, когда «Перекасти-Стоун» затесался в бродячее братство Рок-Сити, плотность населения пояса составляла одну душу на два биллиона триллионов кубических миль — запишем это как $2 \cdot 10^{21}$. Почти половина этих шести с половиной тысяч населения проживала на планетоидах — Церере, Палладе, Весте, Юноне. Одним из приятных сюрпризов в исследовании Системы стало открытие невероятно высокой плотности крупных астероидов и приличной силы тяжести на них. Средняя плотность Цереры, диаметр которой всего 485 миль, в пять раз выше плотности Земли, а притяжение там почти такое же, как на Марсе. Эти планетоиды считаются остатками ядра погибшего Люцифера, покрытыми несколькими милями наносной породы.

Остальные три тысячи составляет странствующее население пояса в буквальном смысле слова. Они живут и работают в невесомости и почти все входят в одну из полудюжины общин, разрабатывающих узлы и скопления пояса. Узлы в несколько сот раз плотнее остального пространства пояса, если тут можно сказать «плотнее»: корабль, идущий рейсом на Ганимед, мог бы пройти сквозь узел Аллилуйя и Рок-Сити, заметив их разве что на экране радара. Вероятность столкновения этого лайнера с чем-либо была бы очень мала.

В узлах старатели добывали уран, трансурановые элементы и графит, продавая руду и минералы на ближайшем большом астероиде и время от времени переходя на другой узел. Перед находкой на Аллилуйе община, называющая себя «Рок-Сити», работала на узле Кайзер Вильгельм за Церерой на ее орбите. Услышав весть о находке, община тронулась в путь.

Развив небольшое ускорение, артель прошла внутрь орбиты Цереры на скутерах, химических двигателях, стартовых ракетах и честном слове. Она была единственной, которая имела возможность передвинуться. «Парни Грогана» находились на той же орбите, но работали на узле Горькое Горе по ту сторону Солнца, в полбиллионе миль от Рок-Сити. Недалеко был и Нью-Йобург, но те работали на узле под названием Рейнолдс №2,

который вращался по неудобно расположенной орбите Фемиды.

Ни один из этих небесных поселков по-настоящему не обеспечивал сам себя, да и вряд ли это было возможно. Но невероятный аппетит Земли на энергетическое сырье и еще более ценный графит, из которого делали сопла ракетных двигателей и противорадиационные щиты, — этот постоянный спрос, который могли удовлетворить астероиды, обеспечивал старателям обмен того, что у них есть, на то, что им нужно. Но во многом они все же ни от кого не зависели: уран, рафинируемый не дальше Цереры, давал им свет, тепло и энергию. Все овощи и большинство белковых продуктов они выращивали сами на гидропонных огородах и в дрожжевых резервуарах. Водородное топливо и кислород получали с Цереры или Паллады.

Там, где есть энергия и масса, которой можно манипулировать, человек не пропадет.

Почти три дня «Перекасти-Стоун» медленно следовал через Рок-Сити. Для невооруженного глаза, если смотреть в иллюминатор или даже выйти наружу и стать на корпусе, Рок-Сити ничем не отличался от любого куска пространства — та же пустота на фоне звезд. Человек с острым глазом, хорошо знающий созвездия, заметил бы, что их классическую картину искажает слишком много каких-то планет, которые не подчиняются зодиаку. Еще более пристальное наблюдение обнаружило бы разрозненное движение некоторых «планет», которые уходили за корму «Стоуна» при его движении вперед.

На третий день перед ленчем капитан Стоун притормозил свой корабль и скорректировал его вектор, запустив один из наружных двигателей: впереди виднелась мэрия и еще несколько объектов. Позже он подключил еще одну ракету, поставил «Перекасти-Стоун» неподвижно относительно мэрии меньше чем в одной восьмой мили от нее и вызвал по телефону мэра.

— Говорит «Перекасти-Стоун», Луна, капитан Стоун.

— Мы следили за вашим подходом, капитан, — ответил мэр.

— Хорошо. Мистер Фрайз, я собираюсь протянуть к вам трос. Если повезет, через полчаса буду у вас.

— Будете стрелять из гарпунного ружья? Я вышлю кого-нибудь принять.

— Увы, у меня нет ружья. Я позабыл его взять, несмотря на благие намерения.

— А скажите, пожалуйста, капитан, — замялся Фрайз, — вы хорошо владеете техникой перемещения в скафандре?

— Если честно, то нет.

— Тогда позвольте я пошлю вам парня с тросом. Нет-нет, не возражайте.

Хейзел, капитан и близнецы вышли в скафандрах наружу и стали ждать. На корабле, что напротив них, виднелась маленькая фигурка. Сам корабль теперь казался большим, больше «Стоуна». Мэрия помещалась в старомодном судне — оно было круглым, примерно тридцатилетней давности. Роджер верно сообразил, что после выхода в тираж оно совершило единственный грузовой рейс в один конец.

Рядом с мэрией висел короткий цилиндр — то ли он был меньше ее, то ли находился дальше. Возле него виднелась еще какая-то масса неправильной формы — Солнце ярко освещало ее, но многочисленные черные тени мешали рассмотреть, что это такое. Вокруг было много других кораблей, достаточно близких, чтобы отличить их от звезд. Поллукс насчитал их с две дюжины на пространстве в столько же миль. От одного из них в миле от Стоунов отчалил скутер и направился к мэрии.

Фигурка, которую они только что видели, уже летела к ним через пространство. Она росла на глазах, и через полминуты посланный приблизился к ним, разматывая за собой трос. Он легко опустился ближе к носу «Стоуна», и все четверо пошли его встречать.

— Здравствуйте, капитан. Я Дон Уитситт, бухгалтер мистера Фрайза.

— Здравствуйте, Дон.

Роджер познакомил его с остальными. Близнецы помогли выбрать и свернуть легкий трос. За ним тянулся стальной, который Дон Уитситт закрепил на корпусе.

— Ждем вас в магазине, — сказал он. — Пока. — И опять прыгнул в пропасть с бухтой бечевки под мышкой, не держась за протянутый им трос.

— Я тоже так могу, — сказал Поллукс, глядя на него.

— Оставайся при этом мнении, — сказал отец, — и пристегивайся к тросу.

Одного толчка было достаточно, чтобы пересечь бездну, если только чья-нибудь петля не обматывалась вокруг троса. С петлей Кастора как раз это и случилось, и он остановился. Пришлось распутывать петлю и снова набирать инерцию, перебирая руками по тросу.

Уитситт уже вошел внутрь, но для гостей включил шлюз и оставил его открытым. Стоуны прошли на корабль, где их встретил почтенный Джонатан Фрайз, мэр Рок-Сити. Это был маленький лысый человек с небольшим брюшком, острыми веселыми глазами и пером за ухом. Он энергично потряс руку Роджеру.

— Милости прошу, милости прошу! Большая честь принимать вас у себя, господин мэр. Надо бы поднести вам ключ от города и чтобы духовой оркестр играл, девочки танцевали и тому подобное.

— Я бывший мэр и здесь в качестве частного лица, — покачал головой Роджер. — Не надо оркестра.

— А девочки?

— Я женат. Но все равно спасибо.

— Были бы здесь девочки, я бы их придержал для себя. Хотя я тоже женат.

— Вот это верно! — В воздухе появилась полненькая, некрасивая, но очень живая женщина.

— Да, Марта.

Все перезнакомились, и миссис Фрайз увела с собой Хейзел, а близнецы последовали за мужчинами в переднюю часть шара, где помещались склад и магазин. На опорах и растяжках были установлены стеллажи, на которых лежали, привязанные или упакованные в сетки, всевозможные товары и продукты. Дон Уитситт сидел в центре комнаты, обхватив коленями стул, и держал перед собой доску. Рядом с ним во вращающейся полке стояли бухгалтерские книги и папки со счетами покупателей. Перед ним парил старатель. Несколько других рыскали среди полок с товарами.

Видя, что тут есть все, что только может понадобиться горняку, Поллукс порадовался, что они сделали ставку на деликатесы, а потом с сожалением вспомнил, что

не так много осталось для продажи. Плоские коты, пока их не заморозили, съели столько, что семье пришлось взяться за изысканные продукты близнецов и питаться икрой и чикагской колбасой.

Поллукс шепнул Кастору:

— Не думал, что конкуренция окажется такой мощной.

— Я тоже.

К мистеру Фрайзу подплыл старатель.

— Твердая Цена, насчет той центрифуги...

— Потом, Сэнди. Я занят.

— Пожалуйста, не отвлекайтесь ради меня, — попросил Роджер.

— Сэнди все равно делать нечего, может и подождать — правда, Сэнди? Пожми руку капитану Стоуну — это его жена починила старого Джока.

— Да ну? Я горжусь, что познакомился с вами! Давно уж мы не слышали такой хорошей новости, как о вашем прибытии. Ты его сразу прими в комитет, — сказал Сэнди Фрайзу.

— Приму. Нынче же вечером проведу совещание по селектору.

— Минутку! — вмешался Роджер. — Я здесь только гость и не имею отношения к вашему городскому комитету.

— Вы не знаете, что такое для наших снова дожждаться доктора. А в комитете ничего такого делать не надо — это просто так, чтобы показать, как мы вам рады. И миссис Стоун, то есть доктора Стоун, мы тоже примем, если она захочет. Только ей будет некогда.

Капитан Стоун начал чувствовать себя неудобно.

— Полегче! Мы рассчитываем улететь отсюда при следующем отлете на Землю — а моя жена сейчас не практикует. Мы путешествуем.

— Вы хотите сказать, что она не будет посещать больных? — забеспокоился Фрайз. — Она же оперировала Джока Донахью.

Стоун собирался сказать, что о регулярной практике не может быть и речи, но почувствовал, что его голос здесь решающим не является.

— Она будет принимать больных. Она врач.

— Вот и хорошо!

— Но, милый вы мой человек! Мы не для того сюда явились. Она в отпуске.

— Мы постараемся облегчить ей труд, — кивнул Фрайз. — Не можем же мы ожидать, что леди будет скакать по скалам, как бывало док Шульц. Слышал, Сэнди? Нечего каждой старательской крысе звать к себе доктора, как только палец заболит. Надо всех оповестить, что, если кто заболел или поранился, его дело добраться до мэрии, или пусть соседи его доставят, если на него только можно надеть скафандр. Скажи Дону, чтобы набросал мне воззвание.

— Правильно, Твердая Цена, — торжественно кивнул старатель и уплыл.

— Вернемся в ресторан, — предложил Фрайз, — посмотрим, заварила ли Марта свежего кофе. Я бы хотел узнать ваше мнение по некоторым нашим вопросам.

— Честное слово, я не советчик в ваших общественных делах. У вас все по-другому.

— По правде сказать, я просто хочу посплетничать о политике с профи — ведь не каждый день его встретишь. Кстати, пока не ушли — вам ничего не надо купить? Прямо сейчас? Инструмент, кислород, катализаторы? Хотите заняться старательским делом? А если да, то есть ли у вас снаряжение?

— Пока нам ничего не надо — кроме одного: хотелось бы купить, а еще лучше — взять напрокат скутер. Посмотреть окрестности.

— Друг мой, — покачал головой Фрайз, — мне жаль, что вы попросили именно то, чего у меня нет. Сюда хлынули «песчаные крысы» с Марса, а то и с Луны, и у половины нет снаряжения. Берет такой скутер и патентованное иглу — и пропадает, не терпится ему разбогатеть. Но знаете что — месяца через два я жду с Цереры партию ракетных двигателей и баков. Мы с Доном можем тем временем сварить вам каркас, а когда придет «Светлячок», присобачим к нему мотор, вот и все.

— Учитывая, что следующий отлет на Землю наступит всего через пять месяцев, это долго, — нахмурился Роджер.

— Тогда придется придумать что-нибудь еще. Конечно, новый доктор заслуживает всего самого лучшего, и докторская семья тоже. А если...

Какой-то старатель хлопнул Фрайза по плечу.

— Эй, лавочник!

Фрайз потемнел.

— Ко мне следует обращаться «господин мэр»!

— Чего?

— И не видишь ты, что ли — я занят? — Покупатель попятился, а Фрайз продолжал кипеть: — Я известен как «Твердая Цена» отсюда и до Троянцев. А если он этого не знает, пусть обращается ко мне по должности — или идет покупать в другом месте. О чем бишь я? А, да! Можно толкнуться к старому Чарли.

— Где это?

— Видели цистерну около мэрии? Это жилье Чарли. Он сумасшедший — старый старатель, который свихнулся от рытья, и отшельник по убеждению. Раньше он держался особняком и ни во что не вмешивался, но, когда начался бум и появилось по десять чужих на одно знакомое лицо, Чарли струхнул и попросился причалить к административному центру. Наверно, испугался, что его кто-нибудь пристрелит и уведет его воронье гнездо. Кое-кто из новоприбывших и на такое способен.

— Похож на старого лунного жителя. А зачем к нему обращаться?

— Ох, совсем я стал плох — уж очень голова забита всяким. У Чарли там что-то вроде лавки старьевщика — подчеркиваю, я бы его хлам и даром не взял. Каждый раз, когда кто-то из старателей умирает или возвращается в сторону Солнца, его барахло оседает у Чарли в норе. Не скажу, чтобы у него был скутер, — разве что взять его собственный, все равно стоит на приколе. Но у него могут быть запчасти, из которых можно что-нибудь сварганить. Вы как, умеете?

— Я не очень — но у меня для таких дел есть бригада. — Он поискал глазами близнецов и нашел их среди полок с товарами. — Кас! Пол! Подите сюда.

Фрайз объяснил свою мысль, и Кастор кивнул.

— Если это когда-нибудь работало, мы сумеем наладить.

— Вот это молодцы. Ну, пошли пить кофе.

— Папа, — сказал Кастор, — а можно, мы с Поллом прямо сейчас посмотрим, что у него есть? Чего тебе время терять?

— Ну-у...

— Тут рукой подать, — сказал Фрайз.

— Ладно, только не прыгайте. Пристегнитесь и держитесь за швартовочный трос.

Близнецы вышли. В шлюзе Пол стал кипятиться, но Кас сказал:

— Остынь. Отец просто хочет, чтобы мы были осторожны.

— Да, но зачем при всех-то говорить?

Берлога Чарли, как определили близнецы, раньше была прицепной цистерной для доставки кислорода в колонию. Они вошли в шлюз и пустили воздух, а когда давление поднялось, потрогали внутреннюю дверь. Она не поддавалась. Поллукс начал молотить в нее гаечным ключом, снятым с пояса, а Кастор — искать сигнальную кнопку. Шлюз тускло освещала люминесцентная трубка.

— Хватит ломиться, — сказал Кастор. — Если он жив, то тебя услышал.

Поллукс послушался и опять подергал дверь, но она оставалась запертой. Изнутри слышался приглушенный голос:

— Кто там?

Кастор посмотрел, откуда идет голос, но не нашел.

— Кастор и Поллукс Стоуны, — ответил он, — с корабля «Перекасти-Стоун», Луна.

— Не проведете, — хмыкнул хозяин, — и без ордера арестовать не имеете права. Да я вас и не впущу.

Кастор начал было закипать, но Поллукс похлопал его по руке.

— Мы не полицейские. Еще не доросли, чтобы стать легавыми.

— А ну, снимите шлемы.

— Не надо, — сказал Кастор. — Возьмет и пустит шлюз, пока мы разгерметизированы.

Но Поллукс сделал шаг вперед и снял шлем. Кастор, помявшись, последовал его примеру.

— Впустите нас, — мягко попросил Пол.

— Зачем это?

— Мы к вам по делу. Хотим купить у вас кое-что.

— А что у вас есть?

— Мы заплатим наличными.

— Наличные! — сказал голос. — Банки! Правительство! На обмен у вас что-нибудь есть? Шоколад есть?

— Кас, — шепнул Поллукс, — у нас шоколад остался?

— Фунтов шесть-семь, не больше.

— Да, у нас есть шоколад.

— Покажите.

— Что за чушь? — вмешался Кастор. — Пол, пошли опять к мистеру Фрайзу. Вот кто настоящий бизнесмен.

— Не надо! — простонал голос. — Он вас надует.

— Тогда откройте.

Голос, помолчав, сказал вкрадчиво:

— Похоже, вы хорошие ребята. Вы не обидите Чарли? Старого Чарли?

— Конечно, нет. Мы ведь хотим с вами договориться.

Дверь наконец открылась, и из мрака выглянуло лицо, изрытое годами и темное при свете Солнца.

— Заходите, да смотрите без фокусов — знаю я вас.

Сомневаясь в том, разумно ли они поступают, близнецы пролезли внутрь. Когда их глаза привыкли к слабому дневному свету трубки в середине помещения, ребята стали осматриваться, а хозяин рассматривал их. Цистерна, снаружи большая, внутри казалась маленькой, до того она была захламлена. Как и у Фрайза, каждый дюйм, каждый угол, каждая ниша были заняты, но если в мэрии царил порядок, то здесь — полный хаос, что у Фрайза было рационально, здесь — безумно. Воздух был достаточно свежий, но насыщенный застарелыми загадочными запахами.

Хозяин всего этого походил на тощую обезьянку и был одет в какое-то сплошное темное одеяние, оставляющее открытыми только голову, руки и босые ноги. Поллукс решил, что это — обогреваемое белье, надеваемое иногда под скафандр на дальних перелетах или в пещерах.

Разглядев гостей, старый Чарли усмехнулся и почесал шею большим пальцем ноги.

— Хорошие мальчики, — сказал он. — Я знал, что вы не тронете Чарли. Просто шутил.

— Нам нужен... — начал Поллукс, но локоть Кастора помешал ему продолжить.

Кастор сказал:

— Хорошо у вас тут.

— Удобно. Практично. Как раз для солидного человека. Для человека, который любит подумать в тишине. Или почитать. Вы любите читать, ребята?

— Конечно. Очень.

— Хотите посмотреть мои книги? — Не дожидаясь ответа, Чарли нырнул во тьму, как летучая мышь, и тут же вернулся, неся книги в двух руках и зажав с поддюжины ногами. Притормозив локтями, он остановился.

Книги были старинные, в переплетах — в основном справочники по управлению кораблями, которых давно не было на свете. Кастор широко раскрыл глаза, посмотрев на даты издания, и прикинул, сколько бы дал за эти книги Институт астрогации. Среди книг была потрепанная «Жизнь на Миссисипи» Марка Твена.

— Вот, мальчики, смотрите. Располагайтесь поудобнее. Не ожидали встретить начитанного человека посреди этих олухов, а? Вы читать-то умеете?

— Конечно.

— Кто вас знает? Сейчас так странно учат. Прочтешь человеку латинское изречение, а он глядит, будто у тебя не все дома. Вы не голодные? Есть не хотите? — забеспокоился Чарли.

Близнецы заверили его, что недавно хорошо поели. Чарли просветлел.

— Старый Чарли не из тех, что отпустит человека голодным, даже если самому не хватает. — Кастору бросилась в глаза упаковка с консервами — на первый взгляд там было с тысячу штук. Старик продолжал: — Было время на этом узле — нет, это было на Эмме Лу, — когда человек не садился завтракать, не заперев шлюз и не выключив маяк. Как раз тогда Лаф Дюмон съел Хендерсона-рудокопа. Тот, правда, сначала умер, но наша общественность возмутилась. Собрали суд Линча — теперь называется комитет.

— А зачем он его съел?

— Я же говорю — Хендерсон умер. Но все равно компаньона есть как-то нехорошо, правда?

Близнецы согласились, что это безусловно нарушение правил приличия.

— Если бы он хотя приходился Лафу родственником — или надо было им составить такой контракт с подписями и печатью. Вы привидений еще не видели?

От такой внезапной перемены темы разговора близнецы опешили.

— Привидений?

— Увидите еще. Я много раз говорил с Хендерсоном-рудодокопом. Говорит, он на Лафа совсем не в обиде и на его месте сделал бы то же самое. Тут полно привидений. Все старатели, которые умерли здесь, не могут вернуться на Землю. Они тут на стационарной орбите, правильно? И ясно же, что нельзя придать ускорение тому, у кого нет массы. — Чарли доверительно наклонился к братьям. — Иногда их видишь, но чаще всего они шепчут тебе в наушники. И когда они шепчут — слушайте. Это единственный способ найти большую залежь, которую открыли и опять потеряли. Я вам это говорю, потому что вы мне нравитесь, понятно? Слушайте их. А если плохо слышно, вы просто закройте челюстной клапан и задержите дыхание. Тогда яснее будет.

Близнецы поблагодарили за совет.

— А теперь расскажите о себе, ребята.

К удивлению близнецов, Чарли было действительно интересно, он расспрашивал их о подробностях и только изредка вставлял ни к селу ни к городу свои реплики. Наконец Кастор рассказал о происшествии с плоскими котами.

— Поэтому у нас мало осталось продуктов на продажу. Но шоколад все-таки остался, и другие вещи тоже.

— Плоские коты? — сказал Чарли, покачиваясь взад-вперед на своем насесте. — Сто лет не держал в руках плоского кота. Приятно его подержать, приятно, когда такой зверь в доме. Они философы, если кто правильно понимает. А что вы будете делать со своими плоскими котами?

— Да ничего, наверное.

— Я так и думал. Вы ведь дадите плоского котика бедному старику, у которого нет ни жены, ни детей, ни одной живой души? Старику, который всегда даст вам поесть и зарядит ваш баллон?

Кастор переглянулся с Поллуksom и осторожно подтвердил, что в придачу к сделке, которую они заключат, Чарли обязательно получит плоского кота.

— А что вам нужно-то? Вы говорили про скутер. Сами знаете, у старого Чарли нет скутера — кроме того, который мне нужен, чтобы жить.

Кастор поднял вопрос о запасных частях, из которых можно построить скутер. Чарли поскреб свою дюймовую щетину.

— Ракетный двигатель у меня вроде был — ничего, если в нем пары клапанов не хватает? Или я его продал шведу Гонсалесу? Нет, то другой. Погодите секундочку — я поищу.

Чарли рылся в своих сокровищах секунд шестьсот и наконец извлек какой-то железный лом.

— Вот! Почти новый. Такие смекалистые ребята запросто наладят.

— Сколько он, по-твоему, стоит? — спросил Поллуks Кастора.

Кастор пошевелил губами.

— Он нам еще приплатить должен.

На торг ушло еще двадцать минут, но они столковались на трех фунтах шоколада и одном плоском коте.

Глава 17

КОТОТОРГОВАЯ

Добрых две недели ушло на то, чтобы починить старый кислородно-спиртовой двигатель, и еще неделя, чтобы собрать корпус скутера, в который данный двигатель следовало вставить. Для корпуса взяли трубы с фрайзовского склада вторсырья. Красотой машина не отличалась, но, когда ее оборудовали стереорадаром со «Стоуна», на ней стало вполне возможно передвигаться по узлу. Капитан Стоун при виде скутера покачал головой и подверг его бесчисленным испытаниям, пока не убедился, что он надежен, хоть и безобразен.

Тем временем комитет организовал для доктора службу такси. Каждый старатель, работавший в пределах пятидесяти миль от мэрии, обязан был отдежурить по очереди на своем скутере. За каждый рейс водителю платили твердую таксу рудой. Стоуны редко видели Эдит — похоже, граждане Рок-Сити копили свои болезни впрок.

Но им не пришлось снова страдать от нетворческой стряпни Хейзел. Фрайзы пришвартовали «Стоуна» к мэрии и протянули пассажирский рукав от их шлюза к неиспользуемому люку мэрии. Когда доктора Стоун не было, Стоуны питались в ресторане. Миссис Фрайз

была отличной помощницей, и в ее гидропонном огороде чего только не росло.

При постройке скутера у близнецов было время поразмыслить о плоских котах. Их озарила мысль, что здесь, в Рок-Сити, существует потенциальный ненасыщенный рынок сбыта. Весь вопрос был в том, как сбыть котов с наибольшей выгодой.

Поллукс предложил торговать вразнос со скутера: он доказывал, что человек, который уже взял плоского кота в руки, непременно его купит. Кастор не соглашался.

— Не пойдет, юнец.

— Почему?

— Во-первых, капитан не даст нам узурпировать скутер: сам знаешь, он считает его корабельным имуществом, созданным экипажем, то есть нами. Во-вторых, мы всю прибыль ухлопаем на горючее. В-третьих, слишком медленно: не успеем мы охватить и трети покупателей, как какой-нибудь идиот начнет кормить своего кота как на убой, появятся котята — и на тебе: рынок будет переполнен плоскими котами. Задача в том, чтобы распродать всех примерно в одно время.

— Можно повесить объявление в магазине, Твердая Цена нам разрешит, а продавать будем прямо со «Стоуна».

— Уже лучше, но недостаточно хорошо. Большинство старателей бывают в магазине не чаще чем раз в три-четыре месяца. Нет, сэр, надо придумать мышеловку похитрее, чтобы покупатель сам проложил тропу к нашей двери.

— Никогда не мог понять, зачем нужны мышеловки. Разгерметизируй отсек, и все мыши в нем подохнут.

— Просто такой оборот речи. Юнец, как оповестить Рок-Сити о плоских котах?

И они нашли способ. Пояс, несмотря на свою необъятность — или благодаря ей, — живет так же тесно, как любая деревня. Сплетнями обмениваются по скафандровым рациям. Живя в усеянной звездами тьме, приятно сознавать, что милях в пятистах есть человек, который слетает и посмотрит, в чем дело, если ты долго не выйдешь на связь.

С узла на узел сплетни передаются по более мощным рациям. Известия о смерти, о большой находке или

о несчастном случае облетают весь пояс просто со скоростью света. Узел Горькое Горе находится в шестидесяти шести световых минутах по орбите от Аллилуйи, и порой свежие новости доходили туда часа за два, и это с учетом многочисленных передач из уст в уста.

В Рок-Сити была даже своя радиостанция. Твердая Цена дважды в день принимал новости с Земли, а потом передавал их в эфир с собственными солеными комментариями. Близнецы решили выпустить свою радиопередачу — музыка, конферанс и реклама. Обязательно реклама. У них было полно записей, которые можно было крутить по радио, а потом продавать вместе с портативными проекторами.

Так они и сделали. Программа оказалась не блеск, но, в конце концов, конкурентов у них не было, а задаром почему не послушать. Сразу после заключительной фразы мэра Кастор говорил:

— Не расходитесь, соседи! Вас снова ожидают два часа музыки и смеха — а также информация о том, где что можно выгодно купить. Но сначала — тема нашей передачи: теплое и дружеское мурлыканье марсианского плоского кота. — Поллукс подносил Мохнатые Штаны к микрофону и гладил его. Добродушный зверек всегда громко мурлыкал в ответ. — Хорошо возвращаться, когда тебя ждет это дома! А теперь немного музыки. «Солнечная шестерка» Гарри Вайнштейна с хитом «Высокое притяжение». Позвольте напомнить вам, что эту запись, как и все, что звучит в нашей программе, можно исключительно дешево купить в переулке Плоского Кота рядом с мэрией — как и трехпрограммные проекторы «Аякс» производства «Джайант Джуниор» — звук, видео, стерео. «Солнечная шестерка» — давай, Гарри!

Иногда они устраивали интервью — Кастор задавал вопросы, а Поллукс отвечал.

— У нас в студии один из знаменитых жителей нашего города, Рудольф Каменная Голова. Мистер Рудольф, весь Рок-Сити хочет послушать вас. Скажите, вам нравится здесь?

— Не-а.

— Но вы, наверно, зарабатываете большие деньги, мистер Рудольф?

— Не-а.

— Но вы добываете достаточно, чтобы хватало на жизнь?

— Не-а.

— Нет? Тогда что же привело вас сюда?

— Кореш, а ты когда-нибудь был женат?

Затем следовал тупой удар, стон и знакомое всем шипение шлюза. Кастор продолжал:

— Извините, друзья. Мой помощник только что выставил мистера Рудольфа за дверь. Тому, кто купит плоского кота, которого мы берегли для мистера Рудольфа, мы подарим красивый плакат, напечатанный в чудесных живых красках на несгораемой бумаге. Не хочу вам даже говорить, сколько стоит такой плакат на Церере — мне больно думать, по какой низкой цене продаем их мы. Но наш запас ограничен. Первому человеку, который войдет в эту дверь, чтобы купить плоского кота... Закройте дверь! Закройте дверь! Хорошо, хорошо — вы получите плакаты все трое, нам тут драки не нужны, только придется подождать до конца передачи. Извините, соседи, — небольшая неувязка, но мы уладили ее без кровопролития. Правда, я оказался перед дилеммой. Я дал вам обещание и не знал, что за этим последует. Слишком много покупателей уже стучится в дверь переулка Плоского Кота. Чтобы выполнить свое обещание, придется мне расширить его — не первый, не второй и не третий, а следующие двадцать покупателей абсолютно бесплатно получают этот потрясающий плакат. Не нужно денег — мы принимаем руду и графит по стандартным расценкам.

Иногда, для разнообразия, близнецы просили спеть Мид. Она не тянула на настоящую певицу, но у нее было теплое, проникновенное контральто. Послушав ее, человек, у которого не было даже плоского кота, должен был почувствовать себя очень одиноко. Мид действовала даже лучше, чем гладкие профессиональные записи, и братья решили выделить ей заслуженный процент.

Но главное заключалось в самих плоских котах. Пришельцы с Марса, чуть ли не все до единого, купили их себе, как только узнали, что они продаются, и каждый владелец плоского кота сделался бесплатным коммивояжером фирмы. Старатели с Луны, а то и с

Земли, которые плоских котов прежде в глаза не видели, получили возможность познакомиться с ними, погладить, послушать гипнотическое мурлыканье — и пропали. Эти зверьки сначала с новой силой пробуждали подавленное чувство одиночества, а потом смягчали его.

Кастор держал Мохнатые Штаны у микрофона и ворковал:

— А вот и наша милочка Молли Малоун. Спой для ребят, солнышко. — И гладил Мохнатые Штаны, а Поллукс прибавлял громкость. — Нет, Молли мы отдать не можем — она член семьи. Но у нас есть Ясноглазка. Нам бы и с ней не хотелось расставаться, но нельзя же быть эгоистами. Поздоровайся с друзьями, Ясноглазка. — И гладил Мохнатые Штаны. — Мистер П., а теперь дайте Бархотку.

Запас плоских котов в морозильнике постепенно таял, запас руды возрастал.

Роджер Стоун встретил предложение оставить парочку на развод решительным отказом. Одного кошачьего нашествия достаточно, заявил он. Мохнатые Штаны может остаться, на урезанном пайке, но только он один.

Близнецы выискивали последних в углах трюма и подумывали о ликвидации предприятия, когда после одной из передач к ним пришел усталый седой человек. Он держался за спинами других покупателей, пока близнецы продавали котов. С ним была девочка чуть постарше Лоуэлла. Кастор раньше его не видел, но догадался, что это, наверное, мистер Эрска. Холостяков на узле было гораздо больше, чем женатых, а семьи с детьми были большой редкостью. Семья Эрска жила, кое-как перебиваясь, вниз по орбите к северу, в мэрии их видели редко. Мистер Эрска говорил на бейсике с некоторым трудом, миссис Эрска на нем совсем не говорила. Они принадлежали к какому-то маленькому народу — кажется, были исландцами.

Когда покупатели разошлись, Кастор с профессиональной улыбкой представился ему. Да, это был мистер Эрска.

— Чем могу служить, сэр? Вам плоского кота?

— Боюсь, что нет.

— Как насчет проектора? С дюжиной лент к нему? Как раз для семейного вечера.

Мистер Эрска нервничал.

— Да, это хорошо, конечно. Нет. — Он потянул девочку за руку. — Пойдем, детка.

— Не спешите. Мой маленький брат где-то здесь — только что был. Он будет рад познакомиться с вашей девчушкой. Может, он на склад пошел — сейчас посмотрю.

— Мы лучше пойдем.

— Куда спешить? Он где-то недалеко.

— Моя дочка, — смущенно сказал мистер Эрска, — слышала вашу передачу и хотела посмотреть плоского кота. Теперь она видела, и мы пойдем.

— А-а. — Кастор подплыл к девочке. — А хочешь поддержать его, солнышко? — Она не ответила, но торжественно кивнула. — Мистер П., принесите Герцогиню.

— Сейчас, мистер К.

Поллукс отправился на корму и принес Герцогиню — первого кота, который попался ему под руку, разумеется. Идя обратно, Поллукс согревал его на животе, чтобы тот скорее отошел. Кастор взял у него кота и стал массировать, пока тот не распластался и не открыл глаза.

— Вот, золотко. Держи, не бойся.

Девочка молча взяла зверька на руки и прижала к себе. Кусочек меха вздохнул и замурлыкал. Кастор спросил ее отца:

— Не хотите взять дочке кошечку?

— Нет-нет! — покраснел тот.

— Почему? Ведь с ними никаких хлопот. Она полюбит ее, и вы тоже.

— Нет!

Отец попытался забрать кота у дочери, говоря ей что-то на незнакомом языке. Девочка не отпускала животное и ответила отцу, как всем стало ясно, отказом. Кастор задумался.

— Вы хотели бы купить ей кошку, да?

— Я не могу, — ответил отец, глядя в сторону.

— Но хотите. — Кастор посмотрел на Поллукса. — А вы знаете, мистер Эрска, что вы — наш пятисотый покупатель?

— Что?

— А разве вы не слышали наше объявление? Наверно, пропустили передачу. Пятисотый плоский кот вручается абсолютно бесплатно.

Девочка, наверно, не совсем поняла, в чем дело, но еще крепче прижала к себе Герцогиню. Ее отец замялся.

— Вы шутите?

— Спросите мистера П, — засмеялся Кастор.

— Чистая правда, мистер Эрска, — солидно кивнул Поллукс. — Так мы отмечаем удачный сезон. Один плоский кот бесплатно и с наилучшими пожеланиями администрации. И в придачу один плакат или два леденца — что предпочитаете.

Мистер Эрска, кажется, не совсем поверил, но ушли они с Герцогиней и леденцами — все это девочка крепко прижимала к себе. Когда за ними закрылась дверь, Кастор недовольно сказал:

— Нечего было отдавать еще и леденцы. Это последние, я их не хотел продавать.

— А мы их и не продали, а подарили.

Кастор усмехнулся и пожал плечами.

— Ладно, надеюсь, у нее от них живот не заболит. Как ее зовут-то?

— Не слышал.

— Ничего, наша миссис Фрайз должна знать. — Кастор обернулся и увидел в люке Хейзел. — А ты-то чего ухмыляешься?

— Да так, ничего. С удовольствием наблюдаю за работой двух жестких бизнесменов.

— Деньги — это еще не все!

— Кроме того, — добавил Поллукс, — это хорошая реклама.

— Реклама? Когда вы распродали почти весь товар? — Хейзел усмехнулась. — Не было никакого объявления, и ставлю шесть против одного — никакой он не пятисотый.

Кастор смутился.

— Ну и что же, если девчужке так хотелось! Что бы ты сделала на нашем месте?

Хейзел подплыла к ним и обняла обоих за шеи.

— Мальчики! Я начинаю думать, что вы еще сможете подрасти и лет через тридцать-сорок-пятьдесят прикнуть к человечеству.

— Ну, Хейзел, перестань.

Глава 18

ЧЕРВЯК, КОТОРЫЙ ВЫЛЕЗ ИЗ ГЯЗИ

Расчеты после операции с котами оказалось произвести непросто. Все коты являлись потомками Мохнатых Штанов, который был движимым имуществом Лоуэлла. Но рост их поголовья находился в прямой зависимости от еды, которой их кормили все, — что, в свою очередь, вынудило семью взяться за продовольственные товары близнецов, и убытки обернулись прибылью лишь благодаря творческой инициативе последних. С другой стороны, близнецы свободно пользовались основными фондами (кораблем и электроникой), принадлежащими всей семье. Но как вычислить предполагаемую стоимость съеденных деликатесов? Уж конечно она выше, чем закупочная цена плюс стоимость топлива.

Роджер вынес соломонино решение. Из валовой прибыли следует выделить долю Мид за пение, близнецам возместят стоимость товаров, которые были съедены, а остаток делится на три части между близнецами и Лоуэллом. Расчет должен состояться после того, как из руды на Церере извлекут металл, а металл продадут на Луне.

Пока что Роджер дал согласие выдать близнецам из их денег аванс для дальнейших операций. Фрайз обещал

оплатить его чек, выписанный на банк «Луна-Сити нейшл».

Но близнецы никак не могли придумать, куда бы им вложить деньги. Сначала они решили заняться в свободное время старательством, но несколько рейсов на скутере убедили их в том, что это дело для профессионалов, да и те обычно едва перебиваются. Только укоренившаяся иллюзия, что следующий камень окажется «тем самым» и возместит годы тяжелого труда, поддерживала старых горняков. А близнецы теперь слишком хорошо изучили статистику и привыкли верить скорее в свои способности, чем в удачу. Находка же рудоносного астероида была чистейшей игрой случая.

Однажды братья совершили длинный рейс в самую толщу узла — полторы тысячи миль туда и обратно. Это заняло у них целые сутки. Они поставили скутер на небольшую скорость — 150 миль в час и пустили его плыть, рассчитывая остановиться, если попадется подходящий камень. У Фрайза они одолжили маяк-рейку, пообещав заплатить, если заберут его себе.

Но платить не пришлось. То и дело они замечали в стереорадаре крупный объект, но, подойдя к нему миль на тридцать, слышали сигналы чужого маяка. Наконец они нашли-таки солидную группу камней, поравнялись с ней, пристегнули самые длинные тросы (отец категорически запретил им прыгать) и занялись исследованием. Не имея ни опыта, ни центрифуги, удельный вес они определяли, энергично прижимая камень к себе — по степени сопротивления приблизительно вычислялась инерция. Взятый взаймы счетчик Гейгера радиоактивности не показывал, и близнецы искали более ценный графит.

За два часа такой деятельности они здорово устали, но не сделались богаче.

— Дедуля, — заявил Поллукс, — тут сплошная отработанная порода.

— Если бы! Тут вообще одна пемза.

— Поехали домой?

— Ага.

Они развернули скутер с помощью маховика и навели его на маяк мэрии, разогнав до 400 миль в час, — это было все, что они могли выжать на оставшемся

топливе, иначе пошли бы и на превышение скорости. Их беспокоила мысль, что они задержались, и хотелось поскорей добраться домой: даже в самом лучшем скафандре трудно выдержать долго. Правда, они знали, что родители особо волноваться не будут: близнецы еще не могли связаться с ними по своим рациям, но пустили по узлу слух о своем возвращении.

Отец действительно не волновался, но следующую неделю близнецы провели в заточении на корабле за то, что не вернулись вовремя.

Потом долго не случалось никаких происшествий, не считая того, что Роджер потерял дыхательную маску, принимая душ, и чуть не захлебнулся, по его утверждению, пока не нашел клапан и не перекрыл его. Вещей, которые легче делать при силе тяжести, чем в невесомости, очень мало, но купание как раз относится к таковым.

Доктор Стоун продолжала свою практику, которая теперь несколько сократилась. Иногда ее возил дежурный старатель, иногда близнецы. Однажды утром в свои приемные часы она пришла из мэрии на «Стоун» в поисках сыновей.

— Где мальчишки?

— Я их не видела с самого завтрака, — ответила Хейзел. — А что?

— Да так, — чуть нахмурилась доктор Стоун. — Попрошу мистера Фрайза вызвать мне скутер.

— Ты на вызов? Я тебя отвезу, если только эти обормоты не взяли наш скутер.

— Не надо, мама Хейзел.

— Мне это в радость. И я давно обещала покатать Лоуэлла. Или это надолго?

— Вряд ли. Это всего в восьмистах милях от нас. — Доктора не касались местные ограничения скорости. — Доберемся за два часа, чтобы сэкономить горючее.

И они отправились, прихватив радостного Вундера. Четверть горючего Хейзел оставила про запас и рассчитала максимальное ускорение для оставшегося количества, прикинув в уме отношение масс. Даже и без докторской привилегии в том секторе можно было без опаски превысить скорость — они находились в «редкой» части узла.

Целью их путешествия была старинная крылатая ракета — крылья отрезали и сварили из них надстройку вроде палатки, чтобы увеличить размер жилья. Хейзел это напоминало лачугу в районе трущоб, но так выглядели многие корабли в Рок-Сити. Приятно было войти, выпить чаю и хоть ненадолго снять с Лоуэлла скафандр. Больной, мистер Икерс, лежал в лубке, а его жена не умела водить скутер — поэтому доктор Стоун и согласилась на домашний визит.

Пока они были там, доктора Стоун вызвали по радио, и она с озабоченным видом вышла в общую комнату.

— Что там? — спросила Хейзел.

— Миссис Силва. Неудивительно — это ее первый ребенок.

— Ты узнала координаты и позывные маяка? Я тебя доставлю туда.

— А Лоуэлл?

— А, да. Малыш слишком долго пробыл в скафандре.

Миссис Икерс предложила оставить ребенка у нее. Не успел Лоуэлл надуться по этому поводу, как доктор Стоун сказала:

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Сюда направляется мистер Силва. Я как раз собиралась сказать, мама Хейзел, — может, я лучше полечу с ним, а вы с Лоуэллом вернетесь домой одни? Не возражаешь?

— Конечно, нет. Замолчи, Лоуэлл! Мы будем дома через три четверти часа, и я уложу его спать или отшлепаю, смотря по обстоятельствам.

Хейзел отдала доктору Стоун один из двух запасных баллонов с кислородом — взять оба Эдит отказалась. Хейзел рассчитала новое отношение масс: без Эдит, ее скафандра и запасного баллона у нее оставалось лишнее горючее. Лучше разогнаться как следует и попасть домой до того, как детеныш разнюнится.

Хейзел настроилась с помощью маховика на мэрию, проверила курс по стереорадару, немного повернулась вокруг оси, чтобы Солнце не светило в глаза, подключила гироскопы и запустила двигатель.

В следующий момент они закувыркались, как лайнер в невесомости. Хейзел в силу привычки сообразила, что надо убрать тягу, но двигатель работал вхолостую, вре-

мя шло, а она беспомощно болталась на сиденье, повиснув на ремнях, пока наконец не нащупала рычаг.

Снова оказавшись в невесомости, она постаралась рассмеяться.

— Здорово, а, Лоуэлл?

— Давай еще раз, бабушка!

— Нет уж, хватит.

Хейзел быстро обдумала ситуацию. Что могло испортиться в этом суденышке, где всего-то и есть, что ракетный двигатель, открытый каркас с сиденьями и пристежными ремнями да минимум приборов управления? Это, конечно, гироскопы — двигатель сработал как часы. Хейзел заметила, что гироскопы чуть колеблются — это было единственным свидетельством недавнего кувыркания. Она осторожно поправила их рукой, придвинув шлем к футляру, чтобы проверить работу на слух.

И только потом попыталась определить, где они находятся и куда направляются. Так, Солнце там — а Бетельгейзе вон там, — значит, мэрия должна быть в той стороне. Хейзел прижала шлем к полукруглому окошку стереорадара. Ага, точно!

Дом Икерсов был естественной ближней целью, от которой следовало вычислять вектор. Хейзел нашла их корабль и испугалась, увидев, как он далеко. Должно быть, их порядком отнесло, пока она возилась с гироскопами. Она прикинула скорость и величину вектора — и присвистнула. «Маловато магазинов по дороге, — подумала она, — и жилья тоже. Не повредит связаться с миссис Икерс — сказать ей о том, что случилось, и попросить ее сообщить в мэрию — так, на всякий случай».

Но миссис Икерс не отвечала. «Вот лентяйка, — с горечью подумала Хейзел, — отключила, поди, рацию и спит себе. Неряха — сразу видно по тому, как выглядит ее дом и как в нем пахнет».

И все же Хейзел продолжала вызывать миссис Икерс или любого, кто мог оказаться в пределах ее скафандрового радио. А сама тем временем снова навела скутер на мэрию, учитывая смещение на новом векторе. На этот раз она действовала осторожно и была начеку —

поэтому потеряла всего несколько секунд, когда выбило гироскопы.

Хейзел отключила их и выбросила их из головы, а потом тщательно обдумала ситуацию. Жилище Икерсов превратилось в светящуюся точку на небе, которая уменьшалась почти на глазах, но могла еще служить пунктом отсчета. Хейзел не нравился ее теперешний курс. Как всегда, казалось, что они неподвижно стоят в самом центре звездного шара, но приборы показывали, что они движутся в открытый космос, за пределы узла.

— Что случилось, бабушка Хейзел?

— Ничего, малыш, ничего. Бабушке надо остановиться и посмотреть на дорожные знаки, вот и все.

Хейзел подумала, что охотно отдала бы свой шанс на вечное блаженство за автоматический сигнал тревоги и радиомаяк. Она протянула руку к Лоуэллу, отключила его радио и несколько раз повторила призыв о помощи. Ответа не было. Хейзел снова включила Лоуэллу радио.

— Ты зачем это сделала, бабушка Хейзел?

— Просто проверяла.

— Обманываешь! Ты боишься! Почему?

— Нет, милый, не боюсь — ну разве что немножко волнуюсь. А теперь тихо, бабушке надо работать.

Хейзел осторожно выровняла скутер маховиком и осторожно поправила его, когда он попытался отклониться. Надо было сойти с этого гибельного курса и направить скутер на мэрию. Гироскопы Хейзел намеренно не включала. Она заново пристегнула Лоуэлла и проверила, как он сидит.

— Сиди смирно, — предупредила она. — Только пальчиком шевельни, и бабушка снимет с тебя скальп.

Так же тщательно Хейзел уселась сама, вычисляя в уме плечи рычага, массу и угловой момент. Придется уравнивать скутер без гироскопов.

«А теперь, — сказала она себе, — посмотрим, Хейзел, кто ты: пилот или так себе любитель».

Придвинув шлем к радару, она навела сетку прицела на отдаленную метку мэрии и включила двигатель.

Метка заколебалась, и Хейзел попыталась восстановить равновесие, сдвинувшись на сиденье. Когда метка быстро поехала вбок, Хейзел тут же отключила тягу. И

снова проверила курс. Их положение несколько улучшилось. Хейзел снова позвала на помощь, не забыв выключить радио Лоуэлла. Он ничего не сказал, и вид у него был сумрачный.

Хейзел повторила попытку, снова отключив двигатель, как только скутер скособочился. Проверила курс, позвала на помощь — и повторила все снова. Она проделывала это раз десять, и при последней попытке двигатель заглох на полном ходу.

Раз топливо кончилось, можно было не суетиться. Хейзел старательно выверила курс по кораблю Икерсов, теперь совсем далекому, и сверила его с меткой мэрии на экране, не переставая звать на помощь. После этого она убедилась, что в каком-то смысле преуспела. Теперь они вне всякого сомнения направлялись к мэрии и не могли разойтись с ней больше чем на несколько миль, которые можно преодолеть и в скафандре. Но если курс был верен, то скорость оказалась до омерзения низкой. Расстояние 650 миль, а скорость — 40 миль в час. Шестнадцать часов ходу.

«А так ли уж нужен был Эдит запасной баллон?» — подумала Хейзел.

Уровнемер ее собственного показывал половину. Она еще раз обратилась с призывом о помощи и еще раз решила в уме свою задачу — вдруг ошиблась в десятичных знаках? При повторной настройке радара на мэрию огонек в стереоприборе стал бледнеть и погас. Услышав, как выражается Хейзел, Лоуэлл спросил:

— А теперь что, бабушка?

— Ничего такого, чего бы не следовало ожидать. Есть такие дни, миленький, когда и вставать-то утром не стоит.

Причина, как вскоре выяснила Хейзел, была до того проста, что ничего нельзя было поделать. Стереорадар перестал работать, потому что разрядились все три патрона в его батарее. Следовало сознаться, что Хейзел пользовалась им долго и потратила много энергии.

— Бабушка Хейзел! Я хочу домой!

Хейзел отвлеклась от тревожных мыслей, чтобы ответить ребенку.

— Мы и летим домой, моя радость. Только нам еще долго.

- А я сейчас хочу домой!
- Прости, но сейчас не получится.
- А я...

— Замолчи — а то, когда достану тебя из скорлупки, так задам, что долго будешь помнить. Увидишь. — И Хейзел снова обратилась за помощью.

Лоуэлл, как это с ним бывало, мигом успокоился.

— Вот так-то лучше, — одобрила Хейзел. — Хочешь, сыграем в шахматы?

— Нет.

— Трусишка. Боишься, что я тебя побью. Спорим на три щелчка?

Лоуэлл подумал.

— А я буду белыми играть?

— Играй. Все равно побью.

К немалому удивлению Хейзел, так и вышло. Игра затянулась: Лоуэлл не привык еще так, как Хейзел, представлять себе шахматную доску, и приходилось несколько раз брать обратно ход, пока мальчик не запомнил расположение фигур. Через каждые два хода Хейзел звала на помощь. В середине игры ей пришлось отсоединить свой кислородный баллон и заменить его запасным. У нее и у мальчика кислорода было поровну, но маленький Лоуэлл расходовал его гораздо медленнее.

— Ну что, еще разок? Хочешь реванш?

— Нет! Я хочу домой.

— Мы летим домой, дорогой.

— А долго еще?

— Ну... еще не очень скоро. Я расскажу тебе сказку.

— Какую?

— Про червяка, который вылез из грязи.

— У-у, я эту знаю! Она мне надоела.

— Я тебе еще не всю рассказала. И она никак не может надоесть, потому что у нее нет конца — всегда что-нибудь новенькое.

И Хейзел в который раз стала рассказывать, как червяк выполз из ила — не потому, что ему не хватало еды, не потому, что там, под водой, было плохо, холодно или неудобно, — как раз наоборот. Просто этот червяк был беспокойный. И как он вылез на сушу и

отрастил ножки. Как потом некоторые червяки стали слонами, а некоторые — обезьянами, и они отрастили руки и начали делать разные вещи. Как потом, все еще не находя себе покоя, они отрастили крылья и устремились к звездам. Долго, долго рассказывала Хейзел, прерываясь только для того, чтобы позвать на помощь.

Ребенок то ли заскучал и пропускал ее рассказ мимо ушей, то ли слушал с удовольствием, а потому сидел тихо. Когда Хейзел замолчала, он сказал:

— Расскажи другую сказку.

— Не сейчас, дорогой. — Баллон Лоуэлла был на нуле.

— Ну давай! Расскажи новую, получше.

— Не сейчас. А эта история — самая лучшая история, которую знает Хейзел. Самая лучшая. Я рассказала тебе ее снова, потому что хочу, чтобы ты ее запомнил.

Хейзел увидела, как загорелся красным тревожным огоньком дыхательный индикатор мальчика, спокойно отсоединила свой ополовиненный баллон, закрыла бесполезные теперь клапаны и подключила баллон к скафандру внука. Сначала она подумывала, не подключить ли баллон крест-накрест к обоим скафандрам, но отказалась от этой мысли.

— Лоуэлл...

— Что, бабушка?

— Послушай меня, дорогой. Ты слышал, как я звала на помощь. Теперь это придется делать тебе — через каждые несколько минут.

— Почему?

— Потому что Хейзел устала, дорогой. Хейзел нужно поспать. Обещай мне, что будешь это делать.

— Ну ладно.

Хейзел старалась сидеть совсем смирно, чтобы как можно дольше хватило воздуха, оставшегося в скафандре. Не так уж все было и плохо. Правда, она хотела увидеть Кольца, но все-таки и без них многое повидала. У каждого, наверно, есть свой Каркассонн — ей не о чем жалеть.

— Бабушка! Бабушка Хейзел! — Она не отвечала. Лоуэлл подождал и начал плакать — горько и безнадежно.

Доктор Стоун, вернувшись к себе на корабль, нашла там только мужа. Поздоровавшись с ним, она спросила:

— А где Хейзел, дорогой? И Лоуэлл?

— Разве вы не вместе вернулись? Я думал, они зашли в магазин.

— Не может быть.

— Что не может быть?

Эдит объяснила, в чем дело, и Роджера как громом поразило.

— Они улетели одновременно с тобой?

— Собирались. Хейзел сказала, что они будут дома через сорок пять минут.

— Значит, они остались у Икерсов — это ясно как день. Сейчас выясним. — И он бросился к двери.

Близнецы, вернувшись, застали и дома, и в мэрии полный переполох. Они провели несколько интересных и поучительных часов у старого Чарли. Отец, оторвавшись от рации, спросил их:

— Вы где были?

— У Чарли в берлоге. А что случилось?

Роджер объяснил. Близнецы переглянулись.

— Папа, — тревожно сказал Кастор, — ты говоришь, что Хейзел возила маму на нашем скутере?

— Конечно.

Близнецы снова обменялись взглядами.

— А что с ним такое? Говорите.

— Да видишь ли... одним словом...

— Говори!!!

— Там один гироскоп разболтался — подшипник, что ли, — с несчастным видом сознался Поллукс. — Мы как раз собирались его чинить.

— Собирались? Сидя у Чарли?

— Мы как раз и пошли к нему за деталями — ну и засиделись.

Отец несколько секунд смотрел на них без всякого выражения на лице, потом сказал ровным голосом:

— Вы оставили одну из систем корабля в неисправности. Не записали об этом в бортжурнал. Не доложили капитану. — Он помолчал. — Отправляйтесь в свою комнату.

— Но, папа, мы же хотим помочь!

— Оставайтесь у себя. Вы под арестом.

Близнецы сделали, как было приказано. Тем временем весь Рок-Сити поднялся на ноги. По радио передавали: пропали докторский сынишка и его бабушка. Заправляйте скутера, будьте наготове. Оставайтесь на этой волне.

— Пол, да не дергайся ты!

— Как я могу не дергаться?

— Не пропадут они, не могут пропасть. Да их стереорадар будет гореть на всех экранах, как прожектор.

— Не знаю, — задумался Поллукс. — Помнишь, я говорил, что в батарее, кажется, высоковольтный пробой?

— Я думал, ты его наладил.

— Собирался — после того как починим гироскоп.

— Плохо, — вздохнул Кастор. — Вот это по-настоящему плохо. Но ты все равно не дергайся. Давай лучше думать. Что у них произошло? Надо восстановить картину.

— Что произошло? Смеешься, что ли? Эта зараза перевернулась, а там все возможно, раз управление вышло из строя.

— Думай головой, я сказал. Что будет делать Хейзел в этой ситуации?

Оба некоторое время молчали, потом Поллукс сказал:

— Кас, этот гад всегда кувыркается в левую сторону, так ведь?

— Всегда.

— И что нам это даст? Откуда мы знаем, где левая сторона?

— Нет! Ты спрашивал, что бы стала делать Хейзел. Она бы, конечно, взяла курс домой — а Хейзел всегда выходит на курс так, чтобы Солнце светило ей в затылок, если только возможно. У нее не все ладно со зрением.

Кастор сморщился, пытаясь представить себе картину.

— Скажем, Икеры здесь, а мэрия там; если Солнце в этой стороне, то, если она перевернется, их отнесет сюда. — Он показал куда.

— Точно, точно! Если координаты были правильные, конечно. Но что бы она еще сделала? Что бы сделал ты? Вернулся бы на прежний курс, то есть курс на мэрию.

— Как она могла бы это сделать? Без гироскопов?

— А ты подумай. Разве ты бы сдался? Хейзел у нас пилот и управляется с этой штукой словно с метлой. Значит, она вернется — или попытается вернуться — в этом направлении, а все будут искать ее здесь, — опять показал Поллукс.

— Возможно, — нахмурился Кастор.

— Я тебе говорю. Ее будут искать в конусе вершиной к Икерам, а надо в конусе вершиной сюда, и притом только по одной его стороне.

— Пошли! — сказал Кастор.

— Папа сказал, что мы под арестом.

— Пошли, говорю!

Мэрия опустела, только миссис Фрайз с покрасневшими глазами дежурила у рации. Она покачала головой.

— Пока ничего.

— Где бы нам найти скутер?

— Не найдете. Все на поисках.

Кастор потянул Поллукса за рукав.

— Старый Чарли.

— Да? Скажите, миссис Фрайз, а Чарли тоже отправился на поиски?

— Вряд ли он знает о них.

Близнецы напялили скафандры, для скорости выпустили весь воздух из шлюза и не стали пристегивать тросы. Старый Чарли впустил их.

— Что за шум, ребята?

Кастор объяснил. Чарли покачал головой.

— Плохо дело, да. Жалость-то какая.

— Чарли, нам нужен твой скутер.

— Прямо сейчас, — добавил Поллукс.

— Вы что, смеетесь? — изумился Чарли. — Я только один и могу с ним управляться.

— Чарли, тут дело серьезное! Он нам нужен, и все.

— Вы с ним не справитесь.

— Мы оба пилоты.

Чарли задумчиво зачесался, а Кастор размышлял, не стукнуть ли его и не забрать ли ключи — но ключей при нем могло и не быть, а как найдешь их в этой куче хлама? Наконец Чарли сказал:

— Ну, если уж надо, я лучше сам его поведу.

— Ладно, ладно! Скорей! Надевай скафандр!

— Не спешите так. Тише едешь — дальше будешь. —

Чарли нырнул в свой кавардак и почти сразу же вынырнул со скафандром, который на первый взгляд состоял из одних завулканизированных заплат. — А пес его возьми, — жаловался Чарли, пытаясь влезть в него, — сидела бы ваша мать дома да занималась бы своим делом, ничего бы и не случилось.

— Заткнись и поторапливайся!

— Я и так быстро. Она меня помыться заставила. Не нужны мне никакие доктора. Вся живность, которая меня кусает, тут жедохнет.

Когда Чарли выгудил свой скутер из кучи железа, которая болталась у его жилья, близнецы поняли, почему он отказался сдать им его напрокат. Охотно верилось, что никто, кроме Чарли, управлять им не сможет. Мало того, что машина была древняя, латанная запчастями от других моделей, так еще и пульт управления был рассчитан на пилота с четырьмя руками. Чарли так долго жил в невесомости, что научился работать ногами не хуже обезьяны. Даже скафандр у него был устроен так, что между большим пальцем ноги и остальными пальцами был промежуток, как в японских носках.

— Залезайте. Куда лететь-то?

— Знаешь, где живут Икерсы?

— Конечно. Сам жил в той стороне. Пустынные места. Вон там, — показал он, — на полградуса вправо от той звездочки второй величины, миль восемьсот-восемьсот десять.

— Кастор, может, проверить в мэрии сводки смещений?

— Я Рок-Сити знаю, — возмутился Чарли, — и я в курсе всех смещений. Приходится быть.

— Тогда вперед.

— К Икерсам?

— Да нет... — Кастор вытянул шею, прикинул положение Солнца, представил себя на месте Хейзел, отправляющейся домой. — Туда, что ли, Пол?

— Если правильно угадали, то да.

Чарли установил на своей старой посудине большие баки и мог развить на ней сильное ускорение. Двигатель работал как часы, не хуже других, но радара на скутере не было.

— Чарли, как же ты узнаешь, где находишься?

— А вот. — И он предъявил старинную рамочную антенну радиокompаса. Близнецы никогда такой не видели, а принцип ее работы знали только из теории. Они учились летать по радару, а не на слух. Видя их лица, Чарли сказал: — Если человек умеет определить угол на глаз, на кой ему вся эта механика. В двадцати милях от мэрии я даже двигатель на скафандре не включаю — прыгаю, и все.

Они стартовали в направлении, которое указали близнецы. Включив двигатель, Чарли показал им, как обращаться с радиокompасом.

— Подключите к скафандру, где гнездо для телефона. Если приняли сигнал, поворачивайте антенну, пока не доведете его до минимальной громкости. А направление сигнала укажет стрелка посередине антенны.

— Но в какую сторону? У стрелки-то две стороны.

— Надо знать. А если неправильно угадаешь, вернешься и попробуешь еще раз.

Первым нес вахту Кастор. Он принимал множество сигналов — весь узел переговаривался, передавая друг другу тревожные новости. Кастор убедился, что рамка, хоть и не обладает избирательностью антенны-тарелки, все же принимает одновременно только один сигнал, и непрерывно вертел антенну, выслушивая каждый сигнал достаточно долго, чтобы определить, не Хейзел ли это. Поллукс похлопал его по плечу и придвинул к нему шлем.

— Есть что-нибудь?

— Одна болтовня.

— Продолжай принимать. Будем искать, пока не найдем. Хочешь, сменю?

— Нет. Если мы их не найдем, я вообще не вернусь.

— Брось свой дешевый героизм и слушай. Или давай мне антенну.

Мэрия исчезла за кормой, превратившись в точку в небе. Кастор наконец неохотно передал антенну Поллукусу. Тот послушал минут десять и вдруг замахал руками, призывая остальных к тишине, хотя слышать их никак не мог. Кастор, придвинув к нему шлем, спросил:

— Что там?

— Вроде ребенок плачет. Может, это Вундер?

— Где?

— Потерял, когда сводил к минимуму. И не могу найти опять.

Чарли развернул скутер, как только закончил ускорение, предчувствуя, что это понадобится. Теперь он включил двигатель на величину прежнего ускорения, поставив скутер неподвижно относительно мэрии и узла. Добавочный легкий толчок направил их медленно назад по пройденному пути. Поллукс слушал, медленно вращая антенну. Кастор напрягал глаза, пытаясь увидеть хоть что-нибудь кроме холодных звезд.

— Поймал! — стукнул брата Поллукс.

Старый Чарли погасил относительное движение и стал ждать. Поллукс осторожно вышел на минимум, повернул антенну и проверил еще раз. Потом показал знаками два возможных направления сигнала, в ста восьмидесяти градусах от них.

— Куда? — спросил Кастор у Чарли.

— Вон туда.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже, но я чувствую.

Кастор не спорил — оба направления были одинаково возможны. Чарли резко рванул в выбранную сторону, примерно ориентируясь на Вегу, потом быстро убрал тягу и пустил скутер по инерции. Поллукс энергично кивал. Прошло несколько минут, и он объявил, что сигнал стал сильнее, а минимум — громче. Но все еще ничего не было видно. Кастор тосковал по радару. Плач уже слышался в наушниках его собственного скафандра. Это мог быть Вундер — это должен был быть Вундер.

— Вот они!

Это крикнул Чарли. Кастор по-прежнему ничего не видел, хотя Чарли ему и показывал. Наконец он уловил яркую точку, затерявшуюся среди звезд. Поллукс отключил радиокompас — теперь было ясно, что это масса, а не звезда и находилась она в правильном месте. Старый Чарли вел свою машину так небрежно, будто катил на велосипеде. Он то включал, то гасил скорость, и наконец они застыли рядом со скутером Хейзел. Чарли настоял на том, что будет прыгать сам. Лоуэлл был в полной истерике, и от него нельзя было добиться толку. Видя, что он жив и невредим, спасатели бросились к Хейзел. Она так и сидела, пристегнутая к сиденью, с открытыми глазами и своей характерной полуулыбкой, но не отвечала им. Чарли посмотрел и покачал головой.

— Кончено, ребята. На ней даже баллона нет.

И все же они подключили баллон к ее скафандру — Кастор отдал свой, потому что никто не додумался захватить запасной. Братья вернулись на скутер Чарли на одном баллоне, превратившись на время в сиамских близнецов. Стоуновский скутер бросили на орбите — кто-нибудь другой подберет его и приведет на буксире. На обратном пути Чарли сжег почти все горючее — он неслся на предельной скорости и последний запас истратил на то, чтобы причалить к мэрии.

Всю дорогу они посылали в эфир весть о спасении. Кто-то принял их сообщение и передал другим.

Хейзел внесли в магазин Фрайза — там было больше места. Миссис Фрайз оттолкнула близнецов и стала делать ей искусственное дыхание. Через десять минут ее сменила подроспевшая доктор Стоун. Она использовала принятый в невесомости метод — не пристегиваясь, парила у Хейзел за спиной и ритмично сжимала ей ребра обеими руками.

Похоже было, что в магазин рвется весь Рок-Сити. Фрайз выгнал всех и в первый раз за всю историю запер дверь своего магазина. Доктора Стоун сменил муж — она передохнула пару минут и опять взялась за дело.

Мид тихо плакала. Старый Чарли ломал руки с несчастным и потерянным видом. Лицо доктора Стоун окаменело, приобретя мужские, профессиональные складки. Лоуэлл, держась за руку Мид, не плакал, а только горестно смотрел, не понимая, в чем дело, — он

еще не знал, что такое смерть. Кастор, кривя рот, плакал тяжело, по-мужски, заходясь в рыданиях. Поллукс молчал — он уже выплеснул свое горе. Смененный Эдит Роджер подошел к ним — его лицо не выражало ни гнева, ни надежды.

— Папа, она... — прошептал Поллукс.

Роджер, будто только что заметив сыновей, обнял поникшие плечи Кастора.

— Не забывайте, мальчики, что она у нас совсем старая. Мало кто возвращается оттуда в ее возрасте.

Хейзел открыла глаза.

— Это кто не возвращается?

Глава 19

БЕСКОНЕЧНЫЙ СЛЕД

Хейзел воспользовалась методом древних факиров, который в свое время привез на Запад фокусник по имени Гудини. Дыша насколько возможно неглубоко, она быстро впала в коматозное состояние. Послушать ее, так никакой опасности вообще не было. Умереть? Какого черта, даже в гробу нельзя задохнуться за такое короткое время. Пришлось, конечно, положиться на Лоуэлла — что он будет все время звать на помощь, потому что он расходовал меньше кислорода. Но сознательно жертвовать жизнью, чтобы спасти мальчика? Смешно! В этом не было нужды.

Только на следующий день Роджер призвал к себе близнецов.

— Вы хорошо потрудились на спасательных работах, — сказал он. — Умолчим о том, что вы бежали из-под ареста.

— Это не наша заслуга, — ответил Кастор. — Хейзел все сделала сама. Я хочу сказать — мы взяли идею из ее сериала, из эпизода с искривленной орбитой.

— Я его, наверно, не читал.

— Там речь шла о том, как отличить один кусок космоса от другого, почти не имея данных, от которых можно оттолкнуться. Капитану Стерлингу пришлось...

— Неважно. Я не об этом хотел говорить. Повторяю, вы хорошо поработали, откуда бы ни почерпнули свою идею. Если бы поиск шел обычными методами, то бабушка, безусловно, погибла бы. Вы бываете очень умными, когда захотите. Почему-то раньше вы не захотели и бросили гироскопы неисправными.

— Да откуда мы знали, папа...

— Хватит. — Роджер взялся за пояс, и близнецы заметили на нем старинную деталь одежды — кожаный ремень. Роджер снял его. — Это принадлежало вашему прадеду, а он передал его вашему деду, а он, в свою очередь, передал его мне. Не знаю, насколько глубока его история, но можно сказать, что на нем держится весь род Стоунов. — Роджер сложил ремень вдвое и хлопнул им по ладони. — Все мы, на протяжении многих поколений, сохранили о нем нежнейшие воспоминания. Нежнейшие. Все, кроме вас двоих. — Он снова хлестнул ремнем по ладони.

— Ты хочешь сказать, что собираешься побить нас этим? — спросил Кастор.

— Не вижу причин, которые помешали бы мне это сделать.

Кастор посмотрел на Поллукса, вздохнул и шагнул вперед.

— Я буду первым — я старше.

Роджер выдвинул ящик и спрятал ремень туда.

— Надо было мне им воспользоваться лет десять назад. — Он закрыл ящик. — Опоздал.

— Так ты не будешь этого делать?

— Я и не говорил, что буду.

Близнецы обменялись взглядами.

— Папа-капитан, — сказал Кастор. — Мы предпочли бы, чтобы ты это сделал.

— Это правда, — поддержал Поллукс.

— Знаю. Так бы вы отделались от того, что натворили. Теперь вам придется с этим жить, как всем взрослым людям.

— Папа...

— Ступайте к себе, сэр.

Когда «Перекасти-Стоуну» пришло время улетать на Цереру, приличная часть городского населения столпилась в мэрии, чтобы проститься с доктором и ее семьей.

Остальные прощались по радио — весь город. Мэр Фрайз сказал речь и вручил Стоунам грамоту, которая объявляла их всех почетными гражданами Рок-Сити отныне и навеки. Роджер Стоун попытался ответить, но у него перехватило горло. Старый Чарли, свежeweмытый, плакал открыто. Мид еще раз спела перед микрофоном — на этот раз ее мягкое контральто не оскверняла никакая коммерция. Десять минут спустя «Стоун» ушел с орбиты.

Как и на Марсе, Роджер оставил корабль на орбите Цереры не у станции или спутника — их там не было, — а сам по себе. Хейзел, капитан и Мид слетали на челноке в Церера-Сити: Мид — посмотреть город, Роджер — сдать руду и графит и взять груз выплавленного металла на Луну, Хейзел — по своим делам. Доктор Стоун решила остаться — из-за Лоуэлла: челнок был не чем иным, как увеличенным скутером с посадочным амортизатором. Близнецы все еще находились под арестом, и их в город не пустили. Мид, вернувшись, заверила их, что они не много потеряли.

— Все равно что Луна-Сити, только маленький. Всюду толпы и ничего интересного.

— Она правду говорит, ребята, — подтвердил отец, — так что не принимайте близко к сердцу. На следующей остановке увидите Луну.

— Мы и не переживаем! — чопорно заявил Кастор.

— Нисколько, — поддержал Поллукс. — Согласны подождать до Луны.

— Не проведете, — усмехнулся Роджер. — Однако через пару недель начнем прокладывать орбиту домой. Жалко вообще-то. Все-таки это были два хороших года.

— Ты говоришь, домой, папа? — вдруг сказала Мид. — Мне кажется, мы и так дома. Мы летим на Луну в своем доме.

— Да? Пожалуй, ты права. Старый добрый «Перекасти-Стоун» — наш дом, если разобраться. Мы с ним немало пережили. — Он нежно похлопал по переборке. — Верно, мать?

Непривычно молчаливая Хейзел встрепенулась:

— Да, да. Конечно.

— А ты что делала в городе, мама Хейзел? — спросила доктор Стоун.

— Я? Да так. Потрепалась со старожилками и отправила эти дурацкие серии. Кстати, Роджер, начинай-ка обдумывать сюжет.

— Это почему?

— Я с ними покончила. Возвращаю сценарий тебе.

— Ладно — только почему?

— Мне будет не совсем удобно им заниматься. — Хейзел как-то смутилась. — Слушайте: никто не будет уж очень против, если я спишусь с корабля?

— О чем это ты?

— «Елена Троянская» уходит на Троянцы, а туда пойдет «Веллингтон», чтобы взять жидкий водород и пассажира — меня. Я лечу на Титан. — Никто не успел возразить, а Хейзел продолжала: — Да не смотрите вы на меня так. Я всегда хотела увидеть Кольца вблизи — руками их пощупать. По-моему, это самое потрясающее зрелище в Системе. Я всерьез задумалась об этом, когда там — ну вы знаете где — стало малость душновато. Я сказала себе: Хейзел, ты не молодеешь. Хватайся за первый же шанс, который тебе подвернется. Один шанс я уже упустила, когда тебе, Роджер, было три года. Хороший был шанс, но они не брали ребенка — ну и вот. А теперь я лечу. — Хейзел помолчала и рывкнула: — Да что это вы точно на похоронах! Я вам больше не нужна. Я хочу сказать — Лоуэлл теперь подросток, и с ним не так трудно.

— Мне ты всегда будешь нужна, мама Хейзел, — спокойно сказала Эдит.

— Спасибо, но это неправда. Я научила Мид всему, что сама знаю по астрогации. Она хоть завтра могла бы получить работу в «Четырех Планетах», если б они не воротили нос от женщин-пилотов. Близнецы — ну, эти впитали всю мерзость, которую я им могла передать, и выдержат в любой драке. А с тобой, сынок, я покончила, когда ты еще носил короткие штанишки — с тех пор ты сам меня воспитываешь.

— Мать!

— Что, сын?

— В чем истинная причина? Почему ты хочешь уйти от нас?

— Почему? А почему людей тянет куда-то? Зачем медведь идет вокруг горы? Да посмотреть, что там! Я никогда не видела Колец — вот тебе и причина. Весь человеческий род на этом стоит — смирные остаются дома, а бойкие шастают повсюду да ищут, во что бы им влипнуть. Это свойственно человеку. Не нужна для этого причина, как и плоскому коту не нужна причина, чтобы мурлыкать. Зачем вообще все?

— Когда ты вернешься?

— Может, и никогда. Мне нравится невесомость. Совсем не надо тратить сил. Вот посмотрите на старого Чарли. Знаете, сколько ему лет? Я навела справки — ему по меньшей мере сто шестьдесят. В моем возрасте это вдохновляет — чувствуешь себя девчонкой. Я еще успею кое-что повидать.

— Конечно, мама Хейзел, — сказала доктор Стоун. Роджер повернулся к жене.

— Эдит!

— Да, дорогой?

— Что скажешь?

— А зачем нам, собственно, непременно возвращаться теперь на Луну?

— Я так и думал. А как же Мид?

— Я?

— Они полагают, что ты созрела для замужества, солнышко, — сухо вставила Хейзел.

Доктор Стоун слегка кивнула, глядя на дочь. Мид удивилась и сказала:

— Нуу! Мне не к спеху. И потом, на Титане есть база Патруля. Там, наверно, полно молодых офицеров.

— Исследовательская база, солнышко, — ответила Хейзел, — и работают там ученые, посвятившие себя науке.

— Может быть, когда я ими займусь, они не будут целиком посвящать себя науке?

— Ребята? — обратился отец к близнецам.

— Мы что, получили право голоса? — ответил за двоих Кастор. — Конечно, за!

Роджер ухватился за стойку и подтянулся.

— Решено. Хейзел, Мид, ребята — принимайтесь за расчет орбиты. А я начну вычислять отношение масс.

— Нет, сынок, меня уволь.

— Что так?

— Ты не смотрел, почему у них тут водород? Раз мы выходим на кометную орбиту к Сатурну вместо тангенциальной к Земле, пора мне назад в соляные копи. Запрошу из Нью-Йорка аванс, а потом разбужу Лоуэлла, и начнем проливать кровь.

— Что ж, ладно. Остальные — внимательней с десятичными знаками!

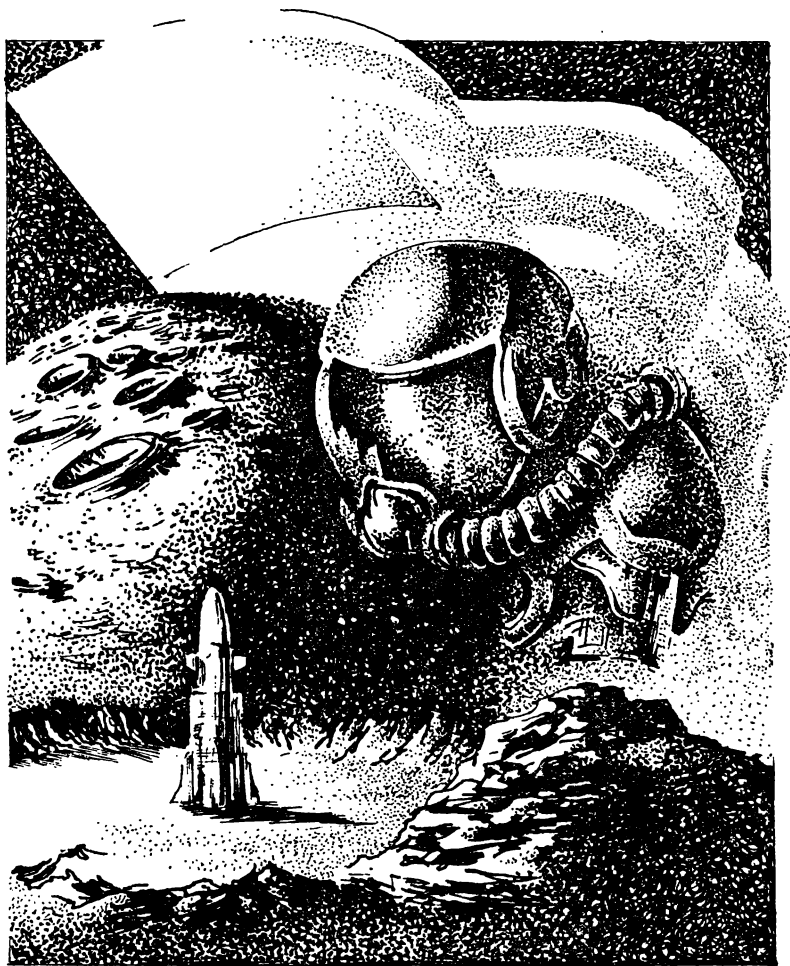
Все посты корабля были приведены в готовность. Мид в кресле стажера, поставленном за креслами командира и второго пилота, уже начала отсчет. Роджер покосился на мать и шепнул:

— Ты чему улыбаешься?

— Пять! Четыре! — выпевала Мид.

— Так просто. Когда доберемся до Титана, надо будет...

Ее голос потонул в реве двигателя. «Стоун» задрожал и понесся вперед, к Сатурну. А за ним следовали сотни, тысячи, сотни тысяч неутомонных бродячих странников: на Сатурн... на Уран... на Плутон... и так они будут катиться до самых звезд, до края Вселенной.

КОРАБЛЬ „ТАЛИЕЙ“

Глава 1

«И ПУСТЬ ВЗРЕВЕТ РАКЕТА»

— Все готовы? — Юный Росс Дженкинс взволнованно оглядел двух своих товарищей. — Арт, как там твоя камера? Надеюсь, на сей раз ты не забудешь снять крышку с объектива?

Трое юношей притаились за высокой и толстой бетонной стеной длиной около десяти футов. За ней возвышалась надежно врытая в землю стальная платформа, к которой был привинчен зловещий и безобразный с виду заостренный металлический снаряд — ракета. По обе стороны корпуса виднелись кронштейны, к которым полагалось крепить стабилизаторы, но те были сняты: ракету установили для проведения эксперимента.

— Так что с камерой, Арт? — продолжал допытываться Росс.

Парень, к которому он обращался, выпрямился во весь свой рост — пять футов три дюйма — и взглянул Россу в лицо.

— Смотри сам, — ответил он, — крышку я, конечно же, снял. И нечего меня попрекать. Ты бы лучше беспокоился о своей ракете. В прошлый раз она так и не взлетела, и я зря потратил двадцать футов пленки.

— Но ведь однажды ты снимал с крышкой... все, все, молчу. А лампы в порядке?

Вместо ответа Арт включил фотоосветители. Лучи отразились от полированных стальных зеркал и выхватили из темноты модель ракеты и фермы, что удерживали ее во время испытаний. Третий юноша, Морис Абрамс, приник к перископу, который позволял им наблюдать за происходящим из-под прикрытия стены, отделявшей их от испытательного стенда.

— Ну прямо картинка, — произнес он с воодушевлением. — Росс, ты уверен, что эта горючая смесь и есть то, что мы так долго искали?

Росс пожал плечами.

— Не знаю. Лабораторные испытания дали отличный результат. Как бы то ни было, скоро мы все узнаем наверняка. Так, ребята, по местам! Доложите о готовности. Арт?

— Готов.

— Морри?

— Готов.

— Я тоже готов. Внимание! Начинаю отсчет. Поехали! — и он начал отсчитывать секунды, оставшиеся до момента зажигания: — Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... — Арт облизнул пересохшие губы и запустил камеру. — Три... два... один... контакт!

— Ну! Давай! — вскричал Морис, и его голос потонул в оглушительном грохоте.

Взревели двигатели, и из выхлопных портов ракеты вырвались черные облака дыма. Струи газов ударили в земляной вал, насыпанный в двадцати футах от ракеты. Росс недовольно покачал головой и коснулся ручки управления на пульте, расположенном у него под рукой. Клубы дыма рассеялись в воздухе; Росс, глядя в перископ, рассматривал бьющие из двигателей реактивные струи. Из дюз било чистое, почти прозрачное пламя, на фоне которого лишь изредка вспыхивали искры. Сквозь огонь Росс мог видеть предметы, находящиеся по ту сторону. Их очертания словно расплывались в потоке раскаленного воздуха, но само пламя было чистым, бездымным.

— Что на динамометре? — бросил он Морису, не отрываясь от перископа.

Морис рассматривал динамометр, прикрепленный прямо к стенду, через отдельный перископ с приспособленным к нему театральным биноклем.

— Ничего не видно! — крикнул он. — Ага, вижу... подожди секунду... Пятьдесят два — нет, сто пятьдесят два, сто пятьдесят три, четыре... Росс! Получилось! Ты гений! Это же вдвое больше того, чего мы добивались раньше!

Арт оторвал взгляд от своего аппарата. Это была обычная 8-миллиметровая кинокамера, которую он купил в магазине и переделал так, чтобы в кассету влезало больше пленки и можно было не отвлекаться на ее перезарядку. Аппарат работал, но механизм оказался капризным и требовал пристального внимания.

— Сколько времени до конца эксперимента? — спросил он.

— Семнадцать секунд! — крикнул в ответ Росс. — Внимание, сейчас я дам полную мощность! — И повернул вправо рычаг на пульте, открывая клапаны до отказа.

Низкий утробный рев двигателей перешел в надсадный свист такого высокого тона, что его почти не было слышно. В этом звуке явственно ощущалась угроза.

Росс заметил, что Морис, оставив перископ, с биноклем в руке, влез на ящик, намереваясь, очевидно, получше рассмотреть ракету.

— Морри, пригнись!

Из-за рева двигателей Морис не услышал его крика.

Росс бросил пульт управления, одним прыжком оказался около Мориса и потянул его вниз, под защиту стены. Оба мальчика упали и покатались по земле. До драки, впрочем, дело не дошло: Росс был рассержен, но не настолько, чтобы ударить товарища. Морри откровенно изумился.

— Ты чего? — воскликнул он, переведя дыхание.

— Ты сумасшедший идиот! — крикнул Росс прямо ему в ухо. — Головы хочешь лишиться?

— Но все шло нормально... — однако Росс уже поднялся на ноги и отошел к своему пульту; Морри продолжал что-то говорить, но его оправдания заглушил рев ракеты.

— Что там у вас? — крикнул Арт. Он так и не бросил свою любимую камеру, но не из-за чувства долга, а потому, что не мог решить, кто из ребят прав.

Росс повернулся к нему.

— Этот дурак, — он ткнул большим пальцем в сторону Морри, — хотел...

Он так и не успел объяснить, что случилось: тон двигателя внезапно изменился, а затем раздался страшный взрыв. Одновременно вспыхнуло яркое пламя, оно, несомненно, ослепило бы ребят, не будь перед ними защитной стены. Тем не менее вспышка была столь сильной, что у них перед глазами поплыли крути. Они все еще моргали, приходя в себя, когда их окутали валившие из-за стены клубы дыма. Все трое закашлялись.

— Так, — пробормотал Росс, в упор глядя на Морри. — Все! Пришел конец пятой модели «Звездного Штурма»!

— Да нет же, Росс, — запротестовал Морри, и в наступившей тишине его голос прозвучал особенно пронзительно. — Я тут ни при чем. Я только пытался...

— Никто тебя не винит, — оборвал его Росс. — Я знаю, что ты тут ни при чем. Я вывел ракету на режим, но она не выдержала и взорвалась. Однако ты не должен забывать о своей голове, ведь на этот раз ты чуть было не лишился ее! Не зря же мы стену построили.

— Я вовсе не собирался высовывать голову наружу. Я только хотел...

— Замолчите оба, — вмешался Арт. — Мы еще раз взлетели на воздух, только и всего. Эксперимент заснят на пленку, — он похлопал по своей камере. — А теперь пойдем посмотрим, что там уцелело, — и двинулся в обход стены.

— Секундочку, — Росс прижался лицом к окуляру перископа и объявил: — Похоже, все в порядке. Топливные баки разлетелись в клочья. Опасность миновала. Только постарайтесь не обжечься. Пошли.

Арт и Морри двинулись следом.

Ракета превратилась в груды металлолома, но испытательный стенд выдержал. Он был рассчитан и не на такие нагрузки. Арт взялся за динамометр, которым измерялась развиваемая ракетой тяга.

— Придется калибровать заново, — заявил он. — Пружина цела, но циферблат и реечная передача сильно повреждены.

Товарищи встретили его слова молчанием: они удрученно осматривали останки ракеты. Камера сгорания была разворочена, и нескольких деталей явно не хватало.

— Как ты думаешь, Росс, — спросил Морри, — насос полетел или, может быть, температура была слишком высока?

— Трудно сказать, — рассеянно ответил Росс, — однако насос тут ни при чем. Если бы его заклинило, он просто не качал бы топливо. Мне не верится, что он подал его слишком много, — для этого ему нужно было бы крутиться в обратную сторону, а такое невозможно. Значит, взорвалась камера сгорания. Горловина уцелела и даже не слишком пострадала, — добавил он, осматривая обломки.

— Возможно. Ну что ж, набросим сверху брезент, а разбираться будем утром. Ни черта не видно. Пошли, Арт.

— Давай. Подожди секунду, я захвачу камеру. — Арт снял камеру со штатива и сунул ее в сумку. Затем помог остальным натянуть полотнища брезента — одно поверх стенда, второе — поверх стены, панели управления, приборов и перископов. Затем все трое двинулись прочь с площадки.

Полигон был окружен забором из колючей проволоки, натянутой по настоянию родителей Росса, которым принадлежала эта земля, чтобы любопытствующие, люди и животные, не очутились на линии огня во время эксперимента. Вход находился в пятидесяти футах прямо за стеной.

Во время испытания никто даже не смотрел в эту сторону: внимание ребят было приковано к ракете, так что оторвать их от работы могло только землетрясение.

Росс и Морри шли чуть впереди, Арт шагал следом, едва не наступая им на пятки, — так близко, что, когда товарищи внезапно остановились, он налетел на них сзади и чуть было не уронил камеру.

— Эй, смотрите под ноги, — закричал он. — Чего вы остановились?

Морри и Росс не ответили. Они стояли как вкопанные, глядя вперед и вниз, на землю.

— Что такое? — продолжал Арт. — Очумели? Чего ради... ой! — он тоже увидел ЭТО.

На земле, поблизости от входа на полигон, лежал ничком высокий мужчина. На голове у него зияла рана, и из нее на землю уже натекала лужица крови.

Все трое разом бросились вперед, но Морри опомнился раньше других и не позволил товарищам прикоснуться к телу.

— Спокойно! — велел он. — Не прикасайтесь к нему. Помните правила оказания первой помощи? У него ранение в голову. Если дотронуться до нее, человек может умереть.

— Но мы должны знать, жив он еще или нет, — возразил Росс.

— Сейчас посмотрим. Дай-ка мне... — он протянул руку, выхватил из кармана Росса тетрадь, в которой они вели записи, свернул ее в трубочку диаметром около дюйма и приставил к левой половине груди незнакомца. Прижав второй конец импровизированного стетоскопа к уху, он прислушался. Росс затаил дыхание.

Немного погодя на встревоженном лице Мориса появилось выражение облегчения.

— Мотор работает, — заявил он, — и вполне прилично. По крайней мере, мы его не убили.

— Мы?

— А кто же еще? Как ты думаешь, что тут произошло? Оглянись вокруг, может быть, тебе попадетсся на глаза тот самый обломок ракеты, что тюкнул его по голове. — Морис поднялся на ноги. — Ну ладно, об этом — потом. А сейчас ты, Росс, дуй домой, вызови «скорую», и побыстрее! Мы с Артом останемся с... эээ... с ним. Он может прийти в себя и начать дергаться.

— Ладно, — Росс побежал по направлению к дому.

Арт смотрел на бесчувственное тело. Морри взял его за руку.

— Сядь, парень. И перестань трястись. Неприятности начнутся позже. Даже если он ранен не слишком серьезно, то — я надеюсь, ты это понимаешь, — все равно деятельности клуба «Галилей» пришел конец. Даже об испытаниях придется забыть.

Арт вконец расстроился.

— Думаю, ты прав.

— Не «думаю», а «точно». Отец Росса и так уже косо смотрел на наши забавы с тех пор, как мы повышибали все стекла в подвале, и я его очень хорошо

понимаю. А теперь еще и это. И если у нас только заберут полигон, то можно будет считать, что мы легко отделались. Нам повезет, если он не вчинит иск за нанесение увечий.

Арт согласился.

— Теперь придется снова собирать марки, — произнес он с отсутствующим видом. Иск за нанесение увечий! Полигон у них отберут, но это не главное, хотя площадка значила для троих юношей немало. Откуда взять деньги Арту с матерью, жившим в задней комнате магазинчика, и родителям Морри, которые хотя и имели отдельную квартиру, но — иск за нанесение увечий! Может быть, родители Росса и смогли бы заплатить, но Арт с матерью едва сводили концы с концами, несмотря на его приработки в свободное от занятий время, и иск наверняка пустит их по миру.

Сочувствие к раненому постепенно уступило место ощущению несправедливости. Что ему здесь понадобилось, этому парню? Тут не проходной двор: вокруг полигона расставлены предупреждающие знаки.

— Дай-ка я взгляну на него, — сказал Арт.

— Валяй, только не прикасайся, — предупредил Морри.

— Не буду. У тебя есть фонарик? — На площадке уже стало совсем темно.

— Конечно. Вот... держи.

Арт взял маленький фонарик и осветил раненого, однако лица его толком разглядеть не смог, ибо мужчина лежал ничком, уткнувшись носом в землю. К тому же кровь из раны стекала ему на лоб и на скулы.

Вдруг Арт произнес каким-то странным голосом:

— Морри, я не причиню ему вреда, если вытру кровь?

— Ни в коем случае! Он должен лежать так до приезда врача.

— Ладно, ладно. Уже не нужно. Я и так знаю, кто это.

— Ты знаешь? И кто же?

— Мой дядя.

— Твой дядя?

— Да. Ну, тот самый, о котором я рассказывал. Дядя Дон. Доктор Дональд Каргрейвз, мой «атомный дядя».

Глава 2

ВЫЗОВ, ДОСТОЙНЫЙ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

— Теперь я совершенно уверен, что это мой дядя, — продолжал Арт. — Я бы сказал наверняка, сумею мы увидеть его лицо целиком.

— Не понимаю, как ты мог не узнать его до сих пор. Ведь он, как-никак, член твоей семьи, так что...

— Что с того? Последний раз я встречался с ним сразу после войны, когда он приезжал навестить маму. Давным-давно. И я тогда был совсем маленьким. Но этот человек очень похож на дядю.

— Однако он не выглядит таким уж старым, — рассудительно произнес Морри. — Так что я полагаю... О, а вот и «скорая».

Он не ошибся. Рядом с водителем сидел Росс, показывая дорогу, а шофер бранился, утверждая, что дорога существует лишь в воображении парня.

Несколько минут они хлопотали вокруг пострадавшего, слишком обеспокоенные его состоянием, чтобы выяснить, кто он такой.

— Похоже, ничего страшного, — заявил приехавший врач. — У него скользящая рана. Возможно, со-

трясение мозга. А теперь переверните его. Осторожно! А я буду поддерживать его под голову.

Когда незнакомца поднимали и укладывали на носилки, он открыл глаза и шевельнул губами, как бы сию минуту что-то сказать. К нему наклонился врач.

Арт поймал взгляд Морри и, сложив вместе большой и указательный пальцы, подал ему утвердительный знак. На сей раз ошибки быть не могло: Арт успел хорошенько разглядеть лицо мужчины.

Росс полез в машину, но врач жестом велел ему остаться.

— Потом, ребята, приходите в больницу. Надо будет составить акт о несчастном случае.

«Скорая» уехала, и Арт рассказал о своем открытии Россу.

— Говоришь, это был твой дядя? — удивленно спросил тот. — Твой родной дядя? Чего ему здесь понадобилось?

— Ума не приложу. Я даже не знал о его приезде.

— Скажи... Я надеюсь, он ранен не слишком серьезно... Это тот дядя, о котором ты рассказывал? Тот самый, которого выдвинули на Нобелевскую премию?

— А я о чем толкую? Это мой дядя Дональд Каргрейвз.

— Доктор Дональд Каргрейвз! — Росс присвистнул. — Ну, ребята, мы чертовски удачно выбрали жертву!

— Не вижу ничего смешного. А если он умрет? Что я скажу маме?

— Я серьезен как никогда. Прежде чем ты расскажешь матери, мы сходим в больницу и разузнаем, насколько он плох, — Росс вздохнул. — Сначала поговорим с моими родителями, а потом я отвезу вас в госпиталь.

— Разве ты ничего не сказал им, когда ходил звонить? — спросил Морри.

— Нет, их не было дома. Они копались в саду, а я позвонил и побежал встречать машину. Может, они и заметили ее, но я не стал дожидаться, когда у меня потребуют объяснений.

— Наверняка заметили.

Отец Росса сидел дома, поджидая их. Ответив на приветствие, он произнес:

— Росс...

— Да, папа?

— Я слышал взрыв на полигоне и видел проехавшую туда карету «скорой помощи». Что стряслось?

— Понимаешь, пап... мы запустили новую модель на всю катушку, и... — Росс подробно описал все, что случилось.

Мистер Дженкинс кивнул и сказал:

— Ясно. Идемте, ребята.

По пути к гаражу, который раньше явно служил конюшней, он попросил:

— Росс, сбегай к матери и скажи, куда мы едем. Пусть она не тревожится, — и двинулся дальше, опираясь на трость. Мистер Дженкинс, в прошлом инженер-электронщик, был человеком спокойным и сдержанным.

Своего отца Арт не помнил; отец же Мориса был полной противоположностью Дженкинсу-старшему и управлялся с толпой своих детей благодаря луженой глотке.

Запыхавшийся Росс, возвратясь, предложил было свои услуги в качестве водителя, но отец прогнал его на пассажирское сиденье.

— Нет уж, благодарю покорно. Я хотел бы в целости и сохранности добраться до места.

Всю дорогу они молчали. Потом мистер Дженкинс оставил мальчиков в вестибюле больницы и велел ждать.

— Что он задумал? — спросил Морри.

— Понятия не имею. Но папа знает, что делает. Он всегда прав.

— Вот этого я и боялся, — ответил Морри. — Но сейчас нам нужна не справедливость, а простое сочувствие.

— Главное, чтобы дядя Дон оказался в порядке, — подал голос Арт.

— Чего? О, прости, Арт. Ты прав. Мы совсем позабыли о тебе. Самое важное, чтобы твой дядя поправился.

— Честно говоря, пока я не узнал его, я больше думал о том, что матери придется выплачивать возмещение за увечья.

— Поменьше вспоминай об этом, — посоветовал Росс. — Человеку свойственно думать о собственных передрыгах. Мой отец говорит, что главное — то, как ты поступаешь, а не то, как ты мыслишь. Для твоего дяди мы сделали все, что было в наших силах.

— Важнее всего было не трогать его до прибытия врача, — напомнил Морри.

— Это точно.

— Да, — согласился Арт. — Но я хочу сказать, Росс, что дурные помыслы могут привести к неправильным поступкам.

— Да не волнуйся ты. По-моему, человек, делающий что-то под страхом смерти, проявляет гораздо больше мужества, чем тот, который делает то же самое, пребывая в безопасности.

— Нет, он менее... тьфу, ты все запутал. Это же совсем разные вещи.

— Может, оно и так. Ладно, давай не будем об этом. Они помолчали, потом Морри сказал:

— Дай Бог дяде Дону здоровья.

Мистер Дженкинс принес хорошие вести.

— Ну, парни, считайте, что вам повезло. Сделали рентген, и оказалось, что череп не поврежден. Когда зашивали рану, пациент очнулся. Я поговорил с ним, и он сказал, что не намерен скальпировать вас в счет возмещения убытков, — мистер Дженкинс улыбнулся.

— Можно мне к нему? — спросил Арт.

— Пока нельзя. Ему сделали укол, и он уснул. Я уже позвонил твоей матери, Арт.

— Правда? Спасибо, сэр!

— Она ждет. Мы подбросим тебя до дома.

Звонок мистера Дженкинса облегчил Арту объяснения с матерью. В сущности, она и мысли не допускала, что ее ребенок способен на что-либо дурное. Отец Росса успокоил ее, рассказал, что случилось с ее сыном, и объяснил, в каком состоянии пребывает ее брат.

У Морри все прошло еще спокойнее. Узнав, что прохожий отделался пустяковыми ранениями, мистер Абрамс лишь пожал плечами.

— Ну и слава Богу. Конечно, у нас есть семейный адвокат, но тебе при жаловании полдоллара в неделю понадобилось бы лет пятьсот, чтобы выплатить ему гонорар. А теперь — марш в постель.

— Да, папа.

Наутро юноши позвонили в госпиталь и, узнав, что ночью доктор Каргрейвз спал спокойно, отправились на полигон. Было решено навестить раненого после обеда, а сейчас заняться осмотром взорвавшегося «Звездного Штурма-5».

Первым делом следовало собрать обломки, попытаться восстановить ракету и постараться понять, что же произошло. Тут была бы очень кстати отснятая Артом пленка, но он еще не успел ее проявить.

Работа была в самом разгаре, когда от ворот донесся чей-то свист и послышался крик:

— Эй! Кто-нибудь дома?

— Идем! — откликнулся Росс.

Они обошли стену и увидели в воротах высокого плечистого мужчину, столь молоджавого и подвижного, что повязка на его голове выглядела прямо-таки несуразно. Это впечатление подчеркивалось дружелюбным выражением его лица.

— Дядя Дон! — воскликнул Арт, бросаясь ему навстречу.

— Привет, — сказал мужчина. — Я полагаю, ты — Арт. Ты повзрослел, но не очень изменился, — они обменялись рукопожатием.

— Зачем вы поднялись с постели? Вам нужно лежать!

— Только не мне, — заявил дядя. — Я здоров, и в доказательство тому удрал из больницы. Познакомь меня с твоей бандой.

— О, простите! Дядя Дон, это — Морис Абрамс, а это — Росс Дженкинс. Ребята, это — доктор Каргрейвз.

— Как поживаете, сэр?

— Рады с вами познакомиться, доктор.

— Взаимно, — доктор шагнул было в ворота, но потом остановился. — Надеюсь, посторонним зевакам тут больше ничто не угрожает?

— Мы все очень сожалеем, доктор, — Росс по-мрачнел. — Я и сейчас не пойму, как это могло случиться: ведь ворота защищены стенкой.

— Стукнуло рикошетом. Забудьте об этом. Ничего страшного не произошло. Лишился клочка кожи да капли крови, и все. Обрати я внимание на предупреждающий знак, и все это осталось бы при мне.

— А как вы попали сюда?

— Резонный вопрос. Меня ведь не приглашали, верно?

— Я не то имел в виду...

— Но я должен объясниться. В общем, вчера, когда я приехал в город, мне уже было известно о клубе «Галилей»: мать Арта обмолвилась о нем в письме. И когда сестра сказала мне, куда ушел Арт и что он собирается делать, я двинулся следом в надежде понаблюдать за испытанием. Продавщица вашего магазина указала мне дорогу.

— Вы хотите сказать, что пришли сюда посмотреть на наши детские забавы?

— Да, конечно. Меня очень интересуют ракеты.

— Понятно. Но нам, в сущности, нечего вам показать. Ведь мы работали с маленькими моделями.

— Новая модель — это всегда любопытно, а какого она размера и кто ее сделал — совсем не важно, — серьезно произнес Каргрейвз, — и я хочу взглянуть на вашу работу. Можно?

— Конечно, сэр. Это для нас большая честь.

Росс повел гостя осматривать полигон. Морри помогал объяснять, и Арт тоже вставлял изредка словечко-другое. Его лицо раскраснелось от радости: ведь это был его дядя, один из великих мира сего, пионер Атомной Эры. Они осмотрели стенд и панель управления. Доктор выказал нешуточный интерес и выразил сожаление по поводу аварии «Звездного Штурма». И вот что заинтересовало его больше всего. Американские мальчишки любят возиться со всевозможными механизмами, начиная с будильников и кончая ветхими автомобилями. Однако привычка планировать исследо-

вания и вести записи, без которых невозможна серьезная научная работа, не столь распространена. У троих друзей было самое примитивное оборудование, они располагали весьма ограниченными средствами, но сам подход к делу был безупречен, и ученый понял это с первого взгляда.

Стальные зеркала, призванные отбрасывать лучи осветителей поверх стены, удивили его.

— По-моему, было бы проще защитить прожектора решетками, — заявил он. — Ведь лампы дешевле нержавеющей стали.

— Зеркала достались нам даром, — объяснил Росс, — а за лампы пришлось бы выкладывать наличные.

Каргрейвз хмыкнул.

— Веская причина. Что ж, ребята, я вижу, что у вас получилась самая настоящая экспериментальная установка. Жалею, что не успел осмотреть ракету до того, как она взорвалась.

— То, что мы мастерим, — робко сказал Росс, — не идет ни в какое сравнение с беспилотными транспортными ракетами, например почтовыми. Но мы хотели бы сконструировать что-нибудь стоящее и получить приз на конкурсе для школьников.

— А вы уже участвовали?

— Пока нет. Правда, наш класс принимал в прошлом году участие в конкурсе для новичков. Ничего особенного, просто небольшая работа по физике взрыва. Но это нас здорово подстегнуло, ведь мы все просто помешаны на ракетах с тех пор, как себя помним.

— Между прочим, многие органы управления выполнены на высоком уровне. Вы их сами сделали или достали готовые?

— О, нет! Мы их сделали сами в школьной мастерской. В ней можно работать после уроков с разрешения учителя.

— Хорошая у вас школа, — позавидовал доктор. — А я вот учился в школе, где не было таких возможностей.

— Да, у нас неплохое заведение, — признал Росс. — Его называют политехнической школой, и на математику, точные науки и практические занятия у нас отведе-

но гораздо больше времени, чем в большинстве других школ. Но главное — то, что в мастерской можно поработать для себя. Там мы смастерили свой телескоп.

— Так вы еще и астрономы?

— Ну... астроном у нас Морри.

— Правда? — спросил Каргрейвз, повернувшись к Морису.

Тот пожал плечами.

— Не совсем так. У каждого из нас есть свой конек. Росс увлекается химией и готовит горючее. Арт — дока по части фотографии и радиотехники. На мою долю досталась наименее суебливая наука, астрономия.

— Понятно, — серьезно ответил доктор. — Я уже знаю, чем увлечен Арт. Кстати, Арт, я хочу извиниться: вчера я не утерпел и сунулся в твою лабораторию. Но не путайся, я там ничего не трогал.

— Ради Бога, дядя, я ничуть не беспокоюсь, — Арт залился краской. — Но у меня там жуткий кавардак.

— У тебя нормальная рабочая лаборатория, а не будуар кокотки. Я видел у тебя лабораторные журналы... нет-нет, я к ним даже не притрагивался.

— Мы все ведем записи, — сообщил Морри. — Это влияние Дженкинса-старшего.

— Вот как?

— Папа разрешил мне мастерить все что угодно, лишь бы в этом был смысл, — объяснил Росс. — Он научил меня вести записи и просматривал их, требуя полноты и ясности. Со временем я уразумел, что это весьма полезно, и отец перестал меня проверять.

— А он вам помогал?

— Нет. Он говорил, что наши конструкции — это как бы наши дети, и мы должны вырастить их самостоятельно.

Когда ошметки «Звездного Штурма» были собраны, Росс осмотрел детали.

— Похоже, мы ничего не упустили.

Они собрались было устроить заседание клуба в сарае, оставшемся на площадке с тех пор, когда здесь стояла ферма, но тут Морри предложил:

— Погодите-ка. Может, стоит поискать осколок, оглушивший доктора?

— Было бы неплохо, — согласился тот, — взглянуть на осколок, шрапнель, кистень — или что там свалилось мне на голову. Хотелось бы узнать, насколько я был близок к гибели.

На лице Росса появилось озадаченное выражение.

— Арт, поди сюда, — произнес он, понизив голос.

— Я здесь. Что случилось?

— Никак не пойму, какой детали недостает.

— Какая разница? — ответил Арт, но тем не менее склонился над ящиком, в который были уложены обломки, и внимательно изучил его содержимое. Подняв голову, он удивленно сказал:

— Росс...

— Ммм?

— По-моему, здесь все.

— Мне тоже так кажется. И все-таки чего-то должно не хватать.

— А не лучше ли поискать на месте, где меня шарахнуло? — спросил Каргрейвз.

— Точно!

Они вместе облазили все вокруг, но ничего не нашли. Тогда было решено начать тщательный систематический поиск — такой, чтобы наверняка обнаружить даже муравья. Они нашли центовую монетку и наконечник индейской стрелы, но ничего похожего на обломок взорвавшейся ракеты тут не было.

— Так мы зайдем в тупик, — заявил доктор. — Скажите лучше, где я лежал, когда вы нашли меня.

— Вы лежали в воротах, — ответил Морри. — Лицом вниз.

— Погоди-ка. Лицом вниз, говоришь?

— Да. Вы...

— Но каким образом это могло получиться? Когда рвануло, я стоял лицом к стенду. Я точно это помню. И должен был упасть навзничь.

— Э-э... но я уверен, что вы лежали не на спине. Вы же сами говорили, что могло отлететь рикошетом.

— Хмм... возможно, — доктор огляделся по сторонам. Вблизи ворот не было ни одного предмета, от которого мог бы отскочить осколок. Устремив взгляд на место, где он лежал, доктор пробормотал, как бы обращаясь к самому себе:

— Ну, что скажешь, док?

— Что вы говорите?

— А? Ничего, пустяки. Довольно об этом. Мне пришла в голову одна бредовая мысль... Но этого быть не могло! — Он тряхнул головой, как бы отгоняя навязчивое. — Ладно, не будем терять время на поиски того булыжника. Мне просто было любопытно. Пошли обратно.

Клуб помещался в одноэтажном строении площадью в двадцать квадратных футов. Вдоль одной стены было расставлено оборудование Росса: лабораторный стол, заваленный ретортами, колбами, бунзеновскими горелками, штативами для пробирок. Рядом была установлена вдвоенная раковина, такая древняя и грязная, будто ее купили у старьевщика. У соседней стены на отдельном бетонном основании покоились старые, но очень хорошие прецизионные весы под колпаком.

— Здесь вполне можно работать, — сказал Росс доктору. — Надо только провести вентиляцию.

— Неплохо вы тут устроились, — заметил Каргрейвз.

Стены сарая, сколоченные из грубых досок, были оклеены листами картона и покрыты водостойкой эмалью, а щели тщательно зашпаклеваны. Линолеум на полу не уступал в древности раковине, но тем не менее вполне отвечал своему назначению, двери и окна были старательно пригнаны и плотно закрывались. Повсюду царили порядок и чистота.

— На результатах ваших опытов могут заметно отразиться колебания влажности воздуха. Вы не думали о том, чтобы поставить кондиционер?

— Теперь уже все равно. Похоже, клуб «Галилей» сворачивает свою деятельность.

— Очень жаль. Почему?

— Да так. Осенью мы разъедемся по колледжам.

— Понятно. А как же остальные члены клуба?

— Все уехали: одни — учиться, другие отправились служить в армию. Наверное, можно было найти еще ребят, но мы даже не пытались. Нам... очень хорошо работать вдвоем, и мы... ну, вы знаете, как это бывает.

Каргрейвз кивнул. Он понимал, «как это бывает», пожалуй, даже лучше самих мальчиков. Они вдвоем

занимались серьезной работой. Большинство их сверстников удовлетворялось бы восстановлением какого-нибудь старого автомобиля, чтобы потом гонять на нем со скоростью сто миль в час. Заниматься научными исследованиями и вести записи им было бы скучно.

— Да, вы отлично оснастили свой полигон. Жаль, его с собой не заберешь.

Напротив стола вдоль стены стоял длинный низкий и широкий мягкий диван. Арт и Морри прислушивались к разговору, уютно устроившись на подушках. К стене над их головами были привинчены книжные полки, где с Жюлем Верном соседствовало справочное издание для инженеров-механиков. Каргрейвз обнаружил тут еще несколько своих друзей: «Семь знаменитых рассказов» Уэллса, «Справочник по физической химии», «Использование атомной энергии в военных целях» Смита. Бок о бок с пухлыми томами «Ракет» Лея и «Природы физического мира» Эддингтона пристроились дюжины дешевых книжиц с роботами и звездолетами на обложках.

Вытащив зачитанный том «Когда земля дрожит» Хаггарда, долговязый доктор втиснулся между мальчиками. Тут он чувствовал себя как дома. Глядя на ребят, он все больше узнавал в них самого себя.

— Простите меня, — сказал Росс, — но мне нужно заскочить домой.

— Да-да, конечно, — пробормотал Каргрейвз, не отрываясь от книги.

Росс вернулся очень быстро.

— Мать настаивает, чтобы вы все пообедали с нами, — объявил он.

Морри улыбнулся. На лице Арта появилось страдальческое выражение.

— Моя мама считает, что я слишком часто завтракаю у вас, — робко возразил он, глядя на дядю.

Каргрейвз потянул его за руку.

— Беру ответственность на себя, — уверил он племянника и повернулся к Россу. — Передай матери, что мы с благодарностью принимаем ее приглашение.

Во время обеда взрослые разговаривали, а мальчики прислушивались к беседе. Ученый, чей марлевый тюрбан выглядел еще более нелепо, чем раньше, поладил

со старшими Дженкинсами на удивление быстро. Завоевать расположение мисис Дженкинс было нетрудно: она выглядела бы весело и дружелюбно даже на пиру каннибалов. Но мистер Дженкинс удивил мальчиков: до сих пор им не доводилось видеть его таким словоохотливым.

Ребят поразили его обширные познания в области атомной физики. Юноши были заражены обычным скепсисом в отношении умственных способностей взрослых. Разумеется, они уважали мистера Дженкинса, но все же подсознательно воспринимали его как некий пережиток прошлого: ведь слишком многие из его ровесников так и не сумели понять, что после Аламогордо (штат Нью-Мексико, 16 июля 1945 года) * мир полностью и необратимо преобразился.

Оказалось, что мистер Дженкинс знает, кем был доктор Каргрейвз, знает, что тот вплоть до самого последнего времени работал в Североамериканской Ассоциации по использованию ядерной энергии. Юноши внимательно слушали, стараясь разузнать о дальнейших планах доктора, но мистер Дженкинс не спрашивал, а Каргрейвз предпочел не распространяться на эту тему.

После обеда трое мальчиков и их гость вернулись в клуб. Растянувшись на диване, Каргрейвз рассказывал о своей жизни и работе в Ок-Ридже, где чавкающая липучая грязь на улицах города казалась ему куда более мерзкой, чем возникшая позже опасность радиоактивного заражения. Рассказывал он и старую, но по-прежнему волнующую историю о том, как хмурым дождливым утром в пустыне Нью-Мексико взметнулся фиолетово-золотистый гриб, возвещающая о том, что человечество овладело энергией звезд.

Потом доктор заявил, что хочет дочитать найденную им книгу Хаггарда. Росс и Морри занялись делами, а Арт взялся за журнал. Он то и дело поглядывал на

* Время и место взрыва первой атомной бомбы. (Примеч. ред.)

своего обожаемого дядю и заметил, что доктор Каргрейвз очень редко переворачивает страницы.

Наконец доктор отложил книгу.

— Вы, ребята, разбираетесь в ядерной физике?

— Не ахти, — ответил Морри, переглянувшись с товарищами. — Учитель физики кое-что нам рассказывал, но в домашней лаборатории этим не займешься.

— Верно. Но она вас интересует?

— Еще бы, конечно! Мы прочли все, что смогли достать, — и Полларда, и Дэвидсона, и новую книгу Гамова. Но мы еще недостаточно подкованы в математике.

— До каких разделов математики вы уже дошли?

— Мы умеем решать дифференциальные уравнения.

— Неужели? — удивленно спросил Каргрейвз. — Погодите-ка, ребята, но ведь вы же еще школьники.

— Закончили школу в этом году.

— Так в программу средней школы входят дифференциальные уравнения? Черт, похоже, я безнадежно отстал от жизни.

— Это эксперимент, — объяснял Морри, как бы оправдываясь. — Если вы сдадите экзамен, вам читают смешанный курс: планиметрия и стереометрия, сферическая тригонометрия, аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве — все скопом. Закончив этот цикл, а его можно усваивать быстро или медленно, смотря по способностям, ты приступаешь к...

— Пока я возился с нейтронами, мир не стоял на месте, — произнес доктор, качая головой. — Ну что ж, юные дарования, такими темпами вы уже очень скоро приступите к квантовой теории и волновой механике. И как это преподаватели решились так вас загружать? А вы уже усвоили основные постулаты математики?

— В общем-то, да.

— Ну-ка?

Морри набрал полную грудь воздуха.

— Ни один из разделов математики, даже арифметика, не описывает существующую реальность. Вся математика умозрительна и не связана напрямую с окружающим миром, за исключением тех случаев, ког-

да оказывается удобно выражать явления природы через понятия математики.

— Хорошо. Дальше.

— Но даже и в этом случае результаты математики не бывают реальными, хотя они «верны» в том смысле, как их понимали древние. Каждая математическая система основана на произвольных допущениях, называемых постулатами. В древности их именовали аксиомами.

— Прекрасно, парень! Ну, а теперь я хотел бы услышать о методике научного познания. Нет, пусть Арт расскажет.

Арт смутился. Морри, явно довольный собой, с облегчением передал слово ему.

— Так... научное познание — это процесс построения теории на основе экспериментальных фактов: измерений, отсчетов и тому подобное... Это способ извлечения из эксперимента сведений, которые прежде не были известны.

Каргрейвз кивнул.

— Прекрасно. Я вижу, ты отлично знаешь, о чем говоришь. — Он помолчал и добавил: — А вы всерьез интересуетесь ракетами?

На сей раз ответил Росс:

— Ну конечно. Мы и впрямь хотим выиграть этот конкурс.

— И только?

— По правде сказать, нет. Мы все надеемся, что, может быть, однажды... — его голос прервался.

— Мне кажется, я понял, — Каргрейвз выпрямился. — Но при чем здесь конкурс? Ведь вы сами сказали, что модель всегда будет проигрывать настоящим ракетам. Премии дают только для того, чтобы поддерживать интерес к ракетостроению. Когда я был мальчишкой, то же самое происходило с авиамоделированием. Но вы, ребята, способны на большее, так почему бы вам не задуматься о вещах посерьезнее?

Три пары глаз уставились на него.

— Что вы имеете в виду?

Каргрейвз пожал плечами.

— Почему бы вам не полететь со мной на Луну?

Глава 3

КОЛУМБ С ОСКУДЕВШЕЙ РУКОЙ

В помещении клуба воцарилась тишина, такая осязаемая, что ее можно было нарезать на куски и наделать бутербродов. Росс первым обрел дар речи.

— Вы это серьезно? — сдавленным голосом произнес он.

— Отчего же нет? — спокойно отвечал доктор. — Я не шучу. Предлагаю вам совершить путешествие на Луну. Я хочу полететь туда с вами. Арт, — добавил он, — закрой рот, не то челюсть отвалится.

Арт судорожно сглотнул, пошевелил губами, словно хотел что-то сказать, и опять разинул рот.

— Но послушайте, — слова хлынули из него потоком. — Дядя Дон, если вы возьмете нас с собой... я хочу сказать, если это будет возможно... зачем вам...

— Спокойно, спокойно! — перебил Каргрейвз. — Помолчите минутку, и я все объясню. Потом вы пораскинете мозгами и решите, стоит ли вам связываться со мной.

Морис хлопнул ладонью по дивану.

— Мне все равно, на чем вы собираетесь лететь, — хоть на метле! Я с вами.

— И я, — добавил Росс, облизывая губы.

Арт негодуяюще посмотрел на товарищей.

— А я что, отказывался? Я только спросил. Черт возьми! Я тоже с вами, вы же знаете.

Молодой ученый слегка поклонился, не вставая с места.

— Джентльмены, я благодарен вам за доверие, но я еще не все рассказал.

— Ну и что...

— Тише, — попросил доктор. — Раскрою вам свои карты, а уж потом мы обсудим, что и как. Вы, ребята, когда-нибудь давали клятву?

— Было дело. Мы принимали скаутскую присягу.

— А мне однажды пришлось свидетельствовать в суде.

— Отлично. Вы должны дать слово, что без моего согласия не станете никому рассказывать о том, что я вам сейчас сообщу, независимо от того, выгорит у нас дело или нет. Конечно, вы не обязаны молчать дольше, чем вам позволит совесть. Разумеется, вы можете нарушить обещание в том случае, если у вас появятся моральные или правовые основания, но до тех пор вы будете хранить тайну. Полагаюсь на вашу честь. Ну как, согласны?

— Да, сэр!

— Конечно!

— Еще бы!

— Ну что ж, — произнес Каргрейвз, откидываясь на спину, — с формальной стороны дела мы покончили. Надеюсь, вы сумеете держать рот на замке. Зачем это нужно, поймете позже. А теперь о деле: я всю жизнь мечтал дожить до того дня, когда человечество покорит космос и начнет осваивать другие миры. И я хотел принять участие в этом деле. Думаю, вы понимаете меня, — он обвел рукой книжные полки. — Эти мысли мне внушили те самые книги, которые читаете и вы. К тому же вы в достаточной степени безрассудны, чтобы разделить мои чувства. Все, что я видел здесь и вчера в лаборатории Арта, говорит о том, что вам мало мечтать и читать книги. Вы хотите что-то сделать. Верно я понимаю?

— Конечно! — воскликнули все в один голос.

Каргрейвз кивнул.

— В ваши годы я мыслил точно так же. Став инженером, я не забывал о ракетах и понимал, что для работы в области ракетной техники мне понадобятся дополнительные знания. Получив место техника, я накопил достаточно опыта, чтобы вновь начать учиться. Я понял — Господи, да разве я один? — что без атомной энергии нечего и думать о создании звездолетов, и получил докторскую степень по ядерной физике. Затем были война и Манхэттенский проект. Наступила атомная эра, и многие люди считали, что космические перелеты начнутся едва ли не завтра. Они заблуждались. Никто не знал способа обуздать атом и заставить его двигать ракету. Известно ли вам, почему?

— Э-э... думаю, да, — нерешительно произнес Росс.

— Поделись своими догадками.

— Чтобы получить реактивную струю и развить скорость, нужна определенная масса. Но при ядерной реакции массы освобождается очень мало, а энергия практически целиком уходит в излучение, которое беспорядочно рассеивается и не образует направленного пучка. Но...

— Так, так, и что же?

— И все-таки должен быть способ использовать эту силу. Уж больно много энергии содержится в такой мизерной массе.

— Именно об этом я и думал, — с улыбкой сказал Каргрейвз. — Мы построили атомные станции, дающие больше энергии, чем гидростанция Боулдер-Дэм. Мы создали атомные бомбы, по сравнению с которыми те две, которые были использованы во время войны, не более чем пиротехнические шутихи. Взрыв — и энергия разбрасывается во все стороны. Запрячь ее в ракету невозможно. Помимо этой существуют и другие сложности. Вы знаете, что на атомных электростанциях имеется мощная защита, ограждающая персонал от смертоносных лучей. А это означает огромный вес. Для ракеты же вес — все. За каждую сотню фунтов мертвого веса мы расплачиваемся горючим. Представьте себе, что защитная оболочка весит всего лишь тонну. Сколько горючего придется израсходовать, а, Росс?

Росс поскреб в затылке.

— Это зависит от используемого топлива, от устройства ракеты... от того, какие задачи ей придется решать.

— Верно, — заметил ученый. — Я задал тебе вопрос, на который нельзя ответить однозначно. Ну ладно, допустим, у нас ракета на химическом топливе, предназначенная для полетов на Луну. Массовое отношение примем равным двадцати к одному. Тогда, имея защитную оболочку весом в одну тонну, мы теряем двадцать тонн топлива.

— Погодите, дядя Дон, — вмешался Арт.

— Слушаю тебя.

— Если речь идет о химическом топливе, скажем о спирте с жидким кислородом, то защитная оболочка не требуется.

— Верно, тут ты меня поймал. Но я привел этот пример только для иллюстрации. При разумном подходе к делу массовое отношение можно снизить, скажем, до одного к одному. Тогда на одну тонну материала защиты придется потратить лишь одну тонну топлива. Устраивает это вас?

Арт заерзал от возбуждения.

— Еще бы! Да ведь это будет настоящий космический корабль, мы сможем отправиться на нем куда угодно!

— Однако пока мы на Земле, — сухо вато произнес его дядя. — Я лишь высказал предположение. Не следует запускать двигатель, пока ты не готов отправиться в полет. Есть и третья сложность: ядерной энергией трудно управлять. Атомный двигатель не так-то просто включить, а заглушить — и того труднее. Впрочем, об этом рано думать. И все же я уверен: мы сможем отправиться на Луну.

Он помолчал. Юноши напряженно ждали продолжения.

— Мне кажется, я нашел способ использовать атомную энергию в ракетном двигателе.

В ответ — ни бурных восторгов, ни рукоплесканий, ни проникновенных речей «...в этот исторический момент я хотел бы сказать...». Наоборот, мальчики ждали, затаив дыхание.

— Я не собираюсь сейчас вдаваться в подробности. Если мы начнем работать вместе, вы и так все узнаете.

— Начнем! Мы готовы!

— Конечно же!

— Надеюсь. Я пытался заинтересовать фирму, в которой работал, но они не загорелись идеей.

— Боже праведный! Они отказались?

— Основная задача всякой корпорации — получение прибыли. Они в ответе перед своими акционерами. Может быть, вам известен легкий способ извлечения прибыли из полета на Луну?

— Вздор! — подал голос Арт. — Ради такого дела они должны были рискнуть всем своим капиталом!

— Ну что ты! Дела так не делаются. Не забывай, что они распоряжаются деньгами других людей. Ты вообще-то представляешь, во сколько может обойтись научно-техническая разработка проекта столь сложного, как полет на Луну?

— Нет, — признался Арт. — Думаю, несколько тысяч долларов.

— Скорее, около сотни тысяч, — предположил Морри.

— Уже близко. Технический директор вычислил предварительную сумму — миллион с четвертью.

— Вот это да!

— Он хотел лишь продемонстрировать, что коммерческой выгоды моя затея не принесет, и пытался уговорить меня разработать двигатель для судов и железнодорожного транспорта. Я подал в отставку.

— И слава Богу!

— Мне кажется, я понял, — задумчиво произнес Морри, — почему вы хотите сохранить это дело в тайне. Ваша разработка — собственность фирмы, в которой вы работали.

Каргрейвз энергично помотал головой.

— Вовсе нет. Попытавшись незаконно использовать чьи-то права на изобретение, я неминуемо попал бы под суд, даже если эти права были вырваны у меня путем составления какого-либо головоломного пункта в контракте, — он произнес эти слова с ноткой сожаления. — Однако в моем контракте таких загвоздок не было. Компания приобрела права на мои идеи лишь в том, что касается конечного продукта — атомного реактора. Тем не менее я оставил за собой право использовать мои разработки в других областях. Я расстался с фирмой по-хорошему. И не стану их ни в чем упрекать.

Когда королева отправляла Колумба в дальнюю дорогу, никто не ждал, что он вернется с Эмпайр Стейт Билдинг в кармане.

— Тьфу, — сказал Росс. — На поверку выходит, что эти большие призы не так велики, как может показаться. Поэтому никто ради них особенно и не старается. Никакой приз не покроет расходов, если речь идет о таком грандиозном проекте, как ваш. Короче, все это пахнет большим надувательством.

— Ну, не совсем так, но ты в изрядной степени прав, — согласился Каргрейвз. — Максимальная премия составляет около двухсот пятидесяти тысяч, но такая сумма не соблазнит ни «Дженерал электрик», ни «Дюпон», ни Североамериканскую Атомную Корпорацию. Для крупных исследовательских центров такие деньги также не представляют особого интереса. Они не станут мелочиться, если им не будут светить никакие дополнительные источники доходов. В сущности, большинство премий выплачивают те же самые корпорации, — Каргрейвз опустил на диван. — Но мы можем претендовать на приз!

— Как это?

— Плевать на деньги! Я хочу отправиться в космос! — воскликнул Росс.

— И я тоже! — подхватил Арт.

— Значит, мы с вами заодно. Как это сделать — расскажу тогда, когда мы с вами обо всем договоримся. Конечно, я не смогу вложить в проект миллион, но думаю, что можно будет обойтись и более скромными средствами. Нам нужен корабль. Нам потребуется топливо. Нам надо обеспечить конструкторские разработки и заказать кучу деталей в мастерских. Еще предстоят расходы на снаряжение. Из всего этого у меня есть только корабль.

— Правда? Настоящий космический корабль? — Арт вытаращил глаза.

— Я могу купить трансатлантическую ракету по цене металлолома. Ракета в хорошем состоянии, но компания решила заменить свои корабли более экономичными беспилотными аппаратами. Они предложили мне ракету марки «В-17», которая не подходит для переоборудования в пассажирскую. Если я ее не куплю, она пойдет в переплавку. А если куплю, то останусь

без гроша в кармане. Комиссия ООН по атомной энергетике может выделить члену Всемирной Ассоциации ученых-ядерщиков, вроде меня, — тут Каргрейвз не весело усмехнулся, — расщепляющийся материал для экспериментальных целей. Для этого, правда, нужно согласие директора Ассоциации, но я сумею его получить. Я хочу приобрести торий, а не плутоний или уран-235. Сейчас неважно почему. Однако на воплощение замысла не хватит даже моих, вполне приличных, средств. Я пытался решить эту проблему и заключил ряд контрактов на лекционные выступления и научные исследования. Но теперь у меня есть вы.

Доктор встал, вглядываясь в лица юношей.

— Переоборудовать «В-17» в космический корабль несложно. Но для этого потребуются умелые руки, светлые головы и фантазия. Вам придется стать механиками, инженерами, станочниками, а в будущем — моим экипажем. Вам придется напряженно трудиться, не чураясь черной работы, и при этом не забывать шевелить мозгами. Могу обещать только кофе с булочками и великолепную возможность свернуть себе шею. Быть может, корабль так и не оторвется от земли. И если такое случится, вам, вероятно, не удастся даже обсудить это. Короче, все выглядит не так уж романтично. Я «найму» вас до тех пор, пока вам все это не опротивеет или наш проект не завершится крахом. Вот такое у меня предложение. Обдумайте и сообщите свое решение.

Воцарилась нервная тишина, словно перед землетрясением. Затем ребята вскочили на ноги и все вместе загалдели на разные голоса. Их мысли трудно было бы выразить словами, но было ясно: клуб «Галилей» желает лететь на Луну.

Шум утих. Каргрейвз заметил, что лицо Росса вдруг омрачилось.

— Что такое? Уже струхнул?

— Да нет, — Росс покачал головой. — Я просто подумал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Возможно, возможно. Думается, твое волнение можно понять. Родители?

— Черт! Ну конечно! Мне кажется, наши предки нипочем нас не отпустят!

Глава 4

КРОВЬ ПИОНЕРОВ

Каргрейвз молча смотрел на расстроенных ребят. Он прекрасно понимал, с чем им придется столкнуться. Не может же молодой человек эдак небрежно заявить отцу: «Да, кстати, старик, давай-ка забудем о наших планах, связанных с моим поступлением в колледж. Мне нынче недосуг: я договорился с Дедом Морозом о встрече на Северном полюсе». Именно поэтому доктор долго колебался, прежде чем выложить свою идею. Наконец он произнес:

— Боюсь, каждому из вас придется решать за себя. Обещание, которое вы мне дали, не распространяется на ваших родителей. Однако постарайтесь в разговоре с ними не быть очень уж словоохотливыми. Мне бы не хотелось, чтобы сведения о нашей затее просочились в печать.

— Но послушайте, доктор, — заговорил Морри, — излишняя таинственность может повредить, если наши родители решат, что все это — не более чем детская игра. Почему бы вам не поговорить с ними, рассказав только то, что вы считаете необходимым?

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Ведь это ваши родители. Если они пожелают встретиться со мной, я

немедленно отвечу на все их вопросы. Что же касается таинственности, то вот ее причина: сейчас патентоспособна только одна сторона моего изобретения, и по правилам Ядерной Конвенции ООН любой желающий может приобрести лицензию. Патентом распоряжается компания, но ракетный двигатель в патенте не значится. Сама же идея использовать изобретение в качестве удобного и недорогого средства передвижения в космосе принадлежит мне и только мне. Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь более богатый, чем я сам, обошел меня. Незадолго до старта мы известим репортеров, быть может, только для того, чтобы они сообщили о нашей гибели при запуске. Однако ваши возражения обоснованны: нам ни к чему изображать из себя компанию свихнувшихся глубоко засекреченных ученых. Я постараюсь убедить ваших родителей.

Доктор Каргрейвз сделал исключение лишь для матери Арта. В конце концов, она была его родной сестрой. После обеда он прогнал Арта в лабораторию и, помогая сестре вытирать посуду, рассказал о своих планах. Она слушала его молча.

— Ну, что скажешь?

Женщина сидела неподвижно, не глядя на брата, и комкала в руках полотенце.

— Дон, ты не можешь со мной так поступить.

Каргрейвз молча ждал.

— Я не в силах отпустить его, Дон. Мой сын — все, что у меня осталось. С тех пор как не стало Ганса...

— Я знаю, — мягко заговорил доктор. — Но Ганс умер, когда Арт был еще малышом. Нельзя подрезать крылья сыну из-за гибели мужа.

— Думаешь, от этого легче? — она чуть не плакала.

— Нет, не думаю. Но именно ради памяти Ганса ты не должна закутывать сына в вату. Ганс был мужественным человеком. Иначе он остался бы у нацистов в Институте кайзера Вильгельма. Но он был истинным ученым и не пожелал жертвовать своими принципами в угоду политическим разбойникам. Он...

— И это стоило ему жизни!

— Знаю. Но не забывай, Грейс, что только твоя воля настоящей американки позволила ему выбраться из концлагеря.

— Не понимаю, при чем это сейчас, — по лицу женщины текли слезы.

— Я помню, как он появился в Америке. Зрелище было удручающее. Ему помогло именно то, что ты — американка. В нашей стране достаточно прочны традиции свободы, как личной, так и научной. Чрезмерная осторожность и слабоволие — злейшие враги свободы. Будь Ганс жив, он поддержал бы меня. Арт многое унаследовал от отца. И ты не сможешь удержать мальчика у своего подола навсегда. Пройдет пара лет, и тебе все равно придется отпустить его шагать своею дорогой.

Она молчала, склонив голову. Каргрейвз тронул ее за плечо.

— Обдумай все это, Грейс. А я уж постараюсь вернуть твоё чадо целым и невредимым.

Когда спустя некоторое время Арт поднялся по лестнице, мать все еще сидела в комнате и ждала его.

— Артур?

— Да, мам?

— Ты хочешь отправиться к Луне?

— Да, мама.

Она глубоко вздохнула и твердым голосом произнесла:

— Веди себя там хорошо. Слушайся дядю, Артур.

— Обещаю тебе, мама.

После обеда Морису удалось на минутку отозвать отца в сторону.

— Папа, я хочу поговорить с тобой как мужчина с мужчиной.

— А как же еще?

— Да нет, на сей раз все серьезно. Я знаю, что ты хотел бы сделать из меня предпринимателя, но все же согласился отпустить меня в технический колледж.

Отец кивнул.

— Бизнес не пострадает. Мы гордимся учеными, которые есть в нашей семье. Твой дядя Бернард — хороший хирург. И разве кто-нибудь требует, чтобы он занимался еще и предпринимательством?

— Все так, папа, но дело в том, что я не хочу в колледж.

— И что же? Опять будешь бегать в школу?

— Нет, в школу я не вернусь.

И Морри на одном дыхании изложил план Каргрейвза. Он хотел объяснить отцу положение прежде, чем тот примет опрометчивое решение.

Отец слушал, переступая с ноги на ногу.

— Сейчас Луна, на той неделе... может быть, и Солнце? Чтобы чего-то добиться, нужно доводить дело до конца, Морри.

— Верно, папа, но ведь это как раз и есть завершение нашей работы.

— И когда же старт?

— Так ты отпускаешь меня? Я могу лететь?

— Спокойно, Морис, я не сказал «да», но не сказал и «нет». Пришло время, когда ты должен встать перед людьми и объявить: «С этого дня я стал взрослым». И это означает, что ты действительно становишься взрослым. Прошли времена, когда я разрешал и запрещал, теперь я могу только советовать. И я советую тебе забыть об этой затее. Все это — чистая ерунда.

Морри застыл в почтительном, но упрямом молчании.

— Подожди неделю, а потом приходи ко мне, и мы поговорим о твоих планах. Шансы свернуть себе шею в этом предприятии весьма велики, не так ли?

— Ну... да, думаю, да.

— Неделя — не такой уж большой срок, если речь идет о решении покончить жизнь самоубийством. До той поры ничего не говори матери.

— Еще бы!

— Если ты все же решишь лететь, я сам сообщу ей об этом. Но, Морри, нашей маме эта затея явно не понравится.

Наутро Дженкинс-старший позвонил Каргрейвзу и попросил его приехать, если позволяют обстоятельства. Доктор согласился с таким чувством, будто его вызывают «на ковер». В гостиной он застал и мистера, и миссис Дженкинс. Росса не было.

Дженкинс обменялся с гостем рукопожатием и усадил его в кресло.

— Сигарету, доктор? Сигару?

— Нет, спасибо.

— Если вы курите трубку, — добавила миссис Дженкинс, — то, пожалуйста, не стесняйтесь.

Доктор поблагодарил ее и с удовольствием принялся набивать трубку табаком.

— Росс недавно рассказал мне странную историю, — приступил к делу мистер Дженкинс. — Если бы не уверенность, с которой он говорил, я решил бы, что у него разыгралось воображение на почве переутомления. Может быть, вы сумеете нам все объяснить?

— Постараюсь, сэр.

— Буду вам очень признателен. Итак, правда ли, что вы намерены отправиться в путешествие на Луну?

— Чистая правда.

— Понятно. Но верно ли, что вы хотите взять с собой Росса и его друзей?

— Да, — Каргрейвз с удивлением поймал себя на том, что едва не прокусил мундштук трубки.

Мистер Дженкинс пристально посмотрел на него.

— Честно говоря, я удивлен. Даже если проект безопасен и выверен, ваш выбор партнеров кажется мне довольно-таки неразумным. Ведь они еще мальчишки.

Каргрейвз объяснил, почему молодые люди кажутся ему вполне подходящими помощниками.

— Во всяком случае, — заключил он, — молодость не помеха. Подавляющее большинство ученых, занятых в проекте «Манхэттен», были очень молоды.

— Но они не были мальчишками, Дон.

— Это верно. Однако Исаак Ньютон изобрел интегральное исчисление в юном возрасте. Профессор Эйнштейн опубликовал свой труд по теории относительности в двадцать шесть лет, а сама работа была выполнена еще раньше. В технических науках и физике возраст особой роли не играет. Главное здесь — навыки и способности.

— Даже если и так, доктор, им нужно многому учиться. И потратить немало сил, чтобы подготовиться к работе, которую вы предлагаете. Особенно если речь идет о создании точных приборов и сложных установок. Черт побери, я сам инженер и знаю, о чем говорю.

— При обычных обстоятельствах я бы с вами согласился. Но эти ребята обладают именно тем, что мне нужно. Вы знакомы с их работой?

— Немного.

— И что вы о ней думаете?

— Для своего уровня парни добились вполне приличных результатов.

— Они знают именно то, что нужно для моего предприятия. Они помешаны на ракетах. Проводя исследования, они приобрели солидные знания, необходимые для моей работы.

Мистер Дженкинс немного поразмыслил над этим, потом покачал головой.

— Готов согласиться, что в ваших словах есть доля истины. Но сама затея представляется фантастичной. Я не хочу сказать, что космические полеты невозможны. Я уверен, что технические трудности, которые тут возникают, в скором времени будут преодолены. Однако космический полет не относится к числу задач, которые решаются в домашней мастерской. Полетами в космос должны заниматься авиационные и другие крупные технические фирмы, но уж никак не вчерашние школьники.

Каргрейвз покачал головой.

— Правительство не желает с этим связываться. Конгресс встретит такое предложение взрывом смеха. Что же до корпораций, то у меня есть основания утверждать, что ни одна из них не станет заниматься такого рода проектом.

Мистер Дженкинс устремил на него испытующий взгляд.

— В таком случае нам с вами, похоже, не дожить до начала космической эры.

— Я бы этого не сказал, — возразил ученый. — Кроме США на Земле есть и другие государства. И я не удивился бы, услышав одним прекрасным утром, что русские вышли в космос. Они располагают высокоразвитыми технологиями и, по-видимому, не скупятся на науку. Вполне возможно, что они первыми создадут космический корабль.

— А если они и впрямь сделают это, что тогда? Доктор глубоко вздохнул.

— Я ничего не имею против русских: если они обгонят меня и первыми высадятся на Луне, я готов снять перед ними шляпу. Однако я предпочитаю нашу систему и полагаю, что это будет для нас черный день. Очень жаль, если они сделают что-то великое и чудесное, а мы с нашей технологией останемся позади. Во всяком случае, — заключил он, — я патриот и хочу, чтобы это сделали мы, а не какая-то другая страна.

Мистер Дженкинс кивнул и сменил тактику.

— Даже если трое ребят обладают нужными знаниями и навыками, я все равно не понимаю, почему вы выбрали подростков. Честно говоря, ваш проект больше всего смущает меня именно этим. Вам гораздо больше подошли бы квалифицированные инженеры и рабочие, а экипаж было бы логичнее составить из опытных пилотов-ракетчиков.

Каргрейвзу пришлось подробно объяснять, каким образом он надеется воплотить замысел при ограниченных средствах. Когда он умолк, мистер Дженкинс сказал:

— Итак, вы берете мальчиков потому, что испытываете финансовые трудности?

— Если вам так угодно, да.

— Нет, мне не уютно. Скажу откровенно, я никоим образом не одобряю ваш образ действий. Я не подозреваю вас в дурных намерениях, но считаю, что вам следовало бы остановиться и еще раз хорошенько все обдумать. И благодарности за то, что вы замутили головы Россу и его друзьям и втянули их в дела, до которых они еще не доросли, причем не посоветовавшись загодя с их родителями, вы от меня не дождетесь.

Дональд Каргрейвз плотно сжал губы, но ничего не ответил. Не рассказывать же, что он всю ночь пролежал без сна, терзаясь угрызениями совести.

— Тем не менее, — продолжал мистер Дженкинс, — я понимаю ваше разочарование и одобряю воодушевление. — Его губы тронула слабая улыбка. — Хочу обратиться к вам с деловым предложением. Я предоставляю в ваше распоряжение трех механиков — людей вы сможете подобрать сами — и одного инженера или физика, которые помогут перестроить ракету. Затем я помогу вам укомплектовать экипаж. Я уверен, что найдется много добровольцев, так что мы сможем

выбирать, и даже платить не придется. Минутку, — попросил он, видя, что Каргрейвз хочет что-то сказать. — Вы ничем не будете мне обязаны. Мы составим договор, согласно которому вы отчисляете мне известный процент от премиальных сумм и от гонораров за интервью, лекции, книги и все прочее. Мне кажется, это разумный путь.

Доктор глубоко вздохнул.

— Мистер Дженкинс, — медленно произнес он, — если бы я получил подобное предложение всего неделю назад, я бы прыгал от радости. Но сейчас я не могу его принять.

— Что же вам мешает?

— Я не могу бросить мальчиков. Теперь я в ответе перед ними.

— Ну, а если я скажу, что у Росса нет ни единого шанса получить мое разрешение?

— Это ничего не изменит, однако мне придется найти кого-нибудь другого, кто предложил бы мне такие заманчивые условия. От вас я ничего не могу принять. Не обессудьте, мистер Дженкинс, но это было бы похоже на подкуп: вы помогаете мне средствами, а я вывожу Росса из игры.

Мистер Дженкинс кивнул:

— Я опасался, что вы посмотрите на дело именно таким образом. Я уважаю вашу щепетильность, доктор. Давайте-ка я позову Росса и сам объявлю ему свое решение, — он пошел к двери.

— Минутку, мистер Дженкинс.

— Слушаю вас.

— Я хочу сказать, что тоже уважаю вашу щепетильность, и я уже говорил вам, что воплощение замысла сопряжено с немалой опасностью. Я готов рискнуть, но за вами остается право запретить сыну ставить на карту свою жизнь.

— Мне кажется, вы неправильно меня понимаете, доктор Каргрейвз. Конечно, это опасно, и мы обеспокоены. Но я отказываю не поэтому. Я никогда не пытался удержать Росса от чего бы то ни было только из-за опасности. Я разрешил ему учиться водить самолет и даже настоял на том, чтобы школа пригласила для этого двух военных инструкторов. Я никогда не удерживал

его от экспериментов со взрывчатыми веществами. Я отказываю совершенно по другой причине.

— Тогда позвольте узнать, в чем же она состоит?

— Осенью Росс поступает в технический колледж. Считаю, что получить образование гораздо важнее, чем быть первым человеком, высадившимся на Луне, — он снова отвернулся.

— Если вы боитесь пробелов в его образовании... то, быть может, вы сочтете меня достаточно грамотным преподавателем?

— Что? Ну... разумеется.

— Я берусь поднатаскать мальчиков в технических и физических науках. Я позабочусь о том, чтобы они не остались без профессионального образования.

Мистер Дженкинс на мгновение заколебался.

— Нет, доктор, не будем возвращаться к этому. Инженер без диплома ущербен. И Росс получит диплом, — он быстрым шагом подошел к двери и крикнул: — Росс!

— Иду, пап, — предмет их разговора поднялся по лестнице и вошел в комнату. Сначала он посмотрел на Каргрейвза, потом на отца и только затем — на свою мать, которая молча улыбнулась ему.

— Итак, какой мне вынесен приговор? — спросил он.

Его отец ответил без обиняков:

— Этой осенью ты идешь в колледж. Я не одобряю вашей затеи.

Росс сжал губы, но промолчал. Помедлив секунду, обратился к Каргрейвзу:

— А как насчет Арта и Морри?

— Арт летит со мной. Морри позвонил и сказал, что его отец неодобрительно отозвался о самой идее, но препятствий чинить не станет.

— Это что-нибудь меняет, пап?

— Боюсь, что нет. Мне не хотелось бы тебе запрещать, но если речь идет о серьезных решениях, то я несу за тебя ответственность до тех пор, пока тебе не исполнится двадцать один год. Ты должен получить диплом.

— Но... но папа! Посуди сам, ведь диплом — это лишь бумажка! Если полет удастся, я буду достаточно

знаменит, чтобы получить любую работу, какую только захочу. А если мы погибнем, никакой диплом мне не понадобится.

Мистер Дженкинс покачал головой.

— Росс, я принял решение.

Каргрейвз заметил, что юноша сдерживает слезы. От этого он стал выглядеть старше. Когда Росс снова заговорил, голос его дрожал.

— Папа...

— Да, Росс?

— Если я не могу лететь, то нельзя ли мне хотя бы помочь им с переоборудованием ракеты? Им не мешают лишние руки.

Каргрейвз посмотрел на него с новым интересом. Он понимал, чего стоил мальчику этот отказ.

Мистер Дженкинс удивился, но тем не менее сразу ответил:

— Разумеется, можно. Но лишь до тех пор, пока не поступишь в колледж.

— Ну, а если к этому времени не все будет готово? Мне не хочется бросать дело на полпути.

— Это делает тебе честь. Хорошо, в таком случае можешь работать над проектом до второго семестра. Это моя последняя уступка, — он повернулся к Каргрейвзу. — Я рассчитываю на то, что вы уделите некоторое время образованию. — И опять обратился к сыну: — На этом закончим, Росс. Когда тебе исполнится двадцать один год, можешь, если будет угодно, рисковать своей головой и лететь на космическом корабле. Откровенно говоря, мне кажется, что ты и тогда не опоздаешь стать первым человеком на Луне, — он поднялся.

— Альберт...

— Да, Марта? — он предупредительно обернулся к супруге.

Она отложила вязание и сказала:

— Позволь ему лететь, Альберт!

— Что? Что ты хочешь сказать?

— Позволь мальчику лететь на Луну. Да, сперва я была против, но доктор Каргрейвз убедил меня. Он прав, а я ошибалась. Нельзя удерживать птицу в гнезде. Я была против. Но разве можно ожидать иного от матери?

Нашу страну открыли люди, которые не боялись пуститься в дорогу. Прапрапрадедушка Росса пересек горы в повозке, запряженной мулами, и освоил те места, где мы теперь живем. Ему тогда было девятнадцать лет, а его жене — семнадцать. В нашей семейной хронике записано, что их родители побоялись отправиться в путь, — она вздрогнула и сломала одну из своих спиц. — Мне непереносима сама мысль о том, что наша кровь охладела, — миссис Дженкинс поднялась и быстрым шагом вышла из комнаты.

Плечи ее супруга поникли.

— Я даю тебе свое согласие, Росс, — тихо сказал он. — Я желаю вам удачи, доктор. А сейчас извините меня... — И он покинул комнату вслед за своей женой.

Глава 5

А ТРУДНОСТЕЙ ВСЕ БОЛЬШЕ

— Далеко еще? — крикнул Арт, пытаясь перекрыть голосом рев двигателя и вой ветра.

— Посмотри по карте! — ответил Росс и крутанул баранку, объезжая кролика. — Пятьдесят три мили по шестьдесят шестому шоссе до развилки и еще семь миль по проселку.

— По шоссе мы проехали около сорока миль, — ответил Арт, — так что развилка уже совсем скоро, — он окинул взглядом пустынный ландшафт Нью-Мексико. — Скажи на милость! Сколько свободной земли! Одни кактусы да койоты — и куда столько?

— А мне нравится, — ответил Росс. — Смотри, чтобы шляпа не слетела.

Прямая ровная дорога была пуста на много миль вперед, и Росс дал газу. Семьдесят миль... восемьдесят... девяносто... девяносто пять. Колеблющаяся стрелка спидометра приближалась к трехзначной цифре.

— Эй! Росс!

— В чем дело?

— Твоя машина того и гляди развалится. Хочешь нас утробить?

— Эх ты, котенок, — Росс улыбнулся, но все же сбавил обороты.

— И вовсе нет, — возразил Арт. — Если мы свернем себе шеи по пути к Луне, тогда мы — герои. Но погибнуть накануне старта — чистая глупость.

— Хорошо, хорошо... Это та самая развилка?

Вправо, теряясь в пустыне, сворачивала пыльная грунтовая дорога. Проехав по ней около четверти мили, автомобиль затормозил у преграждавших путь стальных ворот. По обе стороны тянулся внушительный забор, увитый колючей проволокой. Табличка на воротах гласила:

**ОПАСНО! НЕОБЕЗВРЕЖЕННЫЕ МИНЫ
ДАЛЬШЕ ВЫ ИДЕТЕ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК
НИЧЕГО НЕ КАСАЙТЕСЬ ОБО ВСЕХ ПОДОЗРИ-
ТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТАХ СООБЩИТЕ ВЛАСТЯМ**

— То, что надо, — сказал Росс. — Ключи у тебя?

За забором располагался заброшенный военный полигон. Его площадь составляла более восьми миллионов акров. Разумеется, саперы могли бы очистить эту зону, но правительство не пожелало расходовать деньги ради приведения в порядок куска пустыни. Однако эта территория оказалась идеальным местом для воплощения замыслов Каргрейвза: просторная площадка, трудясь на которой можно было не волноваться насчет всякого рода любопытствующих. К тому же за нее не пришлось платить аренду: Ассоциация ученых-ядерщиков предоставила ее Каргрейвзу бесплатно.

Арт протянул Россу связку ключей. Тот перепробовал их все, но ни один не подошел.

— Ты дал мне не те ключи, Арт... хотя нет. Это те самые, которые прислал нам док.

— И что же делать?

— Попробуем сбить замок.

— Подожди. Такой замок не собьешь. Может быть, перелезем?

— И перетащим оборудование? Не говори глупостей.

Замедляя ход, по пустынной дороге к воротам катил автомобиль. Он остановился, и из окошка показалась голова мужчины в военной фуражке.

— Привет!

— Доброе утро! — ответил Арт.

— Что вы здесь делаете, ребята?

— Пытаемся попасть внутрь.

— Вы что, не видите табличку? Впрочем, минутку...

Нет ли среди вас некоего Дженкинса?

— Росс Дженкинс — это он. А я — Арт Мюллер.

— Рад познакомиться. Я — здешний управляющий, меня зовут Бьюченен. Так уж и быть, я впущу вас, хотя не уверен, что это стоит делать.

— А что такое? — Росс заговорил резким тоном, почувствовав, что его принимают за мальчишку.

— Ну... тут на днях произошел неприятный инцидент. Поэтому мы сменили замок.

— Несчастный случай?

— Кто-то проник туда, не повредив забор. В четверти мили отсюда он напоролся на мину.

— И... погиб?

— Да. Теперь он мертвее гробового гвоздя. Его обнаружили летчики. Ладно, впущу вас: у меня копия выданного вам разрешения. Только прошу вас не делать глупостей. Держитесь в окрестностях укрытия или на дороге, идущей вдоль линии электропередачи.

— Постараемся быть осторожными, — кивнул Росс.

— Надеюсь. Слушайте, парни, чего вам там понадобилось? Хотите поохотиться на кроликов?

— Точно. Ловим гигантского кролика ростом восемь футов.

— Да? Ну что ж, не выпускайте бедное животное за пределы зоны безопасности, иначе из него получится неплохой гамбургер.

— Мы будем осторожны, — повторил Росс. — А кто был тот человек, с которым произошло несчастье? И что он делал на полигоне?

— Ни то ни другое не известно. Койоты оставили от него только скелет. Установить личность невозможно. Внутри даже красть-то нечего: он взлетел на воздух еще до прибытия вашего груза.

— О! Наши ящики уже прибыли?

— Да. Контейнеры составили у ворот. Тот человек был не из местных, — продолжал управляющий. — Я понял это, рассмотрев следы его обуви. Может быть, приехал на машине... Но мы не нашли поблизости никакой машины. Странная история.

— Странная, — согласился Росс. — Но как бы то ни было, он погиб и, быть может, на этом все и кончится.

— Верно. А вот и ваши ключи. Да, кстати, — он сунул руку в карман. — Чуть не забыл. Вам телеграмма.

— Нам? Спасибо!

— Не забывайте заглядывать в почтовый ящик у дороги, — сказал Бьюченен. — Это же чистая случайность, что я захватил ее.

— В следующий раз так и сделаем, — рассеянно ответил Росс, вскрывая конверт.

— Пока, ребята! — Бьюченен завел двигатель.

— До свидания. Спасибо вам.

— И что там, в телеграмме? — нетерпеливо спросил Арт.

— Читай сам.

**СЕГОДНЯ СДАЕМ ЭКЗАМЕНЫ ТЧК ОТБЫВАЕМ
СУББОТУ ТЧК ПОЗАБОТЬТЕСЬ ДУХОВИЧ
ОРКЕСТРЕ ТАНЦОВЩИЦАХ ДВУХ УПИТАННЫХ
БАРАШКАХ ТЧК ОДНОГО ЗАЖАРЬТЕ
НАПОЛОВИНУ ВТОРОГО ДО ПОЛНОЙ
ГОТОВНОСТИ ДОК МОРРИ**

Росс улыбнулся.

— Подумать только! Наш старина Морри — дипломированный пилот! Готов спорить, его шляпа не налезет на раздувшуюся от знаний голову!

— Это верно. Черт! Нам всем следовало бы закончить эти курсы!

— Успокойся. Не мелочись. Нам пришлось бы потратить на них половину лета.

Впрочем, Арт и сам удивился вспыхнувшему в нем чувству зависти. В глубине души он ревниво отнесся к тому, что Морри отправился в Спатц-Филд в обществе боготворимого им дяди. Все трое ребят занимались на самолетах-спарках, но Морри пошел дальше и получил особый сертификат. По мнению Арта, он и сам в другое время смог бы в короткий срок — ведь он уже умел водить самолет — получить такой же диплом. У Каргрейвза были слегка запылившиеся права летчика, полученные пятнадцать лет назад. Он хотел лишь повысить квалификацию и получить права пилота ракеты. Когда

он увидел, что Морри годен для этого, доктору показалось естественным взять его с собой.

Поэтому большая часть черновой работы легла на плечи Арта и Росса. Они поехали в пустыню готовить лагерь.

Предупреждение держаться линии электропередачи оказалось весьма уместным: юноши увидели, что полигон изрыт воронками от взрывов и исчерчен вдоль и поперек следами, что оставили гусеницы транспортеров, танков и тягачей. Укрытие располагалось на огороженном участке около четверти мили шириной и мили длиной. В нескольких сотнях ярдов от укрытия зияла огромная воронка, похожая на зеленоватое озеро, покрытое барашками, — остекленевший кратер, оставшийся после испытаний ядерной бомбы в 1951 году.

Друзья глазели на воронку, позабыв об укрытии и об уложенных неподалеку контейнерах. Подогнав машину поближе, Росс застыл в удивлении.

Арт присвистнул, с уважением осматривая кратер.

— Представляешь, что там творилось? — произнес Росс сдавленным голосом.

— Не хотел бы я оказаться в этом самом месте... да и поблизости тоже. Представь себе город, на который свалилась такая штука.

Росс покачал головой.

— Лучше не применять такое — ну, разве что в мирных целях. Если такие бомбы станут разбрасывать налево и направо, это будет означать неминуемый конец цивилизации.

— Думаю, такое не повторится, — ответил Арт. — Войны закончились навсегда. Все это понимают.

— Мы-то понимаем. Но иногда я спрашиваю себя: все ли это понимают?

— Пусть им будет от этого хуже.

— Да, но остальным вряд ли полегчает.

Арт вышел из автомобиля.

— Как ты думаешь, мы сможем туда спуститься?

— Не сейчас. Потом попробуем.

— Думаю, что ни в кратере, ни вокруг него мин не осталось. Ведь был такой взрыв!

— Не спеши. Вспомни нашего приятеля, которого доели койоты. Вполне могли уцелеть мины, которых не

коснулась вспышка, ведь взрыв был произведен на высоте пять миль.

— Правда? А я думал...

— Ты думал об испытаниях в Чихуахуа. Вот там был наземный взрыв. Поехали. Нам нужно приниматься за работу, — он нажал на стартер.

Убежище представляло собой сборную конструкцию, установленную на полигоне после ядерных испытаний. Некоторое время здесь обитали дозиметристы, а после их отъезда помещение пустовало.

— Ну и грязища! — негодовал Арт. — Нужно было захватить палатку.

— Ничего особенного. Наведем порядок, и все станет хорошо. У нас есть керосин?

— Целых две бочки.

— Прекрасно. Я попытаюсь растопить печь. Разогрею завтрак.

Убежище оказалось достаточно удобным, хоть и изрядно захламленным. Тут был даже колодец: вода оказалась хорошей, несмотря на необычный привкус. Были грубо сколоченные нары, не хватало лишь постельных принадлежностей. Кухней служил отгороженный закуток, столовой — сосновый стол, однако на стенах были укреплены полки и крюки для посуды. И была крыша над головой. Печь, хотя и коптила, работала сносно. Росс сварил яйца, кофе, намазал маслом хлеб. Завтрак дополнили картофельные чипсы и печеные яблоки.

Весь день юноши наводили порядок, разгружали машину и распаковывали самое необходимое. Между делом они проглотили ужин, приготовленный на сей раз Артом, а ближе к ночи с удовольствием забрались в спальные мешки. Росс захрапел почти сразу, но Арту не спалось. Он прислушивался к отдаленному вою койотов и раздумывал, как бы половчее заткнуть уши. Потом он уснул, а когда проснулся, было уже утро.

— Росс! Подъем!

— Мм? Что такое?

— Вставай. Уже рассвело.

— Я не выспался, — простонал Росс и рухнул обратно на постель. — Полагаю, завтрак мне подадут в кровать.

— Ага, тебе и твоим шести братьям в придачу! Вставай же! Нам надо приготовить место для мастерской.

— Эх! — Росс с видимым сожалением расстался с мешком. — Прекрасная погодка нынче! Я, пожалуй, приму солнечную ванну.

— Приготовь лучше завтрак, а я тем временем составляю план работ.

— Давай-давай. Начальничек!

Мастерскую предстояло собрать из металлических листов и стоек. Ребята замесили цемент на песке, взятом тут же, и получили достаточно прочный для временного сооружения бетон. Прежде чем заливать раствором крепежные болты, пришлось распаковать инструменты и сделать разметку. Росс наблюдал за Артом, заглублявшим анкера в жидкий бетон.

— Ты уверен, что мы ничего не забыли?

— Конечно. Шлифовальный станок... фрезерный... токарный, — Арт расставлял в списке галочки. — Сверлильный, две пилы...

У них были станки, необходимые для проведения всех работ.

Вскоре ребята установили крепления стен мастерской. Мальчики долго выверяли их на соответствие крепежным отверстиям листов. До наступления темноты детали конструкции были разложены по местам, и оставалось только собрать коробку.

— Как ты думаешь, проводка выдержит такую нагрузку? — озабоченно спросил Арт, когда они закончили работу.

Росс пожал плечами.

— Мы можем не запускать все станки одновременно. Давай не будем об этом думать, иначе мы никогда не попадем на Луну. Нужно еще вымыть посуду для ужина.

К субботе они установили и испытали станки, и Арту пришлось перемотать обмотку одного из электродвигателей. Все оборудование было разложено по полкам, и помещение приняло божеский вид. Открывая ящики, они обнаружили, что некоторые повреждены. К сча-

стью, груз, по-видимому, не пострадал. Росс не был склонен придавать этому значение, но Арт встревожился. В поврежденных ящиках было уложено хрупкое электро- и радиооборудование.

— Не волнуйся, — посоветовал Росс. — Не забудь только сказать доку. Ящики были застрахованы.

— Застрахованы на время перевозки, — ответил Арт. — Кстати, как ты думаешь, когда они прибыли сюда?

— Трудно сказать... Если их везли поездом, то во вторник или в среду. Если они летели до Альбукерке по воздуху, а потом ехали на грузовиках, то... прибыли бы завтра. Что там такое? — Росс посмотрел в небо.

— Где? — спросил Арт.

— Вон там. Правее — видишь? Ракета!

— Действительно. Наверное, военная: мы находимся вдали от торговых путей. Смотри-ка, они включили носовые дюзы!

— Неужели приземляются? Хотят сесть здесь?

— Ты так думаешь?

— Не знаю. Я думаю... да, они летят сюда! Не может же это... — его слова потонули в громе тормозящей ракеты, напоминающем грохот поезда-экспреса. Перед тем как включить тормозные двигатели, ракета шла на сверхзвуковой скорости, так что услышать ее раньше было бы попросту невозможно.

Пилот совершил мягкую посадку и последними вспышками верхних и нижних дюз опустил ракету в полусотне ярдов от ребят.

Они побежали к ракете.

В гладком сером корпусе корабля, над плоскостями стабилизаторов, распахнулся люк, и оттуда выпрыгнул высокий человек, а сразу за ним — еще один, пониже.

— Док! Док! Морри!

— Эгей! — крикнул Каргрейвз. — Вот и мы! Завтрак готов?

Морри расправил плечи, едва не лопаюсь от возбуждения.

— Это я совершил посадку, — заявил он.

— Ты?! — недоверчиво переспросил Арт.

— Конечно. Почему бы и нет? У меня теперь есть права. Хочешь взглянуть?

— «Выдано пилоту Абрамсу», — прочитал Росс. — Но почему ты не спланировал? Ты чуть не посадил ракету на дюзы.

— Я лишь тренировался перед посадкой на Луну.

— Тренировался, говоришь? Нет уж, пусть док обещает, что посадку совершит он, иначе я не полечу.

Вмешался Каргрейвз:

— Тише, тише. Ни я, ни Морри не умеем сажать ракету в безвоздушном пространстве.

Морри смутился. Росс спросил:

— Так кто же...

— Сажать ракету будет Арт.

Арт проглотил застрявший в горле комок.

— Кто? Я?

— Некоторым образом — да. Садиться будем по радару. При посадке вручную возможен сильный удар, и если что-нибудь выйдет из строя, нам не на чем будет вернуться домой. Арт включит систему управления киберпилота. Но и Морри должен быть наготове, — и, бросив взгляд на лицо юного пилота, доктор продолжал: — У Морри реакция гораздо лучше моей. Я уже немолод. Так что же с завтраком? Я хочу побыстрее переодеться и заняться делом.

На Морри был летный комбинезон, а на Каргрейвзе — его лучший дорожный костюм.

— Что это за одежда? — спросил Арт, разглядывая дядю. — Непохоже, что вы готовились к ракетному перелету. Кстати, мне казалось, будто мы собирались перевезти ракету по железной дороге?

— Планы изменились. Из Вашингтона я отправился прямо на ракетодром, и Морри уже ждал меня там. Корабль был готов, так что мы решили перегнать его сами и сэкономили на этом около пятисот долларов.

— А как дела в Вашингтоне? — озабоченно спросил Росс.

— Все в порядке. Нам очень помогла юридическая служба Ассоциации. Вам нужно подписать лишь несколько бумаг. Кстати, что это мы разболтались? Давайте завтракать, а после того мы с Россом займемся защитой.

Росс и доктор провели три дня, занимаясь грязной и тяжелой работой: они разбирали топливную систему

кормовых дюз. Носовые и тормозные двигатели, которые использовались только при маневрах, было решено оставить на месте. Они работали на смеси анилина и азотной кислоты; Каргрейвз пожелал сохранить их, чтобы избежать трудностей, связанных со сложностью включения и выключения тяги атомных двигателей.

Работая, они делились друг с другом новостями. Росс рассказал доктору о неизвестном, подорвавшемся на mine. Когда он заговорил о сломанных ящиках, Каргрейвз отложил в сторону инструменты и вытер пот со лба.

— Ну-ка, расскажи подробнее, — попросил он.

— Ничего особенного не произошло. Содержимое ящиков не пострадало.

— Ты упоминал о погибшем. Думаешь, это он рылся в наших вещах?

— Ну... мне тоже так казалось, но потом я вспомнил, что здешний управляющий говорил, будто бы к моменту прибытия груза койоты объели того парня до костей.

Каргрейвз с озабоченным видом поднялся на ноги.

— Куда вы, док?

— Продолжай работу, — рассеянно ответил ученый. — А я пойду поговорить с Артом.

Росс хотел что-то сказать, но передумал и взялся за инструменты.

— Арт, — сказал Каргрейвз. — Что вы собираетесь делать сейчас — ты и Морри?

— Готовим астронавигационные приборы. Лично я проверяю схему интегратора ускорений. Похоже, гироскоп потерял центровку.

— Если ты внимательно прочтешь инструкцию, то поймешь, что так и должно быть. Впрочем, об этом потом. Ты не мог бы установить на площадке электронную сигнализацию?

— Конечно, была бы только аппаратура.

— Рассуждать о том, что было бы, «если бы», бесполезно. Меня интересует, нельзя ли что-нибудь сделать при помощи уже имеющегося оборудования?

— Минутку, дядя Дон, — возразил юный конструктор. — Скажите мне, чего вы хотите, и я отвечу, смогу ли я это устроить.

— Извини. Я хотел бы окружить сигнализацией ракету и убежище. Это возможно?

Арт почесал затылок.

— Надо подумать. Для этого потребуются фотоэлементы и ультрафиолетовая лампа. Остальные детали у меня есть. В моем фотоаппарате установлены два фотометра. Из них получатся хорошие датчики, но как быть с ультрафиолетом — ума не приложу. Если бы у нас были лампы дневного света, можно было бы отфильтровать их излучение. А если свет электрической дуги?.. Ладно, что-нибудь придумаем.

Каргрейвз покачал головой.

— Нет, это ненадежно. За дугой нужно непрерывно следить, так что кому-то придется всю ночь дежурить подле установки. Что еще ты можешь предложить?

— Ну, можно взять термпары и выделить инфракрасное излучение из света прожекторных элементов.

— Сколько времени это займет? Необходимо подготовить все до наступления ночи. На худой конец можно натянуть поверх забора проволоку и пустить по ней ток.

— Ну что ж, так и сделаем, — ответил Арт. — О! У меня идея!

— Что такое?

— Вместо того чтобы подводить к проволоке высокое напряжение и надеяться на то, что злоумышленника шарахнет током, я лучше приложу один-два вольта, а концы провода подключу к мощной акустической системе. Можно сделать так, что при прикосновении к забору из динамика раздастся что-то вроде собачьего лая. Годится?

— Это уже лучше. Сигнализация нужна немедленно. Бери Морри и тут же приступай к работе. — Каргрейвз вернулся к своему занятию, но не мог сосредоточиться. Доктора вновь одолели сомнения, которые зародились еще во время поиска злополучного осколка. Его ясный ум, привыкший к порядку, противился всему загадочному и непонятному.

Через час он пошел посмотреть, как движутся дела у Арта. Чтобы выйти наружу, ему пришлось пройти через рубку управления, в которой он застал Морри. Каргрейвз нахмурил брови.

— Слушай, парень, — сказал он, — а я думал, что ты помогаешь Арту.

— Ах, это? — произнес Морри с отрешенным выражением на лице. — Да, он что-то говорил, но я занят, — он указал на вскрытый бортовой компьютер.

— Не говорил ли он тебе, что ты должен ему помочь по моему указанию?

— Да, но ему не нужна была моя помощь. С этим делом он легко справится в одиночку.

Каргрейвз присел.

— Слушай, Морри, — медленно сказал он, — думаю, нам стоит всегда говорить начистоту. Ты когда-нибудь задумывался над тем, кто будет заместителем начальника экспедиции?

Морри в ответ промолчал. Каргрейвз продолжил:

— Ты, конечно. Ты — наш второй пилот. Если со мной что-нибудь случится, оставшиеся члены экипажа должны будут подчиняться тебе. Ты это понимаешь?

— Арту это не понравится, — тихо проговорил Морри.

— Я его отчасти понимаю. Он немножко сторонится нас, но его нельзя судить слишком строго. Он разочарован тем, что права пилота достались не ему.

— Разве я виноват?

— Нет, но ты явился причиной его недовольства. Между тем ты должен проявить себя так, чтобы те двое при необходимости подчинялись тебе с охотой. Нам предстоит тяжелое испытание, и наше путешествие не прогулка. Быть может, наши жизни будут зависеть от того, насколько быстро и беспрекословно будут выполняться распоряжения командира. Лично я предпочел бы видеть своим заместителем Росса — он гораздо вдумчивее тебя. Но в силу обстоятельств этот пост достался тебе, и ты должен научиться ему соответствовать. Иначе наш замысел обречен на провал.

— Да нет же, у нас все получится! Мы не можем отказаться от нашего дела.

— Верно. Трудность заключается в том, — продолжал Каргрейвз, — что молодым американцам позволяют жить свободной и беззаботной жизнью. И это прекрасно. Мне нравится, что мы можем себе это позволить. Но приходит время, и о легкомыслии приходится за-

быть. Человеку приходится учиться подчиняться приказам и выполнять их точно и беспрекословно. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Вы хотите, чтобы я вернулся в мастерскую и помог Арту.

— Точно. — Каргрейвз подтолкнул Морри к выходу и хлопнул его по спине. — А теперь иди!

Морри остановился в дверях и, обернувшись через плечо, отчеканил:

— Не беспокойтесь, док. Я понял, как мне следует поступать.

— Отлично!

Каргрейвз решил, что ему придется поговорить и с Артом тоже.

Глава 6

ТРЕВОГА В ПУСТЫНЕ

На следующий день прибыли скафандры, и работу, к неудовольствию Каргрейвза, пришлось приостановить. Однако юноши были вне себя от радости, увидев зримое доказательство того, что они готовятся прогуляться по Луне, и доктор скрепя сердце решил позволить им опробовать костюмы и привыкнуть к ним.

Скафандры представляли собой усовершенствованные стратосферные костюмы, разработанные для ВВС. Они напоминали водолазные, но не были такими неуклюжими. Шлемы имели форму шара и были изготовлены из плексигласа, а для прочности покрыты слоем поливинила. Внутренний обогрев отсутствовал. Вопреки распространенному заблуждению вакуум открытого космоса ни горяч, ни холоден: у него вообще нет температуры. Находясь на поверхности лишенной атмосферы Луны, человек принимает тепло только посредством падающего на него излучения либо через подошвы, соприкасающиеся с почвой. Поскольку температура Луны колеблется от абсолютного нуля до невероятной жары, Каргрейвз снабдил подошвы асбестовыми прокладками и закрепил полоски асбеста на тыльной стороне скафандров ниже пояса, так что теперь путешественни-

ки могли сидеть, не боясь замерзнуть или поджариться. Экипировку дополняли перчатки из того же материала. Скафандры были так хорошо изолированы и герметичны, что тепло, выделяемое телом, с лихвой перекрывало естественную утечку энергии. Каргрейвз жалел о том, что нельзя установить термостатические регуляторы, но подобные усовершенствования пришлось оставить разведчикам и колонистам, которые высадутся на Луне в будущем.

К шлемам вели трубки, присоединенные к баллонам с кислородом. Баллоны были гораздо крупнее и тяжелее, чем аналогичное оборудование у летчиков. На Земле баллоны можно было поднять лишь с большим трудом, но на Луне, где сила тяжести вшестеро меньше, они покажутся совсем легкими.

Скафандры устаревших конструкций были очень жесткими, и каждое движение в них давалось с трудом. Примерив свой костюм, Каргрейвз отметил, что тот совсем не стесняет его, даже когда Росс накачал в скафандр воздух до трех атмосфер. Швы костюма надежно выдерживали нагрузку.

Доктор позволил мальчикам поэкспериментировать и дополнить тем самым лабораторные испытания, проведенные фирмой-изготовителем. Затем скафандры передали Арту, который должен был установить в них приборы для радиосвязи.

На следующий день все четверо занялись переоборудованием топливной системы. По расчетам доктора, в ближайшее время должно было прибыть ядерное топливо — торий, и к этому моменту нужно было собрать противорадиационный щит. Он состоял из слоев свинца, стали и органического пластика. Плиты располагались так, чтобы обеспечить максимальный экранирующий эффект и уберечь экипаж от альфа-, бета-, гамма-излучений и нейтронных потоков.

Из всех этих излучений наибольшей проникающей способностью обладают гамма-лучи, более всего похожие на обычные рентгеновские. Альфа-частицы представляют собой ядра гелия, бета-излучение состоит из обычных электронов, движущихся с чрезвычайно большой скоростью. Нейтроны — это электрически нейтральные частицы, их масса составляет большую часть

массы атомных ядер. Именно нейтроны инициируют взрыв ядерной бомбы.

Все эти излучения опасны для жизни и здоровья.

Было решено изолировать реактор только со стороны внутренних помещений ракеты, поскольку излучение в открытый космос не могло повредить экипажу. Морри посадил ракету на площадку боком к убежищу, и теперь требовалось развернуть корабль таким образом, чтобы сопла смотрели в другую сторону, а смертоносное излучение ториевого реактора было направлено к кратеру, оставшемуся после испытания бомбы. Туда же при испытательных запусках должен был отводиться выхлоп работающих двигателей.

Ракету разворачивали при помощи гидравлических домкратов и мышечных усилий, и всем пришлось изрядно попотеть. Процедура являла собой поразительный контраст легкости перемещения кораблей на ракетодромах, где для этой цели к услугам персонала имеются краны и подвижные лебедки. Звездолет удалось развернуть только к вечеру. По окончании работы Каргрейвз объявил, что завтра будет выходной день, и они совершили долгожданную экскурсию в кратер, оставшийся после взрыва бомбы.

Эту воронку так часто снимали и показывали в кино, что мальчики не ожидали от посещения каких-либо острых ощущений, тем более что они успели насмотреться на нее издалека. Однако от зрелища опустошения, безжизненности протянувшейся на мили остекленевшей корки у них по телу побежали мурашки. Каргрейвз шагал впереди со счетчиком Гейгера в руках. При помощи таких приборов в Канаде во время войны искали урановую руду. Профессор взял его главным образом для того, чтобы мальчики уяснили необходимость предельной и неусыпной осторожности при обращении с радиоактивными материалами. Каргрейвз, разумеется, не ожидал услышать в наушниках треск, который свидетельствовал бы об угрозе. Испытания проводились давно, так что мрачная воронка была не более опасна, чем мертвые улицы Хиросимы.

Однако вид прибора произвел на мальчиков именно то впечатление, на какое рассчитывал доктор. Теперь можно было приступить к лекции.

— Послушайте, парни, — сказал он им по возвращении. — Послезавтра привезут торий. С этого момента все шуточки в сторону. Торий опаснее любого яда. Вы должны помнить об этом постоянно.

— Еще бы! — сказал Арт. — Мы все знаем об этом.

— Вы знаете об этом чисто теоретически. А мне хотелось бы, чтобы это знание крепко-накрепко засело в ваших мозгах. Мы отметим незащищенную местность между дюзами и забором. Если ветер сдует с вас шляпу и она попадет в эту зону, то пусть она остается там и гниет, но вы ни в коем случае не должны забирать ее откуда.

На лице Росса появилось недоверчивое выражение.

— Минутку, док. Неужели кратковременное облучение может нанести существенный вред?

— Вероятно, нет, — согласился Каргрейвз. — Но при условии, что больше ты не облучался. Однако все мы будем постоянно получать определенную дозу, даже если установим защиту. Радиоактивное заражение дает аккумулирующий эффект, то есть доза постепенно накапливается. Поэтому если есть возможность избежать облучения, ею нужно непременно воспользоваться. Это повысит шансы, если вы схватите действительно большую дозу. Арт!

— Слушаю вас, сэр!

— С этой минуты ты — наш санитарный врач. Ты должен следить за тем, чтобы каждый из нас постоянно носил в кармане пленочный индикатор и — я повторяю, постоянно! — индивидуальный электроскоп. Я требую, чтобы ты проявлял пленки и проверял исправность электроскопов согласно инструкции по эксплуатации. Ты должен вести записи и по утрам в пятницу докладывать мне. А если произойдет что-нибудь особенное, то и чаще. Понял меня?

— Все ясно, док!

— Помимо этого, ты должен регулярно раз в неделю отсылать в город пробы крови каждого из нас.

— Может, мне самому научиться делать анализы? — предложил Арт.

— Оставь это профессионалам. У тебя достаточно забот с электронным оборудованием, ты должен посто-

янно поддерживать его в рабочем состоянии. И вот еще что, — Каргрейвз оглядел всех троих, желая убедиться, что его слушают внимательно. — Если пленки или анализы покажут, что кто-то из вас схватил лишнюю дозу, я буду вынужден отправить его домой для лечения. И не надейтесь, что вам удастся упросить меня не делать этого. Вы здесь поставлены в жесткие рамки — не мной, а законами природы. Если кто-то из вас проявит легкомыслие, он моментально выбывает из игры, и нам придется найти ему замену.

Юноши внимательно слушали.

— Док? — сказал Арт.

— Что?

— А если лишнюю дозу получите вы?

— Я? Надеюсь, этого не случится. Я уже научился бояться радиации. И тем не менее, — более серьезным тоном продолжал он, — ты будешь проверять меня так же, как и всякого другого. А теперь давайте ужинать. Арт и Морри будут дежурить ночью, а Росс — сразу после еды. Завтра мы с ним встанем в пять утра, так что придется лечь пораньше.

— Хорошо. А что вы будете делать завтра?

— Поедем в Альбукерке. Нужно кое-что купить, — ответил доктор, но объяснять подробнее не стал. Он уже жалел, что на полигоне не было оружия. Поначалу оно показалось ему никчемной дорогой игрушкой. Очень многие люди, прожившие в пустыне многие годы, так и не нашли иной мишени, кроме собственного виска, говорил Каргрейвз. Что же до путешествия, о котором они мечтали, то кого можно было надеяться подстрелить на Луне?

Однако следы непрошенных гостей, которые умудрялись, минуя ограждения, пролезать даже в запретную зону, начинали действовать доктору на нервы. Электронное устройство, установленное Артом, подвергалось еженощной проверке, и юноша даже спал в наушниках, подключенных к системе сигнализации; до сих пор она не срабатывала, но обманчивая тишина не успокаивала Каргрейвза.

В три часа ночи Арт потряс доктора за плечо.

— Док! Док! Проснитесь!

Каргрейвз зажмурился от яркого света, ударившего ему в глаза.

— Что? Что случилось?

— Один из динамиков сработал! Профессор моментально вскочил с кровати. Они с Артом склонились над громкоговорителем.

— Но я ничего не слышу.

— Звук был слабый, но различимый. Вот, слышите? Опять! — на сей раз из динамика послышался отчетливый звук. — Будить остальных?

— Ммм... да нет, пожалуй. Зачем ты включил свет?

— Честно говоря, я испугался, — признался Арт.

— Понятно, — Каргрейвз натянул брюки и обулся. — Теперь выключи-ка на десять секунд свет, а я вылезу в окно. Если через двадцать минут я не вернусь и ты услышишь что-нибудь тревожное, то буди остальных и поспеши мне на выручку. Но держитесь вместе, ни в коем случае не разделяйтесь, — он сунул в карман фонарик. — Ну, я пошел.

— Вам не следует идти одному.

— Мне кажется, мы уже договорились на такой случай.

— Да, но... ну ладно, — Арт встал возле выключателя.

Каргрейвз вылез в окно и, прежде чем свет зажегся вновь, успел, мягко ступая, обойти вокруг мастерской. Он затаился в тени и дождался, пока глаза не привыкли к темноте.

Стояла безлунная, по-пустынному черная ночь. На востоке сияло созвездие Орион. Через некоторое время доктор начал различать очертания кустов полыни, столбы ограды и контуры ракеты, лежавшей в сотне ярдов от него.

Замок на дверях мастерской был не тронут, а окна плотно закрыты. Доктор направился к ракете, стараясь как можно меньше шуметь.

Люк был полуоткрыт. Каргрейвз никак не мог припомнить, кто последним покидал ракету — он или Росс. Даже если это и был Росс, все равно маловероятно, что он забыл закрыть люк.

Приблизившись к ракете вплотную, доктор ощутил, как его тело покрывается мурашками. Он еще раз

пожалел, что так долго откладывал приобретение оружия. Пистолет сорок пятого калибра, несомненно, прибавил бы ему уверенности.

Каргрейвз распахнул люк, быстро пробрался внутрь и шагнул в сторону от проема, в котором его силуэт мог бы стать отличной мишенью. Он всматривался в темноту, прислушиваясь и пытаясь унять бешеный стук сердца. Убедившись в том, что вокруг царит тишина, достал фонарик и включил его, держа в вытянутой руке.

В рубке никого не было. Доктор облегченно вздохнул и пошел к двигательному отсеку. Никого. И, кажется, все цело.

Он покинул корабль, двигаясь так же осторожно, как и до сих пор. Плотно прикрыл люк. Затем обошел вокруг убежища и мастерской, пытаясь убедить себя в том, что на территории нет посторонних. Однако в слабом свете звезд на площадке могли укрыться человек пятьдесят — им стоило лишь припасть к земле и не шуметь.

Каргрейвз вернулся в убежище и свистнул Арту.

— Где вы пропадали? — укоризненно спросил тот. — Я уже собирался будить остальных и идти за вами. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Сигнализация молчала?

— Ни звука.

— Может быть, койот пробрался сквозь внешнее ограждение?

— А как он мог это сделать?

— Прокопал дыру под забором. Ведь здесь есть койоты. Мы же слышали, как они воют.

— По вою невозможно определить, далеко ли они находятся.

— Послушай старую пустынную крысу! Ладно, оставь свет и иди спать. Я подежурю. Все равно через час мне вставать. Лезь в мешок, — он присел на кусок трубы и задумался.

По дороге в Альбукерке у доктора не было времени вспоминать о событиях прошедшей ночи. Росс, как всегда, гнал машину с такой скоростью, что Каргрейвз думал лишь о бренности своего существования и о том, как бы не потерять свою шляпу. Однако благодаря

лихачеству Росса у них оказалась масса времени на покупки.

Каргрейвз приобрел по дешевке две списанные армейские винтовки Гаранда и полицейский карабин тридцать восьмого калибра. У него слюнки потекли, когда он рассматривал новейшее охотничье ружье с оптическим прицелом, но денег оставалось мало; еще пара таких непредусмотренных затрат или задержка старта — и их компания могла бы остаться на мели.

Он заказал для путешествия комплекты армейских пайков с рационами «Си» и «Кью». Пока клерк оформлял заказ, Росс потихоньку спросил:

— В большинстве фантастических романов пишут, что космические путешественники лишь глотают пилюли с питательными концентратами. Неужели так и будет в будущем, как вы думаете?

— Нет уж, меня увольте, — ответил Каргрейвз. — Пускай такие мальчишки, как вы, едят таблетки, если им очень хочется. А я предпочитаю пищу, в которую можно вонзить зубы.

— Здесь мы сделаем остановку, — сказал Росс.

Они зашли в питомник, где доктор купил три дюжины молодых корешков ревеня. Он планировал поддерживать кислородно-углекислотный баланс воздуха при помощи особой системы регенерации и надеялся обеспечить ее работу отчасти за счет растений. Можно было взять с собой достаточное для полета количество жидкого кислорода, но, располагая возможностью регенерировать воздух, они могли бы оставаться на Луне, пока не выйдет вся провизия.

Доктор приобрел также химические вещества, необходимые для выращивания растений на гидропонике. Покончив с делами, они купили себе по плитке шоколада и по гамбургеру и поспешили вернуться в лагерь.

Из мастерской им навстречу выбежали Морри и Арт.

— Привет, док! Здорово, Росс! Какие новости?

Росс показал им оружие. Арт пожелал немедленно опробовать винтовки, и Каргрейвз не возражал. Морри пошел было следом, но потом вернулся и сказал:

— Да, кстати, док! Сегодня к нам приезжал инспектор из МГА.

— Откуда?

— Из Министерства гражданской авиации. У него было письмо от вас.

— От меня? И что же было в этом письме?

— Там содержалось требование прислать инспектора, который проверил бы перестроенные агрегаты и признал ракету годной для полета. Я сказал ему, что она еще не готова.

— А что еще ты ему сказал? Говорил ли ты ему, что наша ракета на ядерной тяге?

— Нет, но он, похоже, знал об этом. О том, что мы собираемся отправиться в космос, он тоже знал. Кстати, почему, док? Мне казалось, что вы это держите в тайне.

— Мне тоже так казалось, — с досадой в голосе произнес Каргрейвз. — Так о чем ты ему рассказывал?

— А ни о чем. Я решил, что эти переговоры лучше оставить вам, так что попросту прикинулся дурачком. И Арт тоже. А что? — озабоченно спросил он. — Может быть, мы поступили неправильно? Я знал, что он прибыл из министерства, но решил, что ему лучше потолковать с вами. Может быть, мы его обидели?

— Жаль, что вы не довели его до припадка, — с яростью ответил Каргрейвз. — Никакой это не инспектор. Это был шпион.

— Как? Но почему... у него же было ваше письмо.

— Фальшивка. Готов поспорить, что он прятался где-нибудь за забором и дожидался, пока я не уеду. Вы оставляли его одного хоть на минуту?

— Нет. Хотя... да, один-единственный раз, примерно на пять минут. Мы вошли в корабль, и он послал меня за фонариком. Мне очень жаль, — Морри выглядел сильно расстроенным.

— Забудь об этом. Ты всего лишь проявил нормальную вежливость. Откуда тебе было знать, что он шпион? Интересно, как он преодолел забор? Он приехал на машине?

— Да. Я... А ворота были закрыты?

— Закрыты, но он, должно быть, задурил голову охраннику и тот впустил его.

Беседуя, они шли к кораблю. Каргрейвз быстро осмотрел ракету, но не обнаружил ничего подозрительного. Похоже, непрошенный гость не нашел того, что искал, — возможно, потому, что двигатели еще не были установлены.

Доктор все еще думал о запертых воротах.

— Я хочу поехать проверить ворота, — заявил он. — Скажи об этом мальчикам.

— Я сам отвезу вас.

Никто из юношей не доверял Каргрейвзу как водителю. Это было единственное, в чем они его превосходили. Стиль вождения доктора казался им на редкость старомодным.

— Ну ладно. Только побыстрее.

Морри побежал к Россу и Арту, которые все продолжали палить из винтовок по несчастным оловянными кастрюлям, и крикнул им что-то. Через несколько секунд он запустил двигатель и был готов двинуться вперед, когда рядом с ним на сиденье опустился Каргрейвз.

Замок оказался цел, но одно из звеньев цепи было перепилено и теперь вместо него красовался кусок проволок.

— Все ясно, — сказал Каргрейвз.

— Может быть, заменим цепь? — предложил Морри.

— А что толку? Он и ее перепилит.

Назад они возвращались подавленные. Каргрейвз хмурился, а Морри был раздосадован тем, что не разоблачил обманщика и не задержал его. Теперь, когда он вспоминал об этом, ему рисовалась куча драматических сюжетов схватки.

Каргрейвз велел ему молчать до конца обеда. И лишь когда миски были вымыты, рассказал остальным о том, что произошло. Арт и Росс восприняли его рассказ серьезно, но без видимого возбуждения.

— Так вот как все это выглядит, — сказал Росс. — Похоже, кому-то мы стали поперек горла.

— Вот гад, — тихо проговорил Арт. — Он мне еще тогда не понравился. Эх, попадись он на мушку моей винтовки!

— Может быть, тебе еще представится такая возможность, — ответил доктор. — В общем, ребята, я уже давно чуял тут неладное...

— Еще бы! Нам это стало понятно с того момента, когда вы велели устроить сигнализацию.

— Верно. Я не могу точно сказать, кому все это понадобилось. Если тут простое любопытство, то я могу это понять, раз уж сведения о предстоящем полете в космос попали в чужие руки. Однако этот кто-то очень уж настырен, и я не думаю, что его снедает пустое любопытство.

— Готов поспорить, что он хочет выкрасть ваш атомный двигатель, дядя Дон.

— Хотя это и весьма распространенный приключенческий сюжет, в такой краже мало смысла. Если кто-то узнал о моем двигателе, ему гораздо проще подать в комиссию заявку на лицензию и использовать патент по своему усмотрению.

— Может быть, он считает, что вы утаили от комиссии какие-либо секреты?

— В таком случае он может оставить залог и потребовать экспертизы, вместо того чтобы подделывать письма и взламывать замки. Если бы ему удалось доказать, что я мошенничаю, меня посадили бы в тюрьму.

— Нужно думать не о том, зачем он шпионит, — заявил Морри, — а о том, что мы можем сделать, чтобы остановить его. Мне кажется, стоит наладить ночные дежурства, — он посмотрел на винтовки.

— Нет, — возразил Каргрейвз. — Сигнализация, разработанная Артом, лучше всякой охраны. Ночью здесь ничего не видно, я сам в этом убедился.

— Скажите, — вмешался Арт, — а что если я установлю на крыше убежища навигационный радар? Сканируя поверхность площадки, мы могли бы видеть все, что на ней происходит.

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Мне бы не хотелось рисковать оборудованием. Радар гораздо больше пригодится нам при посадке на Луну, чем при выслеживании шпионов.

— Но это совершенно не повредит радару!

— И все же я уверен, — настаивал Морри, — что лучшим средством был бы хороший заряд свинца!

— А еще лучше, — подхватил Арт, — надеть на ушики со шнуром длиной метров в триста, и я берусь

при помощи радара навести вас на шпиона даже в кромешной тьме.

— Звучит здорово, — согласился Морри.

— Не увлекайтесь, ребята, — успокоил их доктор. — Мы не на Диком Западе. Если вы думаете, что можно пристрелить человека лишь за то, что он перелез через забор, то очень скоро увидите, что у суда на эти вещи совершенно другая точка зрения. Вы, похоже, начитались комиксов.

— У меня вообще нет желания хвататься за винтовку, — сердито возразил Арт. — По крайней мере, слишком часто, — добавил он.

— Если нам нельзя стрелять, то зачем мы купили оружие? — допытывался Росс.

— Хороший вопрос. Стрелять можно, но только в целях самообороны; однако до тех пор, пока здесь не появилась банда озверевших людей с кровожадными взглядами и пальцами на спусковых крючках, я запрю винтовки в мастерской. Они здесь для того, чтобы пугать непрошенных гостей. Вы можете стрелять, но до тех пор, пока они не откроют по вам огонь, стреляйте только в воздух.

— Хорошо.

— Согласен.

— Пусть только попробуют стрелять!

— Есть еще какие-нибудь предложения?

— Только одно, — ответил Арт. — А вдруг наш приятель обрежет электропроводку? Мы целиком зависим от нее — свет, радио, даже система сигнализации. Стоит нам лечь спать, и он сможет отключить энергию и спокойно разгуливать здесь, а мы даже знать о нем не будем.

Каргрейвз кивнул.

— Да, я должен был это предусмотреть, — он немного подумал. — Давайте-ка займемся резервной линией и подключим сигнализацию к ракетным аккумуляторам. А завтра проведем запасную линию освещения. — Он поднялся на ноги. — Пошли, Арт. Остальные пусть садятся за учебники. Уже пора заниматься.

— Заниматься? — запротестовал Росс. — Мне никакая наука не полезет в голову, особенно ночью!

— А ты запихивай через силу, — доктор был неумолим. — Были люди, которые умудрялись писать книги в ожидании виселицы.

Ночь прошла спокойно. Рано утром Росс и доктор отправились к ракете, оставив Морри и Арта подсоединять к автомобильной батарее линию освещения. Каргрейвз хотел закончить все приготовления до прибытия тория. Забравшись в корабль, они с жадностью принялись за работу. Доктор начал раскладывать инструменты, а Росс, фальшиво насвистывая какую-то мелодию, протиснулся к щиту.

Каргрейвз поднял голову и увидел ослепительно-яркую вспышку, а потом ударившая в лицо взрывная волна швырнула его на борт корабля.

Глава 7

«НАС НИЧТО НЕ ОСТАНОВИТ!»

Арт тряс его за плечо.

— Дядя! — умолял он. — Очнитесь! Вы ранены?

— Росс... — невнятно прошептал Каргрейвз.

— Это я, Арт!

— А Росс — что с ним? Он жив?

— Не знаю. С ним Морри.

— Пойди и узнай.

— Но вы...

— Я же говорю, пойди и посмотри... — Каргрейвз вновь впал в забытие.

Когда он снова пришел в себя, то вновь увидел над собой племянника.

— Дядя, — сказал мальчик, — торий уже привезли. Что нам делать?

Торий... Торий? Голова его раскалывалась на части, рассудок отказывался воспринимать слова Арта.

— Сейчас... я приду... А что с Россом? Он жив?

— Жив.

— Сильно ранен?

— Кажется, досталось глазам. Его даже не поцарапало, но он ничего не видит. Так что делать с торием, дядя?

— К черту торий! Пусть увозят обратно.

— Что?

Каргрейвз попытался встать, но тут же понял, что слишком слаб. Он уронил голову на грудь и попробовал собраться с мыслями, унять царившую в мозгу сумятицу.

— Не валяй дурака, Арт, — еле слышно пробормотал он. — Торий нам больше не понадобится. Путешествие закончено, мой замысел был сплошным недо-разумением. Отошли эту отраву назад. — Все плыло перед его глазами, и он зажмурился. — Росс...

Он очнулся от прикосновения чьих-то рук. Арт и Морри осторожно, но настойчиво ощупывали его тело.

— Спокойно, док, — послышался голос Морри. — Ну, — юноша нахмурил брови, — с Россом, кажется, все в порядке, за исключением глаз. Но он говорит, что чувствует себя нормально.

— Он ослеп?

— В общем, он ничего не видит.

— Его нужно срочно отвезти в больницу. — Каргрейвз уселся и попытался встать на ноги. — Ох! — простонал он и вновь опустился на пол.

— Нога, — догадался Арт.

— Давай-ка посмотрим. Сидите спокойно, док. — Мальчики осторожно сняли ботинок с левой ноги и стянули со ступни носок. Морри внимательно осмотрел ногу.

— Что думаешь, Арт?

— Нет ни вывиха, ни перелома, — ответил Арт, изучив ступню. — Надо сделать рентген.

— Где Росс? Его следует отвезти в больницу... — настаивал Каргрейвз.

— Конечно, конечно, — согласился Морри, — и вас вместе с ним. Мы уже перенесли Росса в помещение.

— Я хочу на него посмотреть.

— Вставайте на ноги. Секундочку, я только подгоню машину.

Доктор проковылял к люку, опираясь на здоровую ногу и плечо Арта. Спускаться на землю было очень больно, и, добравшись до машины, он с огромным облегчением рухнул на сиденье.

— Кто там? — спросил Росс, когда доктор, поддерживаемый с обеих сторон ребятами, вошел в комнату.

— Это мы, — ответил Арт.

Каргрейвз увидел Росса — тот лежал на топчане с повязкой на глазах — и проковылял к мальчику.

— Как ты, парень? — обеспокоенно спросил он.

— А, это вы, док. Все в порядке. Я могу выдержать и не такое. А вы как себя чувствуете?

— Нормально. Что у тебя с глазами?

— Ну... честно говоря, неважно. Я видел только пурпурные и зеленые вспышки. — Он старался говорить спокойно и даже весело, но на его шее часто пульсировала жилка. Каргрейвз потянулся было к повязке, однако Морри перехватил его руку.

— Оставьте повязку в покое, док, — жестко сказал он. — Там нечего смотреть. Подождите, пока мы не доставим его в больницу.

— Но... хорошо, хорошо. Пусть остается.

— Мы только ждали, чтобы вы пришли в себя. Арт отвезет вас в город.

— Что вы собираетесь делать дальше?

— Лично я, — заявил Морри, — собираюсь засесть на крыше с запасом бутербродов и патронов. Когда вернетесь, найдете меня там.

— Однако... — начал было Каргрейвз, но пожал плечами и махнул рукой.

Когда они вернулись, Морри спустился вниз и помог Каргрейвзу войти в помещение; вслед за ним Арт ввел в убежище Росса. Глаза юноши были забинтованы, а из кармана куртки торчали темные очки.

— Как дела? — спросил Морри, пристально разглядывая товарища.

— Слишком рано говорить что-либо определенное, — устало произнес доктор, опускаясь в кресло. — Видимых повреждений нет, но, кажется, парализован зрительный нерв.

Морри прищелкнул языком, но ничего не сказал. Росс нащупал стул и уселся на него.

— Успокойся, — сказал он Морри. — Все будет в порядке. Это что-то вроде шока от яркой вспышки.

Доктор мне все растолковал. Порой такое длится до трех месяцев, но потом все проходит.

Каргрейвз закусил губу. Врач рассказал ему гораздо больше, чем Россу. «Такое» проходило не всегда: порой слепота оставалась на всю жизнь.

— А вы как, доктор?

— Легкий вывих и ушиб спины. Но меня уже подлечили.

— И все?

— Еще нам обоим сделали противостолбнячный укол, но так, на всякий случай.

— Ну и славно, — с облегчением заявил Морри. — Мне кажется, что мы очень скоро сможем возобновить работу.

— Нет, — ответил Каргрейвз. — С этим все кончено. Я пытался вразумить твоих приятелей, пока мы ехали из больницы, но они не желали слушать. Так вот. Наша деятельность прекращается, и клуб закрывается.

Ни один из мальчиков не проронил ни слова. Доктор продолжал, повысив голос:

— Полет на Луну отменяется, разве вам не ясно?

Морри посмотрел на него и невозмутимо спросил:

— Вы сказали «клуб закрывается». Хотите сказать, что у вас больше нет денег?

— Да, деньги у меня кончились, но дело в другом. Я хотел сказать, что...

— У меня есть несколько облигаций, — произнес Росс, качнув забинтованной головой.

— Не в том дело, — мягко ответил Каргрейвз. — Я весьма признателен тебе за предложение, не думай, что я его не оценил. Я вовсе не отказываюсь от своих замыслов. Но мне открыли глаза. Я делал все неправильно — неправильно с самого начала. Моя затея была чистым безумием. Я позволил своим чувствам взять верх над разумом. Как я мог втянуть в эту авантюру вас, детей? Твой отец был прав. Теперь я должен поразмыслить над тем, как мне все исправить.

Росс протестующе замотал головой. Морри взглянул на Арта и спросил:

— Что скажешь, медик?

Арт собрался было ответить, но передумал, подошел к аптечке и вытащил оттуда градусник. Вернувшись назад, он попросил:

— Откройте-ка рот, дядя!

Каргрейвз принялся возражать, но Арт ловко сунул ему между зубов термометр.

— Сидите на месте и не разговаривайте, — и он засек время по наручным часам.

— Что такое? Я...

— Закройте рот, больной!

Рассерженный Каргрейвз тем не менее подчинился. Пока измерялась температура, все хранили молчание.

— Что там? — спросил Морри.

— Тридцать семь и восемь.

— Дай-ка я сам посмотрю, — потребовал доктор, но Арт отнял у него градусник. Каргрейвз встал, тяжело опираясь на поврежденную ногу и, охнув, вновь опустился в кресло. Арт встряхнул градусник и спрятал его в чехол.

— Все ясно, — заявил Морри. — Вы отстраняетесь от командования. Теперь здесь распоряжаюсь я.

— Что это на тебя нашло?

— Ты согласен со мной? — спросил Морри у Арта.

Тот некоторое время колебался, затем нерешительно произнес:

— Да, дядя. Морри прав.

— Росс?

— Я не видел градусника, — ответил тот, — но я понимаю Арта и Морри и целиком на их стороне.

У Каргрейвза снова разболелась голова.

— Похоже, вы все сошли с ума. Но теперь мне все равно. Наше предприятие провалилось.

— Нет, — ответил Морри. — Мы не сумасшедшие, и мы еще посмотрим — провалилось предприятие или нет. Сейчас вы больны. И, согласно вашему решению, командование автоматически переходит ко мне; вы не можете отдавать приказы и принимать решения до тех пор, пока не выздоровеете.

— Но... — Каргрейвз запнулся и рассмеялся впервые за несколько последних часов. — Чокнутые! Не можете же вы сместить меня только потому, что градусник показал высокую температуру!

— Вас сместили не из-за градусника. Он лишь подтвердил наши опасения. Когда вы были без сознания, Арт занес вас в список раненых. И, пока он не примет соответствующего решения, вы считаетесь больным. Вы же сами назначили Арта бортовым врачом!

— Верно. Однако послушай, Арт! Правда ли, что ты объявил меня больным загодя? Или это уловка, с помощью которой вы надеетесь держать меня в сторонке?

— Нет, дядя, — заверил его Арт. — Когда я рассказывал Морри о том, что вы отказываетесь принять торий, он захотел спросить вас, так ли это на самом деле. Но вы были в обмороке, и мы не знали, что делать. А потом Морри вспомнил, что я медик и должен решить, способны ли вы исполнять свои обязанности дальше. Так что...

— Не можете же вы... Ну ладно, это несущественно. Я отослал торий обратно, так что путешествие не состоится; теперь у нас нет ни бортового врача, ни второго помощника. Наша фирма приказала долго жить.

— Именно это я и пытался вам втолковать, дядя. Мы не отправили торий обратно.

— Что?

— Я расписался за него по вашему поручению, — ответил Морри.

Каргрейвз потер ладонью лоб.

— Вы вгоните меня в могилу, ребята. Впрочем, пускай даже так: я убедился в том, что моя задумка — сущее безумие. Во всяком случае, я не лечу на Луну, так что лавочку придется прикрыть. Минутку, Морри! Никто не спорит, ты сейчас главный и будешь им до тех пор, пока у меня не упадет температура. Но я ведь имею право участвовать в дискуссии?

— Конечно. Никто не лишал вас слова. Однако вы сможете принимать решения лишь после того, как спадет температура и вы спокойно проспите хотя бы одну ночь.

— Прекрасно. Однако, как вы видите, решение напрашивается само собой. Вам потребуется мой атомный двигатель, верно?

— Мм... да.

— Никаких сомнений! Вы, ребята, очень быстро изучили азы ядерной физики. Но ваших знаний недоста-

точно. Я ведь не раскрыл вам основных принципов работы двигателя!

— Мы сможем приобрести лицензию на ваш патент, обойдясь без вашего согласия, — вмешался Росс. — На это уйдет некоторое время, но мы все же отправимся на Луну!

— Может быть... если найдете физика-ядерщика, который согласится рискнуть. Но я в этом не участвую. Послушайте меня, ребята. Неважно, высокая у меня температура или нет. Сейчас я способен мыслить здраво — впервые с тех пор, как получил удар по черепу на вашем полигоне, и хотел бы разъяснить кое-что. Нам пора кончать, но я не хочу, чтобы вы обижались на меня.

— Что вы хотите сказать своим «получил по черепу»? Каргрейвз заговорил сухо и деловито.

— После того как мы осмотрели все вокруг и ничего не нашли, я понял, что «несчастный случай» был вовсе не случаем. Кто-то ударил меня, скорее всего, кастетом; для чего — не имею ни малейшего представления. Я должен был догадаться, когда мы впервые обнаружили следы непрошенных гостей. Но мне было трудно поверить, что все настолько серьезно, — до вчерашнего дня. Идти на риск и разыгрывать из себя федерального инспектора стал бы лишь тот, кто ведет крупную игру и готов на все. Я уже давно думаю о нем, но до сих пор никак не соображу, кому это могло понадобиться. И мне даже в голову не приходило, что кто-то захочет убить нас.

— Так вы считаете, что он хотел покончить с нами? — спросил Росс.

— Очевидно! Ведь именно фальшивый инспектор подложил бомбу!

— Может, он замышлял взорвать ракету?

— Зачем?

— Ну, — сказал Арт, — может быть, он и те, кто стоит за ним, рассчитывали на вознаграждение?

— Уничтожив наш корабль, они не получили бы никакого вознаграждения.

— Зато нас обставили бы конкуренты.

— Возможно. Звучит не слишком правдоподобно, но в качестве версии годится. Однако нас не должны

волновать их мотивы. Кто-то хочет нас прикончить, и желает сделать это во что бы то ни стало. Мы живем здесь в полном уединении. Сумей я окружить территорию цепью охранников, мы могли бы чего-нибудь добиться. Но такой возможности у нас нет. И я не могу позволить, чтобы вас, ребята, подстрелили или взорвали. Я отвечаю за вас перед вашими родными.

Арт набычился; лицо Морри, наоборот, сохраняло бесстрастное выражение. Помолчав, он произнес:

— Если вам больше нечего сказать, то я предлагаю поужинать и завалиться спать. Завтра поговорим.

— Прекрасно.

— Подождите, — Росс поднялся на ноги и ухватился за спинку стула, чтобы сохранить равновесие. — Где вы, док?

— Я здесь, слева.

— Отлично. Я тоже хотел бы кое-что сообщить. Я лечу на Луну, в любом случае — с вами или без вас. Я полечу туда, даже если мои глаза отказали навсегда. Я полечу туда, даже если Морри и Арту придется нести меня на руках. А вы поступайте, как вам угодно. Но я удивляюсь вам, док, — продолжал он. — Вы боитесь ответственности, верно? Так?

— Да, Росс, ты прав.

— Но вы же готовы были взять ее на себя, когда мы задумывали полет. Между тем он намного опаснее, чем что бы то ни было. Правильно?

Каргрейвз закусил губу.

— Тут совершенно другое дело.

— Другое? Ну, так я объясню вам разницу. Если при старте произойдет взрыв, то девять шансов из десяти, что мы погибнем все вместе. В таком случае вам не придется объясняться с нашими родителями. Вот в чем разница!

— Росс, послушай...

— И не надо всяких «Росс, послушай»! А если все произошло бы на Луне? Как бы вы тогда тешили свою совесть? Док, я удивляюсь вам. Если вы и дальше будете терять самообладание по пустякам, то я голосую за назначение капитаном Морриса.

— Ладно, хватит, Росс, — спокойно сказал Морри.

— Хорошо, я кончил, — ответил тот.

Воцарилась гнетущая тишина. Наконец ее нарушил Морри.

— Арт, давай-ка займемся стряпней. А потом примемся за учебу.

Каргрейвз удивился. Заметив это, Морри добавил:

— А что? Мы можем читать материал вслух.

Доктор долго не мог заснуть и лишь притворялся спящим. Он заметил, что Арт и Морри, вооруженные винтовками, ночь напролет сменяли друг друга на посту. И Каргрейвз не стал давать им советов.

На рассвете оба парня легли спать. Каргрейвз, преодолевая боль, потихоньку встал и оделся. Опираясь на палку, он захромал к кораблю, чтобы оценить ущерб, нанесенный взрывом. Однако первое, что попало ему на глаза, был ящик с торием. Защитная оболочка значительно увеличивала его габариты. Доктор с облегчением отметил, что печать Комиссии по атомной энергии не повреждена. Он втиснулся в корабль и кое-как пробрался в двигательный отсек.

Повреждения были на удивление незначительны. Немного постучать да поварить — и все будет в порядке, подумал Каргрейвз. Озадаченный, он с опаской продолжал осмотр. Под щитом обнаружилось шесть кусочков пластичного материала, похожих на комки замазки. Хотя к безобидным с виду шарикам не вело никаких проводов, доктор сразу понял, что они собой представляют. Очевидно, диверсанту не хватило тех пяти минут, в течение которых тот был здесь один, и он не успел соединить проводом свои смертоносные игрушки. Его намерения были совершенно ясны: разрушить двигатель и прикончить того, кому «посчастливится» попасть в ловушку.

Очень осторожно, вытирая струившийся со лба пот, доктор собрал шарики и снова обыскал все вокруг. Удовлетворенный, он опустил взрывчатку в карман рубашки и вылез наружу. Больная нога здорово мешала ему, и Каргрейвз чувствовал себя человеком-бомбой, который вот-вот взорвется. Прокönyав к забору, он зашвырнул пластик подальше в поле, и без того истерзанное взрывами. Ничего не случилось: по-видимому, вещество было не слишком чувствительно к ударам.

Что ж, подумалось доктору, со временем оно все равно разложится.

У входа в убежище, подняв лицо к солнцу, сидел Росс.

— Это вы, док? — спросил юноша.

— Да, я. Доброе утро, Росс.

— Доброе утро, док, — Росс двинулся к профессору, нащупывая дорогу ногами. — Слушайте, док! Я вчера наговорил Бог знает чего. Извините меня, я был сильно расстроен.

— Забудем. Мы все были очень возбуждены, — Каргрейвз сжал ладонь мальчика. — Скажи лучше, как твои глаза?

Лицо Росса просветлело.

— Уже лучше. Проснувшись, я выглянул из-под повязки. Я могу видеть...

— Отлично!

— Я вижу, но окружающие предметы выглядят расплывчато, двоятся и даже троятся. А потом глаза заболели от яркого света, так что пришлось снова прикрыть их.

— Похоже, ты скоро совсем поправишься, — сказал Каргрейвз. — Но будь осторожен.

— Я постараюсь. Док, скажите...

— Слушаю тебя, Росс.

— Впрочем, нет. Не обращайтесь внимания.

— Мне кажется, я понял. Да, я переменил решение, пока ворочался ночью без сна. Мы продолжаем дело.

— Великолепно!

— Может быть, это не так уж хорошо... не знаю. Но если вы твердо нацелились лететь, то и я с вами. Нас ничто не остановит!

Глава 8

В НЕБО!

- Теперь вы снова похожи на себя!
- Спасибо. Остальные уже поднялись?
- Пока нет. Они недавно легли.
- Знаю. Пусть спят. А мы посидим в машине. Берись за мою руку.

Когда они устроились на сиденьях, Росс спросил:

- Док, сколько еще времени потребуется на подготовку?

— Не очень много. А что?

— Ну, мне кажется, что нам следует поспешить и стартовать как можно скорее. Если попытки остановить нас будут продолжаться, то одна из них, вероятно, увенчается успехом. Я думаю, нам стоило бы стартовать уже сегодня.

— Сегодня мы стартовать не сможем, — ответил доктор, — но долго тянуть не станем. Во-первых, установим двигатель. В сущности, его нужно только собрать. Я практически все подготовил заранее, еще до того, как вы, парни, попались мне на глаза.

— Эх, если бы я мог нормально видеть!

— Понимаешь, эту работу я должен сделать сам. Только не думай, будто я что-то от вас скрываю, —

поспешно добавил он, заметив выражение лица юноши. — Я не объяснял вам принципов работы двигателя потому, что собирался воспользоваться наглядным примером.

— И как же работает двигатель?

— Когда вы проходили элементарную физику, вам должны были рассказывать о турбине Герона. Помнишь, там имеется котел и небольшая крыльчатка, похожая на разбрызгиватель воды для лужаек. Котел нагревается, пар проходит через крыльчатку и заставляет ее вращаться. Мой двигатель устроен подобным образом. Вместо огня я применил ториевый реактор, а воду заменил цинком. Мы нагреваем цинк, доводим его до кипения. Получается струя цинкового пара, который устремляется через дюзы. Вот и все.

Росс присвистнул.

— Просто и изящно. А он будет работать?

— Он уже работал. Идея пришла мне в голову, когда я пытался сконструировать цинковую турбину для электростанции. Мне удалось получить сильную, устойчивую струю цинкового пара, но никакая турбина не выдерживала его напора: ломались лопасти. И тут меня осенило: ведь это же готовый ракетный двигатель!

— Прекрасно, док! Но скажите, почему не взять свинец? Ведь тогда получилась бы большая масса при меньшем объеме.

— Ты прав. Большая плотность топлива действительно позволила бы сократить размеры двигателя, баков да и самой ракеты; в итоге уменьшился бы мертвый вес. Однако масса не так уж важна; главной задачей является получение скоростного реактивного потока. Я взял цинк потому, что он имеет более низкую температуру плавления, чем свинец. Я хочу перегревать пар до такой степени, чтобы он истекал непрерывной струей на высокой скорости. Но я не могу повышать температуру выше предела устойчивости используемого в реакторе замедлителя.

— Углерода?

— Да, углерода. Графита. Он замедляет поток нейтронов, а кадмиевые заслонки управляют скоростью процесса. Излучение поглощается емкостью с жидким

цинком. Он закипает и со всей возможной быстротой устремляется наружу.

— Ясно. Ну, а почему бы не взять ртуть? Она плотнее свинца и плавится при еще более низкой температуре, чем цинк.

— Идея хорошая, но увы — ртуть нам не по карману.

Из дверей убежища высунулась голова Морри, и доктор умолк.

— Эй! Идите завтракать, иначе останетесь голодными!

— Идем, — ответил Каргрейвз и, вылезая из машины, оперся на поврежденную ногу. Он вскрикнул от боли.

— Минутку, док. Обопритесь на меня, — предложил Росс.

Они поплелись в дом, помогая друг другу.

— Короче говоря, — продолжал Каргрейвз, — осталось только собрать реактор. Полагаю, торий привезли в графитовой оболочке, так что нам предстоит всего лишь смонтировать воздушный шлюз и провести ходовые испытания.

Ракета, хотя и использовалась ранее на трансатлантических стратосферных линиях, шлюза не имела: конструкторы не предусмотрели возможности открывания люка иначе как на земле. Но если уж нашим путешественникам было суждено высадиться на Луне, им необходимо было иметь воздушный шлюз — небольшую камеру, снабженную двойными дверями. Доктор намеревался приладить к косяку второй люк, ведущий внутрь корабля.

— Я могу сварить шлюз, — предложил Росс, — пока вы устанавливаете реактор. Разумеется, если мои глаза снова будут в порядке.

— Даже если ты снова начнешь видеть, я не думаю, что было бы разумно сразу же глядеть на сварочную дугу. А что, Арт и Морри не умеют варить?

— Конечно, умеют, но у меня получаются самые лучшие швы.

— Ладно, посмотрим.

За завтраком Каргрейвз сообщил ребятам о своем решении лететь. Арт зарумянился от смущения и промолчал. Морри серьезным голосом произнес:

— Я знал, что за ночь температура у вас спадет. Так какие же у нас планы?

— Все те же самые; однако мы решили ускорить подготовку. Как твои успехи, Морри?

— Черт побери, я готов отправляться хоть сегодня. Гироскопы мурлычут как котята. Я проверял расчеты гофмановских орбит и С-траектории до тех пор, пока не зарябило в глазах. В общем, я и мои компьютеры готовы к полету на все сто, — Морри суеверно посту- чал по деревяшке.

— Отлично. Значит, теперь ты можешь заняться заготовкой снаряжения. А ты, Арт?

— Я? Ну, в общем-то, и у меня все готово. Оба радара в рабочем состоянии. Хотя есть еще пара проблем со связью на УКВ...

— Надеюсь, не слишком серьезных?

— Да нет, не то чтобы очень.

— Ну, тогда отвлекись на минутку. У меня есть особое задание.

— Слушаю вас.

— Как насчет радарного экрана, который должен был установить Арт? — вмешался Морри.

— Радар? А, ты имеешь в виду систему сигнализации? — отозвался Каргрейвз. — Росс считает, и я с ним полностью согласен, что лучшим способом утереть нос непрошеным гостям было бы стартовать как можно быстрее. Мне кажется, мы можем обойтись без наружного радара. Его монтаж отнял бы у нас время, а кроме того, мы можем повредить прибор, которому не найти замены и без которого мы не смогли бы обойтись в дальнейшем.

— Верно, — согласился Морри. — Я по-прежнему считаю, что человек с оружием в руках гораздо надежнее всякого прибора. Судите сами: нас четверо. На каждого приходится лишь два ночных часа. Не стоит ли выставить часового?

Каргрейвз согласился. Было предложено немало идей насчет того, как обеспечить охрану, но все они были отвергнуты из-за дороговизны, больших затрат времени либо ввиду непрактичности. Наконец решили оставить все как есть, но на ночь зажигать свет и провести вокруг корабля линию освещения. Было решено также

автоматизировать линии освещения и питать их от аккумуляторов, установленных на звездолете.

На следующей неделе, в среду, Каргрейвз сел за обед довольный собой. Наконец-то ториевый реактор был установлен на своем месте под защитой отремонтированного щита. Сама по себе работа была интересной, но доктора совершенно вымотала кропотливая возня с радиоактивным веществом, опасная, несмотря на защитный скафандр и манипуляторы.

Но, как бы то ни было, реактор смонтировали, воздушный шлюз приварили и испытали на герметичность. Почти все снаряжение разместили на борту. Для Арта и Росса были изготовлены противоперегрузочные устройства. Каргрейвзу и Морри предстояло выдерживать ускорение, сидя в пилотских креслах. Двигатель, по мнению доктора, благополучно прошел испытания на малой тяге.

Самозванный инспектор больше не появлялся, и ночные дежурства проходили спокойно. Радовало и то, что зрение Росса постепенно восстанавливалось; окулист, которого мальчик посетил в понедельник, посоветовал только пару недель не снимать темных очков.

Каргрейвз еще хромотал, но уже ходил без палки, и травма совершенно его не беспокоила. Он с воодушевлением работал над статьей «Двигательный агрегат "Галилей"» (название для простых смертных) и обдумывал заметку, которую собирался послать в «Физика Ревью». Неплохим названием, думал он, было бы «Экспериментальное исследование некоторых аспектов космических перелетов, автор — доктор Дональд Каргрейвз, бакалавр естественных наук, доктор наук, лауреат Нобелевской премии, действительный член Национальной и Французской Академий, и прочее». В действительности, он был удостоен лишь некоторых из упомянутых званий, и всего-навсего примерял к себе громкие титулы в своих мечтах.

На улице взревел двигатель автомобиля, и в помещение вбежал Арт, неся в руках почтовые конверты.

— Санта Клаус приехал! — весело крикнул он. — Одно письмо от родителей Росса, одно от той крашеной блондинки, за которой ты увивался...

— И вовсе я не увивался, к тому же она натуральная блондинка, — ответил Росс, с живостью хватая конверт.

— Правда? Ну что ж, тебе виднее... три письма Морри, и все деловые. Остальные — вам, док, — заявил Арт, пряча в карман письмо от матери. — Опять картошка с мясом? — недовольно пробурчал он, заглядывая в кастрюлю.

— Тренировка перед Луной, — ответил Морри. — Там у нас не будет разносолов. Слушайте, док...

— Да, Морри?

— Тут в письме сказано, что наши консервы уже прибыли экспресс-почтой. Пожалуй, я съезжу вечером в город и привезу их сюда. А еще нам прислали счета. Похоже, я выполнил все свои задания.

— Отлично, — рассеянно ответил доктор, надрывая конверт. — В таком случае можешь помочь нам с Россом при испытаниях. Это единственная работа, которая нам осталась, — он развернул письмо и углубился в чтение.

Прочитав текст до конца, Каргрейвз вернулся глазами к первой строчке. Заметив, что он перестал есть, Росс спросил:

— Что случилось, док?

— Ничего страшного, но все же неприятно. Фирма в Денвере не сможет предоставить нам динамометр для испытаний, — Каргрейвз перебрал письмо Россу.

— Это сильно нам помешает? — спросил Морри.

— Не знаю. Придется мне поехать в город вместе с тобой. Надо позвонить на восточное побережье, и как можно быстрее, чтобы нас не задержала разница во времени.

— Надо — значит надо.

Росс вернул письмо доктору.

— По-моему, такой динамометр можно приобрести где угодно.

— Не скажи. Динамометр на полмиллиона фунтов не так-то легко достать. Попробуем обратиться в фирму «Болдвин», производящую локомотивы.

— А почему не сделать прибор самим? — вмешался Арт. — Для испытаний «Звездного Штурма» мы изготовили динамометр самостоятельно.

Каргрейвз покачал головой.

— Я очень высоко оцениваю ваше мастерство, если речь идет о точной механике. Однако для некоторых работ требуется специальное оборудование. Кстати, если уж речь зашла о «Звездном Штурме», — заговорил он, намеренно меняя тему, — то не думали ли вы, ребята, что надо дать нашему детищу подходящее имя? Как насчет «Звездного Штурма-6»?

Арт одобрил название. Морри возразил, что корабль было бы логичнее назвать «Лунный Штурм». У Росса была другая идея:

— «Звездный Штурм» — хорошее название для наших моделей. Для лунного корабля нужно придумать что-нибудь посolidнее, что-нибудь необычное, как вы считаете?

— «Пионер».

— Банально.

— «Тор» — от названия используемого топлива.

— Уже лучше, но все же не то.

— Назовем его «Эйнштейн».

— Я понял, что вы хотели бы назвать его в честь доктора Эйнштейна, — вмешался Каргрейвз. — Но у меня есть предложение, которое символизировало бы то же самое. Как вам нравится «Галилей»?

Возражений не последовало. Члены клуба «Галилей» были единодушны. Имя человека, впервые изучившего и описавшего лунные горы, имя, ставшее синонимом упорства и свободного пытливого ума, звучало в их душах сладчайшей музыкой.

Доктор подумал о том, вспомнят ли их собственные имена лет через триста. Того же Колумба помнили лишь по счастливой случайности. И если от них отвернется удача и ракета взорвется, на их долю достанется лишь легкая, мгновенная смерть.

Похоже было, что удача отвернулась от них с самого начала, причем все произошло весьма прозаическим образом: не предвиделось даже эффектной гибели в объятый пламенем ракете. Каргрейвз потел в телефонной будке до пяти часов по тихоокеанскому времени, а потом еще дожидался, пока не настанет пять часов в

Чикаго, и наконец должен был признать, что динамометра им не видать как своих ушей — во всяком случае, в ближайшем будущем.

Он упрекал себя в том, что не побеспокоился своевременно заключить контракты с другими фирмами и, решив сэкономить, связался с денверской у которой надеялся приобрести подержанные приборы. Вырутав себя как следует, он ощутил какое-то странное удовлетворение.

Когда он забрался в машину, от Морри не укрылось разочарованное выражение его лица.

— Неудача, док?

— Да. Поехали в лагерь.

Около полудня они ехали по пустыне в напряженном молчании. Наконец Морри предложил:

— Слушайте, док. Может быть, закрепить ракету фермами и провести наземное испытание без динамометра?

— А что толку? Мне нужно знать величину развиваемой тяги.

— Я уже подумал об этом. Кто-нибудь из нас залезет в ракету с акселерометром — я имею в виду маятниковый акселерометр, а не интегратор перемещения. Прибор покажет ускорение в единицах «же». Зная ускорение и массу корабля, мы могли бы получить силу тяги.

Каргрейвз на мгновение заколебался. Ошибка Морри была столь очевидна и ее было так легко совершить, что доктору пришлось обдумать способ обратить внимание юноши на явный просчет и не ранить его гордость.

— Идея неплоха, хотя пришлось бы считывать показания дистанционно, поскольку вероятность аварии двигателя нового типа весьма высока. Но главное препятствие не в том. До тех пор пока корабль прикован к земле, никакого ускорения не будет, какую бы тягу ни развивал двигатель.

— Черт! — воскликнул Морри. — Ммм... похоже, я дал маху, док!

— Вполне естественная ошибка.

Миль через пять Морри заговорил снова:

— Я придумал. Чтобы измерить тягу по акселерометру, «Галилей» должен свободно двигаться, верно,

док? Ну что ж, в таком случае я сам совершу испытательный полет. Стойте, стойте, — быстро заговорил он, — я отлично знаю, что вы не захотите подвергать меня риску. Ракета может взорваться или упасть. Такое вполне возможно, но ведь это моя работа. Для самого путешествия я не нужен, а вы необходимы. Необходим Росс: он бортинженер. Без Арта не будут работать радиоустановка и радар. Второй же пилот требуется только для подстраховки, так что испытывать корабль должен я.

— Морри, твое решение продиктовано чувствами, а не разумом, — ответил Каргрейвз, стараясь говорить как можно внушительнее. — Даже если ты и прав в главном, то ошибаешься в выборе пилота-испытателя. Я буду необходим только в том случае, если полет состоится. Однако если испытание будет неудачным — скажем, взорвется реактор или корабль потеряет управление и упадет, — путешествие окажется сорвано, и во мне не возникнет никакой необходимости.

— Какая изящная логика! — иронично заметил Морри.

— Хотел надуть меня, а? Быть может, я стар и не так быстро соображаю, но меня не проведешь. Однако ты подал хорошую идею. Мы не станем измерять тягу динамометром, а испытаем ракету в полете. И поведу ее я.

Морри нетерпеливо заерзал:

— И когда же?

— Как только вернемся в лагерь.

Морри тут же вдавил в пол педаль газа. Доктор с раскаянием подумал о том, что ему следовало молчать до прибытия на полигон.

Сорок минут спустя он уже отдавал последние указания.

— Сядете в машину и отъедете от полигона не меньше чем на десять миль. Найдете удобное место, откуда был бы виден лагерь и где вы могли бы укрыться — скажем, в придорожной канаве. Если увидите гриб, как в Хиросиме, ни в коем случае не возвращайтесь. Езжайте в город и сообщите властям, — он протянул Россу чемоданчик. — Здесь мои записи. В случае моей гибели передашь их своему отцу. Он сообразит,

что с ними делать. А теперь мотайте отсюда. Даю вам двадцать минут. На моих часах семь минут шестого.

— Подождите, док.

— Что такое, Морис? — Каргрейвз нервничал, и поэтому в его голосе прозвучало раздражение.

— Мы с ребятами пришли к единому мнению: «Галилей» можно построить заново, а вас в случае несчастья заменить нечем. Мы все хотели бы во что бы то ни стало сохранить вас. Тогда можно будет сделать еще одну попытку.

— Хватит, Морри.

— Тем не менее я настаиваю...

— Выполняй приказ!

— Слушаюсь, сэр, — ответил Морри, влезая в машину. Вслед за ним втиснулись Росс и Арт.

— Желаем удачи!

— Счастливого полета!

Каргрейвз посмотрел вслед удалявшейся машине и повернулся к открытому люку «Галилея». Внезапно ему стало невыносимо одиноко.

Выбрав подходящее место, мальчики укрылись за откосом, словно солдаты в окопе. У Морри был маленький телескоп; Росс и Арт вооружились теми же самыми театральными биноклями, которыми пользовались в ходе испытания моделей.

— Он подошел к люку, — сообщил Морри.

— Который час?

— На моих пять двадцать пять.

Даже в бинокль ракета казалась крошечной; Морри со своей трубой был в более выгодном положении.

— Есть! Давай! — закричал он внезапно.

Из кормовой дюзы вырвалась реактивная струя, ярко-серебристая даже в лучах солнца. Корабль пока оставался неподвижным.

— Запустил носовой двигатель!

К небу взмыло яростное красное пламя — выброс из химического двигателя. Оснащенный носовыми и бортовыми дюзами, «Галилей» мог обходиться без стартовой площадки и катапульты. Тут же заработали бор-

товые двигатели. Нос «Галилея» покачнулся, но вспомогательные сопла удержали корабль на месте.

— Взлет! — красные языки пламени внезапно погасли, и корабль отделился от земли. Прежде чем юноши успели перевести дыхание, он уже пролетел над их головами. Вскоре он поравнялся с горными вершинами и исчез из виду.

— Господи! — тихо произнес Арт.

Росс сорвался с места и побежал к автомобилю.

— Ты куда?

— В лагерь! Мы должны быть там раньше, чем он!

— Давай! — остальные бросились следом.

На пути в лагерь Росс побил все рекорды скорости, но, как они ни спешили, доктор их опередил. «Галилей» вынырнул из-за горизонта и, когда машина достигала лагеря, уже тормозил при помощи носовых дюз.

Ракета круто нырнула вниз. Ходовой двигатель выключился. Реактивная струя носового двигателя взрыла почву на том самом месте, откуда корабль стартовал. Действуя боковыми дюзами, доктор развернул корабль носом вверх и мягко посадил его. Морри только головой покачал.

— Классная посадка! — с завистью крикнул он.

Каргрейвз выпрыгнул из люка, ребята тут же окружили его и принялись с возгласами восхищения хлопать по спине.

— Как он себя вел? Легко ли управлять?

— Работает как часы! Правда, управление главным двигателем несколько запаздывает, но этого и следовало ожидать. После того как дюзы разогреются, их нелегко остудить. Нужно будет научиться «травить пары». Прежде чем скорость упала настолько, что я смог повернуть назад, ракета была уже на полпути к Оклахоме.

— Эх, славный кораблик!

— Когда же старт?

Лицо Каргрейвза стало серьезным.

— Хватит ли нам ночи, чтобы окончательно собраться в путь?

— Еще бы! А то нет!

— Ну и отлично. Арт, марш в корабль. Займешься радиоустановкой. Поручаю тебе связаться с «Ассоши-

эйтед Пресс» в Солт-Лейк-Сити. Обращайся прямо в отдел новостей. Пусть приедут с телекамерами. Теперь нет смысла хранить тайну. Дай им понять, что здесь произойдет нечто особенное.

— Уже бегу! — Арт кинулся к люку и, задержавшись у входа, спросил: — А что, если они не поверят?

— Заставь их поверить. Скажи, что если они не приедут, то пропустят величайшую сенсацию со времен войны. И свяжись с мистером Бьючененом на его служебной частоте. Он честно сохранил наш секрет, так что я хочу, чтобы он присутствовал при старте.

К полуночи погрузка была практически завершена, и Каргрейвз настоял, чтобы мальчики прилегли отдохнуть. Спать было некогда, но и пускаться в путь измотанными никак не годилось. Баки носовых и бортовых двигателей и запасные емкости заполнили топливом. Несколько тонн цинка, основного вещества для главного двигателя, были погружены на борт еще раньше, и теперь оставалось лишь пополнить резерв цинковой пыли. Продовольствие и тщательно рассчитанный запас воды находились на борту. Правда, проблем с водой не предвиделось: воздушный кондиционер должен был осаждать пар, образующийся при дыхании. Емкости с жидким кислородом были в полном порядке. Наконец, Каргрейвз собственноручно отнес в ракету две винтовки. Ради них, экономя вес и место в корабле, пришлось выбросить несколько книг, но доктор решил, что оружие может потребоваться, если, вернувшись на Землю, они опустятся в какой-нибудь дикой местности.

Каргрейвз устал. Только тщательно составленные списки давали уверенность в том, что корабль готов к старту или, во всяком случае, будет готов очень скоро.

Ребята тоже сильно утомились, однако, сгорая от нетерпения, Морри трижды рассчитывал стартовую траекторию, но все еще нервничал, хотя результат каждый раз совпадал с точностью до последних цифр. Он боялся совершить какую-нибудь нелепую гибельную ошибку и успокоился лишь после того, как доктор воспроизвел расчеты с самого начала и получил то же число.

Около часа ночи на полигон прибыл мистер Бьюченен.

— Кажется, я попал в приемный покой психолечебницы? — с улыбкой спросил он.

Каргрейвз, смеясь, подтвердил его предположение.

— Все это время, парни, я гадал: что же вы затеяли? — продолжал Бьюченен. — Я, разумеется, видел вашу ракету, но вчерашнее сообщение меня удивило. Надеюсь, вы простите меня за то, что я отнесся к вам с подозрением... Короче, я желаю вам удачи.

— Благодарю вас, — ответил Каргрейвз и принялся показывать гостю корабль, попутно объясняя ему свои планы.

В небе сияла полная Луна; через час она должна была пройти свою высшую точку. Старт намечался на рассвете, как только Луна скроется за горизонтом. Правда, путешественники теряли возможность воспользоваться вращением Земли, но после испытательного полета Каргрейвз счел это несущественным: энергии было в избытке. Ждать еще двенадцать часов ради того, чтобы выиграть тысячу шестьсот миль в час, оказалось бы слишком тяжелым испытанием для его нервов.

После пробного полета Каргрейвз посадил ракету носом к западу, так что теперь ее не нужно было разворачивать.

Бьюченен осмотрел стартовую площадку и спросил, куда будут отводиться реактивные газы. Каргрейвз указал в сторону кратера, и управляющий напомнил:

— А вы позаботились об оцеплении?

Честно говоря, доктор совершенно забыл об этом.

— Не беспокойтесь, — успокоил его Бьюченен. — Я сам позвоню капитану Тейлору и попрошу прислать сюда отряд полиции.

— Звонить не нужно. У нас есть рация. Арт!

К четырем часам прибыли представители прессы. Вслед за ними подъехали полицейские машины, и Каргрейвз с облегчением подумал, что ему удалось избежать возможных неприятностей. На полигоне уже собралась порядочная толпа, и без помощи полиции обойтись было бы трудно. Следовало немедленно установить оцепление от ворот до стартовой площадки, чтобы никто из гостей не попал в опасную зону. Требо-

валась твердая рука полиции, чтобы присутствующие не подходили слишком близко и не осаждали корабль.

Около пяти утра путешественники в последний раз позавтракали в лагере под опекой стоявшего у дверей полицейского. Каргрейвз отказался давать интервью; он лишь заготовил письменное заявление и отдал Бьюченену пачку копий, которые надлежало раздать корреспондентам. Однако мальчиков останавливали на каждом шагу, и в конце концов Тейлор приставил к каждому из них телохранителя.

Окруженные со всех сторон охраной, они направились к кораблю. Со всех сторон засверкали фото вспышки; телекамеры следили за каждым движением путешественников. Невозможно было поверить, что еще несколько часов назад полигон пустовал и где-то в темноте мог укрываться злоумышленник.

Каргрейвз ввел ребят в корабль и повернулся к Бьюченену и Тейлору.

— Десять минут, джентльмены. Вы уверены, что успеете за это время очистить площадку? Как только сяду в кресло, я уже не смогу видеть землю вокруг корабля.

— Не беспокойтесь, капитан Каргрейвз, — уверил его Тейлор. — Десяти минут вполне достаточно.

Бьюченен протянул руку.

— Удачи вам, доктор. Привезите побольше зеленого сыра.

Внезапно из толпы вынырнул мужчина и, протиснувшись сквозь оцепление, сунул Каргрейвзу сложенный вдвое лист бумаги.

— Это еще что такое? — нахмурился Тейлор. — Немедленно убирайтесь отсюда!

Мужчина пожал плечами.

— Судебная повестка.

— Что? Какого черта?

— Старт временно запрещен. Доктору Каргрейвзу надлежит явиться в суд для дачи объяснений, почему он подвергает опасности жизнь несовершеннолетних. Иначе запрет будет продлен.

Доктор устремил на незнакомца яростный взгляд. Ему казалось, что мир вокруг него рушится. В проеме люка показались Росс и Арт.

— Док! Что случилось?

— Эй, вы там! Ребята, спускайтесь вниз! — крикнул чужак и повернулся к капитану Тейлору. — У меня есть разрешение арестовать их, если они не захотят явиться в суд добровольно.

— Возвращайтесь в корабль, — строго велел Каргрейвз и развернул бумагу. Повестка была составлена правильно. «Штат Нью-Мексико...» и так далее. Незнакомец принялся уговаривать его. Тейлор взял доктора под руку.

— Не волнуйтесь, — сказал он.

— Не буду, — ответил доктор. — Мистер Бьюченен, нельзя ли мне с вами переговорить? А вас, капитан, я попрошу присмотреть за этим типом.

— Эй, эй, не надо устраивать скандал, — запротестовал незнакомец. — Я всего лишь исполняю свои обязанности.

— Так ли? — Каргрейвз посмотрел на него в упор. Затем отозвал Бьюченена в сторону и показал ему бумагу.

— Кажется, все в порядке, — признал тот, ознакомившись с документом.

— Возможно. Но повестка направлена от имени окружного суда. А ведь мы находимся на федеральной территории, не так ли? В сущности, капитан Тейлор и его люди присутствуют здесь лишь по вашей просьбе. Верно?

— Ммм... да. Вы правы, — Бьюченен сунул повестку в карман. — Я разберусь!

— Секундочку... — Каргрейвз в двух словах рассказал ему о самозваном инспекторе и ночных посещениях. До сих пор он никому об этом не сообщал, и лишь недавно направил письмо в вашингтонское бюро МГА. — Этот парень, вероятно, мошенник или человек, подосланный мошенниками. Прошу вас не спускать с него глаз и задержать до тех пор, пока суд не подтвердит, что повестка была действительно послана оттуда.

— Я выполню вашу просьбу.

Они возвратились к кораблю, и Бьюченен отозвал Тейлора в сторону. Каргрейвз жестко взял незнакомца за руку. Тот начал вырываться.

— Не желаете ли получить в глаз? — справился доктор.

Каргрейвз был выше противника на добрых шесть дюймов и гораздо крепче сложен. Мужчина притих. Секунду спустя подоспели Бьюченен и Тейлор. Полицейский заявил:

— Вам надлежит стартовать в течение трех минут. А я позабочусь о том, чтобы убрать отсюда посторонних, — он обернулся и крикнул: — Сержант Свенсон!

— Слушаю, сэр!

— Возьмите-ка этого парня, — Тейлор указал на незнакомца.

Каргрейвз поднялся по трапу в корабль. Входя в люк, он услышал крики толпы, сначала разрозненные, а затем слившиеся в громкий одобрительный гул. Захлопнув люк, он задраил его и скомандовал экипажу:

— Все по местам!

Арт и Росс влезли в противоперегрузочные устройства, установленные напротив пилотских кресел; их места были расположены вертикально и напоминали по конструкции гамаки. Ребята застегнули ремни, что опоясывали их на уровне груди и коленей.

Морри уже сидел в кресле, пристегнувшись ремнями; он крепко упирался ногами и плотно прижимался затылком к подушке подголовника. Каргрейвз расположился на соседнем сиденье, вытянул больную ногу.

— Все готово, Морри.

Его глаза скользнули по приборному щитку. Больше всего доктора интересовали температура цинка и положение кадмиевых заслонок.

Он пристегнулся и выглянул наружу через кварцевый иллюминатор. Насколько он мог видеть, поле было свободно. Цель их путешествия, округлая и прекрасная, висела в небе прямо перед глазами. Под правой рукой доктора на подлокотнике кресла имелась выпуклая ручка. Ладонь капитана удобно легла на нее.

— Арт?

— Готов, сэр!

— Росс?

— Готов.

— Второй пилот?

— Готов, сэр. Время шесть ноль одна!

Доктор медленно повернул ручку вправо. За его спиной, повинаясь дистанционной команде, повернулись между слоями графита и тория кадмиевые заслонки; бессчетные нейтроны получили доступ к ядрам горючего. Испустив дух, они передали свою энергию плавящемуся цинку.

Корпус корабля задрожал.

Левой рукой Каргрейвз включил носовые двигатели, компенсируя ими нарастающее давление снизу. Еще одно движение, и ракета взревела. Потом доктор погасил носовые дюзы.

«Галилей» устремился вверх, пилотов вмяло в подушки кресел.

Они направлялись ввысь, в бесконечность небес.

Глава 9

В БЕЗДНАХ КОСМОСА

Для Арта и Росса мир головокружительно опрокинулся на девяносто градусов. Пристегнутые к своим гамакам, они стояли вертикально и смотрели мимо Каргрейвза и Морри в иллюминаторы на Луну и западный горизонт.

Во время старта у них возникло ощущение, будто неведомая сила отбросила их назад, завалила на спину и вдавила в подушки противоперегрузочных устройств. В сущности, так оно и было. Мощным давлением, развиваемым двигателем, они были прижаты к подушкам и не могли шевельнуться. Именно эта сила создавала ощущаемые ими «верх» и «низ».

Однако заходящая Луна пока заглядывала в иллюминатор, так что «верх» означал на деле «на запад». С того места, где лежали, распластавшись на спинах, Росс и Арт, казалось, будто доктор с Морри сидят на потолке, и лишь толстая стальная конструкция, к которой крепились кресла, удерживает пилотов от падения.

Луна мерцала и расплывалась в потоках воздуха, что обтекали иллюминатор изнутри звездолета. Визг молекул атмосферы, рассекаемой кораблем, заглушал даже рев двигателей, находившихся под ногами путешествен-

ников. Горизонт медленно удалялся от диска Луны по мере того, как корабль продвигался на запад и набирал высоту. На старте небо было свинцово-серым, но теперь, чем выше корабль поднимался к Солнцу, тем оно становилось светлее и постепенно голубело.

Потом небо стало фиолетовым, и на нем проявились первые звезды. Скрежет трущегося об обшивку воздуха постепенно затихал. Каргрейвз выпустил ручки управления и позволил киберпилоту Джо скорректировать курс. Луна мягко скользнула вправо на половину своего диаметра и замерла.

— Все в порядке? — крикнул Каргрейвз, на секунду отвлекаясь от пульта управления.

— Превосходно! — отозвался Арт.

— Такое ощущение, что мне на грудь уселся кто-то тяжелый! — добавил Росс.

— Что ты говоришь?

— Кто-то уселся мне на грудь! — прокричал Росс.

— Потерпи немножко, и на твою грудь усядется его не менее тяжелый братец!

— Не слышу!

— Не обращай внимания, — ответил Каргрейвз. — Это неважно. Второй пилот!

— Слушаю, капитан!

— Перевожу управление целиком на киберпилота. Приготовься к проверке курса!

— Есть, сэр! — Морри поднес октант к своему лицу и немного повернул голову, чтобы было удобнее смотреть на экран бортового радара. Затем уперся затылком в подголовник и напряг руки и ноги: он знал, что должно произойти. — Штурман готов!

Небо стало совершенно черным, и звезды выделялись на нем яркими огоньками. Изображение Луны перестало мерцать, адский визг воздуха утих, и слышался лишь неустанный грохот двигателя. Корабль вышел за пределы атмосферы и вырвался в открытый космос.

— Держите свои шляпы, парни! — крикнул доктор. — Начинаем разворот!

Движение рычага — и власть над ракетой перешла к роботу. Пилот-автомат раскинул своими электронными мозгами, покачал несуществующей головой и решил, что курс ему не нравится. Изображение Луны скольз-

нуло «вниз», если выражаться привычными терминами, и корабль разворачивался до тех пор, пока его нос не нацелился в точку около сорока градусов к востоку от диска спутника Земли.

Теперь корабль мчался туда, где ему было суждено встретиться с Луной, и Джо занялся двигателем. Кадмиевые заслонки чуть раздвинулись, и пришпоренная ракета увеличила скорость.

Россу показалось, что на грудь ему навалилось целое семейство толстяков. Дышать стало тяжело, перед глазами поплыл туман.

Если бы Джо способен был чувствовать, то сейчас возгордился бы: ведь он только что принял первое с момента старта самостоятельное решение. Морри, посоветовавшись с Каргрейвзом, ввел в мозг кибера одну из множества разработанных им программ. Перфокарта сообщала Джо направление, которого он должен был придерживаться; программа содержала также начальный курс, информацию о том, когда увеличивать и уменьшать тягу и как долго ее сохранять. Разумеется, Джо не видел Луны и даже не слышал о ней, но его электронные схемы указывали ему расхождение курса с неизменным направлением осей гироскопов и рассчитывали повороты в соответствии с требованиями программы полета.

Перфокарта была разработана дальним родственником Джо, большим компьютером «Эниак» Пенсильванского университета. Разумеется, пользуясь бортовым вычислителем, Морри и Каргрейвз вполне могли решить любую задачу и управлять кораблем вручную. Однако Джо при помощи своего «старшего брата» продельвал это лучше, быстрее и точнее и не нуждался в отдыхе. Единственное, что требовалось от человека, — знать, чего он хочет от робота, и вовремя давать тому задания.

Джо не являлся детищем Каргрейвза; своим появлением на свет компьютер был обязан тысячам ученых, инженеров и математиков. Во время ужасных последних дней второй мировой войны дедушка робота управлял фашистскими ракетами «Фау-2». Его отца устанавливали на межконтинентальных ракетах международных сил ООН. В нынешнее время его брата или сестру

можно было найти в любой ракете, в частном ли корабле или в автоматическом либо пилотируемом транспортнике.

Роботу было все равно, куда лететь — через Атлантику или на Луну. Он лишь подчинялся данной ему программе. Целью полета он не интересовался и даже ее не знал.

— Как там у вас внизу? — крикнул Каргрейвз.

— Кажется, все в порядке, — ответил Росс, еле ворочая языком.

— Мне плохо, — простонал Арт.

— Дыши через рот, и поглубже.

— Не могу.

— Тогда терпи. Осталось недолго.

На самом же деле Джо удерживал максимальную тягу всего лишь пятьдесят секунд. Потом была отдана команда на снижение ускорения. Кадмиевые заслонки углубились в реактор, преграждая путь нейтронам; рев ракетного двигателя стал тише.

Скорость корабля не уменьшалась: он только перестал так быстро ускоряться. Достигнутая скорость сохранялась, и в космическом пространстве, где трение о воздух невозможно, уже ничто не могло замедлить движение ракеты. Тем не менее ускорение было уменьшено до земного «же» — величины, достаточной для преодоления тяготения огромной массы Земли, — вернее, даже меньше, поскольку притяжение планеты снизилось и продолжало падать; вскоре и оно должно было исчезнуть — в точке, расположенной в двухстах тысячах миль от планеты, там, где сравниваются притяжения Земли и Луны.

Двигатель корабля развивал такую тягу, что члены экипажа весили несколько меньше, чем на Земле. Искусственное тяготение имеет совершенно иную природу, чем земной вес, который ощущается, только когда человек связан с Землей, стоит на ней, плавает в океане или летит в атмосфере.

Притяжение Земли существует и в открытом космосе, но у организма нет возможности ощущать его непосредственно. Если кто-то падает с огромной высоты, скажем, пятнадцать тысяч миль, то он не чувствует, что

падает; ему кажется, что Земля мчится навстречу, грозя обрушиться на него.

После того как уменьшилось колоссальное стартовое ускорение, доктор окликнул Арта:

— Тебе лучше?

— Да, теперь все в порядке, — ответил тот.

— Вот и отлично. Может быть, поднимешься сюда?

Отсюда лучше видно.

— Еще бы! — в один голос воскликнули Росс и Арт.

— Давайте, но только осторожнее.

— Ага! — оба парня отстегнули ремни и полезли наверх, к пульту управления, цепляясь руками за скобы, приваренные к стенкам кабины. Добравшись до пилотских кресел, они уцепились за подлокотники и выглянули наружу.

После того как Джо изменил курс, они из своих гамаков больше не видели Луны. Отсюда же мальчики могли наблюдать ее в нижней части иллюминатора. Она была круглой, серебристо-белой и такой яркой, что ее свет слепил глаза; однако заметного увеличения размеров диска пока не наблюдалось. В угольно-черном небе яркими бриллиантами сияли звезды.

— Вы только посмотрите! — выдохнул Росс. — Кратер Тихо светит, словно прожектор!

— Эх, взглянуть бы на Землю, — сказал Арт. — Послушайте, ну почему у нас нет хотя бы еще одного иллюминатора?

— Чего ты хочешь от нашего корабля? — осведомился Росс. — Огромных зеркальных витрин? Ведь «Галилей» раньше был грузовиком.

— Я могу показать ее на экране, — предложил Морри, включая бортовой радар. Спустя несколько секунд экран засветился, но картинка была далека от совершенства. Арт с легкостью разобрался в ней — в конце концов, радар был его детищем, — но с эстетической точки зрения изображение никуда не годилось: всего лишь круглое пятно, одноцветное и невыразительное. Земля на экране радара представляла собой расплывчатый сгусток света на периферии окружности в той ее части, которая соответствовала отражениям лучей, посланных в направлении кормы корабля.

— Что ты мне показываешь? — фыркнул Арт. — Я хочу увидеть планету целиком — форму, как у глобуса, континенты и океаны.

— Подожди до завтра. Мы выключим двигатели и развернем корабль. И уж тогда ты увидишь и Землю и Солнце.

— Ну ладно. А с какой скоростью мы движемся? Впрочем, я сам вижу, — сказал Арт, взглядевшись в приборную доску. — Три тысячи триста миль в час.

— Ты прочитал неверно, — поправил его Росс. — Прибор показывает четырнадцать тысяч четыреста миль в час.

— Ты с ума сошел.

— Ничего подобного. Протри очки!

— Спокойно, ребята, спокойно, — вмешался Каргрейвз. — Вы смотрите на разные приборы. Какую скорость вы хотите знать?

— Скорость, с которой мы движемся, — откликнулся Арт.

— Ну, Арт! Я удивляюсь тебе! Ты же сам настраивал приборы. Подумай хорошенько, что ты сказал.

Арт уставился на приборную панель и смутился.

— Ах да, я совсем забыл. Так, мы достигли скорости четырнадцать... нет, уже почти пятнадцать тысяч миль в час в свободном падении... но мы же не падаем!

— Мы все время падаем, — авторитетно заявил Морри, выпрямившись в пилотском кресле. — С той самой секунды, как стартовали, мы постоянно падаем, и наши двигатели лишь тормозят падение.

— Да, да, я понял, — прервал его Арт. — Я забыл, но теперь вспомнил. Значит, три тысячи триста миль в час — это та скорость, о которой я говорил. Точнее, три тысячи триста десять.

«Скорость» в космосе — очень тонкое и неоднозначное понятие, поскольку ее величина зависит от того, какую точку пространства выбрать в качестве начала координат, а ведь космические объекты постоянно находятся в движении. Скорость, которой интересовался Арт, представляла собой скорость «Галилея» вдоль линии, соединяющей Землю с точкой, в которой корабль должен был встретиться с Луной. Данная величина вычислялась киберпилотом путем сложения трех

громоздких параметров: во-первых, ускорения, приобретаемого за счет работы двигателей, во-вторых, движения корабля, обусловленного его близостью к Земле, — «свободного падения», о котором говорил Арт. Третьей составляющей суммы являлось вращение Земли вокруг собственной оси: сюда входили скорость и направление, зависящие от времени старта и географической широты полигона в Нью-Мексико. Строго говоря, последний член не прибавлялся, а вычитался, если уж вести речь о применении арифметики к такого рода вычислениям.

Задачу можно было значительно усложнить. «Галилей» двигался от Земли к Луне, а та, в свою очередь, совершала свое ежегодное путешествие вокруг Солнца со скоростью 19 миль в секунду, или семьдесят тысяч миль в час, если смотреть на все это из космоса. Да и сама траектория корабля вилась вокруг Земли в соответствии с ежемесячными оборотами Луны. Робот Джо учитывал все это, прокладывая курс туда, где Луна должна была оказаться, а не туда, где была в настоящий момент.

К тому же следовало принять во внимание движение Солнца и планет по отношению к «неподвижным» звездам, а уж скорость этих свободных и легкомысленных созданий могла бы оказаться какой угодно, в зависимости от того, какие именно звезды выбирать в качестве точки отсчета. И уж во всяком случае, их скорости составляли многое множество миль в час.

Однако все это нимало не беспокоило киберпилота. Его перфокарта и механизмы совершенно точно указывали ему, как довести ракету до Луны. Он был полностью уверен в себе, и даже теория относительности Эйнштейна не могла его смутить. В электронных схемах, составлявших существо робота, не нашлось места блоку с функциями человеческой нервной системы. Зато он был в состоянии обрабатывать поступающие данные, которые свидетельствовали о том, что «Галилей» мчится со скоростью, превышающей три тысячи триста миль в час, по воображаемой линии, соединяющей Землю с точкой, в которой она должна была встретиться с Луной.

Морри мог проверить числа при помощи радара и несложной арифметики. Если найденная позиция не соответствовала вычислениям Джо, Морри мог ввести поправки, которые робот учел бы и внес в последующие расчеты.

— Три тысячи триста миль в час, — сказал Арт. — Не так уж много. Во время войны ракеты «В-2» двигались быстрее. Давайте поддадим газу и посмотрим, на что способен наш кораблик. Как вы на это смотрите, док?

— Я — за, — заявил Росс. — На нашем пути нет никаких препятствий. Давайте рванем побыстрее.

Каргрейвз вздохнул.

— Послушайте, — сказал он. — Когда вы гоняли на автомобиле с головокрумной скоростью и рисковали своими шеями, я даже не пытался вас придержать, хотя и сам рисковал немало. Но ракетой управляю я, так что спешить не будем.

— Ну ладно, ладно, мы только предложили, — успокоил его Росс. На мгновение воцарилась тишина, потом он добавил: — Но одна вещь не дает мне покоя...

— Что именно?

— Мне не раз доводилось читать, что для отрыва от Земли необходима скорость не менее семи миль в секунду. А мы развиваем всего лишь три тысячи миль в час.

— Но ведь мы движемся, не так ли?

— И что из того?

— Дело в том, что к моменту перехода в режим свободного полета мы наберем гораздо большую скорость. Начальный участок пути мы пройдем гораздо быстрее, чем завершающий. Сколько времени потребовалось бы для того, чтобы достигнуть Луны, двигаясь мы со скоростью, которую развили к нынешнему моменту?

Росс быстро подсчитал в уме, приняв во внимание расстояние от Земли до Луны и округлив его до двухсот сорока тысяч миль.

— Приблизительно трое суток.

— Подумай еще. Впрочем, — ответил Каргрейвз, — не буду говорить загадками. Одно из самых старых заблуждений, которым страдают писатели — а впро-

чем, оно встречается и в настоящее время, — состоит в следующем. Когда человек, не сведущий в небесной механике, пытается написать рассказ о будущих космических перелетах, он практически неизбежно путает ракету со снарядом, вылетающим из пушки. Если вы хотите запустить на Луну снаряд, как то предлагал Жюль Верн, корабль должен покинуть жерло пушки со скоростью семь миль в секунду, иначе он упадет на Землю. Однако на ракете вы можете двигаться гораздо медленнее, если у вас имеется достаточный запас мощности и топлива, чтобы не свалиться на Землю. Конечно, тут возрастает отношение массы ракеты к полезной нагрузке. И тем не менее мы сейчас делаем что-то в этом духе. Но нам нужно беречь топливо. К тому же я не вижу причин страдать от избыточных перегрузок ради того, чтобы достичь цели чуть быстрее. Луна ждала долго, подождет еще. Во всяком случае, — добавил он, — несмотря на то что написано немало умных книжек, люди до сих пор путают снаряд с ракетой. Кстати, я вспомнил давнюю нелепость — мол, ракета не может двигаться в безвоздушном пространстве, так как ей не от чего отталкиваться. Ну вот, вы уже смеетесь, — сказал доктор, глядя в лица мальчиков. — Вы находите такую точку зрения наивной, вроде теории плоской Земли. А я слышал подобное утверждение из уст авиаинженера...

— Не может быть!

— И тем не менее. У него насчитывалось двадцать пять лет стажа работы по специальности, и он работал над проектом Райт Филд в военно-морских силах. И он произнес ту сакраментальную фразу в 1943 году за год до того, как наци обстреляли Лондон ракетами «В-2». По его мнению, это было бы невозможно!

— Мне кажется, принцип работы ракеты должен понимать всякий, кому доводилось получать удар прикладом при выстреле из винтовки, — воскликнул Росс.

— Всякий-то всякий, но вот видишь... Большинство людей не задумывается над сутью отдачи; они лишь ощущают удар в плечо, — Каргрейвз принялся выбираться из полуоткинутого пилотского кресла. — Ну ладно, пора подкрепиться. Ух! Мои ноги мечтают об отдыхе. Я бы не прочь закусить и завалиться спать.

Завтрак явно не пошел мне на пользу: слишком много людей стояло в дверях, глядя на то, как я орудую ложкой.

— Спать? — воскликнул Арт. — Вы сказали «спать»? Я даже глаз не сомкну. Какой тут сон?! Мне кажется, я не смогу заснуть на протяжении всего путешествия!

— Это уж как хочешь. Что до меня, я намерен всхрапнуть сразу после еды. Смотреть еще не на что, и так будет до тех пор, пока мы не окажемся в свободном полете. Тогда можно будет полюбоваться Луной в телескоп.

— Это не одно и то же, — возразил Арт.

— Разница невелика, — сказал Каргрейвз. — И я намерен достичь Луны свежим и бодрым. Морри, где у нас консервный нож?

— Ээ... — Морри запнулся, на его лице появилось выражение величайшей сосредоточенности. — Слушайте, я его, кажется, забыл. Я взял его с полки, но какая-то корреспондентка задала мне дурацкий вопрос, и я...

— Ага, — вмешался Росс. — Ты повалился на землю, изобразив перед ней труп. О, как жестоко ты поступил!

Каргрейвз тихонько присвистнул.

— Надеюсь, что мы не забыли других столь же необходимых вещей. Бог с ним, Морри. Я так голоден, что могу открыть банку зубами.

— Не стоит, док, — поспешно сказал Морри. — У меня есть нож для... — произнес он, лихорадочно ощупывая свой карман. — Вот! Вот консервный нож, док!

— Морри, а ты взял у той корреспондентки телефончик? — спросил Росс, невинно поглядывая на смущенного товарища.

Ужин, или поздний обед — сказать точно было бы трудно, — состоял из одних консервов. Затем Каргрейвз развернул свою постель на переборке, которая теперь стала палубой, отделявшей рубку от грузового отсека. Морри решил устроиться на ночь в пилотском кресле. С его подлокотниками, подголовником и подставкой под ноги оно смахивало на парикмахерское и могло откидываться назад. Каргрейвз не стал отговаривать мальчика, лишь напомнил ему о необходимости заблокировать пульт управления, перед тем как заснуть.

Однако уже через час Морри вылез из кресла и расстелил свой мешок подле доктора. Арт и Росс улеглись в противоперегрузочных гамаках, представлявших собой удобные спальные места — не нужно было только застегивать ремни.

Несмотря на приглушенный рокот двигателя, несмотря на возбуждение — ведь они летели в космосе! — уже через несколько минут мальчики крепко спали. Они смертельно устали и нуждались в отдыхе.

В течение ночи по мере уменьшения притяжения Земли робот Джо плавно снижал тягу двигателя.

Арт проснулся первым. Не сообразив, где находится, он едва не вывалился из гамака на спящих под ним товарищей, но все же успел сориентироваться. И наконец-то совсем проснулся. Космос! Он летел в космосе, на Луну!

Затем мальчик ловко, по-обезьяньи, перебрался в пилотское кресло. Он старался не шуметь, хотя его вряд ли можно было услышать на фоне рева двигателя и сквозь не уступающий тому по силе храп доктора и Морри. Усевшись на место пилота, Арт с любопытством и удовольствием ощутил необычайную легкость своего тела, вызванную снижением ускорения. Луна висела практически там же, где и раньше, но значительно увеличилась в размерах и сияла теперь столь ослепительным светом, что Арт вынужден был зажмурить глаза. Потом осторожно вновь открыл их. Внезапно его охватила тревога: как же они собираются достичь Луны, если та не движется к точке, на которую они нацелились?

Для Морри такой вопрос не был бы проблемой: на курсах пилотов он овладел умением рассчитывать курсы сближения, ориентироваться в пространстве и тому подобное. Однако поскольку решение таких задач шло вразрез с повседневным опытом, Арт долго мучился, прежде чем ему удалось до некоторой степени уяснить положение: если автомобиль мчится к пересечению с железнодорожной колеей, а поезд приближается к перекрестку так, что они должны столкнуться, то направление на поезд, с точки зрения шофера, не меняется вплоть до момента соударения.

Это была простейшая задача на треугольники, которую легко решить, располагая чертежом; однако представить в уме не так-то просто. Луна двигалась к точке встречи со скоростью две тысячи миль в час, не меняя направления движения; ей предстояло расти в размерах до тех пор, пока она не заполнит собой весь небосвод.

Взгляд Арта скользнул по лику Луны, и в памяти всплыли загадочные и манящие названия: Море Спокойствия, Океан Бурь, Лунные Аппенины, Лагранж, Птолемей, Море Снов, Катарина. Чудесные названия, они так и рвались с языка.

Он не смог бы с уверенностью назвать столицы пятидесяти одного штата и даже страны, входящие в ООН, но географию Луны — или, может быть, селенографию? — Арт знал не хуже улиц родного города.

Как же выглядит обратная сторона, второе лицо Луны, невидимое с Земли?

Яркое свечение планеты начинало резать глаза, и Арт посмотрел выше, устремил взгляд в черноту космоса, оттеняемую сиянием звезд.

В направлении полета «Галилея» имелось лишь несколько по-настоящему ярких звезд. Прямо по курсу, ближе к верхнему краю иллюминатора, мерцал Альдебаран. Справа обод иллюминатора пересекал Млечный Путь, так что пилоту была видна небольшая часть этой величественной звездной реки. Арт разглядел несколько звезд Овна и призрачные Плеяды, еле заметные на фоне яркого Альдебарана, а дальше проступали в глубокой бесконечности космической пустыни одни только тусклые пятнышки.

Арт откинулся назад, уставился в чудовищную даль, бездонность которой превосходила человеческое воображение, и оцепенел, словно потеряв самого себя. Ему показалось, что он оставил уютный и безопасный корабль и погрузился в черное безмолвие.

Вздрогнув, он мигнул и впервые в жизни ощутил желание никогда больше не покидать родного дома, где все было привычным и знакомым и не внушало страх. Ему нестерпимо захотелось вернуться в свою лабораторию, в магазинчик, принадлежавший матери, к обычным разговорам простых людей, оставшихся на Земле и не думавших о беспредельных просторах космоса.

И все же черная бездна околдовала его. Он почувствовал под правой рукой рычаг управления. Стоило лишь снять тот со стопора, перевести вправо, и они ринутся вперед, развивая немыслимое ускорение, минуют Луну — слишком рано, чтобы встретиться с ней — и помчатся дальше, прочь от Луны, от Солнца, от Земли, пока не погаснет огонь в ториевой топке или не испарится весь цинк; но и тогда они не остановятся и будут вечно лететь сквозь годы в бесконечные глубины Пространства.

Арт моргнул, зажмурил глаза и вцепился в подлокотники кресла.

Глава 10

НАУЧНЫЙ МЕТОД

— Ты что, спишь? — голос над ухом заставил Арта вскочить; до сих пор он сидел, закрыв глаза, и оклик испугал его. Но то был всего лишь вскарабкавшийся наверх Каргрейвз.

— Доброе утро, дядя. Как я рад вас видеть! Вы знаете, мне как-то не по себе в этой кабине.

— Доброе, доброе, если оно и впрямь утро. Во всяком случае, где-то так оно и есть, — доктор посмотрел на часы. — Меня не удивляет, что ты чувствуешь себя неуютно. Интересно, понравилось бы тебе совершить подобное путешествие в одиночку?

— Только не мне!

— И не мне. На Луне не менее одиноко, но твердая почва под ногами придает хоть какую-то уверенность. Я думаю, путешествия на Луну не станут популярными до тех пор, пока там не появятся несколько миленьких шумных ночных баров и пара кегельбанов, — Каргрейвз уселся в кресло.

— Неужели такое возможно?

— Почему бы и нет? Когда-нибудь Луну станут посещать туристы. Кстати, ты замечал когда-нибудь, что

туристы, прибыв в незнакомое место, первым делом ищут удобств, какие были у них дома?

Арт глубокомысленно кивнул, принимая слова доктора к сведению. В отношении туризма и путешествий вообще ему самому похвастаться было особенно нечем — до сих пор!

— Как вы думаете, дядя, я смогу сфотографировать Луну через иллюминатор?

Каргрейвз вскинул голову.

— Конечно. Но зачем тратить пленку? Лучшие снимки Луны были сделаны с Земли. Подожди, пока мы не перейдем в свободный полет и не развернемся. И уж тогда ты сделаешь действительно уникальные фотографии — Земля из космоса! Или, что еще лучше, сфотографируй Луну, когда мы будем облетать вокруг нее.

— Именно об этом я и мечтаю! Снимки обратной стороны Луны!

— Я так и подумал, — Каргрейвз на мгновение замолчал, а потом добавил: — Ты думаешь, будет, что снимать?

— Ээ... ага, я вас понял. Возможно, там будет слишком темно?

— Я имел в виду нечто другое, хотя и это тоже имеет значение, так как новолуние на обратной стороне будет длиться только три дня. Мы постараемся устроить так, чтобы ты смог сделать нужные снимки на обратном пути. Я разумел вот что: откуда ты знаешь, что у Луны вообще есть обратная сторона? Ведь ты никогда ее не видел, равно как и все остальные на Земле.

— Но она должна... я хочу сказать, что... когда смотришь...

— Если я правильно расслышал, док, то у Луны не должно быть обратной стороны? — подал голос Росс, чья голова внезапно возникла у плеча Каргрейвза.

— Привет, Росс. Нет, этого я не утверждал. Я лишь спрашивал Арта, с чего он взял, что она существует.

— Не поддавайся ему, Арт, — хмыкнул Росс. — Разве не видишь, что он подначивает тебя?

Каргрейвз лукаво улыбнулся.

— Ну что ж, мистер Аристотель, если вы так хорошо меня понимаете, то постарайтесь доказать, что обратная сторона Луны существует.

— О, что тут доказывать?

— Как что? Ты был там? Видел ту сторону?

— Нет, но...

— Может быть, ты хотя бы знаком с кем-нибудь, кто видел? Читал книги, статьи, авторы которых заявляли бы, что они видели?

— Нет. Но я уверен, что у Луны есть обратная сторона.

— Почему?

— Потому, что я вижу лицевую.

— Ну и что? Разве твой опыт, приобретенный за годы жизни, не ограничивался лишь тем, что ты видел на Земле? Кстати, я могу назвать одну вещь, которую ты видел на Земле и у которой нет обратной стороны.

— Ух ты! И что же это такое? О чем вы, ребята, толкуете? — осведомился Морри.

— Привет, Морри, — сказал Арт. — Хочешь сесть в свое кресло?

— Нет, спасибо. Я только присяду на краешек, — Морри устроился на подлокотнике, болтая ногами. — О чем спор?

— Доктор, — ответил Росс, — пытается доказать нам, что у Луны нет обратной стороны.

— Нет-нет, — поспешил возразить Каргрейвз, — и еще раз нет! Я лишь хотел услышать сколько-нибудь доказательное подтверждение ее существования. Я уже говорил, что на Земле встречается вещь, не имеющая обратной стороны, и хотел таким образом отвести возражение Росса, основанное на его опыте. Кстати, я упростил ему задачу, согласившись применять земные характеристики к Луне, с чем я, в общем-то, не согласен.

— Та-ак. Секундочку! Рассмотрим сперва последнее утверждение. Разве законы природы не одинаковы для всей Вселенной?

— Голословное утверждение, ничем не подтвержденное.

— Однако, основываясь на нем, астрономы предсказывают затмения и прочие вещи, и весьма успешно.

— Ты смотришь на проблему не с той стороны. Китайцы предсказывали затмения задолго до того, как была разработана теория неизменности законов природы. На самом же деле мы видим определенное сходство

явлений, происходящих в космосе и на Земле, что не имеет никакого отношения к обратной стороне Луны, которую вы никогда не видели и которой, быть может, вовсе не существует.

— Однако некоторая часть той стороны иногда видна, — возразил Морри.

— Верно, — согласился Каргрейвз. — В промежутках между либрациями из-за эксцентрисичности лунной орбиты и наклонности ее оси мы порой можем заглянуть за угол и увидеть примерно шестьдесят процентов ее поверхности — если, конечно, она имеет форму шара. Но я говорю о тех сорока процентах, которые мы не видим никогда.

— Ага, — сказал Росс, — вы имеете в виду, что невидимая часть может оказаться как бы срезанной, словно половинка яблока. Ну что ж, вы, может статься, правы, но я готов поставить шесть плиток шоколада на то, что вы заблуждаетесь. Расплатиться мы можем после возвращения на Землю. Идет?

— В научной дискуссии нет места для пари, — ответил Каргрейвз. — К тому же я могу и проиграть. Однако я не имел в виду отрезанного куса яблока или чего-либо подобного. Я говорил лишь о том, что обратной стороны может не быть вовсе. Возможно, что, обогнув Луну, мы не увидим вообще ничего, кроме пустого пространства, и что, глядя на Луну с той стороны, мы не увидим даже самой Луны. Я не утверждаю, что так и будет, а только прошу доказать, что мы что-то увидим.

— Минутку, — прервал его Морри, в то время как Арт с беспокойством взглянул в иллюминатор, словно опасаясь, что Луны там нет, — а она светила как ни в чем не бывало! — Док, вы упомянули о каком-то предмете на Земле, который не имеет обратной стороны. Разъясните подробнее глупому парнишке из Миссури!

— Радуга. Она видна только с одной стороны — обращенной к Солнцу. Обратной стороны не существует.

— Но мы можем пройти на ту сторону!

— Попробуй поэкспериментировать с садовым шлангом. Обойди вокруг радуги. И ты ее не увидишь.

— Но, док, — возразил Росс. — Это же совсем из другой оперы. Параллели здесь неуместны. Радуга —

лишь световые волны, а Луна — субстанция вполне материальная.

— Именно это вы и должны доказать, и пока вы меня не убедили. Откуда вам известно, что Луна материальна? Все, что вы видите на ней, суть световые волны, как и в случае с радугой.

Росс задумался.

— Ну хорошо, я понял, к чему вы клоните. Но известно, что Луна действительно материальна. В сорок шестом году были исследованы лучи радара, отразившиеся от нее.

— Но лучи были те же самые: инфракрасный ли свет, ультракороткие ли радиоволны — все это одно и то же. Давай дальше.

— Но они отразились!

— И вновь ты ищешь аналогию на Земле. Повторяю: мы не имеем ни малейшего представления о законах природы на Луне, кроме тех сведений, что получили, изучая нематериальные волны электромагнитного спектра.

— А как насчет приливов и отливов?

— Они, конечно же, существуют. Мы их наблюдаем, можем даже намочить в них ноги. Но в отношении Луны они ничего не доказывают. То, что приливы вызывает Луна, — лишь общепринятое мнение, голая теория. Человечество меняет теории так же легко, как нижнее белье. Быть может, уже в следующем году астрономы решат, что приливы порождают Луну. У тебя есть другие идеи?

Росс глубоко вздохнул.

— Вы стараетесь запутать меня в словах. Верно, я никогда не видел обратной стороны Луны. Я не щупал ее и не пытался отломить от нее кусок. Кстати, используя вашу аргументацию, можно было бы предположить, что Луна состоит из зеленого сыра.

— Не совсем, — возразил Каргрейвз. — Тут у нас под ногами более или менее твердая почва. Один астроном снял спектр зеленого сыра и сравнил его со спектром Луны. Ничего общего.

— Неужели? — ехидно осведомился Арт.

— Как ни странно, да.

Росс пожал плечами.

— Та же картина, что и с показаниями радаров, — резонно заметил он. — Но вернемся к моему доказательству. Допустим, существует эта сторона Луны, неважно, какова ее природа, лишь бы она была достаточно материальна, чтобы отражать лучи радара. Тогда мы должны согласиться, что у нее есть обратная сторона — плоская, круглая, квадратная или бесформенная. Такой вывод получается в результате математических вычислений.

Морри фыркнул.

Каргрейвз позволил себе усмехнуться.

— Ну, Росс... подумай над своими словами. Что изучает математика?

— Математика изучает... — Росс внезапно осекся. — М-да, я наконец-то понял. Математика не изучает ничего реального. Если мы обнаружим, что у Луны нет обратной стороны, то нам придется изобрести новую математику.

— Это мне уже нравится! Все дело в том, что мы не можем утверждать, что у Луны имеется другая сторона, пока не попадем туда. Я лишь пытался продемонстрировать вам, — продолжал доктор, — насколько, если разобраться по-настоящему, несостоятельны умозаключения, сделанные при помощи «здравого смысла». Ни «здравый смысл», ни «логика» не способны ничего доказать. Доказательства добываются при помощи эксперимента или, что то же самое, из опыта, и ниоткуда более. Вот вам короткая лекция по научной методологии; можете зачесть ее за тридцать минут, отведенных на сегодняшние занятия. Может быть, кто-нибудь кроме меня хочет позавтракать? Или уменьшенный вес ухудшил ваш аппетит? — доктор полез вниз.

Все то время, пока готовился завтрак, Росс, похоже, напряженно над чем-то размышлял. Завтрак обещал быть отменным: на него решили пожертвовать часть весьма ограниченного запаса неконсервированных продуктов. «Галилей» располагал отличным камбузом с плитой и маленьким холодильником. Была предусмотрена возможность мыть тарелки, ножи и вилки. Они ополаскивались водой, которую регенератор вытягивал из воздуха, а затем стерилизовались на плите. На корабле имелось все необходимое, даже маленькая, но

такая необходимая ванна. Все вспомогательные предметы, вроде тарелок, были изготовлены из цинка, резервного вещества для ненасытного реактора.

Астронавты сели, точнее — опустились на корточки, за завтрак, состоявший из цельного молока, пирожных, вареных яиц, рулета и кофе с повидлом. Управившись со своей порцией, Каргрейвз удовлетворенно вздохнул.

— Жаль, что такой пир нельзя будет устраивать каждый день, — сказал он, набивая трубку. — Космические путешествия еще не скоро станут комфортабельными.

— Осторожнее с трубкой, капитан, — предостерег его Морри.

— О черт, я совсем забыл, — виновато пробормотал Каргрейвз и с сожалением посмотрел на трубку. — Слушай, Росс, — спросил он. — Как ты думаешь, сможет ли кондиционер достаточно быстро освежить воздух?

— Давайте проверим, — ответил тот. — Я думаю, одна трубка не убьет нас. Но, док...

— Да?

— Э-э... а вы-то сами как считаете, есть у Луны другая сторона или нет?

— Ты снова за свое? Кха... полагаю, есть.

— Но...

— Таково мое частное мнение. Я верю в это, основываясь на предположениях, допущениях, теориях, суевериях и тому подобном. Мое мнение — кусок иллюзий, с которыми я живу, но они не являются строгим доказательством. Если на деле все окажется не так, то, надеюсь, мой разум достаточно крепок, чтобы выдержать такое. Кстати, подоспело время ежедневных занятий, — продолжал он. — Тридцать минут мы уже отработали, так что остается лишь полтора часа. Беритесь-ка за книжки.

Арт не на шутку огорчился.

— Я подумал, что вы шутите, дядя. Неужели вы будете настаивать на выполнении школьного расписания даже на Луне?!

— Если не помешают обстоятельства. Кстати, сейчас было бы особенно удобно заняться пополнением

запаса знаний, поскольку ничего не видно и совершенно нечего делать.

Расстроенное лицо Арта постепенно прояснилось.

— Боюсь, мы не сможем сесть за уроки, дядя. Мы так далеко засунули книги, что достать их сможем только после посадки.

— Вот как? Ну что ж, ничего страшного. Что такое школа? — процитировал он. — Это скамья, на одном конце которой сидит учитель, а на другом — ученики. У нас будут лекции и коллоквиумы. Начнем с предварительного опроса. Ну-ка, садитесь поближе, несчастные!

Они уселись в кружок, скрестив ноги на переборке. Из своего бездонного кармана Каргрейвз извлек карандаш и сравнительно чистый лист бумаги.

— Ты первый, Арт. Изобрази и опиши устройство циклотрона. Повторим основы. Посмотрим, много ли ты забыл.

Арт, запинаясь, начал описывать важнейшие части циклотрона. Он изобразил два пустотелых полуцилиндра, расположенных рядом и обращенных друг к другу разрезами.

— Полуцилиндры изготовлены из меди, — сказал он, — и к ним подводится высокое напряжение очень высокой частоты. В сущности, они представляют собой коротковолновый радиопередатчик — генератор я на рисунке не показал. Помимо них имеется сильный электромагнит, поле которого проходит в щель между полуцилиндрами и направлено вертикально. Весь аппарат помещен в вакуумную камеру. Берется источник ионов...

— Каких именно?

— Ну... можно ввести в камеру немного водорода, хорошенько разогреть его в центральной точке между полуцилиндрами и получить ядра водорода — протоны.

— Так, продолжай.

— Протоны, разумеется, заряжены положительно. Переменный ток заставляет их совершать колебания между электродами. Однако магнитное поле вынуждает их двигаться по окружностям, ведь протоны — заряженные частицы. Они циркулируют по спирали между полуцилиндрами и при каждом обороте набирают скорость до тех пор, пока пучок их не вылетает через

тонкое металлическое окошко наружу, в безвоздушное пространство.

— Ну и зачем все это нужно?

— Если направить скоростной поток протонов на образец, например кусочек металла, то начнутся интересные вещи. Пучок выбивает электроны из атомов и может даже проникнуть в ядра, вызывая трансмутацию или делая вещество радиоактивным — в общем, что-то в таком духе.

— Неплохо, — признал Каргрейвз и начал задавать вопросы, касающиеся деталей. — И вот еще что, — добавил он напоследок. — Ты отвечал удовлетворительно, но, между нами, схема нарисована небрежно.

— У меня никогда не получались рисунки, — защищался Арт. — Я всегда предпочитал делать фотографии.

— Ты, вероятно, сделал очень много снимков. Что же касается художественных способностей, то я также их лишен, но чертить научился. Подумай, Арт, и вы двое тоже. Если вы не умеете чертить, это значит, что и увидеть толком не можете. Если вы четко представляете себе предмет, то сможете перенести его на бумагу. А если что-то увидели и запомнили, вы должны суметь начертить по памяти.

— Как бы я ни старался, линии получаются неровными.

— Карандаш направляет твоя рука. У него нет собственной воли. Я посоветую тебе практиковаться, тренироваться и тщательно присматриваться к предмету, на который смотришь. Умение чертить для ученого не менее важно, чем искусство владеть логарифмической линейкой. Более того — это необходимо, без твердой руки ты ничего не добьешься. Ну ладно, Арт. Следующим будет Росс. Расскажи-ка мне в двух словах о радиоактивном ряде протактиния.

Росс набрал полную грудь воздуха.

— Существуют три серии радиоактивных изотопов: группа урана, тория и протактиния. Последнюю открывает изотоп уран-235, и... — обстоятельный разговор продолжался около полутора часов, так как Каргрейвз намеревался как можно дольше занимать юношей делом, выполняя обещание, данное им отцу Росса.

Наконец он сказал:

— Ну что ж, теперь мы можем подкрепиться. Скоро тяга двигателя упадет до нуля. Ускорение постоянно уменьшается: чувствуете, как ваше тело становится все легче?

— Возьмемся за Кей-рацион? — спросил Морри, который был не только вторым пилотом, но и стюардом.

— Не стоит, — проговорил Каргрейвз. — Давай-те-ка ограничимся концентратом аминокислот и желе, — он вопросительно приподнял брови.

— Ммм... ясно, — согласился Морри, глядя на своих товарищей. — Наверное, вы правы.

Обучаясь на пилотских курсах, Морри и Каргрейвз побывали в невесомости, но желудки Росса и Арта еще предстояло испытать.

— Что такое? — спросил Арт.

На лице Росса отразилось недовольство.

— Они думают, что нас стошнит. Мы же почти ничего не весим. Послушайте, док, вы что, принимаете нас за детей?

— Нет, — ответил Каргрейвз. — Тем не менее вполне возможно, что вы плохо переносите невесомость. Со мной это уже было. И я считаю, что продукты, подвергнутые химическому перевариванию, будут очень кстати.

— Какого черта! У меня крепкий желудок. Меня никогда не тошнило в самолете.

— А в море?

— А в море я не бывал.

— Поступай как знаешь, — уступил Каргрейвз. — Однако я буду настаивать на следующем. Во время еды надень на лицо мешок. Мне не хотелось бы, чтобы крошки из твоего рта попали в кондиционер, — доктор отвернулся и принялся готовить себе желе, насыпая в воду порошок. Размешав жидкость, он выпил ее.

Продолжая хмуриться, Росс тем не менее отставил в сторону консервы и направился к плите, намереваясь приготовить аминокислотный концентрат на горячем молоке.

Вскоре робот Джо выключил двигатель.

Четверо путешественников отнюдь не взлетели к потолку, и ракета не стала бешено вращаться. Не произошло ни одной из тех вещей, которыми страшат

людей писатели-фантасты. Тяга исчезла, и все предметы в корабле попросту потеряли вес. Даже наступившую тишину заметили не сразу. Каргрейвз заранее осмотрел корабль и удостоверился, что все привязано и закреплено и каюту не заполонят свободно парящие предметы.

Доктор, оттолкнувшись одной рукой, приподнялся с кресла, двигаясь, словно пловец, плавно перевернулся в воздухе и медленно поплыл вниз или, может быть, вверх — теперь эти понятия утратили смысл — туда, где болтались Арт и Росс, пристегнувшиеся из соображений безопасности ремнями к своим гамакам. Ухватившись одной рукой за гамак Арта, доктор замедлил движение.

— Эй! Как вы там?

— Кажется, все в порядке, — сглотнув, пробормотал Арт. — Похоже на падение в лифте, — его лицо заметно позеленело.

— А ты, Росс?

— Ничего, терплю, — заявил Росс и замолчал. Его лицо было даже не зеленым, а, скорее, серым.

Космическая болезнь — не шутка, и об этом знает каждый начинающий пилот. Она похожа на морскую болезнь — тошноту, возникающую у пассажиров всякий раз, когда судно проваливается во впадину между волнами, — с той лишь разницей, что в космосе падение продолжается непрерывно.

Во время коммерческого рейса из одного пункта Земли в другой невесомость длится не более нескольких минут при переходе от полета с включенным двигателем к парению. Рассчитанный Каргрейвзом курс предусматривал многочасовой участок свободного падения. С их запасами топлива можно было проделать на тяге весь путь, но тогда было бы невозможно развернуть корабль и направить его дюзами к Луне, чтобы замедлить падение.

Посмотреть из космоса на Землю можно было только после поворота; Каргрейвз рвался увидеть родную планету, пока она не удалилась на значительное расстояние.

— Некоторое время вам придется провести на своих местах, — предупредил он. — Я собираюсь развернуть ракету.

— А можно мне посмотреть? — спросил Росс, делая героическое усилие. — Я так долго ждал! — Он отстегнул ремни и тут же едва не подавился. Из его рта показалась слюна; она не потекла струйкой по подбородку, а разделилась на крупные капли, которые нерешительно разлетелись в разные стороны.

— Возьми носовой платок, — посоветовал Каргрейвз, который чувствовал себя лишь немногим лучше. — И спускайся, если сможешь, — он повернулся к Арту.

Тот поспешно схватился за полотенце.

Каргрейвз вернулся в пилотское кресло. Он знал, что не в силах помочь мальчикам, к тому же его собственный желудок также выписывал кренделя и, казалось, медленно кувыркался. У доктора появилось желание закрепить его на месте, хорошенько прижав ремнем. Усевшись в кресле, он заметил, что Морри согнулся пополам, держась за живот. Каргрейвз не стал ничего говорить и внимательно присмотрелся к приборам, готовясь к развороту. Ничего, Морри справится сам.

Развернуть корабль было очень просто. В центре тяжести звездолета располагался небольшой массивный металлический маховик, а на пульте управления имелась рукоятка, при помощи которой маховик можно было поворачивать вправо или влево. Он был установлен в свободном кардановом подвесе, и после поворота кардан можно было зафиксировать. Раскручивался и останавливался маховик при помощи электродвигателя.

Маховик мог развернуть находящийся в свободном падении корабль и затем удерживать его в новом положении. Следует пояснить, что поворот никоим образом не влиял на курс и скорость «Галилея», а лишь на его ориентацию, направление, в котором он был нацелен. Так, прыгая в воду с вышки, ныряльщик может крутить во время падения сальто, нисколько не меняя траектории своего полета.

Сравнительно небольшой маховик способен развернуть огромную махину корабля благодаря физическим законам, проявление которых на Земле не очень заметно. Основным принципом является сохранение момента движения, в данном случае — углового момента. С ним очень хорошо знакомы любители фигурного катания на

льду; многие из сложнейших трюков основаны на применении этого закона.

Как только маховик начинал быстро вращаться, корабль медленно разворачивался в противоположном направлении. Когда маховик останавливался, корабль тут же прекращал разворот.

— Наденьте темные очки! — крикнул Каргрейвз, увидев, что звезды, на которые до сих пор был направлен корабль, стали медленно перемещаться к корме. Мальчики, хоть и имели плачевный вид, все же нашли в себе силы нащупать очки, которые лежали на этот случай в кармане у каждого, и нацепить их себе на нос.

Очки понадобились очень скоро. Луна плавно скрылась из виду. В иллюминаторе показались Земля и Солнце. Земля выглядела огромным ярко светящимся серпом, похожим на Луну спустя два дня после новолуния. На расстоянии в одну четверть пути до Луны Земля казалась раз в шестнадцать больше, чем Луна с Земли, и намного величественнее. Рога серпа были бело-голубыми из-за полярных снежных шапок. Вдоль серпа виднелись зеленоватые моря, темно-зеленые и песчано-коричневые просторы океанов, лесов, полей... Линия разделения света и тени пролегла через сердце Азии. Все было видно совершенно отчетливо, будто на школьном глобусе. Индийский океан частично скрывался под облаками — возможно, там свирепствовал шторм, но с точки зрения космических наблюдателей облака походили на полярные снега.

Между рогами серпа пряталась ночная сторона Земли; она была слабо, но равномерно освещена почти полной Луной, оказавшейся за кормой корабля. Там и тут в темноте вспыхивали сверкающие бриллиантами огоньки — земные города, такие родные, знакомые, манящие. На Луне такого не увидишь, даже когда «молодой месяц держит в объятиях старую Луну».

На полпути от экватора к северному рогу виднелись три очень ярких огня, расположенные близко друг от друга, — Лондон, Париж и Берлин. Во мраке Атлантики, на самом краю диска, сиял особенно яркий огонек — Бродвей Большого Нью-Йорка.

Трое юношей видели Нью-Йорк впервые, не говоря уж об остальной части планеты!

Хотя это и был их дом, который они могли наблюдать со стороны, откуда до сих пор никто никогда не видел Землю, внимание мальчиков довольно скоро привлекло еще более захватывающее зрелище — Солнце.

Его видимые размеры составляли лишь одну шестнадцатую огромного серпа Земли, но все же сравнивать их было невозможно. Солнце висело под Землей — разумеется, по отношению к ориентации «Галилея», а не в смысле «выше» или «ниже» — на расстоянии примерно в четыре видимых диаметра последней. Размеры самого светила были точно такими же, как и при взгляде с Земли, а яркость примерно равнялась той, какая бывает в полдень в прозрачном небе пустыни. Однако безвоздушное пространство было черным, и Солнце опоясывала сияющая корона. Видны были протуберанцы, по лику Солнца проносились испепеляющие бури.

— Не смотрите прямо на Солнце, — предупредил Каргрейвз, — даже если вы настроили поляризатор на максимальное отражение, — доктор имел в виду двойные линзы очков, сделанные из поляризующего стекла. Внешние линзы могли поворачиваться.

— Я должен сфотографировать его! — воскликнул Арт и выскочил из гамака, совершенно забыв о космической болезни.

Вскоре он вернулся к иллюминатору, захватив свой «Контакс», и начал прилаживать к нему длиннофокусный объектив. Старая камера была одним из немногих предметов, которые мать Арта умудрилась вывезти из Германии, и мальчик ею очень гордился. Привинтив объектив, он извлек из футляра «Уэстон», но Каргрейвз остановил его.

— Хочешь спалить экспонометр? — спросил он.

Рука Арта замерла.

— Да, верно, — признал он. — Но как же мне фотографировать?

— Придется обойтись без него. Лучшее, что ты можешь сделать, — взять пленку наименьшей чувствительности, самый темный фильтр и установить самую короткую выдержку. Потом помолись Богу.

Глядя на расстроенного мальчика, доктор продолжал:

— На твоём месте я бы не стал расстраиваться из-за снимков Солнца. Пусть ими занимаются астрономы, которые выйдут в космос по нашим стопам. Лучше сфотографируй Землю. Ладно, щёлкни Солнце, если тебе так хочется, а потом попробуем снять Землю. Я заслоню объектив рукой.

Арт сделал несколько снимков Солнца и приступил к фотографированию Земли.

— Никак не могу получить нужного освещения, — пожаловался он. — Солнце слишком яркое.

— Ты же знаешь силу света этого старого фонаря. Давай предположим, что освещённость примерно соответствует условиям пустыни, и установим выдержку и диафрагму на чуть большую и чуть меньшую экспозиции.

Когда Арт закончил, Каргрейвз сказал:

— Смотрите, ребята, как бы нам не обгореть, — и, потрогав пластиковую оболочку кварцевого иллюминатора, добавил: — Фильтр, конечно, отсеивает наиболее губительные лучи, но осторожность не повредит.

— Ерунда, мы все загорели дочерна, — возразили мальчишки, на коже которых оставило свои следы жаркое солнце пустыни Нью-Мексико.

— Верно. Однако это самый яркий солнечный свет, который когда-либо видели люди. Так что не горячиться.

— Интересно, — заговорил Морри, — насколько опасны солнечные лучи при отсутствии атмосферы? Я не имею в виду ультрафиолет.

— Ты читал те же самые статьи, что и я. Мы подвергаемся, кроме того, мощному космическому облучению. Оно может оказаться смертельным. Или у ваших детей окажутся длинные шеи. Что поделаешь, мы вынуждены рисковать.

— Колумб тоже рисковал!

— И подумайте, как далеко его это завело! — вставил Арт.

— А за все труды его упекли в каталажку!

— Ладно, будь что будет, — заметил Каргрейвз. — Сейчас я разверну корабль так, чтобы Солнце не светило прямо на нас. Фюзеляж нагрелся уже слишком сильно.

Заботиться об обогреве корабля не было необходимо, зато отвод избыточного тепла представлял собой серьезную проблему. Полированный корпус отражал большую часть падающих на него лучей, но солнечный свет, попадавший в иллюминатор, создавал нежелательный парниковый эффект. Охлаждение в обычном смысле этого слова было невозможно: корабль представлял собой замкнутую систему, так что избавиться от избытка тепла можно было, лишь излучая энергию во внешнее пространство. В настоящий момент ракета поглощала тепло гораздо эффективнее, чем отдавала его.

— Я хотел бы сделать еще несколько снимков, — возразил Арт.

— Я развернусь так, что мы не упустим Землю из виду, — пообещал Каргрейвз и установил рукоятку управления маховиком в соответствующее положение. Потом он поднялся наверх и присоединился к мальчикам, которые плавали напротив иллюминатора, словно рыбки в аквариуме.

Росс прижал кончик пальца к прозрачному стеклу; даже такого легкого усилия оказалось достаточно, чтобы отбросить его прочь.

— Слушайте, док, а что будет, если в стекло угодит метеорит?

— Даже и думать об этом не хочу. Впрочем, беспокоиться тут нечего. По расчетам Лея, шанс нарваться на метеорит за время путешествия к Луне и обратно составляет один к пятистам тысячам. Я вычислил, что рискую гораздо больше, когда сажусь в тот автомобиль-развалюху, на котором вы, ребята, гоняете.

— Это хорошая машина.

— Должен признать, работает она отлично, — Каргрейвз отодвинулся в сторону движением, которым пловец-спринтер отталкивается от стенки бассейна. — Арт, когда кончишь фотографировать Землю, я предложу тебе кое-что получше. Как насчет того, чтобы послушать ее?

— Кое-что получше... Что? Что вы сказали?

— Разогрей-ка свои лампы и прислушайся, нет ли чего интересного в эфире?

Со времени старта они еще ни разу не включали радио. Дело было не только в шуме двигателя: на время

прохода атмосферы все антенны, даже штыревые, пришлось втянуть в корпус. И лишь теперь, когда дюзы замолчали, наступил удобный момент для того, чтобы попытаться установить связь.

Разумеется, включенный сразу после старта радар посылал сигналы примерно так же, как и радиопередатчик, однако связь осуществлялась на частотах вне диапазона волн, используемых для пилотирования. Радар корабля действовал приблизительно по тому же принципу, что и гигантские радиотелескопы, применяемые для зондирования Луны. Однако размер кварцевого иллюминатора, через который излучал радар, был слишком мал для установки большой антенны, способной посылать сигналы достаточно мощные, чтобы пройти расстояние от Земли до Луны.

Арт тотчас же занялся рацией, заявив, впрочем, что шансы поймать что-либо весьма призрачны.

— Для этого нужен довольно-таки узкий пучок, ну как... словом, остронаправленный. Разве кто-нибудь станет заниматься этим?

— Только если захочет связаться с нами, — предположил Росс.

— Они не смогут нас найти. На таком расстоянии крошечный кораблик нельзя обнаружить даже радаром — слишком мало сечение зеркала, — авторитетно объявил Арт. — Нет, современный радар на такое не способен. Быть может, в будущем... ой!

— Поймал что-нибудь?

— Тише! — Арт уставился прямо перед собой с выражением предельной, почти болезненной сосредоточенности, которое можно видеть на лицах операторов, надевших наушники. Он осторожно прикоснулся к ручкам настройки и схватился за бумагу и карандаш. Писать в невесомости оказалось не так-то просто, но мальчик прилежно водил по бумаге кончиком карандаша.

— Есть кое-что, — прошептал он спустя пару минут. — Слушайте:

РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ ГАЛИЛЕЙ РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ ГАЛИЛЕЙ РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ ГАЛИЛЕЙ ДОК-

ТОР КАРГРЕЙВЗ АРТУР МЮЛЛЕР МОРИС АБРАМС
РОСС ДЖЕНКИНС ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС СЛЕДИ-
ЛИ ЗА ВАМИ ДО НОЛЬ ОДИН ТРИДЦАТИ ПО
ГРИНВИЧУ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ ПОТЕ-
РЯЛИ КОНТАКТ ПРОДОЛЖАЕМ ВЫЗЫВАТЬ ВАС
НА ЭТОЙ ЧАСТОТЕ НАПРАВЛЯЕМ ЛУЧ ПО ВЕРО-
ЯТНОЙ ТРАЕКТОРИИ ЖЕЛАЕМ УДАЧИ РАДИО
ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ ГАЛИ-
ЛЕЙ РАДИО ПАРИЖА ВЫЗЫВАЕТ...

— И затем повторяется. Видимо, запись, — сказал Арт дрожащим голосом.

— Черт побери! — только и смог вымолвить Росс.

— Ну, ребята, похоже, мы стали знаменитостями, — Каргрейвз старался говорить как можно спокойнее. Неожиданно он заметил, что сжимает в руке обломки своей трубки, которую сломал, даже не заметив, как. Пожав плечами, он выпустил обломки из пальцев.

— Но как им удалось нащупать нас? — настаивал Арт.

— В радиограмме о том сказано достаточно ясно, — ответил Морри. — Обратили внимание на дату? Именно в тот день мы перешли в свободный полет. А до тех пор они следили за пламенем дюз.

— Как? В телескоп?

— Скорее всего, — вмешался Каргрейвз, — при помощи антиракетного пеленгатора.

— Что вы? Ведь такое оборудование имеется только у патрулей ООН!

Каргрейвз выдавил улыбку.

— Значит, нами интересуется ООН. А теперь, па-рень, постарайся сообщить им что-нибудь в ответ!

— Попытаюсь.

Глава 11

«ИМ ХВАТИЛО ОДНОЙ АТОМНОЙ ВОЙНЫ»

Арт с головой ушел в свою работу, однако так и не смог выудить из эфира ни одного сигнала, который свидетельствовал бы о том, что его попытки увенчались успехом. Передачи с Земли были слышны в течение еще трех с половиной часов — в промежутках между его собственными попытками послать радиограмму. Затем и они умолкли: корабль вышел из зоны досягаемости луча.

Как бы то ни было, им удалось установить самую дальнюю связь в истории человечества.

«Галилей» продолжал упорно продвигаться к той невидимой границе, где прекращается воздействие Земли и вступает в свои права меньшая масса Луны. Выше и выше, дальше и дальше — корабль неся в свободном полете, ускользая из объятий Земли, но по-прежнему используя запас скорости, набранной за счет работы двигателя, до тех пор пока не преодолел границу и оказался во власти Луны. С этого момента ракета начала понемногу ускоряться, падая на поверхность серебристого спутника Земли.

Путешественники ели и спали, ели вновь, глядя на удаляющуюся Землю, и снова ложились спать.

Пока они спали, робот Джо встрепенулся, опросил свои механизмы, решил, что с него хватит невесомости, и вновь включил двигатель, дюзы которого смотрели теперь в сторону Луны — теперь корабль гасил скорость, а иллюминатор был по-прежнему направлен к Земле.

Рев двигателя разбудил экипаж. Предугадав появление тяжести, Каргрейвз заранее велел всем пристегнуться. Отвязав ремни, они спустились к пульту управления.

— Где же Луна? — спросил Арт.

— Прямо под нами, дружище, — объяснил ему Морри.

— Поищи-ка ее радаром, — попросил Каргрейвз.

— Включаю! — Морри щелкнул переключателем, подождал, пока прибор прогреется, и принялся его настраивать. В нижней части экрана появилось большое расплывчатое пятно — Луна. — Примерно пятнадцать тысяч миль, — сказал он. — Пора ввести коррекцию курса, капитан.

Больше часа они наблюдали, измеряли и вычисляли. Направление на Луну и расстояние до нее можно было определить при помощи радара. Направление действия двигателя вычислялось по положению звезд, видимых в иллюминатор. Измерения, производимые при помощи радара, давали поправки к курсу и скорости ракеты, что автоматически учитывалось установленными на борту приборами. Все эти данные предстояло в дальнейшем ввести в программу киберпилота.

Было выявлено несколько незначительных ошибок, которые робот тут же исправил. Джо воспринял изменения инструкций без всяких замечаний.

Покуда Морри и доктор занимались корректировкой, Арт и Росс приготовили лучший завтрак, на который были способны.

Ощутить под собой более-менее твердую почву оказалось для них приятным облегчением — для них и их желудков, которые с немалым трудом приспособились к невесомости, а обретя опору, тут же потребовали нормальной пищи.

С едой было покончено, и Каргрейвз с сожалением вспомнил о сломанной трубке, когда раздался звонок.

Джо отработал свою программу, выполнил все указания и теперь желал отдохнуть.

Все четверо вскарабкались к пульту управления. Слепяще-белая огромная Луна закрывала собой значительную часть экрана. Она находилась столь близко, что можно было воочию видеть перемещение ракеты — стоило лишь обратить внимание на неподвижные предметы: кратеры или горные цепи.

— Ага! — закричал Арт.

— Ну, как впечатление? — справился Росс, тараща в изумлении глаза.

— Внушительное зрелище, — согласился Каргрейвз. — Однако пора за работу. Пристегнитесь и приготовьтесь к маневру.

С этими словами он устроился в пилотском кресле и повернул рычаг, отключающий робота. Теперь управление звездолетом осуществлялось вручную. Направляемый Морри, который следил за приборами, Каргрейвз несколько раз повернул ракету, всякий раз на незначительный угол. Его целью было вывести корабль с траектории, которой тот следовал до сих пор, на круговую орбиту вокруг Луны.

— Ну как? — спросил он после продолжительного молчания.

— Отлично! В точку попали! — заверил его Морри после недолгой заминки.

— Достаточно, чтобы перейти на автоматику и повернуть корабль!

— Можно мне немножко порулить? — спросил Морри и несколько минут двигал рычагами. Потом снова наступила невесомость. Каргрейвз проверил параметры орбиты и крикнул Россу и Арту, что они могут отстегнуться. Повернув корабль так, что иллюминатор вновь оказался направлен к Луне, доктор набрал код, приказывая Джо взять управление на себя. Задачей робота было подключиться к радару и следить, чтобы высота и скорость оставались неизменными.

Освободившись от ремней, Арт схватился за фотоаппарат и тут же притянул к иллюминатору.

— Боже мой! — воскликнул он. — Вот это да! — он навел камеру и лихорадочно щелкал до тех пор, пока Росс не обратил его внимание на то, что с объектива не

снята крышка. Лишь после того незадачливый фотограф несколько успокоился.

Росс парил над иллюминатором, глядя на развертывающийся внизу безрадостный пейзаж. Ракета скользила в безмолвной тишине в двух сотнях миль от поверхности планеты, приближаясь к линии, разделяющей свет и темноту. Внизу лежали длинные тени; адские пустыни и острия горных вершин казались от этого еще более ужасными.

— Да, картинка унылая, — признал Росс. — Прямо скажу, мне здесь не нравится.

— Хочешь сойти на следующей остановке? — осведомился Каргрейвз.

— Нет... но теперь наша затея кажется мне не столь привлекательной, как раньше.

Морри взял его за руку, чтобы у Росса возникло ощущение человеческого, дружеского присутствия.

— Знаешь, что я думаю, Росс? — начал он, разглядывая бесконечные цепи кратеров. — Мне кажется, я знаю, как все получилось. Эти кратеры, конечно же, не вулканического происхождения. Точно, всё они!

— Какие такие «они»?

— Жители Луны. Их рук дело: они сами себя взорвали. Им хватило одной атомной войны.

— Ну, и как же... — Росс уставился на Морри, затем перевел взгляд на поверхность Луны, словно сию минуту отыскать там разгадку зловещей тайны. Арт отложил в сторону камеру.

— А как по-вашему, док?

Каргрейвз вздернул брови.

— Вполне возможно, — согласился он. — Любая другая теория по тем или иным вполне естественным причинам оказывается несостоятельной. Например: как объяснить наличие протяженных гладких участков, называемых морями? Дело в том, что там действительно были моря, и бомбардировались они гораздо меньше.

— А вот теперь моря исчезли, — вмешался Морри. — Селениты, жители Луны, уничтожили атмосферу, так что их моря испарились. Гляньте-ка на кратер Тихо. Именно там произошел самый сильный на планете взрыв. Он едва не расколол Луну надвое. Готов поспорить, у них нашелся умник, который придумал самое

эффективное контроружие и с его помощью в одночасье взорвал все бомбы, имевшиеся в распоряжении сторон. Это их и доконало, я уверен!

— Ну что ж, — сказал Каргрейвз. — Я не разделяю твоей уверенности, но должен признать, что теория выглядит привлекательно. Возможно, нам что-нибудь удастся обнаружить после посадки. Что же касается одновременного взрыва всех бомб, то могу привести достаточно веские теоретические возражения. Никто не имеет ни малейшего представления, как достичь подобного результата.

— Несколько лет назад никто не знал, как изготовить атомную бомбу, — возразил Морри.

— Верно, — Каргрейвз хотел сменить предмет обсуждения. Ему было неприятно вспоминать о кошмарах, мучивших его во сне с самого начала второй мировой войны. — Росс, что ты думаешь об обратной стороне Луны?

— Скоро увидим, — усмехнулся Росс. — О, вот она!

Он не ошибся. Двигаясь по круговой орбите, ракета обогнула Луну слева (если смотреть с Земли) и оказалась над загадочной обратной стороной. Росс внимательно присмотрелся к ней.

— Выглядит точно так же.

— А ты ожидал чего-нибудь особенного?

— Ожидал? Нет. Но надеялся.

В этот миг корабль пересек границу света и тени, и поверхность планеты стала темной, но не невидимой: ее все еще освещал призрачный свет звезд и только звезд, ибо сияние Земли сюда никогда не доходило. Залитые солнцем вершины остались далеко позади. При скорости, с которой они двигались — а для поддержания низкой круговой орбиты требовалась скорость четыре тысячи миль в час, — корабль совершал полный оборот вокруг планеты за полтора часа.

— Боюсь, фотографировать здесь не придется, — огорчился Арт. — Надо было прилетать в другое время.

— Да уж, — согласился Росс, не отрываясь от иллюминатора. — Это же надо — быть так близко и ничего не увидеть!

— Какие вы нетерпеливые, — сказал Каргрейвз. — Через восемь-девять дней мы стартуем вновь и опять облетим вокруг Луны. И тогда вы сможете фотографировать и смотреть, пока глаза не заболят.

— А почему лишь восемь-девять дней? Продовольствия у нас хватило бы и на более долгий срок.

— По двум причинам. Во-первых, если мы стартуем в новолуние, нам всю обратную дорогу придется лететь против Солнца. Во-вторых, я соскучился по родным краям и предпочел бы уже приземлиться, — усмехнулся Каргрейвз. На самом же деле он не хотел лишний раз испытывать судьбу, надолго задерживаясь в космосе.

Полет над знакомой освещенной стороной Луны был великолепен, но краток, словно взгляд из окна мчащегося автомобиля. Кратеры и моря были хорошо знакомы по картам, но теперь представлялись новыми, неизведанными. Их появление напомнило четырем путешественникам появление знаменитой телезвезды «в натуре» — ощущение, граничащее с чувством нереальности.

Арт взялся за кинокамеру и заснял движение корабля от Моря Плодородия до кратера Кеплер, и снимал бы дальше, но Каргрейвз велел ему пристегнуться.

«Галилей» шел по посадочной траектории. Каргрейвз и Морри выбрали для посадки плоскую безымянную равнину в районе Океана Бурь, располагавшуюся на границе видимой и обратной сторон Луны. Выбор обуславливался двумя причинами: во-первых, надо было попытаться установить связь с Землей, а во-вторых, путешественникам хотелось исследовать хотя бы часть обратной стороны Луны.

Вновь ожил киберпилот Джо. Сверившись с программой, он приготовился включить тормозные дюзы и механизмы, при помощи которых показания радара управляли маневровыми двигателями. Доктор точными движениями рукояток вывел корабль на необходимые скорость и высоту, и Морри подал знак — они находились на нужной, заранее вычисленной орбите. Каргрейвз переключил управление на киберпилота.

Джо «взялся за рычаги». Действуя маневровыми двигателями, он развернул корабль и повел на посадку, время от времени включая кормовые дюзы, чтобы пога-

сильную огромную скорость. Теперь Луна была внизу, и доктор видел лишь звезды и серп Земли, находившейся в четверти миллиона миль от ракеты.

Удастся ли вернуться домой? — думал Каргрейвз.

Морри следил за сближением по радару.

— У меня тут девять нулей, капитан, — сообщил он с гордостью и, как всегда, значительно преувеличивая. — Мы идем по курсу тютелька в тютельку.

В иллюминаторе было видно, как быстро приближается поверхность. Корабль на мгновение завис над ней, Джо выключил маршевый двигатель и повернул ракету.

Очнувшись после бешеного кувыркания, Каргрейвз обнаружил, что носовые дюзы извергают струи огня, и сообразил вдруг, что маневровые двигатели до сих пор работают. Очередной разворот втиснул доктора в кресло. Вспомнив первую тренировочную посадку в Нью-Мексико, он решил, что может взять управление на себя.

Несколько секунд спустя доктор увидел, как плоская ровная поверхность уступает место огромным валунам, трещинам и разломам... если корабль сядет здесь, даже не потерпев аварии, взлететь отсюда уже не удастся.

Их обмануло Солнце. Оно стояло в зените, и вокруг не было теней. Казалось, плоская равнина тянется до самых гор. Да, под звездолетом были не горы, а валуны, но их вполне хватило бы, чтобы от «Галилея» остались мелкие кусочки, если бы он наткнулся на них.

На оценку положения ушло несколько секунд, а потом Каргрейвз лихорадочно взялся за дело. Выключая одной рукой киберпилота, он положил другую на рычаг управления кормовым двигателем и перевел его на полную мощность.

Нос ракеты задрался кверху.

Готовый рухнуть на планету, корабль задрожал; его удерживали от падения только кормовые дюзы и гироскопы. Потом медленно, словно нехотя, заработал маршевый двигатель, и лишь теперь Каргрейвз почувствовал, как несовершенен и медлителен автоматический привод и что он не годится для посадки на планету.

«Галилей» устремился прочь от Луны.

— Еще чуть-чуть — и конец, — тихо промолвил Морри.

Каргрейвз вытер со лба пот и вздрогнул.

Теперь он понимал, что ему предстоит. Он видел только одну возможность: направить ракету к Земле и рассчитать курс в пути — курс к планете, чья атмосфера помогла бы пилоту посадить взбесившийся корабль. Лишь в этот миг он понял, что до героя ему далеко. Он старел и сознавал, что стареет.

Его тошнило от мысли, что он должен расписаться в собственной слабости перед Морри.

— Собираетесь сажать вручную? — спросил юноша.

— Что?

— Другой возможности посадить корабль на незнакомой площадке нет. Я вижу поверхность, но вы в течение ближайших секунд не разглядите ничего, кроме носовых дюз. И радар нам не поможет.

— Я не могу сажать ракету, Морри.

Мальчик промолчал. Он уселся в кресло и смотрел прямо перед собой. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Я хочу увести корабль к Земле.

Морри даже не подал виду, что расслышал хотя бы слово. Его лицо не выражало ни одобрения, ни неодобрения — сплошное безразличие.

Каргрейвз вспомнил, как его отчитывал Росс — ослепший, весь в бинтах. Вспомнил о том, как Арт преодолел космическую болезнь ради того, чтобы сфотографировать Землю. О тех горячих деньках, когда они с Морри овладевали пилотским искусством.

А теперь тот молчал и избегал смотреть на доктора.

Что же делать, имея на руках ракету с подростками, за которых он отвечает? Он был ученым, привыкшим к лабораторным исследованиям, а вовсе не суперменом. Если бы Росс управлял кораблем... Даже в этой критической ситуации Каргрейвз содрогнулся, вспомнив о манере Росса водить автомобиль. Арт немногим лучше, а Морри самый отчаянный сорвиголова из всех троих.

Каргрейвз понимал, что не сумел бы стать первым пилотом даже в двадцать лет. Такое было по плечу разве что мальчишкам с их юношеской бесшабашностью; управлять ракетами — их удел. Они были слишком молоды, чтобы излишне осторожничать, и задние

мысли никак не влияли на их поступки. Доктор припомнил слова Росса: «Я попаду на Луну, даже если придется идти пешком».

— Сажай ракету, Морри.

— Слушаюсь, сэр!

Мальчик так и не взглянул на Каргрейвза. Он поставил корабль на хвост и стал медленно опускать его, потихоньку уменьшая тягу кормового двигателя. Он руководствовался чистой интуицией, внутренним зрением: Каргрейвз не видел в иллюминаторе ничего, кроме звезд, и мальчик, разумеется, наблюдал то же самое. Морри развернул корабль, выключая маршевый двигатель.

Поверхность Луны была совсем рядом и быстро приближалась.

Из маневровых дюз вырвалось пламя: корма звездолета оказалась обращенной к планете. Затем Морри привел в действие носовой двигатель. Он ухитрился одновременно вести ракету и бросать взгляды в иллюминатор.

Он опустился так низко, что доктору почудилось, будто корабль вот-вот ткнется носом в почву, иллюминатор разобьется и они все погибнут. Однако Морри вновь включил на мгновение кормовые дюзы, выровнял ракету и уложил ее чуть ли не горизонтально, так близко к лунной поверхности, что доктор ясно различил прямо перед собой грунт.

Мельком глянув в иллюминатор, Морри в последний раз включил бортовые дюзы и мягко посадил корабль. «Галилей» опустился на Луну.

— Посадка совершена, сэр! Время ноль восемь тридцать четыре.

Каргрейвз глубоко вздохнул.

— Великолепная, чудесная посадка, Морри!

— Благодарю вас, сэр!

Глава 12

ГОЛЫЕ КОСТИ

Росс и Арт выпрыгнули из гамаков и, возбужденно переговариваясь, собирались надевать скафандры, когда Каргрейвз, едва не упав, неуверенно вылез из своего кресла. Его подвела слабая сила тяжести в одну шестую земной. Он уже успел привыкнуть к невесомости и ускорениям, от которых внутри все сжималось; искусственная сила тяжести в один «же», возникавшая при работе двигателя, не смущала доктора. Пристегнувшись ремнями, он переносил развороты ракеты с той же легкостью, что и маневры самолета.

Но тут иное, подумалось ему, к чему нужно привыкнуть. Доктор испытывал нечто вроде ощущения, возникающего у человека после того, как он снимет горнолыжные ботинки или тяжелые сапоги.

Морри еще некоторое время оставался в кресле, заполняя и подписывая бортжурнал. Его смутила графа «позиция». В школе пилотов его учили записывать сюда широту и долготу пункта прибытия. А каковы же координаты места их посадки?

Луна, как и Земля, имеет северный и южный полюсы, что вполне определяет широту любой ее точки. Что же касается долготы, она остается неопределенной до

тех пор, пока не будет выбран нулевой меридиан. Здесь проблем не было: «Гринвичем» Луны являлся Тихо.

Однако навигационные таблицы составлялись для Земли.

Морри знал, что трудность преодолима. Пользуясь сферической тригонометрией, можно было перенести на Луну решения небесного треугольника, на которых основывалась вся навигация. Но это потребовало бы сложных расчетов, совсем не похожих на выкладки, производимые пилотами самолетов по заранее составленным таблицам. Морису пришлось бы обратиться к методу Марка Сент-Хилэра, о котором никто не вспоминал уже более двадцати лет, и пересчитать по условиям Луны решения, определенные для Земли.

Ладно, дело терпит, сказал он себе; к тому же Каргрейвз должен будет все перепроверить. Морри звала Луна.

Он поспешил присоединиться к остальным членам экипажа, собравшимся подле иллюминатора, за которым простиралась безжизненная равнина, а вдалеке возвышались зубчатые холмы. Было жарко, ослепительно светило Солнце; ракету окутывало абсолютное безмолвие. Земля не просматривалась: в последние секунды совершенной без подготовки посадки ракета пересекала границу и села на обратной стороне Луны.

Вместо медного неба, которое нависало бы над безрадостной каменистой пустыней на Земле, над ними раскинулся черный свод, усыпанный сияющими звездами. Ну что ж, подумал Морри, все еще занятый проблемами навигации, во всяком случае, заблудиться тут будет сложно. Курс можно будет запросто проложить по звездам.

— Когда же мы выйдем наружу? — спросил Арт.

— Не суетись, — ответил Росс и повернулся к Каргрейвзу. — Посадка была мягкая, но скажите мне, док: тот первый подход — вы что, отрабатывали маневр на ручном приводе или так и полагалось по программе киберпилота?

— Честно говоря, ни то ни другое, — доктор секунду колебался; первые же слова Росса и Арта показали, что они даже не догадывались ни о катастрофе, которой чудом удалось избежать, ни о его преступной

нерешительности. Стоило ли рассказывать об этом теперь? Доктор понимал, что, промолчи он, и Морри не проронит ни звука.

Именно поэтому Каргрейвз решил быть откровенным. Мужчина — именно мужчина, а не мальчик — должен получить заслуженное им признание.

— Нам пришлось отключить робота, и Морри произвел посадку сам, — сообщил он.

Росс тихонько присвистнул.

— Что вы сказали? — воскликнул Арт. — Только не говорите, что радар вышел из строя! Я его проверял шесть раз!

— Твои приборы сработали безупречно, — заверил Каргрейвз. — Тем не менее человек может сделать кое-что, недоступное технике. Так оно и получилось, — и доктор поведал ребятам о том, что же произошло.

Росс широко открытыми глазами рассматривал Морри до тех пор, пока тот не покраснел.

— Не зря я говорил, что ты отличный пилот, — заявил Росс. — Но хорошо, что ты не слышал. — Отойди в сторонку, он взялся за свой скафандр.

— Так когда же мы выйдем наружу? — настаивал Арт.

— Думаю, прямо сейчас.

— Ура!

— Но спешить не следует. Быть может, именно на твою долю выпадет жребий остаться на корабле.

— Э-э... послушайте, дядя, а зачем кому-то оставаться здесь? Ведь ракету никто не украдет!

Каргрейвз заколебался. Осторожный по натуре, он намеревался каждый раз оставлять на корабле хотя бы одного человека. С другой стороны, для этого не было никаких оснований. Тот, кто остается на корабле, ничем не сможет помочь товарищам снаружи, до тех пор пока не натянет скафандр и не выйдет из ракеты.

— Мы пойдем на компромисс, — сказал он. — Мы с Морри... — тут ему пришло в голову, что не стоит рисковать сразу двумя пилотами, — нет, мы с Артом выйдем первыми. Если все будет в порядке, Росс и Морри выйдут вслед за нами. Ну что, гвардейцы, — добавил он, поворачиваясь, — надеть скафандры!

Они помогли друг другу влезть в космические костюмы, смазав сперва от загара лица там, где они не были прикрыты темными очками. Потом Каргрейвз распорядился накачать в скафандры воздух под удвоенным давлением, а сам тем временем тщательно проверил кислородные баллоны.

Проверили и средства связи. Пока вокруг был воздух корабля, можно было переговариваться и так, но звук был приглушен шлемами. Радиосвязь обеспечивала гораздо лучшую слышимость.

— Ну, ребята, — сказал наконец Каргрейвз, — мы с Артом вместе войдем в шлюз, потом обойдем корабль и встанем так, чтобы вы могли нас видеть. Выходите, когда я махну рукой. И последнее: все время держитесь вместе. Не отходите от меня дальше, чем на десять ярдов. Да, кстати, выйдя наружу, вы все обязательно захотите проверить, как высоко сможете подпрыгнуть. Я слышал, как вы о том рассуждали. Так вот, могу сказать заранее: вы подпрыгнете на двадцать пять-тридцать ярдов или около того. Но прошу вас не делать ничего такого.

— Почему бы и нет? — спросил Росс, его голос в наушниках звучал необычно.

— Потому, что если кто-то упадет головой вниз и разобьет шлем, то нам придется похоронить его на том же месте. Пошли, Морри! Прошу прощения, я имел в виду — Арт!

Они втиснулись в крохотный шлюз, заполнив его собой почти до отказа. Двигатель насоса, откачивавшего воздух, коротко взревел — так мало осталось в шлюзе свободного пространства — затем захлебнулся и умолк. Щелкнул клапан насоса, и Каргрейвз открыл люк.

Оттолкнувшись ногой от ракеты, доктор почувствовал, как плавно падает — скорее плывет — к поверхности Луны. Следом прыгнул Арт и, опустившись на четвереньки, легко вскочил на ноги.

— Ну как, парень?

— Великолепно!

Они двинулись в обход корабля, бесшумно ступая башмаками по голой почве. Поглядев себе под ноги, доктор взял рукой горсть пыли и принялся рассматривать ее, стараясь понять, не похожа ли она на почву,

опаленную атомным взрывом. Доктор думал о теории, выдвинутой Морисом. Они сейчас находились внутри лунного кратера — ошибки быть не могло, ибо их со всех сторон окружали цепи холмов. Не являлся ли он воронкой, оставшейся от ядерной бомбы?

Сказать наверняка было трудно. Лунный грунт действительно напоминал оплавленную, в пузырях землю, подвергнутую воздействию ядерного взрыва. Но подобное могло быть и результатом вулканической деятельности или взрыва, вызванного падением гигантского метеорита. Ну что ж, решение этой проблемы придется отложить на потом.

Внезапно Арт остановился.

— Дядя! Мне нужно вернуться назад!

— Что такое?

— Я забыл свой фотоаппарат!

Каргрейвз рассмеялся.

— В следующий раз. Твоя натурщица никуда не денется.

Страсть Арта все разгорается, хмыкнул он про себя. Если так пойдет дальше, он даже в ванну не залезет без своей камеры.

Хорошо бы сейчас искупаться, подумал Каргрейвз, вспомнив о ванне. Путешествия в космос имеют свои отрицательные стороны. Запах собственного пота начал потихоньку досаждать доктору: ведь его тело плотно облегал скафандр.

Росс и Морри с видимым нетерпением дожидались у иллюминатора. Их радиоголоса, до сих пор экранированные стальным корпусом корабля, свободно проникали сквозь кварцевое стекло.

— Как там у вас? — закричал Росс, прижав нос к иллюминатору.

— Кажется, все в порядке, — раздался голос Каргрейвза.

— Нам можно выходить?

— Подождите минутку, я еще не уверен.

— Ну ладно, — разочарованно протянул Росс. Его снедало нетерпение, но дисциплина на корабле соблюдалась свято. Арт скорчил ему рожицу и даже изобразил что-то вроде танца, при каждом прыжке взлетая футов на пять в воздух, точнее — в вакуум. Он парил

над грунтом. Его движения, которым нельзя было отказать в известном изяществе, напоминали замедленные съемки или, скорее, балет под водой.

Однако, когда он принялся, прищелкивая каблуками, подпрыгивать все выше, Каргрейвз велел ему успокоиться.

— Стой смирно, космонавт. Нижинского из тебя не получится.

— Нижинский? Кто такой Нижинский? *

— Неважно. В общем, хотя бы одна нога у тебя должна быть на грунте. Морри! — позвал он. — Выходите оба, ты и Росс.

Морри и Росс не заставили себя долго ждать.

Ступив на поверхность Луны, Морри окинул взглядом безжизненную равнину и изрезанные вершины скал вдалеке. На него внезапно накатило предчувствие беды, и в душу закралось какое-то неприятное ощущение.

— Останки мертвого мира, — пробормотал он.

— Ну, — сказал Росс. — Ты идешь?

— Только после вас, сэр.

К ним присоединились доктор и Арт.

— Куда теперь? — спросил Росс.

— Для начала я не хотел бы слишком отдаляться от корабля, — заявил Каргрейвз. — Здесь могут оказаться ямы, наполненные пылью и на первый взгляд незаметные. Какое у вас давление в скафандрах?

— Как на корабле.

— Можете уменьшить его вдвое. Этого будет достаточно. Не забывайте, мы дышим чистым кислородом.

— Может, прогуляемся вон до тех холмов? — предложил Морри, показывая на край кратера менее чем в полумиле от корабля. Там светило солнце, и тени от холмов протянулись к ракете, обрываясь в сотне футов от нее.

— Давайте сделаем хотя бы часть пути. В тени нам будет лучше. Я уже начинаю потеть.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Морри, — то с вершины тех холмов мы сможем увидеть Землю. Когда

* В. Нижинский — «звезда» балета начала XX в. (Примеч. ред.)

мы садились, я заметил ее светящийся краешек. Мы залетели не очень далеко на обратную сторону.

— И где же мы сейчас?

— Чтобы ответить, мне нужно осмотреться. Так... мы находимся в районе к западу от Океана Бурь, недалеко от экватора.

— Это я и без тебя знаю.

— Если вы так спешите, капитан, то лучше обратитесь в Автомобильный клуб.

— Я не спешу. Индеец не заблудится: только вигвам может заблудиться. Надеюсь, мы сможем увидеть Землю прямо отсюда. Тут очень хорошее место для установки антенны, причем поблизости от корабля. Честно говоря, мне не хотелось бы трогать корабль с места до тех пор, пока мы не отправимся назад — даже если потеряем возможность связаться с Землей.

К облегчению Каргрейвза, вскоре они укрылись в тени. Вопреки распространенному мнению, тени на Луне не были черными, несмотря на то что воздух, который рассеивал бы солнечный свет, отсутствовал. Сверкающий песок под ногами и окружающие холмы отражали в тень достаточно света.

Они прошли значительную часть пути, когда Каргрейвз заметил, что группа разбрелась. Он остановился у найденного Россом обнажения скального грунта и пытался рассмотреть его в слабом сумеречном свете, когда увидел, что рядом нет Морри.

Сначала доктор рассердился, но потом сообразил, что Морри, шедший первым, вполне мог не заметить их задержки.

Каргрейвз взволнованно осмотрелся.

Морри был уже в сотне ярдов впереди, там, где начиналось возвышение.

— Морри!

Тот притормозил, однако не откликнулся. Доктор заметил, что юноша нагнулся и что-то разглядывает, покачивая головой.

— Морри! Назад! У тебя все в порядке?

— В порядке? Конечно, у меня все нормально, — хихикнул тот.

— Тогда возвращайся.

— Не могу. Я занят. Я нашел тут... — Морри неосторожно шагнул, подпрыгнул, опустился на песок и покачнулся.

— Морри! Стой спокойно! — Каргрейвз поспешил к нему.

Однако Морри не успокоился. Наоборот, он стал подпрыгивать вверх, все выше и выше.

— Нашел! — кричал он. — Нашел! — он в последний раз прыгнул и, опускаясь на песок, продолжал кричать: — Я нашел... кости... — голос его внезапно пресекся. Он дернул ногой, поскользнулся и шлепнулся на спину.

Тут подоспел Каргрейвз, передвигавшийся огромными скачками.

Шлем юноши был цел. Однако глаза Морри тупо смотрели в пространство. Голова его поникла, лицо посерело.

Каргрейвз подхватил Морри на руки и помчался к «Галилею». Он узнал симптомы, хотя до сих пор видел их лишь в барокамере на пилотских курсах. Аноксия, болезнь пониженного давления! У Морри началось кислородное голодание, и он мог умереть еще до того, как ему окажут помощь; либо, что еще хуже, мог остаться в живых с необратимыми повреждениями мозга и утратой рассудка.

Такое не раз случалось с храбрецами, поднимавшимися на большие высоты на заре воздухоплавания.

Двойной груз не мешал доктору бежать. Даже вдвоем, одетые в скафандры, они весили меньше семидесяти фунтов. Лишний вес только помогал, придавая устойчивость.

Каргрейвз втиснулся в шлюз, прижимая Морри к груди, и с нетерпением ждал, когда камера наполнится воздухом. До тех пор пока давление не сравняется, ни один человек не смог бы открыть люк.

Наконец он вошел в корабль и положил Морри на пол. Юноша по-прежнему был без сознания. Доктор трясущимися пальцами попытался сорвать с него скафандр; на руках были перчатки, и оттого пальцы не слушались. Тогда Каргрейвз стянул скафандр с себя и отвинтил шлем юноши. Свежий воздух коснулся лица

Морри, но мальчик все еще не подавал признаков жизни.

Чертыхнувшись, доктор попытался дать Морри кислород прямо из баллона, но обнаружил, что клапан скафандра юноши почему-то не работает. Каргрейвз схватился за свой аппарат, отсоединил кислородный шланг, направил струю в лицо мальчика и начал ритмично массировать его грудь.

Веки Морри дрогнули, и он сделал глубокий вдох.

— Что случилось? Все в порядке? — Росс и Арт уже входили в корабль.

— Может быть, и обойдется. Пока не знаю.

Внезапно Морри судорожно сглотнул и глаза его приобрели осмысленное выражение.

— Что такое? — спросил он.

— Ложись, — велел Каргрейвз, положив руку ему на плечо.

— Хорошо... Ба, да я на корабле!

Каргрейвз объяснил ему, что произошло. Морри моргнул.

— Вот так история! Все шло нормально... за исключением того, что в какой-то момент я почувствовал себя просто чудесно!

— Это и был первый симптом.

— Да, понимаю. Но в тот миг не сообразил. Я нашел кусок металла с отверстием и держал его в руке, когда...

— Что? Обработанный металл? Кусок металла с...

— Точно. Так необыч... — Морри озадаченно умолк. — Но такого не могло быть!

— Почему же? Вполне возможно, что Луна обитаема. Или, может быть, кто-то сюда прилетал.

— Я не о том, — Морри отмахнулся, словно от назойливой мухи. — Я рассматривал тот кусок и пытался сообразить, что он собой представляет, и вдруг откуда-то выскочил маленький лысый человечек и... но такого не могло быть!

— Да, — подтвердил Каргрейвз после короткой паузы. — Такого быть не могло. Боюсь, в тот момент у тебя начались галлюцинации из-за недостатка кислорода. Ну, и что насчет того куска металла?

Морри потряс головой.

— Не знаю, — признался он. — Помню, как держал его, смотрел на него. Помню так же отчетливо, как все остальное, как всегда. И лысого коротышку помню. Он стоял прямо передо мной, и у него за спиной — другие существа, и я догадался, что вижу селенитов, жителей Луны. А еще там были здания и деревья, — он запнулся. — Ну конечно, сплошные галлюцинации.

Каргрейвз кивнул и занялся кислородным баллоном в скафандре Морри. Вентиль вновь работал нормально, и теперь уже нельзя было сказать, замерз ли он, когда мальчик оказался в глубокой тени, или в него попала крошечная песчинка, или же Морри слишком туго закрутил его, когда Каргрейвз велел снизить давление, и тем самым едва не удушил сам себя. Повторения подобного нельзя было допустить. Доктор повернулся к Арту.

— Смотри сюда. Нужно что-то придумать, чтобы клапаны можно было заворачивать только до определенного предела. Ммм... Но и этого недостаточно. Нужен сигнал, предупреждающий владельца скафандра о том, что запас кислорода на исходе. Поразмысли на досуге.

На лице Арта появилось выражение озабоченности, обычное в те минуты, когда его техническое мышление начинало работать в полную силу.

— Среди инструментов у меня есть несколько неонов, — ответил он. — Может быть, вмонтировать их в шейное кольцо и включить так, что если поток кислорода уменьшится, то... — Каргрейвз больше не слушал; он знал, что дело лишь во времени — Арт непременно изобретет что-нибудь подходящее.

Глава 13

«ЭТО — ЧИСТОЕ БЕЗУМИЕ»

Как и ожидал Морри, над вершинами кольца холмов разлился свет Земли. Каргрейвз, Росс и Арт отправились на разведку, оставив Морри отдыхать и заниматься проблемами навигации. Каргрейвз отказался отпустить мальчиков одних, опасаясь, что они станут прыгать по скалам. При пониженной силе тяжести у них вполне мог возникнуть такой соблазн.

К тому же ему не терпелось осмотреть место, где с Морри произошел несчастный случай. Его не интересовали лысые человечки, но вот кусок металла с дыркой — другое дело. Если тот и впрямь отыщется, то, возможно, станет величайшим открытием с тех пор, как человечество вышло из тьмы и осознало себя.

Но доктору не повезло. Отыскать нужное место было не трудно — отпечатки ног были для поверхности Луны внове. Они тщательно обыскали все вокруг и ничего не нашли. Однако полной уверенности у них не было, ибо дно кратера по-прежнему пряталось во мраке. Лишь через несколько дней сюда проникнет свет; тогда, решил Каргрейвз, они возобновят поиски.

Во всяком случае, обуреваемый галлюцинациями Морри вполне мог зашвырнуть кусок металла, если, конеч-

но, тот вообще существовал, весьма далеко. Он мог пролететь ярдов двести, прежде чем упасть, а потом еще и зарыться в мягкий грунт.

Посещение вершины холмов оказалось более полезным делом. Каргрейвз сказал Арту, что теперь можно попробовать связаться с Землей... и с трудом удержал мальчика на месте: тот пожелал немедленно вернуться на корабль, чтобы заняться связью. Однако вместо этого ему, равно как и всем остальным, пришлось искать удобную площадку для установки «конуры».

«Конура» — заранее изготовленный крохотный домик — лежала в трюме между переборками «Галилея» в разобранном виде. Ее конструкцию разработал Арт, еще летом, пока Каргрейвз и Морри занимались на пилотских курсах. Она была похожа на сборный металлический гараж с круглой крышей и имела одно несомненное достоинство: все ее детали и панели можно было вынести наружу через шлюз корабля.

В их намерения не входило возводить на поверхности Луны постоянное жилище — в нем было бы то чересчур жарко, то слишком холодно. Они собирались устроить что-то вроде самодельной пещеры.

Около гребня меж двух каменных столбов они нашли подходящую по размерам ровную площадку. С легкодоступной вершины одного из столбов открывался прямой вид на Землю, что было необходимо для установления связи. Поскольку атмосфера на Луне отсутствовала, можно было не беспокоиться об эффекте горизонта; лучи пройдут туда, куда их направят. Выбрав место, трое путешественников вернулись на корабль за инструментами.

Большую часть монтажных работ взяли на себя Каргрейвз и Росс; требовать помощи от Арта не представлялось возможным — тот прямо-таки разрывался между желаниями фотографировать все подряд и устанавливать оборудование, при помощи которого собирался связаться с Землей. По распоряжению Каргрейвза Морри несколько дней занимался только легкими работами: готовил пищу, проводил навигационные расчеты. Во всяком случае, ему было рекомендовано держаться подальше от скафандров.

При пониженном тяготении переноска материалов, панелей и инструментов к месту строительства казалась детской игрой. Каждый мог переносить около пятисот фунтов зараз — в земном исчислении, конечно. И только тяжелые и громоздкие балки приходилось поднимать вдвоем.

Первым делом пришлось выровнять песчаную почву, чтобы уложить металлический пол, а потом они собрали всю конструкцию прямо на месте. Работа шла быстро; из инструментов понадобились только гаечные ключи, а металл был легче картона. Собрав коробку, они установили «дверь» — похожий на барабан люк с воздухо- непроницаемыми уплотнителями на обоих торцах.

Испытав дверь, они перебросили несколько земных тонн лунного грунта на крышу будки, заполняя свободное пространство между каменными столбами — толщина песчаного слоя составила всего около трех футов. Когда это было сделано, от «конуры» остался лишь выступающий из скалы вход — все сооружение напоминало эскимосское иглу.

Лунный грунт сам по себе плохо проводит тепло, а между песчинками находится вакуум, что обеспечивает надежную теплоизоляцию.

Однако помещение пока не было герметичным. Установив временные портативные светильники, астронавты принесли запечатанные баки и тюки особого материала. Из баков достали клейкие пластины резиноподобного герметика и быстро, чтобы не испарился клей, разложили их, словно обои. Приклеив пластины к потолку, стенам и полу, они извлекли из тюков тонкую алюминиевую фольгу, сверкавшую словно зеркало, и обложили ею все пластины, за исключением половых, которые застелили более прочными дюралевыми листами.

Теперь можно было испытать хижину давлением. Обнаружив несколько мест, где происходила утечка, они быстро заделали щели. Вся работа заняла меньше двух «дней».

«Конура» должна была служить Арту радиорубкой, но годилась и для других целей. Требовался склад для вещей, без которых можно было обойтись на обратном пути. Освободившееся в трюме пространство предназ-

началось для образцов грунта и лунных камней, которые астронавты намеревались доставить на Землю.

Однако для Каргрейвза и его спутников хижина была не только складом или радиорубкой. Они перенесли сюда личные вещи и установили аппаратуру для гидропоники, на которой посадили ревень. Теперь появилась возможность очищать воздух, так что «конура» вполне годилась для постоянного проживания.

Для путешественников она была чем-то вроде символа покорения человечеством новой планеты, его стремления утвердиться здесь навсегда, приспособить планету к своим нуждам и жить за счет местных ресурсов.

Хотя «конуру» предстояло покинуть уже через несколько дней, они объявили ее своим новым домом.

Когда все было готово, состоялась церемония, которую Каргрейвз намеренно откладывал до окончания строительства «конуры». Мальчики встали у двери полукругом, и доктор произнес небольшую речь.

— Как руководитель экспедиции, одобренной комиссией Объединенных Наций и прибывшей сюда на корабле, зарегистрированном в Соединенных Штатах Америки, я объявляю эту планету колонией под управлением Объединенных Наций Земли в соответствии с законами Соединенных Штатов. Росс, поднимай флаги!

На невысокой мачте взвились стяг Объединенных Наций и знамя Соединенных Штатов Америки. Здесь не было ветра, который расправил бы их своим дуновением, но Росс предусмотрительно вставил в верхние швы полотнищ отрезки упругой проволоки, и флаги явили присутствующим свои цвета.

Каргрейвз проглотил застрявший в горле комок. Он подумал о маленькой хижине — первом строении будущего Луна-Сити. Он представил себе, что уже через год здесь появятся здания больших размеров и лучше оборудованные, и их воздвигнут вокруг этой исторической площадки. Тут будут жить разведчики, ученые и рабочие-строители, которые станут возводить на дне кратера настоящий лунный город и ракетный порт.

И, возможно, здесь будут устроены Научный Каргрейвзовский центр и Лунная обсерватория «Галилей».

Он почувствовал, что по его щекам текут слезы, и попытался вытереть их, но рука наткнулась на шлем. Встретив взгляд Росса, доктор смутился.

— Ну, парни, — сказал он с наигранной бодростью, — пора браться за дело. Интересно, — добавил он, глядя на Росса, — какое действие могут оказать на разумного человека простые символы.

Росс отвел взгляд от лица доктора и посмотрел на полотнища.

— Что ж, — отозвался он. — Человек — не совокупность химических реакций, он —местилище идей.

Каргрейвз внимательно присмотрелся к нему. Да, мальчики выросли не по дням, а по часам.

— Когда мы начнем разведку? — спросил Морри. — Чего мы ждем, ведь «конура» построена?

— Я полагаю, скоро, — уклончиво ответил Каргрейвз. В течение последних дней ему пришлось обуздывать нетерпение Морри, который был явно разочарован тем, что нельзя пункт за пунктом облетать Луну на ракете. Он был убежден, что легко сумеет повторить успех первой посадки.

Каргрейвз же, в свою очередь, был уверен, что одна из многочисленных посадок непременно кончится аварией, и им, даже если они не погибнут при крушении, будет суждено умереть от голода или удушья. Но против пеших прогулок, длительность которых в любом случае ограничивалась несколькими часами, у него не было возражений.

— Посмотрим, как идет дело у Арта, — предложил он. — Я не хотел бы держать его взаперти — ему нужно сделать массу снимков и, с другой стороны, закончить монтаж радиостанции. Вполне возможно, что для ускорения работы ему потребуются дополнительные рабочие руки.

— Ладно, капитан.

Они прошли через шлюз и втиснулись в «конуру». Росс и Арт уже сидели внутри.

— Арт, — спросил Каргрейвз, сняв скафандр, — сколько времени тебе понадобится на испытания передатчика?

— Точно сказать не могу. Честно говоря, я даже не думал о том, чтобы приспособить наше оборудование. Если бы мы смогли привезти всю нужную аппаратуру...

— Ты хочешь сказать — если бы у нас были деньги на ее приобретение? — вмешался Росс.

— Ну...во всяком случае, у меня есть другая мысль. Здесь идеальное место для экспериментов с электроникой: чистый вакуум! Я хочу попробовать разработать большие — очень большие лампы... точнее, это будут уже не лампы. Я смонтирую электроды в открытом пространстве и не стану заключать их в стекло. Это самый шикарный способ разрабатывать вакуумные приборы, о лучшем даже и мечтать нечего.

— Даже если и так, наши перспективы все равно остаются неопределенными, — отметил Морри. — Док, вы решили отправиться в обратный путь менее чем через десять земных дней. Но вы же видите — нам необходимо задержаться! — добавил он с надеждой в голосе.

— Не вижу, — заявил Каргрейвз. — Хммм...Арт, отвлекись-ка от передатчика. В конце концов, нас никто не принуждает устанавливать связь с Землей. Ну, а сколько времени потребуется, чтобы поймать радиопередачу оттуда?

— Оттуда? — повторил Арт. — У меня есть все необходимое, чтобы организовать прием за пару часов. А уж о передаче пусть заботятся на Земле.

— Прекрасно! А мы займемся обедом.

Прошло около трех часов, и Арт объявил, что он готов к испытаниям.

— Все готово, — сказал он. — Стойте рядом.

Они обступили передатчик, и Росс нетерпеливо спросил:

— Ну и что же ты собираешься поймать?

Арт лишь пожал плечами.

— Может быть, Эн-эй-эй, либо Берлин, если они, конечно, вещают на нас. Мне кажется, лучше всего попробовать радио Парижа, вдруг они все еще пытаются нас достать... — и взялся за ручки управления с обычным своим отсутствующим видом.

В хижине воцарилась мертвая тишина. Если радио заработает, то будет исторический момент; все прекрасно это понимали.

Внезапно Арт насторожился.

— Что? Что-нибудь слышно?

Арт пару секунд молчал, потом снял наушники и с укоризной произнес:

— Кто-то из вас, ребята, забыл выключить питание рации в скафандре.

Каргрейвз лично проверил костюмы.

— Нет, Арт. Они молчат как убитые.

Арт оглядел маленькую комнату.

— Но... но тут больше нет ничего, что могло бы... Это чистое безумие!

— Что случилось?

— Что случилось, спрашиваешь? Я поймал мощный сигнал передатчика, рядом с нами... совсем близко!

Глава 14

«НИ МАЛЕЙШЕГО ШАНСА!»

— Ты уверен? — спросил Каргрейвз.

— Еще бы!

— Вероятно, радио Парижа, — предположил Росс. — Ты же не знаешь, как далеко расположен передатчик. Арт посмотрел на него с презрением.

— Быть может, вы сами сядете к приемнику, мистер де Форрест? Передатчик находится близко. Это не земная станция.

— Радиоэхо?

— Не говорите глупостей! — Арт вновь взялся за ручку настройки. — Вот, сигнал пропал.

— Секундочку, — заговорил Каргрейвз. — Мы должны определиться наверняка. Арт, ты не мог бы собрать хоть какой-нибудь передатчик?

— Трудно, но возможно. Можно приспособить малый передатчик.

Малым передатчиком назывался маломощный аппарат, предназначенный лишь для связи из «конуры» с любым членом экипажа, который выходил наружу в скафандре.

— Дайте мне пару секунд.

Регулировка заняла чуть больше, но скоро Арт при-
ник к микрофону, крича:

— Алло! Алло! Вы меня слышите? Прием!

— По-моему, Арту просто послышалось, — шепнул
Морри Каргрейвзу. — Здесь никого не может быть.

— Тихо! — рывкнул Арт через плечо и вновь по-
вернулся к микрофону: — Алло! Алло! Алло! — вне-
запно он побледнел и отрывисто произнес: — Говорите
по-английски! Повторите!

— Что там? — в один голос спросили Каргрейвз,
Морри и Росс.

— Я же просил — соблюдайте тишину! — и снова
в микрофон: — Да, я вас слышу. Кто это? Что? Повто-
рить еще раз? Ракетный корабль «Галилей», у передат-
чика Артур Мюллер. Подождите минутку... — Арт
щелкнул переключателем. — Слушаю вас. Повторите
еще раз — с кем я говорю?

Из динамика послышался низкий, тяжелый голос:

— Лунная экспедиция номер один. Не выключай-
тесь, я позову нашего руководителя.

— Постойте! — закричал Арт. — Не прерывайте
связь! — но голос уже умолк.

Росс начал насвистывать себе под нос.

— Перестань свистеть, — оборвал его Арт.

— Извини. — Росс помолчал и добавил: — Наде-
юсь, ты понимаешь, что все это означает?

— Что? Я вообще ничего не понимаю!

— Это означает, что мы опоздали к раздаче главных
призов. Кто-то нас опередил.

— Каким образом?

— Точно не знаю, но такое вполне возможно.

— Я готов поспорить, что мы совершили посадку
первыми!

— Увидим. Слушайте!

Динамик ожил вновь. Теперь послышался другой
голос, более высокого тона, с заметным оксфордским
акцентом.

— Вы слушаете? Говорит Джеймс Браун, командир
первой лунной экспедиции. Это ракетный корабль «Га-
лилей»?

К микрофону склонился Каргрейвз.

— Корабль «Галилей», капитан Каргрейвз у микрофона. Где вы находитесь?

— Не очень далеко, старина. Но не беспокойтесь. Мы уже засекли вас. Продолжайте передачу.

— Скажите хотя бы, с какой стороны от нас вы сели?

— Не волнуйтесь. Мы уже приближаемся. Только не прекращайте передачу.

— Сообщите свои лунные координаты!

Казалось, человек некоторое время колебался, затем произнес:

— Мы засекли вас. Поговорим потом. Даю отбой.

Арт продолжал кричать «Алло», пока не охрип — но все впустую.

— Лучше продолжай передачу, Арт, — решил Каргрейвз. — Мы с Россом вернемся на корабль. Его-то они смогут заметить визуально. Хотя...не знаю. Может быть, они явятся сюда через неделю, — он задумался. — Похоже, у нас возникли новые трудности.

— Кто-то из нас должен пойти к кораблю, — сказал Морри, — и немедленно. Может быть, они уже совершают посадку. Они могут показаться с минуты на минуту.

— Мне кажется, передача велась не из летящего корабля, — заявил Арт и вновь повернулся к микрофону.

Как бы то ни было, единогласно решили, что доктор и Росс вернутся на корабль. Надев скафандры и пройдя через шлюз, они стали спускаться по каменистому откосу, и тут Росс увидел ракету.

Разумеется, он не слышал ее приближения. Он лишь повернулся назад, чтобы удостовериться, что Каргрейвз идет следом, и вдруг закричал в микрофон, указывая рукой:

— Смотрите!

С запада приближался чужой корабль. Он летел относительно медленно и на малой высоте. Пилот поддерживал ракету над поверхностью при помощи дюз: реактивные струи были направлены вниз, а не назад.

— Нам стоит поспешить! — крикнул Росс и рванулся вперед.

Однако ракета, судя по всему, не собиралась садиться. Она дала дифферент на нос, и из носовых дюз вырвалось пламя. Корабль летел прямо к «Галилею». На высоте менее пятисот футов пилот развернул ракету при помощи маневровых дюз и повел прочь, запустив маршевый двигатель.

Там, где стоял «Галилей», вспыхнуло пламя совершенно беззвучного взрыва. Взметнувшееся в вакууме пыльное облако быстро осело. Они почувствовали, как под их ногами вздрогнула почва — им показалось, что миновала целая вечность.

«Галилей» лежал на боку, и в его фюзеляже зияла огромная рваная дыра.

Каргрейвз замер на месте, отказываясь верить своим глазам. Росс первым обрел дар речи:

— Они не оставили нам ни малейшего шанса! — закричал он, потрясая кулаками. — Ни единого!

Глава 15

«ЗАЧЕМ ОНИ ЭТО СДЕЛАЛИ?»

Он, спотыкаясь, побрел к откосу, где стоял Каргрейвз, растерянный и онемевший.

— Вы видели, док? — спросил Росс. — Видели? Эти грязные крысы сбросили на нас бомбу. Они бомбили нас! Зачем? Почему? С какой стати?

По его лицу текли слезы. Каргрейвз нерешительно погладил мальчика по спине.

— Не знаю, — медленно произнес он. — Не знаю, — голос его не слушался.

— Я готов убить их!

— Я тоже, — Каргрейвз резко повернулся. — Может статься, мы так и сделаем. А теперь пойдем, расскажем все остальным, — он двинулся вверх по откосу.

Когда Росс с доктором подошли к хижине, Арт и Морри вылезли из шлюза.

— Что случилось? — спросил Морри. — Мы ощутили какое-то сотрясение.

Каргрейвз не стал прямо отвечать на вопрос.

— Арт, ты отключил передатчик?

— Да, а что произошло?

— Больше не включай его. Иначе они догадаются, где мы находимся. — Он протянул руку, указывая на дно кратера. — Смотрите сами!

Прошла пара минут, прежде чем мальчики осознали случившееся. Арт беспомощно повернулся к доктору.

— Но, дядя, что случилось? Почему корабль взорвался?

— Они напали на нас! — в ярости воскликнул Каргрейвз. — Они нас разбомбили! Будь мы на борту, мы бы погибли! Очевидно, они именно этого и добивались.

— Зачем?

— Без видимой причины. В общем, они не хотят, чтобы мы были здесь, — он не стал открывать горькую правду: враг допустил промашку, но спасения нет — быстрая смерть от взрыва была бы милосерднее той, которую им предстояло принять на мертвой, лишенной воздуха планете.

Сколько они еще протянут? Месяц? Два? Уж лучше было попасть под бомбу.

Морри внезапно бросился к шлюзу.

— Куда ты?

— Возьму оружие.

— Оно нам не поможет.

Однако мальчик не услышал. Его антенна была уже экранирована металлической стенкой.

— А я считаю, что оружие нам пригодится, док! — заявил Росс.

— Что ты задумал?

— А что они теперь будут делать? Наверняка захотят посмотреть на результат. Они даже не видели взрыва — сбросили бомбу и дали деру.

— И что же?

— Если они сядут поблизости, мы захватим их корабль!

Арт подошел поближе.

— Молодчага, Росс! Мы их поймем, мерзавцев! Мы им покажем! — его пронзительный голос раскатился эхом в наушниках шлемов.

— Да, попытаемся, — решил Каргрейвз. — Попробуем. Если они сядут здесь, без борьбы не сдадимся! Хуже, чем есть, все равно не будет, — он вдруг ощутил прилив отваги, и перестрелка, хотя и была для

доктора в диковинку, уже не страшила его. — Как ты думаешь, Росс: где нам лучше спрятаться? В «Галилее»?

— Если у нас есть... вот! Они летят! — над краем цепи холмов появилась ракета.

— Где Морри?

— Я здесь, — мальчик вынырнул из-за их спин, держа в руках две винтовки и револьвер. — Так, Росс, держи... Ага! — он тоже заметил ракету чужаков. — Что ж, нужно поторапливаться!

Однако ракета не стала садиться. Она медленно опустилась, замерла ниже кромки кратера, лизнула реактивной струей обломки «Галилея», поднялась ввысь и улетела.

— А мы даже ни разу не выстрелили, — с горечью в голосе произнес Морри.

— Пока нет, — ответил Росс. — Но они вернутся. Это был лишь второй заход для бомбометания на случай, если они промазали в первый раз. Но они вернутся посмотреть на дело рук своих. Верно, док?

— Полагаю, да, — ответил Каргрейвз. — Им нужно осмотреть корабль и добить уцелевших. Но на «Галилей» мы не пойдем.

— Почему?

— Не успеем. Они, наверное, вернутся очень быстро и постараются сесть. Они обнаружат нас на ровной местности.

— Придется рискнуть.

Решение пришло само собой. Ракета появилась снова — оттуда, куда улетела. На сей раз она явно шла на посадку.

— Вперед! — закричал Каргрейвз и сломя голову ринулся вниз по склону.

Ракета села на полпути между «Галилеем» и тенью, которая стала заметно короче, поскольку уже четыре «дня» Солнце поднималось над горизонтом все выше и выше. Даже на таком расстоянии ракета чужаков выглядела гораздо меньше «Галилея».

Каргрейвз не обращал на это внимания. Его ближайшей целью было достигнуть люка прежде, чем его откроют, чтобы напасть на врагов сразу же, как только те выберутся наружу.

Но, как только он выбежал на освещенную площадку, здравый смысл пришел ему на помощь: он вспомнил, что у него нет оружия. Одна винтовка была у Морри, другая — у Росса, а Арт размахивал револьвером. Доктор остановился у самой границы тени.

— Стойте! — велел он. — Думаю, они нас не заметили. И, похоже, не увидят.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Морри.

— Подождем, пока они не выйдут из корабля. А потом ворвемся внутрь, когда они отойдут достаточно далеко. Ждите сигнала.

— Они нас не слышат?

— Возможно, слышат. Если они настроились на нашу частоту, то мы — покойники. Отключите-ка свои передатчики, — и тут же щелкнул выключателем. Наступила зловещая тишина.

Они стояли лицом к корме. Доктор увидел, как из откинувшегося бокового люка показались три фигуры, облаченные в скафандры. Первый человек быстро осмотрелся, но не заметил ничего подозрительного. Каргрейвз разглядел, что его глаза прикрывают темные очки, так что человек ничего не видел в тени.

Он махнул рукой, давая знак остальным, и двинулся к «Галилею» тем же размашистым шагом, каким любил ходить Каргрейвз, из чего следовало, что эти люди, враги, ступили на поверхность Луны отнюдь не впервые.

Доктор подождал, пока они не добрались до «Галилея» и не скрылись за его корпусом, и рванулся к вражескому кораблю, закричав «Вперед!» в отключенный микрофон и делая гигантские прыжки в пятьдесят футов длиной. Внешний люк был открыт. Каргрейвз нырнул внутрь и прикрыл за собой крышку. Люк, похоже, задраивался установленным в его центре штурвалом. Доктор огляделся. Крошечный шлюз слабо освещался через стеклянный иллюминатор во внутреннем люке. В этом слабом свете Каргрейвз почти ощупью отыскал воздушный клапан.

Открутив его, он услышал шипение воздуха, наполнявшего камеру. Доктор всем телом навалился на внутренний люк и стал ждать.

Внезапно люк поддался; Каргрейвз оказался в ракете и зажмурился от яркого света.

В пилотском кресле сидел мужчина. Он повернул голову и, казалось, хотел что-то сказать. Сквозь шлем Каргрейвз не слышал его слов, да особенно и не прислушивался. Благодаря малой гравитации он одним прыжком подскочил к пилоту и схватил его за плечи.

Тот был слишком ошарашен, чтобы сопротивляться, да это и не имело значения: Каргрейвз был готов сразиться с кем угодно — хоть с тигром.

Он прижал голову противника к мягкому подголовнику кресла, но потом сообразил, что так желаемого не добьется, и, отступив в сторону, сжал кулак и двинул мужчине под дых.

Тот коротко застонал и, по-видимому, потерял сознание. Доктор еще раз ударил его в незащищенный подбородок. Добавки не потребовалось. Доктор опустил пилота на пол, заметил на его поясе кобуру, в которой находился пистолет, по виду — маузер крупного калибра. Каргрейвз оставил кобуру на месте и выглянул наружу.

У разбитого корпуса «Галилея» корчился то ли друг, то ли враг — сказать точно было невозможно. Рядом стоял человек, вне всякого сомнения, враг, что подтверждалось незнакомым покроем его скафандра и пистолетом, который он держал в руке. Он целился в сторону ракеты, в которой сейчас находился доктор.

Каргрейвз увидел вспышку выстрела. Мимо! Еще один. На этот раз пуля утонула в корпусе ракеты, и та загудела как гигантский колокол.

Каргрейвзу нужно было срочно решать, как поступить. С одной стороны, ему не терпелось вступить в схватку, воспользовавшись оружием поверженного врага. А с другой — пленника нельзя было оставлять одного; прикончить же беззащитного человека у доктора не хватило бы духу даже в горячке битвы.

Он уже собрался было оглушить пленного и выскочить наружу, но события, за которыми он наблюдал в иллюминатор, лишили его выбора. Одетый в скафандр чужак, стоявший у борта «Галилея», внезапно лишился шлема. Вокруг его шеи остался лишь зазубренный воротник.

Он уронил пистолет и схватился руками за лицо. Постояв так несколько секунд, словно удивляясь слу-

чившемуся, он сделал два неуверенных шага и рухнул на песок.

Какое-то время он дергался, но так и не поднялся. Его тело еще сотрясало в конвульсиях, когда из-за корабля показался третий. С ним покончили в два счета. Он лишь теперь осознал, что происходит, и беззвучная перестрелка сбила его с толку. Он схватился было за пистолет, и в этот миг его настигли сразу две пули: одна ударила в грудь, другая — чуть ниже. Вероятно, он так и не понял, что его ударило и почему.

Он склонялся все ниже, пока его шлем не коснулся грунта, а потом повалился набок.

Каргрейвз услышал шум за спиной. Вскинув трофейное оружие, он повернулся и стал ждать, когда откроется люк.

Это оказался Арт — дикий взгляд, покрасневшее лицо.

— Кто-нибудь остался? — крикнул он доктору, описывая револьвером широкую дугу. Его голос был едва слышен Каргрейвзу через два шлема.

— Нет. Включи радио, — крикнул Каргрейвз в ответ и тут же заметил, что его собственный передатчик выключен. Он повернул рычажок и повторил приказ. — Мой работает, — сказал Арт. — Я включил его, пока шлюз заполнялся воздухом. Как дела снаружи?

— Кажется, все в порядке. Постереги-ка его, — доктор указал на лежащее тело, — а я выйду.

Однако в том не было необходимости. Люк открылся снова, и в ракету ворвались Морри и Росс. Каргрейвз удивился, как им удалось втиснуться вдвоем в такой маленький шлюз.

— Нужна помощь? — спросил Морри.

— Нет. Во всяком случае, стрелять здесь не в кого.

— Мы застали их врасплох, — торжествующе заявил Росс. — Спрятались в тени корабля и напали, когда они выходили оттуда. Правда, тот, второй, едва не уложил нас, прежде чем мы открыли огонь. Знаете, — небрежно произнес он, словно опытный вояка, — с этими аквариумами на голове не так-то легко прицеливаться.

— Хм... во всяком случае, у вас получилось недурно.

— Просто повезло. Морри стрелял навскидку.

— Да нет, — ответил тот. — Я тщательно целился и готовился к каждому выстрелу.

Каргрейвз велел им следить за пленником и собрался выйти на разведку.

— Чего зря беспокоиться? — спросил Арт. — Пристрелить его и вышвырнуть наружу. Как вы думаете?

— Остынь, — урезонил его доктор. — Убивать пленных могут только дикари.

— Они и есть дикари! — с жаром воскликнул юноша.

— Помолчи. Морри, остаешься за старшего, — сказал Каргрейвз, закрывая за собой крышку люка.

Осмотр длился недолго. Двое незнакомцев получили, как показалось доктору, смертельные ранения. К тому же их скафандры были разорваны. Третьему, с разбитым шлемом, тоже ничем нельзя было помочь. Его глаза безжизненно смотрели в черное небо, из носа все еще текла кровь. Он был мертв, его убил вакуум.

Каргрейвз вернулся к маленькому кораблю, даже не взглянув на жалкие обломки, в которые превратился красавец «Галилей».

Войдя в корабль, доктор опустился в одно из противоперегрузочных кресел и вздохнул.

— Ну что ж, — заметил он. — Все не так уж плохо. По крайней мере у нас есть ракета.

— Вы так думаете? — мрачно осведомился Арт. — Поглядите-ка на панель управления!

Глава 16

ТАЙНА, СКРЫТАЯ В НЕДРАХ ЛУНЫ

— Что? — спросил доктор и посмотрел туда, куда указывал мальчик.

— Это не космический корабль, — горько произнес Арт. — Скорее, лунный «джип», — он ткнул пальцем в два вентиля. — Посмотрите-ка сюда. Здесь написано по-немецки «КИСЛОРОД» и «СПИРТ». Мы завладели чем-то вроде детской коляски.

— Может быть, это вентили маневровых двигателей? — спросил Каргрейвз без особой надежды.

— Ничего подобного, — заговорил Росс. — Не надо себя обманывать, док. Мы все осмотрели. Арт перевел нам немецкую тарабарщину. К тому же, как вы могли заметить, шляпка лишена стабилизаторов. Она предназначена исключительно для перемещения по Луне. О, наш приятель очнулся!

Пленник открыл глаза и попытался сесть.

Каргрейвз схватил его за плечо, рывком поставил на ноги и швырнул в кресло, в котором только что сидел.

— Эй, ты! — рявкнул он. — А ну, говори!

Тот молчал: по-видимому, до сих пор не пришел в себя.

— Лучше попробуйте по-немецки, дядя, — посоветовал Арт. — Все надписи здесь на немецком.

Каргрейвз напрягся и, порывшись в памяти, припомнил несколько немецких фраз.

— Назовите свое имя! — потребовал он.

— Фридрих Ленц, сержант-техник второго класса. С кем я говорю?

— Отвечайте на вопросы, которые вам задают. Зачем вы бомбили наш корабль?

— Я подчинялся приказу.

— Это не основание. Зачем вы бомбили мирный корабль?

Немец утрюмо молчал.

— Превосходно, — сказал Каргрейвз по-немецки. — Арт, открой шлюз. Мы выбросим эту пададь наружу.

Сержант-техник внезапно заговорил очень быстро. Доктор наморщил лоб.

— Арт, — сказал он, переходя на английский. — Тебе придется помогать мне. Он слишком уж частит.

— И переводит! — потребовал Росс. — Что он говорит?

— Попытаюсь, — ответил Арт и заговорил по-немецки: — Повторите, что вы сказали, и говорите медленнее!

— Йа, — отозвался пленник, обращаясь к Каргрейвзу.

— Вы должны говорить «господин капитан»! — прикрикнул на него Арт.

— Йа, герр капитан, — вежливо произнес немец. — Я как раз пытался объяснять вам... — и продолжал рассказ.

Время от времени он делал паузы, и Арт переводил его слова.

— Он говорит, что является членом экипажа ракеты. Ими командовал лейтенант... я не разобрал его имени... один из тех, кого мы застрелили... Им приказано было отыскать и разбомбить наш корабль. Он говорит, что это было... ага, не просто нападение, а военные действия.

— Война? — вскричал Росс. — Что он имеет в виду? Какая же тут война? Типичная уголовщина!

Арт выслушал пленника.

— Говорит, что это была война, и она будет продолжаться вплоть до победы Национал-социалистического

Рейха, — Арт прислушался и перевел: — Он утверждает, что Рейх будет существовать тысячу лет.

Морри грубо выругался.

— Спроси его, с какой стати? — Оставим, — прервал его Каргрейвз. — Мне кажется, я начинаю понимать, — и обратился прямо к нацисту: — Сколько вас тут, когда вы прибыли на Луну и где находится ваша база?

Арт тут же перевел:

— Он заявляет, что в соответствии с международной конвенцией о военнопленных имеет право не отвечать на такие вопросы.

— Вот как? Скажи-ка ему, что во время войны действуют законы военного времени! Впрочем, скажи лучше вот что: если он настаивает на правах пленного, то мы можем немедленно освободить его! — доктор показал в сторону шлюза.

Хотя он говорил по-английски, пленный отлично понял его жест. Теперь он с готовностью выложил подробности.

Он и его сообщники прожили здесь уже около трех месяцев. У них была подлунная база в тринадцати милях от кратера, в котором совершил посадку «Галилей». У них также имелась ракета, превосходившая размерами «Галилей», и тоже оснащенная атомными двигателями. Себя пленник называл солдатом Великого Рейха. Он не знал, зачем ему приказали бомбить «Галилей», но полагал, что из соображений секретности. Нужно было сохранить в тайне их планы.

— Какие планы?

Пленный снова насупился. На сей раз Каргрейвз действительно открыл внутренний люк шлюза, даже не зная, как далеко готов зайти, чтобы получить нужную информацию. Немец сдался.

План был прост — покорить Землю. Нацистов было немного, но в их распоряжении имелись лучшие военные, научные и технические специалисты, скрывшиеся после падения империи Гитлера. Бежав из Германии, они построили в глухих горах базу и продолжали там работать, рассчитывая на возрождение Рейха. Судя по всему, сержанту неизвестно было точное местоположение базы. Доктор начал задавать наводящие вопросы: Африка? Южная Америка? Какой-нибудь остров? Од-

нако немец знал лишь, что на подводной лодке из Германии туда плыть очень долго.

Он сообщил нечто, заставившее путешественников забыть о грозившей им опасности. Нацисты располагали атомными бомбами, до сего дня хранящимися на секретной земной базе. Они не решались пускать их в ход потому, что у ООН гораздо больше ядерного оружия.

Однако, построив космический корабль, они обрели новые возможности. Теперь они могли укрыться на Луне и, обеспечив себе безопасность, обрушить на земные города ракеты, которыми управляли бы дистанционно. Бомбежка должна была продолжаться до тех пор, пока совершенно беспомощные народы Земли не сдались бы на милость победителя.

Рассказывая о конечной цели, пленник преисполнился гордости и надменно заявил:

— Вы можете убить меня, но это ничего не изменит! Хайль фюрер!

— Можно, я двину ему в глаз? — небрежно осведомился Морри.

— Не стоит пачкать руки, — ответил Каргрейвз. — Лучше подумайте, как нам использовать полученные сведения. Какие будут предложения? — он вытащил пленника из кресла и велел ему лечь на пол лицом вниз, а сам уселся на него верхом. — Слушаю вас, парни. Говорите открыто, наш приятель не знает по-английски и двух слов. Что ты думаешь, Росс?

— Ну, — ответил тот, — теперь нам придется спасать не только свои шкуры. Мы должны остановить их. Однако перебить пятьдесят человек из двух винтовок и двух пистолетов — задача под стать Тарзану, или, скажем, Супермену... Честно говоря, я не знаю с чего начать.

— Может быть, для начала отыщем их базу? Пройти тринадцать миль по Луне — сущие пустяки.

— Послушайте, — сказал Арт. — Через пару дней я мог бы закончить монтаж передатчика, который доставит Землю. Нам необходимо подкрепление.

— Как же они прилетят сюда? — спросил Росс. — Наш корабль единственный, если не считать ракеты этих бандитов.

— Но ведь сохранились чертежи! Док, вы ведь отдали их отцу Росса, верно? Земля вполне может

построить сколько угодно кораблей и выкурить отсюда эту нечисть!

— Так было бы лучше всего, — согласился Каргрейвз, — мы не имеем права на ошибку. Сперва можно было бы уничтожить нацистскую базу на Земле, а уж потом приняться за лунную. Ведь теперь на Земле знают, что наш корабль оправдал все надежды.

Морри покачал головой.

— Все не то. Мы должны ударить сейчас же. Промедление недопустимо. Мы можем поступить с ними так же, как они поступили с нами. Положим, ООН доберется сюда за шесть недель. Такой срок может оказаться слишком долгим. Атомной войне, чтобы начаться и кончиться, хватит одного дня.

— Ну что ж, тогда спросим у нашего приятеля — не знает ли он, когда его боссы замыслили нанести удар, — предложил Росс.

Морри вновь покачал головой и помешал Арту задать вопрос пленному.

— Бесполезно. Нам не удастся построить передатчик. Они будут шнырять вокруг кратера как репортеры на процессе об убийстве. Они могут появиться здесь в любую минуту. Уж не думаете ли вы, что они не станут искать свою ракету?

— О, черт! — воскликнул Арт.

— Который час, док? — спросил Росс.

К их общему удивлению, оказалось, что со времени бомбардировки «Галилея» прошло всего сорок минут. Им эти минуты показались целым днем.

В общем, положение было не безнадёжным. Из слов пленного следовало, что ракетка являлась единственным средством передвижения на короткие расстояния. Большой корабль нацистов, названный ими «Вотан», едва ли годится для поисков. Похоже, у путешественников осталось в запасе несколько часов.

— Как же нам быть? — размышлял Каргрейвз. — Две винтовки, два пистолета, и нас четверо. Силы слишком неравные. И нам никак нельзя проиграть. Я знаю, что вас не страшит смерть, но мы просто обязаны победить!

— Разве воевать можно только винтовками? — спросил Росс.

— Чем же еще?

— На нас сбросили бомбу. Я готов поспорить, что она у них была не одна.

Каргрейвз на мгновение задумался, затем обратился к пленному и быстро заговорил по-немецки. Тот дал короткий ответ. Каргрейвз кивнул и сказал:

— Морри, ты справишься с этой посудиною?

— Можно попробовать.

— Прекрасно. Сейчас я приставлю к ребрам фрица пистолет и заставлю его поднять ракету, а ты присмотришься к тому, как он ею управляет. Имей в виду: второй попытки не будет, и ты даже не успеешь попрактиковаться. А теперь надо изучить управление бомбометанием.

Система оказалась на удивление простой: в ней не было даже прицела. Пилот пикировал к цели, сбрасывал бомбу и, пока она летела вниз, взмывал вверх. На панели имелась одна-единственная рукоятка, приводившая в действие механизм бомбосбрасывателя: покинув гнездо, бомба продолжала полет по траектории ракеты. Разобравшись в устройстве, они допросили пленного, который рассказал им то же, что они узнали сами.

В рубке находилось два пилотских кресла, за ними крепились два пассажирских. Морри уселся в одно из пилотских, а второе занял нацист. Росс пристроился за спиной Морри, а Каргрейвз посадил к себе на колени Арта, и они пристегнулись одним ремнем. Мальчик оказался достаточно близко к спинке кресла пленника, чтобы приставить к его боку пистолет.

— Морри, все готово?

— Да. Я сделаю один круг для тренировки и попытаюсь обнаружить их убежище. На втором заходе утощу их бомбой.

— Отлично. Постарайся, если сможешь, не задеть большой корабль. Мне хотелось бы вернуться домой. Ключ на старт!

Мстители приступили к делу.

— Как она? — прокричал Каргрейвз несколько секунд спустя.

— Нормально, — ответил Морри громко, перекрывая шум. — Я хочу полететь вон к тому кратеру. Прямо по курсу какой-то холм, я полагаю, они засели там!

Серебристая сигара «Вотана», торчавшая рядом с холмом, к которому они направлялись, положила конец всем сомнениям. Она казалась естественным выступом скалы, что возвышалась среди кратеров в нескольких милях от «берега» одного из «морей».

Они пролетели мимо, и Морри развернул ракету, давая вспышку за вспышкой и быстро уменьшая скорость. Всех вдавило в кресла. Арт чуть было не нажал на курок пистолета.

Развернув ракету, Морри набрал высоту, чтобы спикировать вниз и сбросить бомбу. Интересно, подумал Каргрейвз, неужели Морри удалось заметить люк, ведущий в базу? Сам доктор не обнаружил даже и следа его.

Но на размышления не оставалось времени: Морри уже пикировал. Мгновением позже он рванул штурвал на себя, выводя ракету из пике, и пассажиров вновь вдавило в спинки кресел. На секунду корабль завис, и Каргрейвз подумал, что Морри в своем стремлении нанести точный удар явно перестарался. Доктор вцепился в подлокотники.

Однако ракета шла вверх. Набрав достаточную высоту, Морри развернул корабль и уменьшил тягу. Ракета снизилась, и через иллюминатор можно было наблюдать за происходящим на поверхности.

Они увидели тучу пыли и песка, клубившуюся над грунтом. Внезапно из нее вырвался столб воздуха, осколков и песка. В вакууме пыль очень скоро рассеялась, и астронавтам предстал черный провал, ведущий в недра Луны.

Морри утонул в «яблочко».

Согласно плану Каргрейвза, Морри посадил ракету за вражеским кораблем, подальше от входа в базу.

— О'кей, док!

— Прекрасно. А теперь давайте еще раз пораскинем мозгами. Я не хочу дать маху. Росс идет со мной. Вы с Артом остаетесь в «джипе». Мы первым делом осмотрим «Вотан», затем исследуем базу. Если мы задержится более чем на тридцать минут, значит, мы погибли или взяты в плен. Что бы ни произошло, вам запрещается покидать ракету. Если кто-нибудь двинется в вашу сторону, немедленно улетайте. Если мы

придем не одни, то не подпускайте нас к ракете, улетайте. У вас осталась последняя бомба. Вы знаете, что с ней делать.

Морри кивнул.

— Бомбить «Вотан». Но мне не хочется, — он с тоской посмотрел на большой корабль — единственную ниточку, связывавшую их с Землей.

— Что поделаешь! После вы с Артом возвращаетесь в «конуру» и прячетесь там. Твоим заданием, Арт, будет любым способом собрать установку, которая смогла бы отправить на Землю послание. Ни в коем случае не возвращайтесь сюда, чтобы отыскать меня и Росса. Если вы хорошо спрячетесь, они, может быть, не найдут вас в течение нескольких недель. Иная возможность вернуться на Землю вам не представится. Согласны?

Морри колебался.

— Допустим, мы отправили на Землю сообщение. Что потом?

После секундного размышления Каргрейвз ответил:

— У нас нет времени на разговоры. Пора браться за дело. Если ты получишь с Земли ответ, из которого совершенно ясно будет, что тебе поверили и принимают меры, то поступай по собственному усмотрению. Но я не советовал бы тебе рисковать. Если мы не вернемся через тридцать минут, то вряд ли нам можно будет помочь, — он немного помолчал и добавил, поскольку сомневался, что Морри пойдет на такое по доброй воле: — Надеюсь, ты понимаешь, что если дело дойдет до бомбометания, ты должен сбросить бомбу туда, куда следует, даже если там будем стоять мы с Россом.

— Я так и знал.

— Это приказ, Морри.

— Я понимаю.

— Морри!

— Слушаюсь, капитан.

— Вот так-то лучше, сэр. Арт, Морри остается за старшего. Пойдем, Росс!

На ракетодроме царило абсолютное спокойствие. Поднятая взрывом пыль быстро осела в безвоздушном пространстве; в середине поля на месте воздушного шлюза зияла черная безмолвная дыра. Невдалеке вы-

сился могучий корпус «Вотана». Возле него не было даже охраны.

Сжав в кулаке пистолет, Каргрейвз обошел корабль кругом. Вооруженный винтовкой Росс прикрывал его с тыла, следуя, в соответствии с планом, на некотором расстоянии.

Как и на «Галилее», у «Вотана» имелся один люк — со стороны иллюминатора, и располагался он прямо за пилотской рубкой. Доктор велел Россу остановиться, поднялся по низенькой металлической лесенке-трапу и принялся за замки люка. К его удивлению, корабль оказался не заперт. Потом доктору пришло в голову, что удивляться здесь нечему. Замки были изобретены для городских жилищ.

Когда давление в камере выровнялось, Каргрейвз снял с пояса фонарик, взятый в нацистском «джипе», и приготовился к встрече с тем, что находилось за дверью шлюза. Дверь с шумом распахнулась. Каргрейвз пригнулся, отскочил в сторону и осветил помещение фонариком. Никого... и ничего.

Корабль был пуст от носа до кормы. Почти невероятная удача! Пусть даже сейчас время отдыха либо на корабле нечего делать, но доктор все же ожидал встретить хотя бы часового. Правда, часовой — пара неиспользуемых рабочих рук, а на Луне они стоили в сотни, тысячи раз дороже, чем на Земле. Люди тут наверняка на вес золота; скорее всего, решил доктор, функцию охраны выполнял радар — неусыпный автоматический страж. Наверняка снабженный широкополосным радиопеленгатором, подумал Каргрейвз, вспоминая, как быстро поступил ответ на сигнал, который они в первый раз направили из своего кратера.

Он прошел через пассажирский салон, оборудованный десятком противоперегрузочных кресел, и через трюм спустился в кормовой отсек. Он искал силовую установку. Но так и не нашел. Путь преградила наглухо заваренная стальная переборка без единого отверстия. Озадаченный, доктор вернулся к пульту управления. То, что он увидел там, сильно его встревожило. Противоперегрузочные кресла были обычными, некоторые из навигационных приборов — стандартными, о назначе-

нии прочих было нетрудно догадаться. Однако функции органов управления оставались совершенной загадкой.

Сбитый с толку, он тем не менее отдавал себе отчет в том, что нацистам не удалось бы справиться со столь грандиозной задачей — постройкой гигантского корабля в тайном убежище, точно так же, как он сам и его мальчики не смогли бы построить «Галилей» голыми руками. И те, и другие лишь заменили двигатель и установили несколько второстепенных приборов.

Следовательно, «Вотан» входил в число лучших, новейших, крупнейших звездолетов, подобные которым строились только на верфях Детройта!

Доктор вспомнил о том, что время идет. Осмотр корабля занял целых семь минут, и Каргрейвз поспешил наружу к Россу.

— Пусто, — сообщил он, оставляя подробности на потом. — А теперь порыщем в крысиной норе, — и припустил бегом по равнине.

Пробираясь среди острых глыб ко входу в базу, они вынуждены были соблюдать особую осторожность. Сброшенная ими бомба была не атомной, а самой обыкновенной. Но, хотя опасности облучения не было, они вполне могли поскользнуться и провалиться в черную бездну.

Внезапно глыбы кончились, и путешественники увидели широкую лестницу, что вела в глубь планеты. Росс посветил фонариком. Стены, ступени и потолок были покрыты каким-то прочным лаком, который обеспечивал герметичность помещения. Лак был почти прозрачным, и сквозь него проступали плотно пригнанные каменные плиты.

— Да уж, пришлось им попотеть! — заметил Росс.

— Тихо! — ответил доктор.

Двумястами футами ниже лестница уперлась в дверь. Это был не шлюз, но все же дверь являлась герметичной. Тем не менее она не спасла обитателей базы: взрыв и напор воздуха изнутри оказались слишком сильными для нее. Она удержалась на петлях, но ее вспучило и так перекорежило, что Росс с доктором смогли войти внутрь через образовавшуюся брешь. В помещении за дверью было светло. Взрыв уничтожил большую часть установленных здесь старомодных светильников, но

все же то тут, то там мигали одинокие лампочки, и разведчики сумели разглядеть, что находятся в просторном зале. Каргрейвз осторожно двинулся вперед.

Справа показалась обычная, не герметичная дверь, висевшая на одной петле. Заглянув за нее, они поняли, почему во время атаки на поверхности никого не оказалось.

Здесь располагалась спальня, и смерть застигла нацистов во сне. На Луне понятия «день» и «ночь» весьма произвольны, если употреблять их в смысле «рабочее время» и «время отдыха». У нацистов было другое времяисчисление, и они имели несчастье заснуть именно тогда, когда на них обрушилась бомба Морри, разом лишившая убежище запасов воздуха.

Каргрейвз задержался ровно настолько, чтобы убедиться, что все мертвы. Росса он не впустил. Крови на трупах было немного — в основном она вытекала из ртов и выпученных глаз. К горлу доктора подкатила тошнота — из-за выражения, застывшего на лицах мертвецов.

Он вышел из спальни, борясь с дурнотой.

Росс тоже кое-что нашел.

— Посмотрите сюда! — позвал он.

Каргрейвз подошел поближе. Резкое падение давления выворотило кусок стены, который ввалился внутрь помещения. Он представлял собой металлическую панель, а не каменные плиты, которыми были выложены остальные стены. Росс подтянул панель к себе, отогнул ее настолько, что можно было бросить взгляд за нее, и осветил открывшееся пространство фонариком.

Там находился новый коридор, уложенный тщательно отшлифованными и пригнанными каменными плитами. Однако герметизирующий лак отсутствовал.

— Интересно, зачем они вырыли этот коридор, а потом замуровали его? — спросил Росс. — Как вы думаете, может быть, они спрятали что-нибудь внизу? Например, атомные бомбы?

Каргрейвз не спеша осмотрел гладкие стены, теряющиеся в черноте бесконечного коридора. После долгого молчания он тихо произнес:

— Нет, Росс, это не склад. Ты открыл жилище селенитов.

Глава 17

«ПОКА НЕ СГНИЕМ»

Росс молчал, не в силах вымолвить хотя бы слово. Когда к нему, наконец, вернулся дар речи, он воскликнул:

— Вы так думаете? Вы уверены, док?

Каргрейвз кивнул.

— Настолько уверен, насколько это возможно. Я долго не мог понять, как нацистам удалось построить такую грандиозную базу и почему они выбрали для герметизации столь диковинный материал — каменные плиты. Ведь потребовались бы грандиозные усилия, особенно если работать в скафандрах. Однако я решил, что виной тут всему любовь немцев ко всему монументальному: они называют такое «работой на совесть». Мне стоило присмотреться повнимательнее, — он заглянул в темный, таинственный коридор.

— Несомненно, его построили не за последние несколько месяцев.

— Давно ли?

— Давно ли? Миллион лет — давно? А десять миллионов? Не знаю; мне трудно представить себе даже тысячу лет. Возможно, нам никогда этого не узнать.

Росс горел желанием немедленно все осмотреть. Каргрейвз покачал головой.

— Мы не за кроликами охотимся. То, что мы обнаружили, — величайшая находка в истории человечества. Она может подождать. А сейчас, — добавил он, взглянув на часы, — у нас осталось одиннадцать минут, чтобы покончить с неотложными делами и вернуться наверх, иначе тут начнется ад крошечный.

Он быстрым шагом обошел остальные помещения. Росс расположился в центральном зале и прикрывал Каргрейвза с тыла. Доктор обнаружил радиостанцию, возле которой сидел в наушниках мертвый оператор, и отметил, что оборудование, судя по всему, не слишком повреждено волной воздуха, вырвавшегося из помещения. Далее он обнаружил арсенал, в котором хранились винтовки и бомбы для «джипа».

Нашел он и склад управляемых ракет. Их там насчитывалось около двух сотен, но стеллажи были заполнены лишь наполовину. Каждая из ракет могла бы взорвать и испепелить целый город, но у доктора не было времени размышлять о подобных вещах. Он двинулся дальше.

В небольшой, хорошо обставленной комнате, похожей на кабинет или офицерскую столовую, Каргрейвз нашел еще одного человека.

Тот лежал лицом вниз, в скафандре. Хоть он и не двигался, Каргрейвз приблизился к нему с большой осторожностью.

Незнакомец был либо мертв, либо без сознания. Однако гримаса смерти не искажала его лица, а скафандр, судя по всему, сохранял внутреннее давление. Гадая, как ему поступить, доктор опустился на колени рядом с чужаком и заметил у него на боку пистолет. Каргрейвз вытащил оружие и сунул себе за пояс.

В перчатках прощупать пульс сквозь плотную ткань скафандра было невозможно, а шлем мешал прослушать сердце.

До конца условленного срока оставалось лишь пять минут, и если доктор хотел что-нибудь сделать, ему следовало поспешить. Он схватил обмякшее тело за пояс и потащил за собой.

— Что это у вас? — спросил Росс.

— Запасаясь сувенирами. Бежим, у нас нет времени, — Каргрейвз берег дыхание для подъема. Перескакивая через шесть ступенек зараз, он втащил наверх

шестьдесят фунтов — себя и свой груз. До условленного времени оставалось еще две минуты.

— Бегом к «джипу»! — скомандовал он Россу. — Я не могу тащить его с собой, иначе Морри подумает, что это ловушка. Встретимся около «Вотана»! Вперед! — взвалив свой относительно легкий груз на плечо, доктор галопом побежал к кораблю.

Очутившись внутри, он положил незнакомца на пол и снял с него скафандр. Тело было теплым, но мертвенно-неподвижным. Однако доктору все же удалось услышать слабый стук сердца. Когда из воздушного шлюза показались мальчики, он уже делал мужчине искусственное дыхание.

— Эй, — спросил он, — кто меня сменит? Я не большой специалист в медицине.

— На что он нам сдался? — спросил Морри.

Каргрейвз на миг остановился и насмешливо посмотрел на мальчика.

— Даже если оставить в стороне соображения человечности, которая тебе не чужда, живым он может оказаться куда полезнее, чем мертвым.

Морри пожал плечами.

— Если вы настаиваете... — он встал на колени, занял место Каргрейвза и принялся за дело.

— Ты поделился новостями? — спросил доктор Росса.

— Объяснил вкратце. Сказал, что база теперь наша, рассказал о развалинах.

— До развалин им далеко, — возразил Каргрейвз.

— Дядя, отпустите меня вниз, — попросил Арт. — Я хочу сделать несколько снимков.

— С фотографиями придется повременить, — ответил доктор. — Первой нашей задачей будет разбраться с управлением корабля. Как только сможем поднять его, мы отправимся домой.

— Ну конечно... — согласился Арт. — Значит, никаких фотографий?

— Давай договоримся так. Нам с Россом и Морри, вероятно, потребуется некоторое время, чтобы понять, как тут что действует. Минут на двадцать мы могли бы тебя отпустить. А сейчас за работу. Давай, Росс. Кстати, как там наш пленный?

— А, этот... — ответил Морри. — Мы связали его и оставили в «джипе».

— Что? А если он сумеет развязаться? Он сможет утнать ракету!

— Ничего не выйдет. Я сам его связывал и, поверьте, приложил все свое умение. В любом случае он не убежит — куда ему деваться без скафандра и пищи? Парень знает, что без нас он до старости не доживет, так что не станет вытворять глупостей.

— Точно, дядя, — подтвердил Арт. — Вы бы послушали, что он нам наобещал!

— Могу представить, — отозвался Каргрейвз. — Пойдем, Росс.

Морри продолжал возиться с нацистом, Арт стоял рядом, готовый в любой момент сменить его. Через несколько минут Каргрейвз и Росс вернулись в салон.

— Ну что, ожил наш покойничек? — спросил доктор.

— Пока нет. Может, бросить его?

— Я сменю тебя. Иногда приходится делать искусственное дыхание целый час и даже дольше. А вы вдвоем возьмите запасной скафандр, отправляйтесь к «джипу» и приведите сюда сержанта — как бишь его. Мы с Россом так и не смогли разобраться в управлении, — признался он. — Тот остолоп-сержант — пилот, и мы должны вытянуть из него все, что он знает.

Лежащий на полу мужчина застонал, и доктор принялся массировать его с удвоенной энергией. Морри, подошедший было к люку, вернулся назад.

— Давай отправляйся, — велел ему Каргрейвз. — Мы с Россом управимся сами.

Мужчина пошевелился и закричал. Каргрейвз перевернул его. Веки задрожали, открылись ярко-голубые глаза. Нацист уставился на Каргрейвза.

— Как поживаете, сэр? — спросил он, словно актер, изображающий истинного англичанина. — Можно мне встать?

Доктор отодвинулся и позволил ему подняться, но помогать не стал.

Мужчина осмотрелся. Росс стоял молча, направив на него ствол винтовки.

— Уберите оружие, — попросил пленник. Росс посмотрел на доктора, но винтовку не опустил. Мужчина

повернулся к Каргрейвзу. — С кем имею честь? — спросил он. — Вы капитан Каргрейвз с корабля «Галилей»?

— Точно. А вы кто такой?

— Гельмут фон Гартвик, подполковник особого подразделения, — звание у него прозвучало как «поковник».

— Ну что ж, Гельмут, надеюсь, вы нам кое-что объясните. Что здесь происходит?

Подполковник самоуверенно рассмеялся.

— Ну, старина, мне слишком многое пришлось бы рассказать, не так ли? Похоже, вы сумели улизнуть от нас, и теперь преимущество на вашей стороне. Я готов это признать.

— Еще бы! Но я спрашиваю вас не о том, — Каргрейвз задумался. Стоявший перед ним нацист каким-то образом сумел обвести его вокруг пальца: он вовсе не выглядел человеком, только что очнувшимся от обморока. Скорее всего, он притворялся. Если так, то долго ли?

Ладно, не в этом дело, решил доктор. В конце концов, он у нас в плену.

— Зачем вы приказали разбомбить наш корабль?

— Я? Слушайте, старина, почему вы решили, что приказ отдавал я?

— Потому что я узнаю ваш идиотский акцент, который мы слышали по радио. Тогда вы назвались капитаном Джеймсом Брауном. Сомневаюсь, что среди ваших гангстеров найдется хотя бы еще один псевдоангличанин.

Фон Гартвик приподнял брови.

— Гангстер — грубое слово, приятель. Вряд ли оно свидетельствует о приличных манерах. В одном вы не ошиблись: из всех моих коллег только я имел сомнительное удовольствие посещать хорошую английскую школу. И попрошу вас не называть мое произношение «идиотским». Даже если я и назвался капитаном Брауном, отсюда не следует, что именно я распорядился бомбить ваш корабль. Поступил приказ вышестоящего командира, вызванный военной необходимостью. Персонально я за него не отвечаю.

— Вы дважды солгали. Не думаю, что вы посещали английскую школу: похоже, вы усвоили произношение, слушая английские пластинки и радиопередачи. И ваш

вышестоящий командир не отдавал приказа бомбить нас, так как он даже не знал, что мы здесь находимся. Решение было принято вами — сразу же после того, как только вы обнаружили нас и засекли наше местоположение.

Нацист развел руками, разыгрывая обиду.

— Вы, американцы, слишком поспешны в выводах. Неужели вы думаете, что можно было за десять минут заправить ракету, снарядить ее бомбами и собрать экипаж? Моей задачей было лишь выяснить, где вы находитесь.

— Так вы знали о нас?

— Естественно. Если бы неопытный оператор не упустил вас во время посадки с экрана радара, мы бы встретили вас гораздо раньше. Неужели вы думаете, что мы построили военную базу, не позаботившись о защите? Все продумано, мы готовы ко всему. Именно поэтому мы и победим.

Каргрейвз позволил себе улыбнуться.

— Едва ли вы предусмотрели ситуацию, которая сложилась в настоящий момент.

Подполковник возразил:

— На войне порой приходится отступать. Мы вынуждены были считаться с такой возможностью.

— Вы называете войной вероломную бомбардировку мирного гражданского корабля?

На лице пленного появилось оскорбленное выражение.

— Прошу вас, друг мой! Зачем искажать факты? Ведь это вы напали на нас без предупреждения. Если бы мне не посчастливилось оказаться в тот момент в скафандре, я был бы уже мертв. Хочу заверить вас: я ничего не знал о том, что вы готовите удар. Что же до ваших слов, будто «Галилей» — мирный гражданский корабль, то я нахожу весьма удивительным, что вы сумели разбомбить нашу базу, не имея на борту ничего серьезнее мухобойки. Вы, американцы, удивляете меня. Вы всегда готовы обвинить других в том, что делаете сами.

Услышав такое наглое заявление, Каргрейвз едва не задохнулся от ярости. На лице Росса появилось выра-

жение крайнего отвращения. Он уже открыл рот, но доктор знаком велел ему молчать.

— В ваших последних словах, — сказал он, — больше лжи, полуправды и подтасованных фактов, чем во всем том, что вы соблаговолили изречь до сих пор. Правда такова: «Галилей» не бомбил вашу базу; от нашего корабля остались лишь обломки. Но ваши люди оказались слишком беспечны. Мы захватили вашу ракету и сбросили на базу вашу же бомбу...

— Идиоты!

— Согласен с вами. Далее: вы утверждаете, что мы напали без предупреждения. Опять ложь: вы были предупреждены в достаточной мере и даже более того. Вы ударили первыми. И с вашей стороны было крайней наивностью считать, что мы не ответим вам.

Фон Гартвик хотел было что-то сказать.

— Молчать! — отрывисто произнес доктор. — Мне надоело выслушивать вашу брехню. Объясните мне, откуда у вас американский корабль. Расскажите подробно.

— Ах это! Мы купили его.

— Не валяйте дурака.

— Ничего подобного. Нет, конечно, мы не являлись на военный завод и не попросили упаковать корабль и послать его по нашему адресу. Он был приобретен через третьи руки, но как бы то ни было наши друзья сумели доставить то, что нам нужно.

Каргрейвз ненадолго задумался. Такое было вполне возможно. Он смутно припоминал, что в газетах мелькали сообщения о постройке двенадцати кораблей класса «Вотан». Газеты подавали это событие как доказательство того, что страна полностью оправилась от войны и восстановила свою экономику.

Интересно, подумал доктор, все ли двенадцать кораблей служат тем целям, для которых они предназначались?

— Это обычное заблуждение американцев, — продолжал фон Гартвик. — Вы полагаете, что весь мир разделяет вашу святую веру в прогнившую демократию. Чепуха! У нас друзья повсюду. В Вашингтоне, Лондоне, даже в Москве. Повсюду. Вот еще одна причина неизбежности нашей победы.

— Может быть, даже Нью-Мексико?

Фон Гартвик рассмеялся.

— Буду откровенен с вами, мой друг, я с наслаждением читал ежедневные донесения. Поначалу мы рассчитывали застрашать вас, но потом поступило сообщение о вашем успехе. Вам крупно повезло, что вы убрались отсюда так быстро, мой дорогой друг.

— Перестаньте называть меня «дорогой друг», — с раздражением произнес Каргрейвз. — Мне это уже надоело.

— Очень хорошо, мой дорогой капитан. — Каргрейвз пропустил замечание немца мимо ушей. Его беспокоило затянувшееся отсутствие Морри и Арта. Неужели кто-то еще из бандитов остался в живых?

Он уже начинал подумывать о том, чтобы связать подполковника и оставить его на корабле, а самому отправиться на поиски, когда шлюз распахнулся и в ракету вошли мальчишки, ведя перед собой первого пленника.

— Он сопротивлялся и не хотел идти, дядя, — объяснил Арт. — Нам пришлось уговаривать его, — он хихикнул, — Похоже, он не доверяет нам.

— Хорошо. Снимайте скафандры.

Сержант-техник, казалось, вконец растерялся, увидев в рубке фон Гартвика. Он поспешно стянул с головы шлем и, откинув его на спину, сказал по-немецки:

— Герр оберст, я не виноват. Я...

— Молчать! — рявкнул подполковник, тоже по-немецки. — Ты рассказал что-нибудь этим собачьим свиньям об управлении кораблем?

— Нет, нет, герр оберст — клянусь!

— Тогда продолжай изображать дурака, иначе я вырву сердце из твоей груди!

Каргрейвз с непроницаемым лицом выслушал короткую перепалку, но Арт не выдержал:

— Дядя, — вскричал он, — вы слышали? Вы слышали, что он приказал сержанту?

Фон Гартвик посмотрел сначала на мальчика, потом на доктора.

— Так вы понимаете по-немецки? — тихо спросил он.

— Боюсь, что так.

Когда Морри и Арт вводили в корабль пленника, Росс опустил свою винтовку. Каргрейвз давным-давно сунул свой пистолет в кобуру.

Фон Гартвик переводил взгляд с одного на другого. Морри и Арт были вооружены, первый — винтовкой, второй — револьвером, но оба держали под прицелом сержанта. Фон Гартвик рванулся к Каргрейвзу и выхватил у него из-за пояса пистолет.

Он сразу же нажал на курок. Секунду спустя Каргрейвз подскочил к нему и попытался схватить немца за руки.

Фон Гартвик ударил доктора пистолетом по голове и обхватил его поперек туловища.

Сержант схватился за грудь, издал булькающий звук и осел на пол. На него никто даже не посмотрел. Юноши замерли от неожиданности, но уже секунду спустя оправились от испуга и, повернувшись, приготовились стрелять в подполковника, — так, чтобы не задеть при этом доктора. Каргрейвз, получив удар по голове, потерял сознание и повис на руках немца. Тот с легкостью приподнял тридцать фунтов лунного веса одной рукой.

— Стоять! — кричал он.

Его слова не возымели бы никакого действия, если бы юноши не увидели, что он приставил дуло пистолета к голове доктора.

— Спокойно, джентльмены, — быстро проговорил фон Гартвик, — я не собираюсь причинять вред вашему капитану и не сделаю этого, если вы меня не принудите. Мне очень жаль, что пришлось ударить его, я поступил так лишь потому, что он напал на меня.

— Не стрелять! — скомандовал Морри.

— Весьма разумно, — похвалил немец, — я сам не хочу стрелять ни в вашего капитана, ни в вас. Я только стремился заткнуть рот ему, — кивком головы он указал на лежащего пилота.

Морри бросил взгляд на бездыханное тело.

— Зачем?

— Он оказался безвольным глупцом. Он мог рассказать все, о чем бы вы его ни спросили, — подполковник на секунду умолк и вдруг заявил: — А теперь я

вновь ваш пленник, — он выпустил из руки пистолет, и тот со стуком упал на пол.

— Уберите дока с линии огня, — прошипел Росс, — я боюсь попасть в него.

— Спокойно! — прогремел Морри. — Арт, подними пистолет. Росс, возьми дока!

— О чем ты говоришь? — возразил Росс. — Это же убийца. Его необходимо прикончить на месте.

— Нет!

— Почему?

— Потому, что док был бы против! Такой довод тебя устраивает? Не стрелять! Это приказ, Росс! Позаботься о доке. Арт, свяжи его, и покрепче.

— Еще бы! — пообещал Арт.

Подполковник не сопротивлялся, и Морри счел возможным помочь Россу.

— Что с ним? — спросил он, склоняясь над Каргрейвзом.

— Похоже, дела не так уж плохи. Сейчас посмотрим, я только сотру с него кровь.

— Бинты и все такое прочее, — сказал Гартвик таким голосом, будто связывали не его, а кого-то другого, — лежат в аптечке на пульте управления в рубке.

— Сходи за бинтами, Росс, — велел Морри. — А я присмотрю за ним. Если он умрет, — заявил он Гартвику, — то вам придется несладко. Мы выкинем вас наружу без скафандра. Застрелить вас было бы слишком милосердно.

— Он не умрет. Я ударил его не так сильно.

— Молите Бога, чтобы док остался жив. Вы переживете его не более чем на пару минут.

Фон Гартвик пожал плечами.

— Что толку угрожать мне? Мы все здесь практически мертвецы. Неужели вы этого не понимаете?

Морри испытующе посмотрел на него.

— Ты закончил, Арт? Уверен, что связал его достаточно надежно?

— Он удушит себя, если будет трепыхаться.

— Отлично. Так вот, — Морри вновь обратился к немцу, — может быть, вы и мертвы. Тут судить не мне. Но мы — нет. Мы отправимся на Землю на вашем

корабле. Если будете хорошо себя вести, то мы прихватим с собой и вас.

Фон Гартвик рассмеялся.

— Мне очень жаль разочаровывать вас, мой мальчик, но никто из нас на Землю не вернется. Именно потому я и убил своего пилота.

Морри отвернулся, внезапно вспомнив, что никто даже не удосужился проверить, насколько серьезно ранен сержант. Короткий осмотр убедил его в том, что пилот мертв: пуля пронзила ему сердце.

— Пускай он погиб, — сказал Морри, — зато у нас есть вы. И вы расскажете нам все, или же я отрежу вам уши и вас же ими накормлю.

— Какие кровожадные замыслы, — улыбнулся Гартвик. — Но это вам не поможет. Видите ли, от меня вы ничего не добьетесь: я ведь не пилот.

Арт внимательно посмотрел на пленного.

— Он врёт, Морри.

— Нет, — возразил немец. — Не вру. Попробуйте отрезать мои уши, и убедитесь сами. Нет, ребята, мы останемся здесь надолго — до тех пор, пока не сгнием. Хайль фюрер!

— Спокойно, Арт. Не трогай его, — предупредил Морри. — Доку это не понравится.

Глава 18

«У НАС СЛИШКОМ МАЛО ВРЕМЕНИ»

Каргрейвз быстро очнулся и громко ругался, пока Росс обрабатывал его голову антисептиком.

— Спокойнее, док.

— Я спокоен. Не обращай внимания.

Перевязывая доктора, Росс вкратце изложил ему последние события.

— Этот подонок считает, что ему удалось обвести нас вокруг пальца, — закончил Росс. — Он полагает, что без посторонней помощи нам не удастся справиться с кораблем.

— Может быть, он прав, — признал Каргрейвз. — До сих пор нам это не удалось. Ну, мы еще посмотрим. Бросьте его в трюм, и попытаемся снова. Морри, ты поступил правильно, не дав застрелить его.

— Я подумал, что вы не стали бы убивать его, пока не вытянули из него все, что он знает.

Каргрейвз лукаво улыбнулся.

— Полагаю, это была не единственная причина?

— Ээ...пустяки! — Морри смутился. — Понимаете, как только он бросил оружие, я уже не мог просто взять и выстрелить. Обычная нацистская хитрость.

Каргрейвз одобрительно кивнул.

— Ты прав. Вот одна из причин, по которой они считают нас слюнтяями. Но мы приготовим ему сюрприз, — доктор встал, повернулся к Гартвику и пнул его ногой. — Слушай, ты! Если смогу, я возьму тебя на Землю, чтобы тебя судили там. Если же нет, мы будем судить тебя прямо здесь.

Фон Гартвик вздернул брови.

— За то, что я воевал против вас? Ах, какие справедливые американцы!

— Нет, не за войну. Войны никакой и не было. Третий Рейх прекратил свое существование весной 1945 года, и сейчас между Германией и США заключен мир, независимо от того, сколько мерзавцев и бандитов избежали возмездия. Ты, жалкий супермен, будешь осужден за убийство своего же товарища, бедняги, который лежит рядом с тобой. — Каргрейвз отвернулся. — Мальчики, несите его в трюм. Давай, Росс.

Три часа спустя Каргрейвз признался сам себе, что Гартвик был прав, утверждая, будто посторонние не смогут управлять кораблем. На подлокотниках пилотских кресел имелись ручки неизвестного назначения. Было ясно, что это рычаги управления, но как их ни поворачивали и ни нажимали, корабль оставался мертв. Двигательная установка располагалась за сплошной заваренной переборкой толщиной в несколько дюймов, если судить по раздававшемуся при постукивании по ней звуку.

Каргрейвз сомневался, что сумеет разрезать ее даже автогеном. В любом случае это было нежелательно: попытка разгадать тайны корабля хирургическим путем могла бы привести к уничтожению оборудования.

Разумнее всего было предположить, что где-нибудь на корабле имеется инструкция. Они долго искали ее, открывая всевозможные дверцы, проползая в самые укромные закоулки и сдвигая с места все предметы, какие только могли двигаться. Однако инструкции нигде не оказалось.

При осмотре обнаружилось еще одно странное обстоятельство. На корабле не было съестных припасов. А между тем желудки все настоятельнее требовали пищи.

— Все, хватит, — объявил доктор, убедившись в бесполезности дальнейших поисков. — Давайте еще разок осмотрим базу. Наверняка мы все там найдем. Ты со мной, Морри. Мы притащим оттуда ящики с провизией.

— А я? Возьмите и меня! — воскликнул Арт. — Фотографии! Жилище селенитов!

Каргрейвз искренне позавидовал его юношеской беззаботности.

— Ну хорошо, — согласился он. — Где же твой фотоаппарат?

Лицо Арта помрачнело.

— Остался в «конуре», — сообщил он.

— Тогда, полагаю, с фотографиями придется подождать. Но ты все равно пойдешь с нами. На базе имеется радиооборудование, которое ты сможешь отремонтировать и включить. Может быть, связавшись с Землей, мы упростим нашу задачу.

— Почему бы не пойти всем вместе? — спросил Росс. — В конце концов, руины открыл я, так что имею право взглянуть на них.

— Прости, Росс, но тебе придется остаться и приглядывать за нашим приятелем. Он может знать о корабле гораздо больше, чем говорит. Будет очень неприятно, если мы вернемся и обнаружим, что корабль исчез. Следи за ним в оба. Скажи ему, что если он хотя бы дернется, ты разобьешь ему физиономию в кровь. Кстати, при необходимости можешь так и поступить.

— Хорошо, надеюсь, он будет паинькой. Вы надолго?

— Если ничего не найдем, через два часа вернемся.

Сперва Каргрейвз обыскал офицерскую столовую, так как та представлялась ему наиболее подходящим местом для хранения инструкций. Но никаких документов там не оказалось, и Каргрейвз обнаружил лишь, что в отношении книг и картин многие из бывших обитателей базы страдали отсутствием вкуса. Затем он вернулся в спальню, которая по-прежнему являла собой отталкивающее зрелище, но теперь он знал, к чему готовиться, и все обошлось. Арта он отправил в радиорубку, а Морису поручил проверить остальные помещения. Он

решил, что мальчикам ни к чему видеть гору окровавленных трупов.

В спальне не оказалось ничего интересного. Выйдя оттуда, доктор услышал в наушниках голос Арта:

— Дядя, посмотрите, что я нашел!

— Что такое? — спросил он. В наушниках тут же раздался голос Морри:

— Ты нашел инструкцию, Арт?

— Нет, но посмотрите!

Все трое собрались в центральном зале. Арт отыскал граффлексовский фотоаппарат, снабженный вспышкой.

— Возле радиорубки у них настоящая фотолаборатория, там то я его и нашел. Что скажете, дядя? Как насчет снимков?

— Хорошо, хорошо. Морри, идите вместе: возможно, это ваш последний шанс увидеть руины. Даю вам тридцать минут. Не заходите слишком далеко и не сверните шеи. Никакого безрассудства, и чтобы вернулись вовремя. Иначе я приду за вами с винтовкой в руках.

Он с завистью посмотрел на мальчиков, испытывая немалый соблазн отправиться вместе с ними. Эх, если бы на его плечах не лежала эта чертова ответственность...

Но что тут поделаешь — доктор заставил себя вернуться к скучным поискам. Сплошное невезение. Даже если и была здесь инструкция, доктору в конце концов пришлось признать, что отыскать ее вряд ли удастся. Тем не менее, когда мальчики вернулись, он еще продолжал поиски.

Посмотрев на часы, он сказал:

— Сорок минут. Вы пунктуальнее, чем я ожидал. Я уже собирался идти разыскивать вас. Ну, что нашли? Снимки сделали?

— Снимки? О, не то слово!

— Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного, док! — возбужденно заговорил Морри. — Там целый город! Он простирается все дальше вглубь. Залы со сводчатыми потолками в сотни футов шириной, коридоры, идущие во всех направлениях, комнаты, балконы... нет, я даже не могу этого описать!

— Тогда и не пытайся. Когда вернемся на корабль, сядь и запиши все на бумаге.

— Док! Это настоящая фантастика!

— Не сомневаюсь. Так много всего... попросту не укладывается в голове. Арт, что ты нашел в радиорубке? Можно отсюда установить связь с Землей?

— Трудно сказать, дядя, но аппаратура не произвела на меня особого впечатления.

— Уверен? Насколько нам известно, они держали связь с Землей — во всяком случае, наш приятель говорил что-то подобное.

Арт покачал головой.

— Лучше сказать, что они принимали передачи с Земли. Я нашел приемник, но не смог его испытать, так как для этого нужно засунуть наушники в шлем. Но я так и не понял, как они могли посылать радиogramмы на Землю.

— Неужели? Им была нужна двусторонняя связь.

— Может быть, и нужна, но они не решились бы на такое. Из их секретной земной базы можно было послать направленный пучок: это безопасно, поскольку никто, кроме них, его бы не принял. Но если бы они попытались выйти на связь отсюда, им не удалось бы направить луч точно в требуемое место. На таком расстоянии пучок расширяется и покрывает довольно обширный район — не меньше, чем обычная радиовещательная станция.

— Ага, — сказал доктор. — Я начинаю понимать. Один-ноль в твою пользу, Арт. Мне следовало сообразить с самого начала. Какой бы код они ни придумали, сигнал, пришедший со стороны Луны, раскрыл бы их карты.

— Вот-вот.

— Как ни крути, ты прав. Жаль: у меня оставалась последняя надежда — связаться с Землей. Морри, ты нашел провиант, который можно было бы взять с собой?

— И даже упаковал.

Они последовали за ним на камбуз, где Морри уже уложил консервы в три коробки. Банок было столько, что они втроем еле-еле могли унести. Нагрузившись, Морри спросил:

— Сколько здесь было людей, док?

— Я насчитал сорок семь трупов — не считая застреленного Гартвиком. А что?

— Мне пришла в голову забавная мысль. Поскольку я заправляю кухней, то приобрел кое-какой опыт и рассчитал их потребности в питании. Для такого количества людей тут не хватило бы пищи даже на две недели. И знаете, что я думаю?

— Ммм...да, Морри, ты, похоже, заметил очень важную вещь. Неудивительно, что Гартвик держится так уверенно. Это не хорошая мина при плохой игре. Он действительно уверен, что его спасут.

— О чем вы, дядя? — спросил Арт.

— В любой момент сюда может прибыть транспортный корабль.

Арт присвистнул.

— Он надеется застать нас врасплох.

— Его надежды чуть было не оправдались. Но теперь мы готовы, — Каргрейвз опустил на пол свой ящик. — Пойдемте-ка.

— Куда?

— Я кое-что вспомнил, — обыскивая офицерское помещение, доктор перевернул целую кучу инструкций, книг, записей и прочих бумаг. Он просмотрел их мельком, убеждаясь лишь, что они не содержат сведений о том, как управляется «Вотан». Среди бумаг имелся журнал дежурного офицера. Помимо всего прочего, там были указаны координаты земной базы нацистов; Каргрейвз надеялся подробнее ознакомиться с журналом позднее. Теперь возникла необходимость сделать это немедленно.

Изучение журнала заняло немало времени. Там с тевтонской аккуратностью описывался почти трехмесячный период существования базы. Каргрейвз пробежал взглядом по страницам, Арт читал, заглядывая через его плечо. Морри с нетерпением ждал и, наконец, напомнил, что обещанные Россу два часа на исходе.

— Двигай вперед, — ответил с отсутствующим видом Каргрейвз. — Захвати коробку с консервами, и начинайте готовить обед, — и вновь уткнулся в журнал.

Вскоре он обнаружил список нацистской команды. Фон Гартвик был старшим офицером. Это убедило Каргрейвза в том, что пленник лгал, утверждая, что не умеет управлять кораблем. Разумеется, его звание не служило доказательством, но, во всяком случае, гово-

рило о многом. Впрочем, от Гартвика нельзя было ожидать ничего, кроме лжи.

Доктор начал искать то, за чем они сюда пришли. Корабли снабжения прибывали ежемесячно. Если расписание выдерживалось достаточно строго — а запасы продовольствия свидетельствовали о том более-менее веско, — то очередной транспорт мог прибыть в ближайшие шесть-семь дней.

Дойдя до конца записей, доктор обнаружил еще более важную подробность: у заговорщиков имелась вторая ракета. Ясно было, что «Вотан» не собирается отбывать на Землю за припасами: если расписание выполнялось, он взлетел бы с Луны только после посадки другого транспортника. Когда «Вотан» улетел бы, тот, другой корабль стал бы под разгрузку. Таким образом, персонал лунной базы никогда не оставался без средств эвакуации — по крайней мере Каргрейвз представлял себе ситуацию именно так.

Доктор установил, что у нацистов две ракеты: «Вотан» и «Тор». Второй корабль должен был прибыть на Луну на следующей неделе, следовательно, он стартует с Земли дней через пять. Время перелета составляло, если верить журналу, сорок шесть часов. «Быстро летают!» — подумал доктор.

Если «Тор» стартует, будет поздно что-либо предпринимать, поздно передавать предупреждение. Наци, очевидно, уже знали, что секрет космических перелетов раскрыт; в журнале несколько раз упоминался «Галилей», причем последняя запись о нем гласила, что его местоположение на Луне уже определено. Они могли ударить в самое ближайшее время.

Перед мысленным взором Каргрейвза появились длинные ряды атомных боеголовок, лежавших на стеллажах в соседней пещере. Он представил себе, как они обрушиваются на беззащитные земные города...

Собирать мощный передатчик было некогда. Настало время чрезвычайных действий.

Он боялся только, что опоздал.

Глава 19

КТО КОГО

— Суп готов! — приветствовал Каргрейвза Морри, когда тот поспешно вошел в корабль. Стягивая с себя скафандр, доктор ответил:

— На суп нет времени. Дай мне пару сандвичей.

Морри выполнил его просьбу. Росс спросил:

— Из-за чего такая спешка?

— Мне нужно немедленно переговорить с пленником, — доктор двинулся было прочь, но потом остановился. — Нет, подождите. Идите сюда, парни, — он выстроил их в ряд, словно футбольную команду. — Я хочу кое-что попробовать, — они пошептались, и доктор скомандовал: — А теперь сыграем. Я оставляю дверь открытой.

Он прошел в трюм и ткнул фон Гартвика носком ботинка.

— Подъем! — Каргрейвз откусил сандвич.

— Я не сплю, — пленник с трудом повернул голову, потому что его уложили лицом вниз, стянув веревкой запястья за спиной.

— А, еда! — обрадованно сказал он. — А я уже начал спрашивать себя, вспомните ли вы о правилах обращения с пленными.

— Это не для вас, — сообщил ему доктор. — Оба сандвича я взял себе. Вам они не понадобятся.

Фон Гартвик заинтересованно и без всякого испуга посмотрел ему в лицо.

— Вы так полагаете?

— Еще бы, — ответил Каргрейвз, вытирая рот. — Я собирался доставить вас для суда на Землю, но теперь вижу, что нам некогда с вами возиться. Я буду судить вас лично и немедленно.

Связанный Гартвик пожал плечами.

— Вы можете делать все, что вам заблагорассудится. Не сомневаюсь, что вы собираетесь убить меня, но только, пожалуйста, не разыгрывайте из себя судью. Вы ведь намерены меня линчевать, верно? Будьте честны хотя бы перед собой. Во-первых, я вел себя совершенно корректно. Да, мне пришлось убить одного из своих людей, но это была мера, необходимая во время военных действий...

— Это было убийство, — прервал его доктор.

— ...во имя безопасности Рейха, — не торопясь продолжал немец, — и вас оно никаким образом не касается. Я нахожусь на своем собственном корабле, который не подпадает под юрисдикцию и законы вашей прогнившей демократии. Что же касается бомбардировки вашего корабля, то, как я уже объяснил...

— Молчать! — рявкнул Каргрейвз. — Я предоставляю вам возможность высказаться позже. Итак, заседание суда открыто. Специально для вас повторяю: планета находится под юрисдикцией ООН. Мы официально вступили во владение и основали здесь постоянную базу. На основании чего...

— Поздновато, мой дорогой Колумб. Новый Рейх захватил эту планету три месяца назад.

— Я же сказал: молчать! Вы находитесь в суде. Еще один звук — и мы сделаем так, что вы не сможете произнести ни слова. Я капитан судна, зарегистрированного по всем законам ООН, и моей обязанностью является надзор за соблюдением этих законов. Ваши притязания необоснованны. Никакого Нового Рейха не существует, так что он не может ничего захватывать. Таким образом, вы и ваши сообщники не представляете никакой нации; вы — обычные гангстеры. Мы не обязаны принимать во внимание ваши выдумки. Морри! Принеси еще сандвичей!

— Иду, капитан!

— Как капитан «Галилея», — продолжал Каргрейвз, — я представляю правительство своего государства. Поскольку я не имею возможности доставить вас для суда на Землю, то вершу суд лично. Вам предъявляются два обвинения: убийство при отягчающих обстоятельствах и пиратство.

— Пиратство? Мой дорогой друг...

— Да, пиратство. Вы напали на судно, зарегистрированное в ООН. По вашим собственным словам, вы участвовали в этом — неважно, отдавая приказы или нет. Все члены пиратской банды виновны в равной мере. Таково одно из обвинений. Другое — убийство. Спасибо за сэндвичи, Морри... Откуда у тебя свежий хлеб?

— Консервированный.

— Восхищаюсь нацистской предусмотрительностью... Я долго колебался, в чем вас обвинить — в убийстве умышленном или неумышленном. Но вам пришлось вырвать у меня оружие прежде, чем вы смогли застрелить вашего солдата. А значит, вы совершили предумышленный поступок. Итак, вы обвиняетесь в пиратстве и умышленном убийстве. Признаете свою вину?

Поколебавшись, фон Гартвик ответил:

— Я не признаю себя подпадающим под юрисдикцию вашего так называемого суда и не собираюсь оправдываться. Даже если я соглашусь, чего вовсе не собираюсь делать, что нахожусь на территории ООН, то все равно вы не обладаете судебными полномочиями.

— Капитан корабля в чрезвычайных обстоятельствах имеет весьма широкие полномочия. При случае можете убедиться в этом сами. Почитайте корабельный устав.

Фон Гартвик вскинул брови.

— Из вашего якобы шуточного замечания следует, что вы готовы осудить меня еще до начала разбирательства.

Каргрейвз продолжал жевать.

— В некотором смысле, да, — признался он. — Я с удовольствием передал бы вас присяжным, но обойдемся и без них. Видите ли, нам не требуется доказывать что-либо, поскольку факты налицо. Мы все присутствовали при совершении преступлений. Единственный вопрос состоит в следующем: что вам полагается по закону? Только по этому вопросу вы имеете право высказаться — если, конечно, хотите.

— Чего ради? Вы, ублюдочная мешанина наций, гордитесь своими равноправием и законностью, но их у вас нет и в помине. Вы стоите передо мной, и руки ваши обогреты кровью моих товарищей, которых вы хладнокровно убили, не дав им ни малейшего шанса на спасение, и вы смеете обвинять меня в убийстве и пиратстве!

— Снова вы за свое, — вздохнул Каргрейвз. — По законам свободного мира между неспровоцированным нападением и ответным действием для самозащиты имеется огромная разница. Если в темной аллее на вас нападет грабитель, вам не требуется решения суда и ордера, чтобы прибегнуть к самозащите. Давайте дальше. Выкладывайте свои липовые оправдания.

Немец молчал.

— Ну, давайте! — настаивал Каргрейвз. — У вас есть возможность оправдаться, сославшись на невменяемость, и даже выдвинуть встречное обвинение. Я всегда считал, что люди с замашками сверхчеловеков — сумасшедшие. Можете убедить меня в том, что вы сумасшедший даже в правовом аспекте.

В первый раз за все время уверенность пленника в собственном превосходстве слегка поколебалась. Он побагровел и, кажется, готов был взорваться, однако взял себя в руки и произнес:

— Хватит болтовни. Делайте что хотите и кончайте свою игру.

— Заверяю вас: я не шучу. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Я не стану говорить!

— Я признаю вас виновным в обоих преступлениях. Желаете ли сказать что-либо перед вынесением приговора?

Обвиняемый не потрудился ответить.

— Отлично. Приговариваю вас к смерти.

Арт резко, с шумом вдохнул воздух и, с широко раскрытыми глазами отступил в дверной проем, где уже стояли Морри и Росс. Никакой другой звук не нарушил немой тишины.

— Имеете ли вы что-нибудь сказать прежде, чем мы приступим к исполнению приговора?

Фон Гартвик отвернулся.

— Я ни в чем не раскаиваюсь. По крайней мере, я умру быстро и безболезненно. Вам же, четырем свинь-

ям, приходится рассчитывать только на долгую, мучительную смерть.

— О, — сказал Каргрейвз, — я хочу кое-что разъяснить. Мы не погибнем.

— Вы так полагаете? — в голосе Гартвика слышалось нескрываемое торжество.

— Я уверен в этом. Видите ли, через шесть-семь дней прибывает «Тор»...

— Что? Откуда вы узнали? — пленника словно обухом ударили. Потом он прошептал: — Неважно... вас всего четверо... но теперь я понимаю, почему вы так спешите убить меня. Вы боитесь, что я ускользну из ваших рук.

— Вовсе нет, — возразил Каргрейвз. — Вы не понимаете. Если бы в том был какой-то смысл, я доставил бы вас на Землю, где вы предстали бы перед более высоким судом. Я сделал бы это не ради вас — вы виновны, словно смертный грех, — а ради самого себя. Но, как бы то ни было, я счел это невозможным. До прибытия «Тора» мы будем очень заняты, и я смогу быть уверенным, что вы не убежите, только если кто-то из нас будет постоянно охранять вас. Такого я позволить не могу; но я также не намерен дать вам ни малейшего шанса избежать наказания. Тут нет даже помещения, в котором вас можно запереть. Я собирался слить топливо из баков «джипа» и посадить вас туда, чтобы вы были надежно изолированы, пока мы работаем. Но теперь, поскольку мы ожидаем прибытия «Тора», нам потребуется и маленькая ракета.

Фон Гартвик мрачно ухмыльнулся.

— Думаете, вам удастся удрать? Черта с два, на этом корабле вам не добраться до Земли. Неужели вы до сих пор ничего не поняли?

— Это вы ничего не поняли. Успокойтесь и дайте мне объяснить. Мы собираемся загрузить «джип» бомбами — такими же, какими вы уничтожили «Галилей», и взорвать склад с вашими атомными ракетами. Как нам ни жаль разрушать дело рук местных жителей. Затем мы взорвем «Вотан».

— «Вотан»? Зачем? — фон Гартвик внезапно оживился.

— Чтобы знать наверняка, что он больше не сможет вернуться на Землю. Мы им управлять не умеем; я хочу сделать так, чтобы им не воспользовался кто-либо другой. Затем взорвем «Тор».

— «Тор»? Вы не можете взорвать «Тор»!

— Почему же? Конечно, можем — точно так же, как вы взорвали «Галилей». Но даже если кто-то из экипажа уцелеет, у них не будет ни малейшего шанса захватить «Вотан» — он погибнет первым. Вот почему вы должны умереть. Уничтожив «Вотан», мы укроемся на нашей базе — о ее существовании вы даже не догадывались, верно? — но там, к сожалению, только одна комната, для пленного места нет. Как уже было сказано, я намеревался держать вас в «джипе», но он потребуется для того, чтобы взорвать «Тор». Это все меняет. В ожидании прибытия «Тора» там постоянно будет находиться наш пилот. А вы — явно лишний. Так что извините, — закончил, улыбаясь, Каргрейвз. — Мы все верно рассчитали? — добавил он.

Фон Гартвик начал проявлять признаки волнения.

— Может быть, у вас и получится...

— Обязательно получится!

— Даже если и так, вы все равно погибнете. Мне суждена быстрая смерть, вам — долгая и мучительная. Взорвав «Тор», вы теряете последний шанс. Подумайте, — продолжал немец. — Смерть от голода, удушья, холода. Давайте заключим пакт. Вы меня развяжете, и я сообщу вам свой пароль. Когда придет «Тор», я замолвлю за вас словечко...

Каргрейвз прервал его взмахом руки.

— Слово фашиста! Чего оно стоит? Приберегите свое вранье для вашей бабушки! Ваша тупая башка не в силах сообразить, что у нас на руках все козыри. Покончив с вами, мы возьмемся за ваших приятелей; затем мы спокойно устроимся в теплой базе с большими запасами воздуха и пищи и будем сидеть до тех пор, пока не подоспеет помощь. Мы даже не будем одиноки: когда вы запеленговали нас, мы как раз испытывали передатчик для связи с Землей. Мы...

— Врете! — закричал Гартвик. — Никто вам на помощь не придет. Нам известно, что ваш корабль был единственным; мы обладали полной информацией!

— Был единственным, — сладко улыбнулся Каргрейвз. — Но в соответствии с устаревшими дурацкими законами прогнившей демократии, которую вам не понять, все чертежи, расчеты и записи, касающиеся постройки корабля, были переданы ученым для тщательного изучения в ту самую минуту, когда мы стартовали. Совсем скоро сюда прибудет наш второй корабль. Кстати, мне очень жаль разочаровывать вас кое в чем еще. Ваша смерть не будет легкой и приятной, как вы надеялись до сих пор.

— Что вы имеете в виду?

— Я не собираюсь забрызгивать корабль кровью, расстреливая вас. Я...

— Подождите. Умиравший имеет право на последнее желание. Оставьте меня здесь. Я хочу умереть на борту своего корабля.

Каргрейвз откровенно рассмеялся ему в лицо.

— Ах, как прекрасно, как трогательно! И позволить вам улететь на нем! Черта с два!

— Я не пилот, поверьте мне!

— О, я верю! Я не усомнился бы в искренности умирающего человека, но рисковать не хочу. Росс!

— Да, сэр!

— Возьми его и выкинь за борт!

— С удовольствием!

— Вот и все, — до сих пор доктор сидел на корточках, теперь он поднялся на ноги и отряхнул с ладоней крошки. — Я даже не сниму с вас веревки, чтобы вы умирали в удобной позе. Вы просто шлепнетесь в песок. Надеюсь, агония не затянется, — деловито продолжал он. — Мне кажется, вы будете чувствовать себя как утопающий. Семь-восемь минут — и конец, если только разрыв сердца и легких не прикончит вас еще раньше.

— Свинья!

— Для вас — капитан Свинья.

Росс тщательно застегнул скафандр.

— Так я приступаю?

— Давай. Хотя, впрочем, я передумал. Сделаю это сам. Меня еще, пожалуй, упрекнул в том, что я превратил молодого человека в палача. Морри! Принеси мой скафандр!

Пока ему помогали надевать снаряжение, доктор весело насвистывал. Продолжая насвистывать, он схватил пленного, словно кучу тряпья, за веревку, стягивавшую его локти и запястья, и быстрым шагом двинулся к шлюзу. Остановившись, положил пленника перед собой и помахал мальчикам рукой.

— Я скоро вернусь! — он открыл внутренний люк.

Едва воздух начал со свистом вырываться наружу, фон Гартвик стал задыхаться. Каргрейвз улыбнулся.

— Неприятное ощущение, не так ли?

Чтобы его было слышно сквозь шлем, доктору приходилось кричать.

— Вы что-то сказали?

Немец открыл рот, задохнулся и закашлялся. На его губах, стекая на подбородок, пузырилась пена.

— Говорите громче! — крикнул Каргрейвз. — Я не слышу вас!

Воздух со свистом вылетал наружу.

— Я пилот!

— Что-что?

— Я пилот. Могу научить вас...

Каргрейвз потянулся к воздушному клапану и перекрыл его.

— Сквозь этот шум ничего не слышно. Что вы сказали?

— Я — пилот! — выдохнул фон Гартвик.

— Да? И что из того?

— Воздух. Дайте мне воздуха.

— Здесь его еще много. Я слышу, что вы говорите. Должно быть, в шлюзе осталось четыре-пять фунтов воздуха.

— Дайте мне воздуха! Я расскажу вам, как работает корабль.

— Сначала расскажите, а уж потом... — доктор вновь потянулся к клапану.

— Подождите! Там есть маленькая кнопка — позади панели... — немец запнулся, тяжело дыша, — ...панели управления. Сверху. Аварийный выключатель. Вы его не могли заметить, он похож на деталь крепления. Нажмите кнопку, — он вновь умолк, задыхаясь.

— Я думаю, вам лучше показать самому, — строгим голосом произнес доктор. — Если только вы опять

не солгали, у меня появится возможность доставить вас для суда на Землю. Хотя вы этого и не заслуживаете.

Он протянул руку и повернул впускной клапан. В шлюз начал поступать воздух.

Десять минут спустя Каргрейвз уселся в левое пилотское кресло и пристегнулся ремнем. Место справа занял фон Гартвик. В левой руке Каргрейвз держал пистолет, ствол которого положил на сгиб правого локтя, чтобы постоянно держать немца под прицелом.

— Морри! Вы готовы?

— Готовы, капитан! — голос Морри был еле слышен за ревом запускаемого двигателя. Мальчикам пришлось занять противоперегрузочные кресла в пассажирском салоне. Они согласились с неохотой, особенно Морри, но тут уж ничего нельзя было поделать. В рубке управления во время ускорения могли находиться только двое.

— Все в порядке. Стартуем! — Каргрейвз вновь повернулся к пленному. — Шевелитесь, Свинья! О, простите, подполковник Свинья!

Фон Гартвик упрямо покосился на него.

— Я не верю, что вы и впрямь собирались удушить меня.

Доктор нахмурился и сжал подлокотник кресла.

— Хотите назад, в шлюз?

Пленный отвернулся и уставился прямо перед собой.

— Внимание! — крикнул он по-немецки. — Приготовиться к ускорению! Готов! — и, не дожидаясь ответа, рванул штурвал на себя.

Хотя загрузка ракеты была минимальной, требовалось все же беречь энергию. Каргрейвз велел удерживать ускорение в два «же» в течение пяти минут, а затем переходить в свободный полет. К этому моменту, ускоряясь на 64 фута в секунду за каждую секунду пяти минут, и даже с учетом потери одной шестой части «же» из-за притяжения Луны, они достигли бы скорости примерно двенадцать тысяч миль в час.

Если бы не пришлось тормозить при посадке, они пролетели бы мимо Земли уже через двенадцать часов. Доктор хотел уложиться в сутки.

Когда они перешли в свободный полет, мальчики поднялись в рубку, и Каргрейвз выяснил у пленного точные и полные инструкции по управлению кораблем. Удовлетворившись, он сказал:

— Прекрасно. Росс и Арт, отведите его на корму, привяжите к креслу и пристегнитесь сами. Мы с Морри немножко поупражняемся.

Гартвик заспорил было, но доктор велел ему заткнуться.

— Молчите! Вы не заслужили прощения, мы лишь использовали кое-что из ваших знаний. Вы — преступник, которого мы везем на Землю для суда.

Несколько часов они осваивали корабль, сделав лишь перерыв на обед. Влияние их упражнений на скорость и курс было нулевым: сверяясь с приборами, каждое включение тяги с какой-либо стороны они компенсировали таким же усилием с противоположной. Потом они вздремнули. Им нужен был отдых: они непрерывно бодрствовали на протяжении земных суток с лишним.

Проснувшись, Каргрейвз позвал Арта.

— Нельзя ли связаться с Землей при помощи здешней аппаратуры?

— Я попробую. С кем вы желаете говорить и что хотите сказать?

Каргрейвз задумался. Впереди сиял серп Земли. Фашистская база находилась вне зоны прямой видимости.

— Попробуй вызвать Мельбурн, Австралию, — решил он. — И скажи им вот что...

Арт кивнул. Несколькими минутами позже, освоившись с незнакомым оборудованием, он уже непрерывно повторял:

— Космический корабль «Детройт-Сити» вызывает полицейский патруль ООН Мельбурна... Космический корабль «Детройт-Сити» вызывает полицейский патруль ООН Мельбурна...

Он повторял вызов минут двадцать, пока ему не ответил еле слышный голос:

— Говорит Мельбурн, говорит Мельбурн, вызываем космический корабль «Детройт-Сити». Прием.

Арт сдвинул наушники и беспомощно произнес:

— Может быть, вы поговорите с ними, дядя Дон?

— Давай-давай. Передай им то, что я тебе сказал. Это твой звездный час.

Арт снова вышел на связь с Землей.

Морри осторожно снизился и вывел корабль на круговую орбиту вблизи земной атмосферы. Их скорость по-прежнему составляла около пяти миль в секунду, корабль совершал оборот вокруг планеты за девяносто минут. Затем мальчик плавно снизил скорость и направил корабль вниз. Стабилизаторы «Детройта», бывшего «Вотана», врезались в разреженную стратосферу с леденящим душу тонким визгом.

Они вновь выходили в открытое пространство и входили в атмосферу, с каждым разом все медленнее. Во время второго торможения они поймали сообщение патруля ООН о захвате фашистской базы и «Тора». На следующем витке два передатчика, конкурируя между собой, вели непрерывную передачу новостей из космоса. На третьем поступило сообщение о телекомпании, которая приобрела исключительное право трансляции с места приземления корабля. На четвертом они получили официальный приказ садиться на ракетодром в округе Колумбия.

— Можно мне посадить ракету? — крикнул Морри сквозь визг трущегося об обшивку воздуха.

— Давай, — приободрил его Каргрейвз. — Я уже пожилой человек, мне нужен личный шофер.

Морри кивнул и начал снижение. Они находились где-то в районе Канзаса.

Земля, на которой стоял корабль, показалась им необычайно твердой. Одиннадцать дней — неужели только одиннадцать? — проведенных без земной тяжести, выработали у них новые привычки. Каргрейвз почувствовал, что при ходьбе его слегка покачивает. Он отдраил внутренний люк шлюза и подождал мальчиков. Откинув внутренний, он шагнул к наружному люку и открыл его.

Плотная волна звуков хлынула в уши, и доктор увидел бесчисленное множество устремленных на него глаз. Засверкали фотовспышки. Каргрейвз повернулся к Россу.

— Боже мой! — сказал он. — Какой кошмар! Не хотите ли, парни, что-нибудь сказать в ответ?

Содержание

Космическое семейство Стоун, роман, <i>перевод с английского Н. Виленской</i>	5
Ракетный корабль «Галилей», роман, <i>перевод с английского А. Шарова,</i> <i>Р. Волошина</i>	229

Миры Роберта Хайнлайна кн. 9 / Пер. с англ.—Рига:
Полярис, 1993. — 431с.

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Полное собрание фантастических произведений
в двадцати пяти томах**

Книга девятая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы М. Проворова, К. Королев

Технический редактор К. Козаченко

Корректор Н. Дундина

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзац: А. Кириллов

Оформление шмуцтитлов: Д. Затравкин

Подписано в печать 23.11.93. Формат 84х108/32.

Усл. печ. л. 22,88. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2505. С 022

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 002456 от 23.06.93.

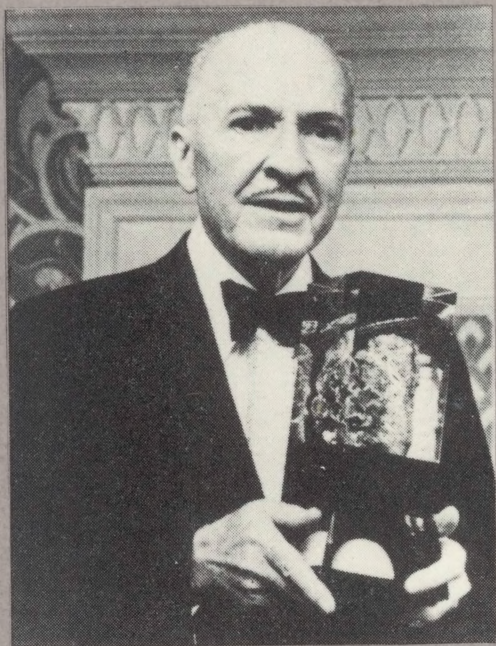
Издательская фирма «Полярис».

Латвийская Республика, LV-1009, Рига, а/я 22.

**Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства
печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POIXIS
publishers